

Дана Арнаутова

ПРОКЛЯТАЯ НЕВЕСТА

Все живое когда-нибудь встретит конец,

Смерть приходит и в хижину, и во дворец.

Но всем золотом мира не купишь мгновенья,

Если кончился срок, что назначил Творец.

ГЛАВА 1. Странный лекарь

— Лекаря! Живо!

Скрипнув зубами, светлейший ир-Дауд попытался привстать и тут же повалился на жесткую степную траву. Подскочив первым, Хазрет ир-Нами, джандар наместника, торопливо сорвал кожаный пояс и захлестнул голень на пол-ладони выше раны, где отвратительно белели осколки кости. Темная кровь струйкой текла на землю, вязко расплываясь на прокаленной до кирпичной твердости глине. Повезло — главная жила цела. Иначе хлестало бы алым и куда сильнее.

— Лекаря светлейшему, ослиные дети! — снова рявкнул Хазрет. — Чистые полотенца, носилки... И вина покрепче!

Рядом бестолково суетился толстяк управитель, обильно потев и бормоча что-то невразумительное. Из его лепета выходило, что лекаря в селении нет, ни человеческого целителя, ни коновала. Вот как в прошлом году старик Мираль отправился к предкам...

— Жалко, что он, а не ты, — процедил Хазрет, осторожно бинтуя рану.

Наместник со свистом втягивал воздух сквозь плотно сжатые зубы. Кто-то, подскочив, протянул флягу, поддержал его за плечи... Издалека закричали, что носилки сейчас будут. Суматоха росла и ширилась, как круги от брошенного в воду камня. Как же, сам светлейший ногу сломал!

— Не найдешь лекаря — готовься на каторгу, — твердо пообещал управителю Хазрет, про себя подумав, что жадному ослу и без того не поздоровится.

Это же надо так запустить крепостную стену! Контрфорс, даром что невысокий, выщерблен, сыплется на глаза. Куда только шли деньги из столицы? Хотя понятно — куда. Стена почти валится, зато дом управителя столичному вельможе под стать.

Обещание возымело действие. Окончательно упавший духом управитель, которому уже мерещились галеры и каменоломни, мгновенно вспомнил, что на постоялом дворе видели бродячего лекаря. Да только можно ли допускать к светлейшему наibu неизвестно кого? Лекарь — чужестранец... Осекся, поймав бешеный взгляд джандара, и убежал, тряся необъятным пузом. Хазрет влил в наместника треть фляги вина, настоящего на маковых головках, и велел паре крепышей-близнецов из ближней стражи перекладывать хозяина на носилки и тащить под крышу, подальше от безжалостного летнего солнца.

Не прошло и половины часа, как наibu стало совсем худо. Он часто и мелко дышал, бледное лицо заострилось, губы тревожно посинели. Несмотря на жару, от которой темнело в глазах, ир-Дауда била дрожь. Джандар молча растирал его ледяные пальцы, кутал хозяина в одеяло и молился Свету, чтоб целитель успел вовремя. Маковое молоко снимает боль, но хватит ли его, когда лекарь начнет править сломанную кость? Да и где тот лекарь? Ох, не миновать управителю каторги — и поделом!

Конечно, и сам ир-Дауд хорош. Не в его годы проверять каждый камешек, прыгая по ним горным козлом. Но что поделать, если воруют? Набивают карманы, не думая, что Степь в любой момент может снова хлынуть на недавно отвоеванные у нее земли. Правильно в Небесном дворце выбрали нового наместника. Ансар ир-Дауд отдал армии тридцать лет из своих сорока шести и знает цену ненадежным крепостным стенам на границе. Такой наиб наведет порядок даже в преисподней. Лишь бы сейчас — помоги, Великая Мать! — обошлось.

Наконец дверь распахнулась. В коридоре за плечом высокого парня в потрепанной одежде мялся управитель. Рявкнув ему, чтоб убирался, Хазрет перевел взгляд на лекаря.

И вправду чужак. Совсем юный, даже усы не пробиваются, а может, и вовсе не растут, поди разбери этих западников. Белокожий, смазливый, как девчонка... Красно-белая повязка целителя на темных волосах новая, ничуть не выгоревшая. И глаза черные, словно у демона Бездны, как их в храмах рисуют. Хазрет возмущенно вдохнул, мысленно соглашаясь с проклятым управителем. Этого — к наibu? Наместнику целой области? В Доме удовольствий ему место, а не у постели благородного и светлейшего ир-Дауда... И

тут же выдохнул, когда рядом послышался тихий хриплый стон.

Чужак несколько ударов сердца молча смотрел на джандара, то ли дерзко, то ли спокойно, не понять — не глаза, а пятна смолы. Потом шагнул в комнату и, мимо начальника охраны, к кровати.

— У тебя знак-то есть, парень? — спохватился Хазрет.

Вместо ответа юнец вытащил из-за ворота полотняной куртки бронзовый кругляш на цепочке, коснулся им губ и показал джандару. Змея, обвивающая солнце, вспыхнула изумрудной зеленью, само солнышко засияло ярко-белым. Целитель высшего посвящения, надо же! Хазрет неохотно посторонился. На сердце все равно было беспокойно. Он что, вчера посвящение прошел? Когда только выучиться успел? Совсем же сопляк. Лет двадцать с небольшим... Еще и чужестранец без роду-племени...

— Кого лечить удостоили, знаешь?

— Больного, — коротко отозвался лекарь, наклоняясь к забинтованной ноге. Тронул пальцем ремень, нахмурился, глянул в лицо наместника. — Давно он упал? Сердце раньше болело?

— С час назад, — отозвался Хазрет, остро чувствуя собственную беспомощность. Лекарь ему не нравился. Хотелось вытолкать дерзкого мальчишку за дверь, подальше от наиба. А уж назвать его почтенным язык не поворачивался. — И никогда на сердце не жаловался. Ты ногу лечи, парень, тебя за этим позвали. К самому светлейшему наibu ир-Дауду, да продлятся его дни!

Чужак, склонив голову набок и прикрыв глаза, держал длинными тонкими пальцами запястье наместника, исследуя пульс. Затем остро взглянул на джандара и сообщил:

— Уважаемый, я вас не учу, как вашу работу делать, вот и вы мне не мешайте. У светлейшего господина ир-Дауда от боли и кровопотери тяжелое угнетение сердца. Ремень я сейчас сниму, он уже ни к чему: кровь остановилась. И с повязкой все сделали верно. Однако сейчас главное — помочь его сердцу. С ногой куда проще... Может, вы нас оставите?

— Даже и не думай, — рыкнул Хазрет, делая шаг навстречу. — Здесь буду. А ты, раз пришел, давай, лечи. И смотри мне. Если что — своими руками запорю!

Вместо ответа наглый чужестранец только дернул плечом, словно отмахиваясь от назойливой мухи. Осторожно снял ремень с голени, склонился над ир-Даудом и положил левую ладонь ему на сердце. Правую — на лоб. Беззвучно зашептал что-то, мягко надавливая на пыльную рубашку, пальцы едва заметно дрожали. Подобравшись, как перед прыжком, джандар следил за руками лекаря. Но ничего подозрительного тот не делал, а бледные щеки больного стремительно розовели, таяла пугающая синева на губах. Наиб глубоко и свободно вдохнул, еще раз — и задышал полной грудью. Глаза, правда, так и остались закрытыми, ир-Нами даже показалось, что хозяин заснул.

Чужак тем временем открыл небольшую поясную сумку, полил на руки из бутылки темного стекла прозрачной резко пахнущей жидкостью и ей же тщательно промыл рану. Хазрет смотрел во все глаза, мало ли...

Вот сочится кровь. Усмиренная, вялая. И тут же перестает капать, открывая раздробленную кость. Длинные пальцы ловко снуют, соединяя, отрезая, выбрасывая. Мелькает жало тонкого блестящего пинцета — летят в миску кровавые осколки. Два из них, особенно крупных, чужак промывает из синей бутылки и вставляет назад. Складывает, тянет, вправляет... Под узкими белыми ладонями изуродованная плоть будто плавится и течет, рваные ошметки срastaются на глазах. Не зря парень носит знак высшего посвящения. Заслужил...

— Мне нужна пара дощечек в два локтя длиной для лубка, — спокойно произнес лекарь. — Несколько локтей толстого холста. Локтей тридцать кожаной ленты, широкой и тонкой. Три дня светлейшему придется провести в постели. Потом, если пожелает, можно ездить в паланкине, но о лошади на пару месяцев придется забыть. Старые кости плохо срastaются. Следует пить как можно больше молока, есть сыр и творог. Зелье для

сердца и от боли я приготовлю. Ничего страшного уже не случится, а в ближайшем городе наверняка найдется целитель...

Даже голос у него был неправильный, с мягким чужим выговором, ленивый, вроде бы и вежливый, но без всяких следов почтительности. И снова Хазрет почувствовал, что разрывается между нуждой и желанием. Чутье требовало гнать подозрительного чужака подальше, отсыпав ему серебра за хорошую работу, а рассудок твердил, что найти умелого лекаря в степи — задача не из легких. Этот же дело знает, хоть и нагл без меры. Так что пусть уж...

— Делай, что нужно, — наконец с явным трудом промолвил джандар. — Зелья, снадобья... Деревяшки и ленту принесут. А ты с нами поедешь. Вещи с постоянного двора велю забрать.

На мгновение ему показалось, что странный лекарь хотел что-то возразить, но, видимо, одумался и коротко поклонился, сразу же вновь повернувшись к кровати больного. Выходя, Хазрет был слишком обеспокоен новыми заботами и не успел увидеть, как по губам чужестранца скользнула странно довольная улыбка.

Все было хорошо. Чересчур хорошо. И, значит, вскоре должно было стать плохо. Этой примете Хазрет ир-Нами верил свято, и за все годы службы она ни разу его не подвела... На окраинах шахства спокойно не бывает никогда, если только это не затишье перед бурей. Что-то тревожило джандара, как предчувствие зубной боли, что вот-вот обрушится после глотка ледяной воды или шербета. Ир-Нами нахмурился, в который раз тоскливо окидывая взглядом пыльный горизонт, а затем взял влево и придержал повод, пропуская следующих за ним всадников.

В середине аррала, самого жаркого месяца года, степь пылает, как раскаленная сковородка. Зыбкое марево дрожит над камнями, суслики боятся высунуть нос из нор, дожидаясь сумерек. И только вездесущие цикады журчат в жестких колючках, да носятся над пыльными метелками ковыля ошалевшие оводы. Высохшая трава — тронь и зазвенит — упрямо лезет на заросшую дорогу, дурманит тяжелым горьким запахом... Сохнет рот, темнеет в глазах, а кожа зудит от пылицы, липнущей на потное разгоряченное тело.

За дневной переход люди выматывались так, что вечером падали без сил и даже есть садились ближе к полуночи, когда появлялось подобие прохлады. Тогда же поили лошадей и мулов, растягивая скудный запас воды, осматривали упряжь. Будь воля ир-Нами, он бы ни за что не отправился в дорогу именно сейчас, но с шахом не поспоришь. Хотя пресветлый повелитель вряд ли мог подумать, что новый наместник области Гюльнарид решит сделать огромный крюк через всё степное приграничье. От столицы до Гюльнары, главного города области, можно было добраться недели за три, если бы наibu не втемяшилось лично осмотреть как можно больше сторожевых гарнизонов. Хазрет даже поморщился, глядя, как на очередном ухабе мул оступился, и паланкин изрядно подбросило...

Поравнявшись с паланкином, джандар поехал рядом. Из-за легких занавесей, спасающих от злых степных мух, донеслось несколько крепких словечек. На ни в чем не повинных спутниках ир-Дауд зло никогда не срывал, зато время от времени отводил душу, разражаясь проклятиями по поводу жары, мух и слепней, пыли пополам с песком, бездорожья и местных чиновников, которых считал хуже всех прочих напастей, вместе взятых. Пожалуй, джандару было даже жаль управителя следующего города, до которого доберется караван.

— Хазрет! — раздраженно донеслось из паланкина. — Где Надир?

Джандар привстал на стременах, выглядывая самое яркое пятно в караване. Нахмурился, обнаружив его именно там, где ожидал.

— В хвосте, светлейший, опять с лекарем...

— Сюда его. Пусть почитает мне. А лекарю скажи, чтобы отвар приготовил. Закончился...

Коротко поклонившись, Хазрет ир-Нами тряхнул поводьями, решив, что не станет

передавать приказ наиба, а съездит сам. Иначе, того и гляди, ждать Надира ир-Дауда придется дольше, к постоянно недовольному дяде племянник никогда не спешит. Еще этот лекарь...

Слишком смазлив для мужчины, слишком уверенно держится в седле, слишком спокойно и ровно глядит на всех, от самого наместника до последнего конюха. Уж кого-кого, а странствующих целителей Хазрет за свою жизнь навидался предостаточно. И чужеземец не походил ни на кого из них, да и на лекаря вообще. Скорее уж он мог сойти за наследника знатного рода, ради развлечения поменявшегося одеждой со слугой. Белая кожа совершенно не обветрена, словно ее обладатель каждый день умывается молоком и не знает степного солнца. Ухоженные руки, осанка высокорожденного, не привыкшего часто кланяться. Даже простая холщовая одежда сидит на чужаке так, будто пошил ее лучший столичный портной. Нечего такому делать на дорогах, где с бродячим лекарем расплачиваются, если повезет, парой монет, а чаще — ужином да ночлегом. Этот же держится как ровня любому вельможе, не исключая самого наиба...

Станный спутник. Ох и странный! А ничего странного Хазрет не любил, твердо зная, что с этого-то и начинаются неприятности. Но следовало отдать парню должное: на глаза он не лез, держась в самом конце каравана, приказы выполнял четко и быстро, в помощи никому не отказывал, работая легко и охотно, с чем бы к нему ни пришли. Зелье для наместника тоже готовил умело, а спину растирал так, что ир-Дауд, давно страдающий ломотой в костях, засыпал на всю ночь. Да и наглым его, по здравому рассуждению, назвать было нельзя. Просто как-то так вышло, что уже через пару дней весь караван, кроме самого джандара, звал чужака почтенным и господином целителем, невзирая на возраст и почти непристойную смазливость. Только вот Надир...

Хазрет нахмурился. Поздновато светлейший решил приучать баловня к службе. Раньше надо было. Вот как его светлейшие родители два года назад погибли, так и стоило его сразу забрать из столицы, подальше от дворцовых ковров да Домов удовольствия. А теперь так и крутится возле чужака, словно муха над медовой лепешкой. Позорище.

Раэн стащил с головы пропитанную потом и покрытую желтой глинистой пылью повязку. Распустил узел, встряхнул полосатую ткань, прошептав несколько слов, и принялся аккуратно перевязывать мгновенно ставший чистым и сухим лоскут. С летним солнцем здесь лучше не шутить. Тем более с такой кожей, как у него. Мало ему быть белой вороной среди смуглых восточников, так еще и ожоги лечить? Местные непременно повязывали платки, считая их самой нужной частью одежды, и Раэн быстро привык делать так же, пряча смолисто-черные волосы под чем-нибудь светлым.

Пару раз даже подумалось поменять цвет на русый, чтобы не было так жарко, но тогда он будет привлекать еще больше ненужного внимания. Здесь редко где мелькнет светлая или рыжая голова, и можно биться об заклад, что это путешественник с запада или потомок пленницы, купленной в жены или в наложницы. И так его внешность кое-кому кажется заманчиво непривычной, отчего сплошные сложности...

— Арвейд!

Певучий, хорошо поставленный голос, по-столичному тянущий гласные, раздался совсем рядом, заставив Раэна вздрогнуть. Только вспомни!

— Господин ир-Дауд? Чем могу служить светлейшему?

— Вы снова? Арвейд, я сотню раз просил звать меня просто Надиром.

Главным талантом молодого столичного щеголя была непревзойденная способность внезапно возникать рядом. Вот и сейчас, неожиданно объявившись возле Раэна, он обиженно надул губы, время от времени бросая из-под ресниц томные взгляды. Значения этих взглядов не понял бы разве что слепой или совсем уж наивный человек. Племяннику наиба было скучно. Отчаянно скучно. Он ненавидел пыль, которая стояла в воздухе, покрывая тонким ровным слоем волосы, кожу и одежду. Дорожная еда оказалась отвратительной, спутники — грубыми и невежественными, дни — бесконечными, а ночи — холодными и одинокими.

Все это Надир ир-Дауд сообщил Раэну еще пару недель назад, недвусмысленно дав понять, что уж его-то к нежелательным спутникам не относит. Совсем не относит! И

душные летние ночи было бы куда интереснее и приятнее проводить вместе, например, за чтением стихов или дружескими беседами... Разн, упорно не понимая намеков, посочувствовал и предложил снотворное. Если бы еще этим все и закончилось!

— Не думаю, что вашему дяде понравится такая непочтительность с моей стороны, — вежливо отозвался целитель, незаметно озираясь в поисках джандара.

Тот вроде бы тронулся в их сторону, однако слишком медленно.

Надир, подобравшись почти вплотную, слегка натянул поводья, заставляя коня умерить шаг, чтобы не обогнать кобылку спутника. Теперь они ехали так близко, что Разн невольно дышал тонким сладким запахом от одежды ир-Дауда. Наряды, пренебрегая дорожными неудобствами, тот менял ежедневно, а узлы и сундуки с личными вещами племянника наиба составляли изрядную долю всей поклажи каравана.

— О, дядюшка прекрасно разбирается в людях, — парировал молодой высокородный. — Уж он-то успел оценить вас по достоинству. Благородную кровь не спрятать!

— В самом деле?

Разн неопределенно пожал плечами, добавив холода в тон, но пронять Надира подобным пустяком было невозможно. В ответ он только улыбнулся, откровенно ловя взгляд целителя своим. С первых мгновений знакомства Надир свято уверился, что Арвейд Разн, бродячий целитель с Запада, не тот, за кого себя выдает. Нет, в его целительском искусстве он не сомневался, но держался совсем не так, как подобало бы наследнику одного из знатнейших родов шахства с безвестным бродягой.

И дело тут было, пожалуй, не только в том, что Разн видел в зеркале. Похоже, наградив наследника рода ир-Дауд завидной внешностью, боги, расщедрившись, не пожалели и ума. В определенной проницательности обаятельному бездельнику никак нельзя было отказать. В упорстве и любви к загадкам — тоже. А джандар ир-Нами, способный одним суровым взглядом пресечь прозрачные намеки харузца, как назло был еще далеко...

Разн вздохнул. Если племянник наиба и страдал от бессонницы, то как-то незаметно. Ни кругов под глазами, ни тусклости кожи, ни усталости в осанке и движениях. Молодой ир-Дауд выглядел образцом здоровья, физического и душевного. И был столь настойчив, что Разн всерьез подумывал кинуть на высокородного легкие чары, отбивающие охоту к плотским удовольствиям. На время, конечно! Останавливало, что знак храма Света, подтверждающий мастерство целителя, был еще и гарантом законопослушности. На такие чары он бы незамедлительно отозвался как на банальную порчу, изменив цвет. Ломать же встроенную жрецами-магами защиту было сложно, долго, а на глазах спутников и подавно не вышло бы. Так что приходилось терпеть. И сожалеть, что такую настойчивость ни разу не проявила какая-нибудь симпатичная служанка или дочь мелкого чиновника из очередного пограничного городка.

— Мне сказали, что к вечеру доберемся до постоянного двора, — продолжил Надир. — Полагаю, вы не меньше меня мечтаете о мягкой постели?

— Скорее о паре ведер воды, — невольно улыбнулся Разн.

— Само собой! — с воодушевлением подхватил Надир, как бы невзначай задевая шелковым рукавом пальцы Разна. — Купальня, чистые простыни и никакого дыма от костра. Разве мог я подумать в столице, что это станет пределом моих желаний? Почти пределом... Знаете, я так устал от надоедливой опеки и лишних взглядов. А вы?

Разн, сильно сомневавшийся, что на постоялом дворе в степи найдется купальня, едва не расхохотался. Ну конечно! Сначала купальня, потом мягкая постель с чистыми простынями... И никаких лишних взглядов! Здесь, на Востоке, среди богатой знатной молодежи подобные связи — дело обычное. А племянник наиба хорош собой, неглуп и забавен. Только вот никак не может понять, почему бродячий лекарь отказывается от подобной чести? Хорошо хоть денег не предлагает, хватает то ли ума, то ли порядочности. Разумеется, Разн не собирался становиться игрушкой загоревшегося к нему интересом юнца. Вряд ли ир-Дауду-старшему это понравится, не говоря уж о главной причине. Той, по которой именно с Надиром следовало быть осторожнее.

— Кстати, — небрежно бросил Надир. — Вы как-то говорили, что можете дать мне снотворное.

Смотрел он как раз в этот момент мимо, на подъезжающего джандара, до которого еще было шагов двадцать. И говорил негромко, без обычной кокетливой полуулыбки.

— Разумеется, светлейший, — отозвался Раэн. — Вас все еще мучает бессонница?

— Бессонница? Нет, это другое... Снится какая-то мерзость.

— Мерзость? — переспросил Раэн мягко.

Похоже, джандар все-таки не вовремя. Что-то не то с молодым ир-Даудом. И все его обычные заигрывания — маска, вон как напряжены плечи.

— Господин ир-Дауд, что вам снится? И как давно?

— Какая разница?

И тон резок непривычно. А джандар совсем близко...

— Мне нужно знать, чтобы приготовить лекарство. От разных кошмаров помогают разные средства.

— Не помню, — еще тише проговорил Надир. — Совсем не помню. Только просыпаюсь от страха. Уже ночи три или четыре подряд...

Лицо приблизившегося Хазрета ир-Нами ясно показывало, что он думает и об избалованном племяннике наиба, и о лекаре, слушающем его бредни. И Надир запнулся, замолчал, надменно выслушивая приказ светлейшего, раздраженно тряхнул поводьями. Но, уже отъехав на пару шагов, обернулся, глянул тоскливо — это он-то!

— Сделайте зелье, Арвейд, прошу вас. Единственное, что я помню и отчего просыпаюсь: во сне меня убивают...

Занавески паланкина мерно колыхались в такт шагам, четверо огромных чернокожих носильщиков шагали плавно и слаженно, как один человек. Уроженцам Шайпура, славящегося ростом и силой мужчин, паланкин из высушенного дерева не казался тяжестью. Носить госпожу и пару ее служанок — это не колесо в шахте ворочать, и рабы каждый день благословляли судьбу за счастливую долю. Топ-топ — вбивались ножищи в кожаных сандалиях в мостовую, и при каждом шаге тонкий шелк занавеси подрагивал, мешая уличным зевакам рассмотреть несравненную красоту тех, кто сидел в паланкине. А если у кого-то и возникало желание подобраться ближе и проверить, вправду ли красота столь несравненна, так ненадолго. Шестеро суровых воинов, сопровождающих паланкин с саблями наголо, у кого угодно отобьют охоту к дерзкому разглядыванию.

Впрочем, если бы светлейшей вздумалось откинуть занавеску, позволив городу увидеть свой лик, никто бы ей слова не сказал: дочь рода ир-Дауд вольна в поступках. На то и едут рядом с паланкином полдюжины джандаров, чтобы госпожа могла исполнить любую прихоть, не опасаясь за свою честь и безопасность.

— Как душно сегодня, — молвила Наргис, откидываясь на подушки.

— Потерпите, изумруд наших сердец!

Мирна взяла веер из страусовых перьев и принялась усердно обмахивать Наргис.

— Скоро приедем в баню, — подхватила Иргана. — Там прохладная вода обрадует ваше тело и успокоит душу.

Служанки еще щебетали что-то, но, увидев, что Наргис прикрыла глаза, почтительно замолчали. Глупышки, но усердные и преданные, с ног сбиваются, не зная, чем еще порадовать. Только день не задался с утра, и напрасно щебечет крошечная птичка в клетке, подвешенной к потолку паланкина, напрасно Иргана раскладывала лимонный шербет и ягодную пастилу, уговаривая скрасить время в пути лакомством, даже любимый томик стихов, лежащий рядом на сиденье, не манит. Да и то сказать, каждая

строка в нем известна наизусть. Заехать, что ли, на обратном пути в лавку почтенного ир-Халиаса? То-то будет рад седовласый торговец, знающий, что Наргис платит любую цену, если книга приглянулась.

Но пока читать было нечего, сладости не манили, а птичку, крикливую, как базарная торговка, хотелось выкинуть из паланкина. Если бы крошечная пичуга могла выжить на воле, Наргис бы ее непременно выпустила — вот прямо сейчас!

Однако любая дорога заканчивается. И когда паланкин остановился во дворе лучшей харузской бани, и сама хозяйка, почтенная Гюльбешекер ир-Фазули, круглой масляной лепешкой выкатилась во двор, всплескивая полными руками и причитая, какое счастье видеть светлейшую, Наргис вздохнула с некоторым облегчением. Она не любила выходить из дома, но любила воду. Конечно, в садах ир-Даудов есть пруды, а в доме — большая удобная баня, но таких огромных бассейнов, как в заведении ир-Фазули, нет нигде. Разве что в Небесном дворце пресветлого государя шаха...

Наргис ступила на узорчатую плитку двора и окинула взглядом цветочные часы, посаженные у стены. Венчики тамариссы поднялись, значит, день едва перевалил за полдень. Можно не торопиться. Да разве ей хоть когда-нибудь и куда-нибудь нужно торопиться вообще? День проходит за днем, похожий на все, что были до него, и на те, что еще будут. Занятия рукодельем, прогулки по саду, поездки в бани или на рынок — вот и все, что заполняет дни светлейшей Наргис ир-Дауд. Может, потому и кричит в клетке маленькая птичка, жалуясь на жизнь, что ей знакома та же тоска? Птичке кажется, что Наргис свободна, если может расправить руки-крылья, а на самом деле у нее просто клетка больше.

Но мысли, подобные этой, следовало гнать, и Наргис милостиво улыбнулась, пожелала добрых долгих дней почтенной Гюльбешекер и проследовала за ней в прохладе мраморных покоев, выстроенных над знаменитыми бассейнами. Скинула одежды, отдав их банщицам, сняла тяжелое золото ожерелья и браслетов. И вошла в прохладную чистейшую воду, сквозь которую виднелось узорчатое дно, зелено-голубое, расписанное белыми цветами и золотыми рыбками. Проплыла от края до края, не боясь намочить собранные в узел волосы — все равно их мыть, и перевернулась на спину, наслаждаясь кратким счастьем свободы, пусть даже не настоящей, а взятой взаймы у ласковых струй воды.

Потом ее все-таки уговорили выйти наверх, и Наргис согласилась, зная, что самое приятное только начинается. Банщицы и служанки хлопотали, втирая в ее кожу душистые мази, расчесывали волосы, умащая их драгоценными снадобьями из Коруны и Офиры, подрезали, подпиливали, а потом шлифовали ногти на руках и ногах. Смыв с ее тела очередное зелье вместе с волосками, ахали восхищенно, прицокивая языками, и Наргис даже не злилась, потому что сама знала — красива. Льстивые похвалы платных банщиц врут, конечно, зато не врут завистливые взгляды, не врут зеркала и гладь воды. Да и братец Надир не зря считается одним из красивейших юношей Харузы, а ведь его красота — отражение Наргис.

И день мог бы стать гораздо приятнее, чем казался с утра, когда она проснулась в поту, мучимая дурным, но не запомнившимся сном, однако вышло иначе. Наргис, уже промывшая волосы, разомлевшая и распаренная в горячей воде, истомленная умелым массажем, снова спускалась в бассейн, когда у другого бортика, над которым стояла увитая цветами решетка, послышались голоса.

— Неужели сама здесь? Ах, Лейлин, ты только подумай! Как ей не стыдно людям показываться на глаза? Отродье темных джиннов, дочь греха!

— Тише, Сарина, не дай Свет, услышат. Да и вдруг она не виновата? Такая юная, что она может знать о грехе? Моя дочь в ее возрасте еще не понимала, чем мужчины отличаются от женщин.

— Ох и дурочкой тогда была твоя дочь, Лейлин! В двадцать-то лет не знать об этом!

— Кто дурочка, моя дочь — дурочка? Воспитывать надо как следует, тогда девушка будет целомудренной и стыдливой! Тс-с-с-с... А правда, что у нее на теле тайные знаки? Как же она тогда не стыдится ходить в баню?

Плеснув водой, Наргис перевернулась на спину, прислушиваясь из ленивого любопытства и искренне посочувствовав несчастной, попавшей на грязные языки. А женщины с упоением продолжали:

— Говорят, боги ее наказали за то, что изменила жениху! Согрешила то ли с чернокожим рабом, то ли вовсе с джином! Потому и прозвали ее Черной!

— Ай, глупа ты, Лейлин, прямо как твоя дочь, хоть и знаешь разницу между мужчиной и женщиной. Не потому ее прозвали Черной, а потому, что уже пять прекрасных знатных юношей сошли в Бездну по вине этой несчастной. Губит она мужчин, как черная паучиха...

Наргис словно ударили по лицу — щеки запылали, кровь бросилась в виски. Повернувшись и встав на ноги, она забарахталась в воде, разом растеряв умелую плавность движений. И хорошо, что две мерзкие дуры ее не видели, ни за что Наргис не хотела бы предстать перед ними растерянной и униженной!

— Черная Невеста, — неслось из-за цветочной плетенки. — И родится же такая тварь в знатном роду! Говорят, только первый жених и остался жив, потому что шахской крови, а перед ней злое колдовство бессильно. И красива-то она чужой красотой, украденной, черные джины принесли ей красоту взамен на пять отнятых жизней. Вот ездит теперь по городу, ищет шестого, а как станет их семеро, погубленных, боги услышат мольбу их душ и накажут...

— Ненавижу... — всхлипнула Наргис, торопливо отплывая под прикрытием высокого бортика к другой стороне. — Падальщицы драные! Чтоб вас самих боги услышали и языки завязали узлом!

«Черная Невеста... Тварь... Пять отнятых жизней...» — шептали в ее голове глумливые голоса, жадные к чужому горю. Вот потому-то и не любила она покидать дом! За высокими стенами, в роскошном саду или уютных покоях можно притвориться, что все хорошо. Что на харузских улицах не рассказывают страшные и отвратительные байки про Черную Невесту, продавшую целомудрие джинам за красоту. Что в сплетнях нет ни капли правды, и те пятеро на самом деле остались живы. Или погибли сами по себе, без ее невольной вины. Что она прячет лицо только из скромности, а не из страха, вдруг еще какой-нибудь несчастный...

— За что, боги? — прошептала Наргис, выбираясь из воды, крупными каплями стекающей по гладкой коже. — Чего вы желаете, сотворив со мной такое? Какую судьбу уготовили?

Запрокинув голову, она стояла, глядя на расписанный цветами и райскими птицами потолок, позволяя служанкам суетиться вокруг. Домой, скорее домой! Только по дороге все-таки в книжную лавку, чтобы купить новое утешение для одиноких вечеров и жарких бессонных ночей. Спрятаться от всего мира и даже не мечтать о свободе. Свобода — для птиц, а не для страшных черных паучих, несущих смерть, сами того не желая.

ГЛАВА 2. Ночные гости

Хазрет почти поверил, что все действительно будет хорошо. Остаток пути до постоянного двора прошел совершенно спокойно. Уставшего, измученного болью и дорогой наiba близнецы-охранники на руках внесли в лучшую спальню на втором этаже крепкого саманного дома. Только выпив очередную порцию зелья, ир-Дауд смог поесть кислого молока с тонкой тминной лепешкой и сразу же крепко уснул, не дожидаясь ужина.

Скинув вьюки и напоив скот, люди наместника окружили колодец во дворе, торопясь смыть корку засохшего пота и пыли. Хозяева, сбиваясь с ног, пытались угодить знатным гостям, пока простые воины с шумом и смехом обливались водой. Рыжий Тарман устроил шуточную драку мокрой одеждой, свернутой в толстый жгут, и шлепки раздавались на весь двор. Мариф-одноухий с умильным видом отирался на кухне, отвлекая служанок и таская горячие, только из печи, лепешки. Гвалт полусотни глоток, ругань, смех, вопли конюхов, ругающих ошалевшую скотину, и визг служанок — волна звуков наполнила двор, заглушая смутную тревогу джандара.

И все равно что-то было не так. На всякий случай Хазрет выставил двойную стражу, велел докладывать обо всем, что покажется подозрительным или просто странным. Потом распределил, кому где спать. Договорился о покупке припасов. До хрипоты поспорил с проводником о дальнейшем пути отряда. Выслушал конюха, который требовал завтра же перековать половину лошадей. Поругался с кузнецом, вздумавшим запрашивать полуторную плату за срочность. Устраивал на ночлег молодого ир-Дауда: тот очень расстроился, не найдя купальни.

На предложение позвать служанку, чтобы полила молодому господину на заднем дворе и потерла спину, Надир сверкнул глазами так, что Хазрет невольно усмехнулся в усы. А отрядный балагур Шемси, ухмыляясь, тут же подлил масла в огонь, сообщив, что вот почтенный целитель местными девчонками не побрезговал, спину ему тер такой степной цветочек, хоть сейчас в шахскую опочивальню. И до сих пор лекаря что-то нигде не видно... Болтуна Хазрет одернул — не дело позволять насмешки над высокородным! — только на каждый рот платок не накинешь. Предположения, где и что сейчас лекарь с девчонкой трут друг другу, посыпались со всех сторон. Надир закаменел лицом, процедил, что каждому — свое, и исчез в доме.

К полуночи джандар с трудом запихнул в себя ужин, от усталости даже не чувствуя, что именно ест, и свалился на кучу сложенных во дворе попон, мечтая урвать хоть несколько часов покоя...

Короткий тяжелый хрип вырвал из сна. В нескольких шагах закричал кто-то из часовых. Громко, отчаянно, поднимая на ноги весь постоянный двор. И сразу же смолк. Еще в полудреме Хазрет скатился с подстилки и вскочил на ноги, чудом увернувшись от удара сабли. Из темноты, топча одеяла, рванулась высокая темная фигура, но Хазрет уже выхватил из сапога нож. Подсечка, удар — клинок вошел в мягкое. Выдернув нож — еще пригодится! — Хазрет подхватил собственную саблю и огляделся. На вопль из пристроек выскочили еще с полдюжины его воинов. Потом высыпали остальные. Легче от этого не стало. Проклятая Бездна! Его людей резали, как баранов, полуголых, толком не вооруженных, слепых и беспомощных! Зато враги дрались, будто ночь для них была днем.

Хазрет, как и его люди, почти не видел напавших. Безлунное небо света не давало, а от дверей постоянного двора их сразу умело отрезали. Только на крыльце горели два светильника, слегка рассеивая мрак, да мелькали отблески на лезвиях. Там, перед ступеньками, отбивались спиной к спине близнецы. Перегородив широченными плечами крыльцо, братья работали клинками, как четверорукий демон, не давая врагам пробиться в дом.

— Крыльцо держите! Все к двери!

Удар! Звон! Удар! Звон! Упасть на колено и перекатиться. Вскочить. Удар... Звон! Свист стали за спиной. Упасть. Повернуться. Вскочить. Звон! Джандар волчком крутился между атакующими. Еще немного — и чутье подведет, швырнет тело не туда, пропустит выпад противника, на миг замедлив с отражением...

От крыльца донесся звериный вой — один из близнецов валялся у подножья ступенек. Мгновение — на ступени рухнул и второй. Но рванувшиеся к двери почему-то откатились обратно, а в освещенном проеме показалась темная фигура. Кто — не понять.

Противник джандара вдруг выпал в полосу света. Острие сабли достало горло — враг свалился мешком. Хазрет перепрыгнул через тело, пытаясь пробиться к своим. Уложил еще одного, получив длинный порез через грудь. В третьего всадил с пары шагов нож. Но следующий, длиннорукий верзила, обрушил такой град хлестких ударов, что Хазрет мог лишь отбиваться, молясь всем богам, чтобы послали хоть пожар, хоть молнию, хоть огнедышащего дракона, лишь бы...

Скользкий камень, уже щедро политый кровью, словно сам подвернулся под ногу. Падая, Хазрет успел заметить тень, нависшую над ним, и зарычал в ожидании неизбежного... Но вместо удара тень покачнулась, ухватила выросший из груди пучок перьев, завалилась сама. И только поднявшись, Хазрет осознал, что за звук назойливо лезет в уши. Короткие щелчки боевого лука.

На крыльце, между столбиков с фонарями, изваянием бога-лучника замер бродяга-целитель, только руки мелькали, резко и точно укладывая стрелы в темноту. Одну он задержал, провел над оперением ладонью и выстрелил куда-то вбок и вверх. Наметом, через высокий забор скотного двора. Копешка сена вспыхнула столбом. И Хазрет ир-Нами впервые лет за двадцать ощутил, что по лицу текут слезы. Торопливо смахнув радужную пелену с глаз, он оглядел залитый светом двор и по-волчьи оскалился ближнему чужаку.

Раэн снова и снова спускал тетиву, быстро и спокойно, как на стрельбище. По легким кожаным доспехам отличить чужаков было проще простого: никто из людей джандара даже одеться толком не успел. Но как они так хорошо видят в темноте? Стрела, еще одна! И еще! Раэн озабоченно прикусил губу изнутри. На каждого солдата — два-три противника. А за спиной лестница наверх, к беспомощному наместнику и Надиру, вряд ли умеющему держать в руках саблю.

Вот и колчан полупуст. А это пешки, куклы. Где же кукловод? Или хотя бы главная кукла?

Раэн снова оглядел двор, ища того, кто не сражается сам. В узком проходе между стеной и сарайчиком с трудом различался неподвижный силуэт. Еще сильнее расширив зрачки, Раэн глянул мимо: в боковом зрении фигуру окутывало голубоватое сияние. Маг! Словно перехватив его взгляд, человек махнул рукой. К крыльцу рванулись двое, на ходу раскручивая небольшие топоры. Поздно же кукловод спохватился. И чего ждал? Получи-ка стрелу! И еще вдогонку!

Шагах в десяти двое из отряда прикрывали нескольких раненых. Раэн отправил туда пару стрел и снова глянул за сарай. Закутанный в плащ стоял как ни в чем ни бывало. К третьей стреле Раэн прицепил заклятие, проводил ее взглядом...

Вспышка. Фигура качнулась от удара, впечатавшись спиной в стену, снова выпрямилась...

А двое с топорами уже слаженно прыгнули на крыльцо с разных сторон. Умелые, опытные... Такие медленные — для него! Первому — короткий боковой тычок в шею. Позвоночник хрустнул, и уже падающего человека Раэн добил точным ударом в висок. Второй, отстав от первого на пару мгновений, покатился по ступенькам с ножом в горле. Рукояти подхваченных топоров удобно легли в ладони. Раэн размахнулся, швырнул — тяжелая сталь пробила доспехи тех, кто еще пробовал достать раненых.

Теперь уже защитники теснили неизвестных. Большая часть отряда наместника погибла еще в первые минуты. Тех, кто выжил и продержался до пожара, разнесло по всему двору. Но джандар упорно собирал их перед крыльцом, прикрывая дом. Не то! Все неправильно! Слишком много глупой суматохи для настоящего боя.

Последняя стрела. Бросив лук, Раэн легким прыжком слетел с высокого крыльца, на бегу подхватив первую попавшуюся саблю. Ах, чтоб тебя...

Хазрет стиснул зубы: порезы кровили все сильнее, в глазах темнело. Его противник,

высокий скуластый здоровяк в кольчужной безрукавке, вдруг бросил изогнутый клинок, захрипел и схватился за горло, будто силясь оторвать от него чьи-то пальцы. Но, не справившись, упал на колени и медленно завалился набок, подергиваясь всем телом. В нескольких шагах катался другой... И еще... И еще... По всему двору люди, напавшие на отряд, падали на землю, безуспешно пытаясь сорвать нечто с шеи, задыхались, извивались в судорогах и замирали с перекошенными лицами, искаженными то ли ужасом, то ли удушьем. Мимо пронесся целитель, перепрыгивая через лежащих, и юркнул куда-то между сараем и стеной.

Опомнившись, Хазрет кинулся следом, еще ничего не понимая, но сообразив, что лекарь знает больше. Тот же, замерев перед стеной, произнес что-то на незнакомом джандару языке. И, судя по тону, была это отнюдь не молитва, разве что Владыке Преисподней. Не удовлетворившись сказанным, лекарь от души пнул саманную стену ногой и выдохнул:

— Ушел, тварь паскудная!

— Кто?

Не ответив, чужак развернулся и быстрым шагом устремился к крыльцу. Хазрет, холодея, рванул следом. В доме переждавшие нежданную бурю хозяева зажигали огни, хлопотали, собирая снадобья и ткань для перевязки. Во имя всех богов! Едва поспевая за целителем, летевшим, как от собственной смерти, Хазрет промчался через пару пустых покоев, прыгая через ступеньку, зашвырнул себя на второй этаж. А там, уже вломившись всем телом в полуприкрытую дверь, осознал, что это вовсе не спальня наиба. Хотя Ансар ир-Дауд вот он, живой и невредимый. Хазрет со свистом втянул воздух, обмирая от запоздалого облегчения. Лекарь же, не обращая внимания на джандара и самого наиба, лежащего на низком диване, откинул кисейный занавес, глянул на пустую кровать.

— Где Надир?

Наместник, бледнея от боли, приподнялся и тут же рухнул обратно, сдавленным голосом поинтересовавшись:

— Что случилось, Хазрет?

Вопросом лекаря он, конечно, пренебрег, но тот неожиданно властно перебил открывшего было рот джандара.

— Что бы ни случилось, оно уже закончилось. Где ваш племянник, светлейший?

— А тебе какое...

Ансар осекся. Миндалевидные зеленые глаза, чуть постаревшая копия глаз Надира ир-Дауда, расширились.

— Он... Он внизу...

— Тридцать три преисподних!

Лекарь сорвал кисейный полог с окна и оглядел двор сверху.

— Давно ушел?

— Сразу. Как услышал шум. Да что же, демон всех вас побери, здесь происходит?! Кто посмел напасть?!

— Сам бы хотел знать, — бросил целитель, выпрыгивая в окно.

Хазрет только хмыкнул, уже ничему не удивляясь.

Наргис рывком села на постели. Во сне она падала, падала, падала в бездонную тьму, беззвучно крича и умирая от слепого ужаса. И уже почти умерла, но проснулась, выдернутая из забытья острой болью.

Обливаясь потом, она скинула покрывало, и так сползшее с плеч на колени, прижала ладонь к груди. Боль разливалась внутри, как вязкое темное земляное масло, которым

заправляют светильники, медленно и заполняя каждую свободную частичку пространства. Наргис закашлялась, с усилием вдыхая воздух — показалось, что боль отступила. Но тут же снова вернулась, став резкой и безжалостной. Что это? Она... умирает? Вот так глупо, совсем молодой и здоровой? Яд? Проклятье? Темные джинны, пьющие жизнь?

Упав на подушки, Наргис билась на них, задышавшись и не в силах позвать на помощь. За тяжелыми дверями спальни остались слуги, лекари, домашний чародей и охранники — все верные, надежные, готовые жизнь отдать за госпожу... И совершенно бессильные помочь ей сейчас, когда Наргис умирает... Нет! Сражается за жизнь — пришло куда-то упрямое знание.

Она с невероятным усилием покосилась в угол комнаты, где на низенькой кровати спала Иргана. Почему она ничего не слышит?! Наргис попыталась позвать девчонку, но с губ не слетело ни одного звука, даже застонать не удалось. Только слышалось ее собственное дыхание, хриплое и натужное, как у одышливого старика или больного...

— Нет-нет, счастье мое... — шепнул вдруг рядом мягкий низкий голос. — Не зови ее. Не трать силы попусту. Больно? Не бойся. Сейчас пройдет. Я никому не позволю причинить тебе вред.

И тяжелая ладонь легла на грудь Наргис, прямо в ложбинку между холмиками. Легла, опалила — и показалось, что жаром, но тут же Наргис поняла, что не жар это, а холод. А поняв, захлебнулась собственным криком, рвущимся изнутри вдруг расправившихся легких. Мужчина в спальне? Немыслимо, но... не страшно. Будь это действительно наглец, преодолевший надежную защиту дома ир-Даудов, чтобы полюбоваться ее обнаженными прелестями, Наргис бы возмутилась. Разгневалась... Но не испугалась. А тот, кто сидел рядом, чей силуэт она слабо различала в полумраке спальни, освещенной лишь язычком пламени в стеклянном ночнике, вызывал страх. Ледяной и темный, как та бездна, куда она падала во сне.

Дернувшись, она попыталась сбросить наглую ладонь — и мужчина со смешком убрал ее, но больше по своей воле, чем подчинившись желанию Наргис. Почему-то она чувствовала это совершенно точно. Как и то, что служанка не проснется, даже если закричать изо всех сил. И слуги не прибегут, не ворвется в спальню никакой избавитель, сверкая обнаженным клинком или чародейским посохом...

Теперь она знала, почему не было спасения тем несчастным в сказках, которых посещали ночные мары, темные джинны и прочие чудовища. Потому что когда за тобой приходит настоящая беда, никто не может встать между тобой и ее холодным дыханием.

— Умница... — одобрительно проговорил незнакомец, нимало не стараясь приглушить голос. — Умная девочка. Красивая... Горячая... Гордая...

— Сгинь! — яростно выдохнула Наргис, раздумывая, как бы повернуться, не зря же под подушкой всегда дремлет кинжал без ножен. — Сгинь, нечисть! Светом тебя заклинаю!

Мужчина фыркнул. Весело и совсем не страшно, но у Наргис будто змея по коже проползла. Тяжелая, холодная и точно ядовитая.

— Разве так встречают желанного жениха? — насмешливо поинтересовался он, запуская пальцы в ее распущенные волосы. — Разве не ты днями и ночами молила богов, чтобы сняли проклятье? Вот, они услышали. Моя красавица, моя Черная Невеста... Смертельная для всех... кроме меня. Жди, драгоценнейший алмаз моего сердца, скоро мы встретимся. О, как я буду любить тебя, Наргис. Не то что эти, недостойные взгляд на тебя кинуть, но возмечтавшие прикоснуться к тебе. Жди, свет очей моих. И знай, что ты — моя. Срок близок, но тот, кто посмеет тебя украсть — умрет.

Он в последний раз погладил ее, замершую от страха и отвращения, по волосам, а потом по спальне повеяло ледяным ветром — и Наргис поняла, что никого рядом нет. Так же громко сопела в полной тишине служанка, так же потрескивал фитилек лампы, и сердце Наргис молотилось в груди, как у испуганной птицы, взятой в руки птицеловом. И неважно, что руки разжались, выпуская птицу в клетку, это только видимость свободы, раз в любое время они могут вернуться. Кому пожаловаться? Кто поможет и защитит? Дядя и Надир далеко, да и...

Она вспомнила, отчего проснулась, и снова липкий холодный страх вернулся, но теперь уже не за себя. Из какой смертельной боли выдернуло ее наглое прикосновение незнакомца? Ведь если ее сердце стучит так сильно и ровно, пусть и испуганно, значит... Значит, это не ее боль, а снова проснулась таинственная связь близнецов, заставлявшая их с Надиrom в детстве плакать, когда болен или ударился другой, и смеяться, когда другой радуется.

С годами связь притихла, будто уснула, но порой Наргис чувствовала смутные ощущения, отблески чужой радости или злости, боль или удовольствие. Злилась на это и давила, отбрасывала, отказывалась от того, что не принадлежало ей. Надиr жил полной жизнью, настоящей, доступной лишь мужчинам, так нечего дразнить ею Наргис, как ребенка — желанными, но недоступными сладостями и игрушками.

А сегодня к ней пришла боль. Настолько сильная, что Наргис теперь, когда все прошло, заново испугалась. Что с ее братом? Не принесет ли эта ночь еще одну страшную весть, как тогда о родителях? И почему незнакомец, назвавший ее невестой, появился именно сейчас? Что делать, и может ли она вообще сделать что-нибудь? Мир вокруг, такой понятный, постоянный, даже скучный, в один миг обернулся страшной сказкой, не обещая в ней хорошего конца.

Покрывало, до этого ненавистно жаркое, вдруг понадобилось Наргис прямо сейчас. Подняв его и закутавшись, она легла, нащупала под подушкой рукоять кинжала, остро чувствуя его бесполезность, и долго лежала в темноте, слушая свое дыхание и не зная, каким богам молиться хотя бы за Надира, если уж молитвы за себя обернулись такой ядовитой насмешкой.

По-кошачьи мягко приземлившись на каменную плитку двора, Раэн лихорадочно озирался вокруг. Тут и там валялись трупы нападавших и защитников, несколько уцелевших воинов наиба перевязывали друг друга. Почти все были ранены, некоторые довольно серьезно. Ладно, пока сами справятся, а потом он поможет. Где же Надиr?

Приблизившись к одному из чужаков, Раэн наклонился и расстегнул воротник. Так... Ага... Ну, ничего интересного. Зато на стенке, там, где словно растаяла фигура в черном, для внутреннего зрения светилось желтоватое пятно. Кукловод ушел магическим путем, предварительно дернув за нужную ниточку. И куклы повалились на мощеный двор...

Раэн стиснул зубы. Отчаянно хотелось повстречаться с этой мразью еще раз, и чтобы никто не путался под ногами. А Надира по-прежнему не было видно среди живых и уж точно не могло быть среди мертвых, Раэн видел тающие ауры погибших, но знакомого спектра не различал. Кто-то из парней Хазрета подбежал к нему, отвлекая от поисков.

— Господин лекарь! Господин лекарь! Там это... Светлейший вас зовет. Племянник их...

Взбегая по ступенькам, Раэн успел расслышать за спиной начало зауспокойной молитвы:

— Уходящему легкую смерть даруй...

Звал его не наиб. Ансар ир-Дауд хрипел в руках двух воинов, позабыв про стянутую лубком ногу. Возле распахнутого окна, выходящего на задний двор, скорчился невысокий человек в темной одежде, вцепившись в собственное горло. Рядом валялась сабля. А возле самой двери Хазрет ир-Нами, сидя на полу, окровавленными пальцами сжимал плечи Надира. Зря Раэн в спешке выпрыгнул в окно. Следовало вспомнить о таланте ир-Дауда-младшего оказываться там, где не нужно. Следовало спуститься по лестнице. Проверить все комнаты. Найти хоть немного раньше. Да мало ли что ему следовало сделать! А теперь слишком поздно. Или нет?

Раэн опустилсЯ возле распростертого тела на залитый кровью пол. Голова Надира бессильно откинулась на колени джандара, в грудной клетке, почти разваленной ударом, виднелось легкое.

Раэн мысленно застонал. Мальчишка уже почти за Гранью. Почему он еще жив? Не справиться. Ни за что не справиться. Умрет под руками, стоит лишь коснуться его Силой. Безнадежно. Абсолютно безнадежно...

— Надиr! Мальчик мой! Пустите меня! Надиr...

Болевой шок все-таки взял свое. Коротко простонав, наместник обвис на руках воинов, почти потеряв сознание.

— На диван его, — услышал себя Раэн будто со стороны. — И не вздумайте отпустить.

Кровь толчками выплескивалась на пол. Джандар что-то говорил, но Раэн не слышал, полностью сосредоточившись на пациенте. Губы уже синие — цианоз. И в груди клетот, а при каждом выдохе изо рта — брызги крови. Значит, все же не сердце. Легкое. И кровопотеря. Конечно, в грудной клетке тоже полно крови. Как же плохо быть недоучкой! Не зачерпнешь магию исцеления из божественного источника, надо расплачиваться собственной внутренней силой. И платить дорого.

Раэн глубоко и медленно задышал, соскальзывая на иной уровень реальности. Расплата? Выставляйте счет. А что в этом мире дается даром? Только то, что никому не нужно. Время замерло, потом потекло тягучей струей созревшего меда, а все вокруг стало неимоверно четким и ярким. Вот трепещут крылышки комара, и медленно, очень медленно взлетает искра в пламени факела на стене. Взлетает, расцветает золотой вспышкой и гаснет, все так же неторопливо.

Сила. Она струится потоком, изменяя реальность по воле мага... Она окутывает льдисто-голубым сиянием ладони, простертые над почти безжизненным телом... Остановить кровь! Короткий импульс — поврежденные сосуды мгновенно срастаются, как сливочное масло, разглаженное горячей ложкой.

Сила. Идеальнейший инструмент, безупречный в своей универсальности и точности... Запустить усиленное кроветворение, позволить телу как можно быстрее восполнить потери! Сердце не справляется? Раэн глубоко вдохнул, заставляя часть сознания проникнуть в тело раненого. Пульсирующий комок упругих мышц и сосудов. Такой уязвимый... Гулкие удары болезненно застучали в голове. Ничего страшного, его сердце поработает за двоих, не впервой. Очистить разрубленное легкое от сгустков крови... И грудную клетку. Срастить альвеолы... Нет, это потом. Просто рубцевую ткань — и достаточно! Восстановить правильный обмен...

Сила. Все время помнить, что поток не бесконечен, что восхитительное ощущение всемогущества вот-вот пройдет... Пористая структура костей такая неподатливая, статичная. Раэн закусил губу, напрягаясь. Самое сложное позади, тонкая работа закончена. Осталось надежно спаять ребра, свить в упругие пучки разрубленные мышцы, размять, разгладить, покрыть новой кожей.

Сила. Иссякает, уходит в чужое тело, как вода — в мертвый песок... Раэн всхлипнул, выжимая последние капли. Теперь разорвать связь сердец и позволить Надиру дышать самому... До чего же больно! Еще немного... Совсем чуть-чуть...

В суженных тускнеющих зрачках Надира таяла жизнь. Проклятье! Все напрасно! Он уходит... Уже ушел. Что толку в исцеленном теле, если душа за Гранью? Раэн всем существом рванул к чуть заметной искре, вцепился в плечи Надира, сбросив чьи-то пальцы. Ладони свело судорогой, за ними и все тело залила боль. Не смей! Не смей уходить! Долгий жуткий миг они балансировали на Грани вдвоем, а Бездна шептала, звала, тянула в такую сладкую пустоту...

— Надир!

Беззвучно воя от боли, Раэн вытащил теплый, ровно мерцающий светлячок из липких щупалец уже обвившей тьмы, вытолкнул выше и дальше, за себя самого.

— Надир ир-Дауд!

Тьма пульсировала, вязко липла, жадно скалилась мириадами голодных пастей. Показалось, что не уйти. Прикрывая собой Надира, он в отчаянии оглянулся на тающий за спиной свет. Да возвращайся же ты, дурень! Неужели тебя там ничто не держит? Хоть ты возвращайся. Глупо же так — вдвоем.

— Надир!

Крик перешел в хрип и кашель. Его крик. Это он сам звал с той стороны. Задыхаясь, Раэн сделал шаг назад, потом еще один, и еще... Чаша весов качнулась... Сияющим вихрем

его сбило с ног, подхватило, зацепило и поволокло наверх, к светлому пятну. Наконец-то!

Вынырнув, Раэн захлебнулся воздухом, с усилием проталкивая его в легкие. Сердце билось о ребра, в глазах плавали цветные круги. Глубоко. Светлые силы, как же глубоко в этот раз. Еще миг — и ушли бы оба. Если бы Надир не захотел остаться... Если бы не рванулся сам на его призыв...

Под мокрыми от крови ладонями дернулось, напряглось. Раэн помотал головой, сбрасывая с глаз пелену. На него смотрели огромные и — хвала Свету! — совершенно осмысленные, просто испуганные глаза. Пару мгновений Надир отчаянно пытался что-то сказать, но то ли в горле пересохло, то ли не было сил. Так что он просто смотрел, цепляясь за взгляд Раэна, как утопающий за веревку.

— Спи, — прошептал Раэн. — Все хорошо. Теперь спи...

Надир покорно закрыл глаза, почти сразу расслабился, задышал ровно. А Раэн с трудом разжал сведенные судорогой пальцы, поморщился, растирая ладони, и огляделся.

Джандар взирал с благоговейным трепетом, почти ужасом, словно верующий на живое воплощение своего божества. Переводил взгляд на мгновенно уснувшего Надира — и снова таранился на Раэна. Наиб смотрел только на племянника, по осунувшемуся лицу безостановочно текли слезы. Надо потом напоить его сердечным средством. Пара воинов у дивана вообще превратилась в подобие соляных столбов. Еще бы. Редко кому выпадает случай увидеть такой яркий образчик исцеляющей магии. Это дома он подмастерье-недоучка, но здесь мастера, способные на такое, наперечет по пальцам одной руки. Не говоря уже о призыве души. Сколько времени прошло в реальном мире? Пара минут? Три? Четыре? Неважно. Все равно вышло на редкость удачно. Только теперь пора убраться подальше от любопытных глаз...

Встать оказалось гораздо труднее, чем рассчитывал Раэн. Все же он каким-то образом поднял себя на ноги, протащил через комнату по бесконечному, пьяно шатающемуся коридору и выволоч на улицу. Тело не слушалось, мстя за растраченные силы, колени дрожали и подгибались. Раэн сполз со ступеньки заляпанного кровью крыльца, ухватился за столбик, согнулся. И какой демон заставил его так хорошо поужинать? Рядом раздались отвратительно сочувственные голоса:

— Гляди, эка почтенного выворачивает.

— Да-а. Видать, лекарское чародейство, оно не мед... Полощет бедолагу, как с перепоя.

Раэн сплюнул остатки горькой вязкой слюны. Сил не было даже просто поднять голову, не то что послать подальше...

— А ну, пошли вон, сыновья ослицы! — исполнил кто-то рядом его мечту. — Что, заняться нечем? Так я вам найду дело!

Сочувствующих будто ветром сдуло. С трудом присев на чистый уголок ступеньки, Раэн перевел дыхание. Негромко звякнуло, и возле его лица оказалась личная фляжка джандара, источающая резкий запах виноградного пойла двойной перегонки. И пробка — умница джандар! — уже вытащена. Пожалуй, сам он вряд ли сумел бы сейчас ее выдернуть. Ему бы флягу удержать! Получилось, хотя зубы несколько раз цокнули о горлышко. Жидкий огонь разлился по пищеводу, ухнул в пустой желудок и неспешно согрел тело, сотрясаемое мелким ознобом.

— Паршиво? — полуутвердительно хмыкнул Хазрет.

— Плясал бы, да музыкантов нет, — буркнул Раэн, отхлебывая еще раз. Смертельно хотелось огрызнуться, но после того, как джандар не побрезговал дать ему флягу, не позволяла совесть. — Лучше б я три дня на галере греб.

— А ты пробовал? — ухмыльнулся начальник охраны, присаживаясь рядом.

— Не пробовал бы — не говорил, — хмуро отозвался Раэн. — Чего хотите, уважаемый? Или вам выпить не с кем?

— Отчего же не выпить с хорошим человеком? Попался ты, лекарь.

Ир-Нами снова ухмыльнулся в ответ на удивленно вскинутую бровь Раэна и пояснил:

— Теперь тебе ни за что от Надировой благодарности не отвертеться. Да ты пей, пей.

— Ничего, это я как-нибудь переживу, — парировал Раэн, следуя совету. — Напугали кота сливками. А если всерьез?

— Ну, если всерьез...

Хазрет остро глянул на потягивающего из фляжки Раэна. Тот молчал, переводя дыхание после очередного глотка.

— Стреляешь ты... хорошо, парень, — выдавил ир-Нами. — Ребята пробежались, собрали стрелы. Ни одной зря не потратил.

В другой раз Раэн не преминул бы улыбнуться такой осторожной похвале. Всего лишь хорошо, да? И это еще про остальное джандар молчит. Кстати, стрелы надо забрать... И лук.

— Три.

— Что три? — не понял начальник охраны.

— Три стрелы потратил зря. На того, кто ими командовал. Ушел, тварь. И даже стрел там нет. А я не промахивался. Не темните, господин джандар. Что вам нужно?

Раэн сделал последний глоток и вернул пустую флягу начальнику охраны.

— Его светлость наиб тебя видеть хочет, — медленно произнес ир-Нами, почти незаметно напрягаясь.

Раэн страдальчески поморщился.

— А до утра не подождет? Не сбегу, не бойтесь.

Хазрет виновато пожал плечами. Целитель улыбнулся, чувствуя, что в сознании начальника охраны борются благодарность с подозрительностью. Ладно, разговора все равно не избежать.

Как бы еще добраться до наместника, прах его побери? Ноги отказывались работать, предательски подкашиваясь при попытке подняться, сердце все так же колотилось о ребра сумасшедшим дятлом. В конце концов, Раэн плюнул на гордость, оперся на плечо ир-Нами и кое-как доковылял до комнаты на первом этаже, куда перенесли наиба.

ГЛАВА 3. Пророчество Ушадского Звездочета

Изжелта-бледный наиб полулежал на диване, опираясь на гору подушек. Выглядел он получше, но Раэн все равно отметил про себя, что нужно сварить сердечное зелье и пропоить ир-Дауда. Конечно, если его оставят при особе наместника после сегодняшнего. Дождавшись разрешающего жеста, он осторожно опустился на широкую, накрытую ковром скамью, вытянул гудящие ноги. В ушах звенело, перед глазами мельтешили черные мошки. Вино ненадолго помогло, но теперь смертельно хотелось есть. Чего-нибудь жидкого, горячего, сладкого, чтобы побыстрее всосалось в кровь.

Хазрет ир-Нами, пренебрегая усталостью, так и остался стоять на пороге, не позволив себе даже прислониться к косяку. И, похоже, не для того, чтобы кого-то не впустить в комнату, а, напротив, с целью кого-то не выпустить. Очень подозрительного лекаря, например. Даже рука на эфесе сабли! Пора им кое-что напомнить.

— Как себя чувствует ваш племянник, светлейший?

— Хвала светлым богам. Надир, как мне сказали, спит. Примите мою благодарность, почтенный. И награду, достойную ваших трудов.

Наиб указал взглядом. На низком столике перед диваном лежал кожаный мешочек, приятно круглясь туго набитыми боками. Серебро? Вряд ли. За жизнь наследника столь знатного рода серебром не платят. А если золото, награда достойна шахского лекаря, не бродячего целителя.

— Это вполне могло подождать до утра, светлейший наиб, — спокойно промолвил Раэн.

— Это могло, а кое-что другое — нет. Благодарность благодарностью, но я хочу спросить вас кое о чем, почтенный.

— Разумеется, — прохладно откликнулся Раэн. — Но если рассчитываете на ответы, то господину джандару совершенно незачем торчать за моей спиной. Уходить раньше времени я не собираюсь, а если соберусь, то уйду, уж поверьте...

Несколько мгновений предгрозовой тишины Раэн безмятежно выдерживал гневный взгляд наива. Неожиданно по губам Ансара ир-Дауда скользнула улыбка.

— Хорошо сказано, почтенный. Но, кажется, тропа нашего разговора ушла слишком далеко от цели. Может быть, попробуем ступить на нее заново?

Хазрет ир-Нами, застывший в дверях, медленно выдохнул.

— Нет нужды, — ответил вежливой улыбкой Раэн. — Что вы хотели узнать, светлейший?

Вместо ответа Ансар глянул на своего начальника охраны, едва держащегося на ногах.

— Садись, Хазрет. И покажи ему эту дрянь.

Джандар извлек из кармана безделушку на длинном шнурке и осторожно опустился на маленькую скамеечку возле очага, приготовившись вскочить в любой момент.

— Можете не показывать. — Раэн брезгливо поморщился. — Я уже видел. Сняли с трупа?

— Пришлось разрезать шнурок, — мрачно сообщил ир-Нами. — Иначе было никак.

Раэн тяжело вздохнул. Понятно, что наиву не терпится с допросом, но как же это некстати. Сейчас бы хоть чая с медом. А лучше молока и лепешек. Только не мяса — и так во рту привкус крови.

— Камень — кошачий глаз, из него сделали простенький амулет, что позволяет видеть в темноте. Не очень хорошо и недолго, но в ночной схватке уже преимущество. Шнурок зачарован интереснее. Стоит произнести заклятие, он свернется и удавит владельца. Думаю, бедняги даже не подозревали, что надевают на шею собственную смерть.

— Значит, их и не собирались оставлять в живых? — задумчиво поинтересовался наиб.

— Видимо, нет. А кроме этого на убитых было что-нибудь необычное?

— Ничего, — еще мрачнее отозвался джандар. — Лошади без тамги, вещи и оружие тоже. Наемники, не иначе.

— Удобно, — поморщился Раэн. — Сделать дело и убрать все следы. К тому же ему и платить не пришлось.

— Ему?

— Или ей. Там был еще кое-кто, кроме этих головорезов. В длинном плаще с капюшоном, так что ничего не разглядеть. Тот человек сам не сражался, только присматривал за боем.

Раэн откинулся на спинку кресла, продолжил:

— Я стрелял по нему три раза. Все три раза попал. Но этой твари плевать оказалось на стрелы. Или у нее доспех, как у боевого слона, или...

Два старых солдата, коротко переглянувшись, разом кивнули. С такого расстояния стрела из боевого лука, пущенная опытной рукой, пробьет любые легкие латы. Целитель обращаться с луком умел, это доказывали два с лишним десятка трупов, прошитых насквозь. Иные прямо через кольчугу, чего джандар не мог не увидеть. И вряд ли видел до этого раньше.

— А потом, — продолжил Раэн, — он просто исчез. Растаял, прислонившись к стене. Я этих чар не знаю, но ручаюсь, что без магии не обошлось. Вот и все, собственно...

— Все? — мягко переспросил ир-Дауд. — Неужели, почтенный? А как насчет иных странностей? Лука, например. Хазрет говорит, что оружия у вас не было, он даже ваши сумки сам осмотрел, прежде чем ко мне подпустить. И еще говорит, что после этой ночи он бы вас в отряд на тройное жалованье взял. Не лекарем, кстати. А хозяин клянется, что лук не его. Позвать?

— Не надо, — морщась, проговорил Раэн. — Я действительно не знал о нападении заранее. Лук мой, вы правы, светлейший. Я его, чтобы вопросов не было, под чарами прятал. Дороги в степи опасные, не всегда ведь пристанешь к военному каравану. А что держал возле себя, так и господин джандар со своей саблей разве что в обнимку не спит.

— Допустим, — согласился Ансар. — Но объясните тогда вот что. Вы, почтенный, лечите мою ногу уже вторую неделю. Лечите хорошо, не пожалуюсь. Но Надира вы исцелили быстрее, чем новобранец оседлает строптивую лошадь. Нелегко далось — вижу. Так ведь и спешки такой со мной не было бы. И денег я бы не пожалел. А вы зелья варите, кости мне разминаете... Уже три городка проехали, в любом из них такого мастера бы на руках носили. Шутка ли, целитель высшего ранга. И сдается мне, почтенный, вам не работа лишняя нужна, а в караване остаться. То ли ко мне поближе, то ли к Надиру. На это что скажете?

— Скажу, светлейший, что если бы хотел на одном месте жить — так давно жил бы, — спокойно ответил Раэн. — Нравится мне по миру гулять. И вы сами говорите, что лечу я хорошо. А что без магии, так и вам, и мне так спокойнее. То, что я сделал с господином Надиром, лекарю нескольких лет жизни стоит. А жизнь на ваше золото не купишь. Ногу, конечно, вылечить проще. Но это уж мне решать. В чем вы меня вините? В том, что людям вашим помог? Что господина Надира спас? Что не только с лекарствами, но и с оружием хорошо управляюсь? И чем вам это повредило, светлейший?

— Ничем, — нехотя отозвался после пары мгновений тишины ир-Дауд. — И все-таки слишком много вокруг вас тайн, почтенный... Сами-то что о сегодняшнем думаете?

— А демон его знает, — искренне ответил Раэн. — Вам видней, господин наиб, кому вы наступили на мозоль, став наместником Гюльнар-ида.

— Никому, — уверенно сказал Ансар. — Не настолько это богатая область, да и хлопот с ней не перечесать. Нет, за эту должность при дворе глотки рвать не будут. Разве что кто-то из местных. Тот, кто считал себя будущим наместником. Или проворовался да не успел спрятать концы в воду. Хазрет, а ты что скажешь?

Джандар, сидевший тише леопарда в засаде, сдвинул густые низкие брови.

— Не сходится, светлейший. За покушение на шахского наиба казнят не только самого злоумышленника. Вся семья пойдет на плаху, в тюрьму, на каторгу... И что толку? Убьешь одного наместника, пришлют другого. Притом и не рвались эти молодчики к вам. За господином Надиром пришли, тут не ошибешься. Им до вас было — только по лестнице подняться. А они как племянника вашего достали, так все и закончилось.

Ир-Дауд потер ладонями виски и поднял на целителя измученные глаза.

— Вот так вот, почтенный Разн. Сегодня вы нам помогли, а что будет завтра? Дети моего брата — все, что у меня осталось. И все, что осталось от нашей семьи. Держать рядом с собой и Надиром неизвестно кого я не буду. Не хотите говорить — дело ваше. Но вы точно знали, на кого идет охота. Откуда?

— Во сне приснилось, — буркнул Разн.

Не глядя на дернувшегoся джандара, неуверенно встал, подошел к окну и выглянул во двор. Сено давно превратилось в кучу пепла, но кто-то озаботился вынести несколько факелов, пылающих ровно и весело. В их свете неубранные тела выглядели безобидными кучами тряпья. Или изломанными куклами, брошенными капризной девчонкой. Сердце продолжало гулко бухать, периодически замирая, словно спотыкаясь, и мерзкая слабость никак не желала отпустить, но с этим уже вполне можно было мириться. Просто перетерпеть, как всегда после трудного исцеления. Через пару часов станет легче. К утру и вовсе пройдет.

Разн прислушался к себе. Никакой тревоги он не чувствовал, даже тени: значит, какое-то время все будет спокойно. А потом? Это ведь только начало... Наиб умен и настойчив, он не успокоится, пока не получит ответы на вопросы. Конечно, можно попробовать его зачаровать. Легкое изменение в сознании — и Ансар ир-Дауд станет безгранично ему доверять. И даже слушаться. Только вот... Джандар тоже не глуп, непременно заподозрит неладное. Да и защита у наместника должна быть, здесь любой, кто может себе позволить, носит амулеты от сглаза, проклятия, приворота и еще темные силы знают чего... Не может наместник области не беречься от чар. Сложно. Ненадежно. И решать надо сейчас. Уйти из каравана? Вернуться под личиной, с чужим именем? Сейчас ему хоть немного доверяют, этим стоит воспользоваться.

— Ну, так что же?

Ир-Дауд начал терять терпение. Повернувшись, Разн показал взглядом на джандара.

— Говорите при нем, — нахмурился Ансар.

— Как знаете, — отозвался Разн. — Но вам не понравится то, что я расскажу.

— Охотно верю, почтенный, — с неожиданной иронией промолвил наиб. — Мне уже все это не нравится. Но лучше знать, где опасность. Говорите.

— Вам не понравится, — устало повторил Разн, присаживаясь на низкий подоконник под негодующим взглядом возмущенного такой вольностью джандара. — Ладно, слушайте. Несколько лет назад в библиотеке главного аккамского храма Света нашли запечатанный свиток с указанием вскрыть его в год Синего Дракoна, предшествующий году Хвостатой Звезды. На свитке была печать двухсотлетней давности. Но когда его вскрыли, оказалось, что письмо адресовано Кадиру ир-Шамси. Ему и передали, а уже он показал свиток мне.

— Благодатнейший Кадир? Верховный предстоятель шахства? — непритворно поразился Ансар. — Вот это знакомства у вас, почтенный.

— Мне... случалось выполнять для него кое-какие поручения. Так вот, оказалось, что это одно из пророчеств Ушадского Звездочета, не больше и не меньше. А Звездочет не разменивал свой несравненный дар по мелочам.

— Говорите прямо. При чем тут Кадир?

Зеленые миндалины глаз наиба еще больше сузились, впившись в лицо Разна. Он же,

вздохнув, заговорил, медленно читая наизусть сотни раз повторенные строки:

— Пророчество звучит так. «В год Хвостатой звезды, следующий за годом Синего Дракона, во время правления хромого шаха, заплатившего левой ногой за славную победу, проснется Спящая в камне. И многие умрут в крови, огне и содроганиях земной тверди. Тьма рухнет на землю, подобно секире палача, мрак воцарится в сердцах людских, и закон обернется беззаконием. Но колесо Судьбы может повернуться иначе, если кровь ир-Дауда отведет беду. Трех должна собрать она под Хвостатой звездой у камня, чтобы расколоть его и навсегда преградить дорогу Спящей, имя же им Сила, Смерть и Любовь». Что-нибудь поняли, господин наиб?

— Не слишком... — Ансар ир-Дауд прикусил губу. — Разве что время... Сейчас как раз год Хвостатой Звезды, а он ведь повторяется невероятно редко. И прошлый принадлежал именно Синему Дракону?

— Хвостатая Звезда возвращается раз в двести сорок лет, — подтвердил Раэн. — А нынешний шах, да хранит его Свет, потерял ногу до колена в битве при Арусе, которую никто не назовет бесславной. В общем, чтобы сошлись все три условия, нужно несколько тысяч лет и невероятное стечение обстоятельств. Так что речь в пророчестве идет о нынешнем годе, это точно. Да и имя верховного предстоятеля! Кто мог знать его двести лет назад? А Ушадец любил такие шутки. После смерти вашего брата со всей его семьей осталось только три человека, в которых течет кровь ир-Дауда, вы и ваши племянники.

Наиб, хмурый, как снеговая туча в степи, кивнул. Раэн, помолчав несколько мгновений, продолжил медленно, словно ступая по натянутому канату:

— Мы с благодатнейшим Кадиром решили, что нет никакой нужды обнародовать это пророчество. А вот присмотреть за кровью ир-Дауда, способной отвести какую-то беду, очень даже стоит.

— Кто такая Спящая в камне?

— Хотелось бы знать, — пожал плечами Раэн. — Древняя богиня? Демон? Она может быть кем угодно. Благодатнейший велел перерыть всю храмовую библиотеку, но пока что там ничего похожего не нашли. Возможно, она известна под другим именем. А возможно, не известна вовсе. Ясно одно, потому что ир-Дауда нужно собрать троих, что должны будут со Спящей справиться. Но мы понятия не имеем, кто эти трое и где их искать.

— Смерть... Сила... Любовь, — медленно повторил наместник. — Это и все, что вам известно, почтенный?

— Все, к сожалению. Я не знаю, кто напал сегодня ночью и что ему было нужно. Может быть, смерть Надира. А может, нечто другое. Я даже не знал, кто будет целью, вы или Надир? И кто охотник. Но в любом случае теперь я собираюсь присмотреть за Надиром. Конечно, если вы не против.

— А если я буду против? — спокойно поинтересовался наиб.

— Тогда я постараюсь делать это так, чтобы вы не заметили, — невозмутимо отозвался Раэн. — Или не знали. Или вам не было до этого дела.

— Вы мне угрожаете, почтенный? — тихо поинтересовался наиб.

— Нет. Я предупреждаю. Ваш светлейший брат погиб от черной лихорадки, верно? И его жена с младшим сыном тоже. Странная лихорадка! Никто, кроме них, не заболел.

Раэн замолчал, обняв сплетенными пальцами колено. Сидеть на подоконнике было не так удобно, как на скамье, зато в спину приятно дул ночной ветерок, суша взмокшую от пота рубашку. И было хорошо видно обоих собеседников. Наиба, закаменевшего, словно статуя, только лихорадочно блестят глаза, да подергивается рассеченная когда-то бровь. И джандара, собравшегося, как перед прыжком.

— Начали, так говорите, — промолвил наконец ир-Дауд пугающе спокойным голосом.

— Не смотрите на меня волком, светлейший, — попросил Раэн, морщась от пойманной

волны холодной ненависти пополам с болью и тоской. — Вы ни при чем, это ясно. Меня в Харузе тогда не было, да и не знал я, что придется лезть в это дело. Так что сказать точно ничего не могу. Но проверку в храме Света вы ведь прошли? Даже зелья истины не побоялись. Да, я узнавал. Потому что не верю в такую лихорадку, что убила троих высокорожденных из одной семьи, но даже слуг не тронула. И вы ведь не верите? Только что-то роду ир-Дауд не везет последние лет десять. Кто погибнет в бою, кто вот так вот, от лихорадки...

Раэн помолчал. За спиной, во дворе, перекликались, суеились, но все это доходило как-то глухо, будто сквозь толстый ковер. А в комнате висела тяжелая густая тишина, хоть ножом ее режь. Да, умеет наиб слушать. Но сейчас — рано! О многом рано. А вот о чем-то — в самый раз. И он продолжил:

— Тогда я подумал, что кто-то расчищает поле. Убирает ваших родичей по одному. Только непонятно, что ему нужно. Погибнет род ир-Дауд, некому будет остановить беду, какая в том выгода? Разве что кто-то останется. И вот тот, кто останется, и будет указанной в пророчестве кровью... И от его смерти или жизни будет зависеть все, чему дано или не дано свершиться.

— Дальше, — прохрипел наиб, облизывая губы.

Раэн снова перевел дыхание.

— Дальше — ничего. Совсем ничего. Кто? Зачем? И прав ли я вообще? Может, все это — цепь случайных бед. Но из рода ир-Дауд осталось только трое. А год прошел уже наполовину. Сегодня Надир едва не погиб. Но могли погибнуть и вы, светлейший. Так что мы по-прежнему не знаем, о ком речь. Хотя я бы поставил на Надира. В последнее время его мучили дурные сны. И что будет завтра — вы правы — неизвестно. А теперь решайте, хотите вы прогнать меня подальше от своей семьи или рискнете оставить? Аккам далеко, и кроме Кадира ир-Шамси, за меня поручиться некому.

— Зачем вам это? — в упор спросил наиб. — Благодатнейший так хорошо платит? Если все это правда, я и за вашу жизнь ослиного хвоста не дам.

Раэн усмехнулся.

— Не все меряется деньгами. Вам ли не знать, светлейший. Зачем — это мое дело. И благодатнейшего ир-Шамси. А теперь тем более мое. Не люблю, когда среди ночи будят. И убивать не люблю. А уж за грань ходить, чтобы чью-то душу вернуть, за это никаких денег не хватит, знаете ли. Потому что если там останешься — деньги не помогут и больше не понадобятся. Но что теперь вы делать будете, светлейший?

— У меня осталась дюжина охранников, — глухо проговорил наиб. — Да и то из них четверо ранены. Вы, почтенный, в бою хороши. И Хазрет кое-чего стоит. Но если через пару дней на нас опять нападут? Не на постоялом дворе, а в степи? Демоны с этими гарнизонами. Я хочу уберечь Надира.

Джандар опустил глаза, хотя его-то винить было не в чем. Раэн по привычке закусил губу, разглядывая стену напротив. Ир-Дауд прав, еще одной такой атаки, тем более на открытом месте, им не выдержать. Предположим, он способен и на большее, чем ловко управляться с луком. А на что способна тварь в плаще? Выяснение этого может стоить Надиру жизни... Двое, неуловимо похожие друг на друга военной выправкой и статью, выжидающе смотрели на него.

— Я могу сделать вашему племяннику защитный талисман. От стрелы, от яда... От магии, в конце концов. Но я здесь на чужой земле и просто не в силах предусмотреть все. Если кому-то действительно нужно подобраться к господину Надиру, вряд ли мы сможем этому помешать. Разве что сумеем обмануть охотника. Есть чары, позволяющие на время поменяться внешностью. Пусть убийцы охотятся на меня. Я дичь хлопотная, при случае так огрызнусь, что никому мало не покажется.

— Вы и на это пойдете, почтенный?

— Пойду. Только вот поможет ли? И насколько? Боюсь, теперь и я на примете. Если кто-то решит убрать с дороги меня и перепутает с вашим племянником — выйдет не лучше.

Кстати, ему-то расскажете?

Ир-Дауд покачал головой, снова облизывая губы. Точно пора заканчивать. Только сердечного приступа у наиба сейчас для полного счастья и не хватает.

— Хазрет, к двери Надира — стражу. Хотя бы двоих. И пусть меняются почаще, чтобы не уставали. Проснется — сам с ним поговорю. Еду и питье...

— Я могу пробовать, — подсказал Раэн и получил настороженный взгляд, причем от обоих.

У джандара на лице так и читалось, что он думает о подозрительном лекаре и его небылицах. И что приглядывать за чужаком он теперь будет куда внимательнее. Наиб, впрочем, тоже смотрел искоса. Раэн устало вздохнул.

— Светлейший Ансар, я не враг вам и вашей семье. Разве я не доказал этого сегодня? Да, я опасен и скрывать это даже не собираюсь. А почему нет? Ягненок — очень милое существо, но для охраны от волков лучше иметь овчарку, не так ли?

— Вы правы, почтенный. Наверное, правы.

От навалившейся усталости наиб едва шевелил губами, к тому же боль в растревоженной ноге уверенно делала свое подлое дело, изматывая без того потратившего последние силы ир-Дауда. Но он все еще держался, не желая сдаваться слабости.

— Мы поговорим об этом завтра. И еще раз примите мою благодарность. Вы сказали, что не все можно купить за деньги. Но все-таки возьмите их. И помните, что пока род ир-Дауд жив, он платит долги и помнит услуги.

Раэн соскользнул с подоконника и поклонился. Кошель оттягивал руку и был совершенно ни к чему, но отказаться никак. Оскорбится же. Или просто не поймет. Что ж, будем играть роль целителя до конца и возьмем положенный гонорар. Отработал ведь. До сих пор колени дрожат.

— Завтра уже наступило, господин наместник, — откликнулся он. — Вот-вот рассветет. Но сегодня мы вряд ли сможем пуститься в дорогу. Отдыхайте, набирайтесь сил, думайте. Да помогут вам светлые боги не ошибиться, принимая решение...

Закрыв за собой дверь, Раэн еще немного постоял на лестнице. Потом принялся неторопливо спускаться, морщась от снова накотившей тошноты. Есть уже не хотелось. Только вымыться, напиться холодной чистой воды и лечь спать. В доме суэта почти стихла, лишь время от времени пробежал кто-то из домочадцев хозяина. Вот почти проскочила мимо служанка с парой кувшинов. Раэн, увидев знакомое личико, улыбнулся, поймал девочку за рукав и уже открыл рот, чтобы попросить принести воды. Обожгло. Окатило волной страха. Она даже рукав не выдернула. Так и замерла, опустив глаза и бормоча что-то почтительное отвратительно тонким испуганным голоском.

Раэн стиснул зубы. Значит, вот как. То ли случайно заглянула в комнату, то ли позвали за чем-то. А призыв души — это страшно. Он ведь ее даже не заметил. Может, только глянул в ее сторону. И вместо чужеземного красавчика-целителя, с которым ей так понравилось болтать, плескаться водой, выяснять, как целуются на западе, — в общем, понравилось! — девочка увидела чудовище, из глаз которого смотрела тьма. Та тьма, из которой он как раз вытаскивал Надира....

Рукав он отпустил. И даже сказал, что ничего не нужно. Улыбнулся слегка, чтобы дурешка не испугалась еще сильнее, проводил взглядом метнувшуюся совсем не туда, куда шла, фигурку. Ничего, бывает. Если бы она знала, с кем... Ей же лучше, что не знала. Спокойней. А ему урок, чтобы не забывал, кто он. И не расслаблялся на работе... целитель.

Потом он вышел во двор и присел на ступеньки. Прислонился боком к столбикам перил, лениво подумал, что повезло ехать по степи летом. Зимой здесь буранные ветры и снега. Не зря же хозяин постоянного двора поднял дом повыше и пристроил крыльцо — штуку на Востоке редкую. Ухнув, пролетела ночная птица, крупные мотыльки затанцевали в

лучике света от фонаря над головой, расстрекотались притихшие было сверчки. Не считая этой обычной ночной жизни, во дворе было тихо и безлюдно, лишь темные пятна на плотно утоптанной глине напоминали о боли и смерти, да веяло временами тяжелой волной запахов от тел, сложенных у стены.

Бой — это не только кровь, что так ярко смотрится на батальных полотнах и фресках, но и грязь, и вонь от разрубленных тел. Наемники-убийцы и солдаты ир-Дауда, с которыми Раэн делил ночлег, тепло костра и густую пряную похлебку — смерть уравнила всех. Рыжий Тарман, болтун Шемси, близнецы Хатур и Хамур... Скольких он не досчитается завтра утром? А скольких мог бы спасти, если бы не выложился до дна, исцеляя Надира? Они не были избранными. Просто люди, которые еще несколько часов назад смеялись, ругались, засматривались на девушек-служанок и норовили добраться до отрядных запасов вина. Их не упомянули в пророчестве. А он не истинный целитель, способный вволю черпать силу богов. Один выход за грань — или несколько жизней. Ведь кого-то надо было просто быстренько залатать, остановить кровь, срастить рассеченные ткани... Куда легче, чем вытаскивать высокородного ир-Дауда.

А теперь поздно. Теперь надо вести игру дальше. Добиться доверия наиба. Не врать. Всего лишь умолчать кое о чем.

Так, например, наместнику совершенно не нужно задумываться, что кровь ир-Дауда течет не только в мужчинах, но и в госпоже Наргис, прозванной Черной Невестой Харузы. Не стоит ему, пожалуй, знать и то, что весь последний год, пока Арвейд Раэн искал разгадку пророчества, за близнецами ир-Дауд очень внимательно приглядывали самые разные люди, от тайной храмовой стражи ир-Шамси до наемников самого целителя. Ансар, конечно же, понял, что с ним далеко не во всем откровенны. Но того, что он знает, вполне достаточно.

Рассвет огромной розовой кистью уже красил полосу над высокой стеной, окружающей постоялый двор. Один за другим стремительно исчезали светлячки крупных южных звезд. В конце концов осталась только одна, самая упорная. Сидя на теплых деревянных ступенях, отполированных тысячами шагов, Раэн долго смотрел на узенькую недлинную полосу кометы, переливающуюся то желтым, то белым, то голубоватым. Хвостатая Звезда, редкая гостья этого неба, только начала свой путь от одного края горизонта до другого. Но год закончится быстрее. Раэн почти ощущал, как утекает неуловимое драгоценное время...

ГЛАВА 4. Пери из золотой шкатулки

Харуза болтала, кричала, пела. Зазывала и умоляла, ругала и смеялась, грозила и шептала. Обрушивалась водопадом красок, звуков, запахов. Иногда весь город от шахского дворца до нищих кварталов казался Раэну неким организмом, пронизанным единой нервной системой... Мать городов, Хозяйка тысячи дворцов и одного базара, как не без лукавства именовали ее по всему континенту, многозначительно закатывая глаза и прищелкивая языком от невыразимого восхищения.

А если случался наивный, что удивлялся и спрашивал, почему базар — один, ему снисходительно объясняли: так вся столица — огромный базар, куда ни глянь. Перекресток морских и караванных путей, сердце огромной страны, бьющееся непрестанно, рассылая свежую кровь по всем уголкам шахства. Никогда не засыпающий город, где за должность базаргина, главного базарного смотрителя, борьба бывает яростнее, чем за шахский престол.

Ибо шах держит ответ за свой народ перед богами, и тяжел бывает этот ответ, а базаргин отвечает только перед шахом. Шах же хоть строг, но милостив, он прекрасно понимает, на чьих плечах держится его власть. Если шахский дворец — голова державы, то базар Харузы — ее душа. И не один повелитель слетел с высокого золотого престола, не угодив душе своего шахства. Потому что базар всегда знает правду. И как же он прекрасен!

Серые гранитные плиты, которыми были выложены все площади и улицы для торговли, услужливо и радушно стелились под сандалии. Одна за другой накатывали волны запахов и звуков, перекликались то гортанные, то певучие, то шипящие голоса. Специи, рыба, духи, кожа... Переливы ярких тканей и блеск лошадиной шерсти, жемчуг, сандал, расписная глина!

Раэн шел, никуда не торопясь, наслаждаясь неповторимой суматохой харузского базара. Со всех сторон окликали торговцы, обещая неслыханную скидку и необыкновенное счастье, если светлейший господин обратит взор именно к их прилавку. Сам базар так расползся гигантским спрутом, что и за три дня не обойдешь. Поэтому Раэн шел напрямик, разве что выбирая самые спокойные ряды: ювелиров, алхимиков, продавцов дорогих тканей, благовоний и лечебных снадобий. Торговцы здесь были серьезными и степенными, никто не хватал за рукав, не кидался наперерез, умоляя отведать совершенно бесплатно и купить, только если понравится.

В рядах зельеделов его, кстати, знали многие. Раскланивались, желали здоровья и благополучия, провожали взглядом. Раэн кланялся в ответ, с парой мастеров перекинулся словечком, одному оставил заказ на мелочевку, которую лень было готовить самому. Увидев новое лицо, приглядывался, запоминал. Вынырнув из тишины и благолепия на большую, наполненную гомоном площадь, остановился у жаровни лепешечника, указал на ломти жирной ягнятины, вымоченной в гранатовом вине, тонко нарезанной и отбитой, наперченной и переложенной душистыми листьями дерева хен для защиты от мух. Поднял три пальца.

Лепешечник, расплывшись в улыбке, подхватил указанное количество ломтей, шлепнул на сковороду с кипящим маслом, а сам принялся рубить свежую зелень. Через несколько минут, выудив сочащееся жиром мясо, ловко уложил его на еще теплые тонкие лепешки, пересыпал зеленью, плотно свернул и пожелал удовольствия щедрому господину. Раэн, оценив намек — ах, Харуза! — бросил на тарелку серебряную монету и пошел дальше, не слушая восхвалений и благодарностей, раздававшихся за спиной.

На другом конце площади гомонили особенно сильно. Временами оттуда раздавался дружный всплеск возгласов и детский визг. С наслаждением жуя истекающее пряным соком мясо, Раэн подошел поближе. Визги и крики окружали палатку фокусника, дававшего представление на маленьком пятачке у самого края площади. Фокусник тоже был знаком. Невысокий тощий парнишка в богато расшитом золотом халате и пышной чалме извлекал из магического жезла шелковые ленты, рассыпал розы и мотыльков. И только другой чародей мог бы заметить, что золото и камни на халате — такая же иллюзия, как цветы и бабочки. Народ послушно ахал, но расставаться с деньгами не торопился, в глиняной миске перед рыночным чародеем лежала жалкая горсточка меди.

Протолкавшись поближе, Разн поймал взгляд фокусника, озорно ему подмигнул. Тот, радостно блеснув глазами, привычно подхватил игру. Отложил жезл на маленький, покрытый фальшивой, как и халат, парчой столик, сделал многозначительную паузу. Вынырнувшая из палатки девчушка лет пяти ударила в кожаный барабан больше ее самой. Пока рыночный чародей торжественно вещал, что только сегодня почтенной публике дозволено увидеть великое волшебство, пришедшее из глубины времен, Разн приготовился. Дожевал промасленную лепешку, поднес к жирным губам пальцы, делая вид, что вытирает рот.

Юный чародей закончил нести немыслимую чушь про легендарных магов страны Хамтур, поделившихся с ним своим искусством, — не иначе, как с того света! — подхватил жезл, начертил им в воздухе что-то немыслимо сложное, замахал свободной рукой... Разн беззвучно проговорил несложное заклинание, действующее как спусковой механизм для только что придуманной иллюзии.

С конца жезла сорвался сноп разноцветного пламени, рассыпал вспышки искр. Под аханье зрителей пламя сменилось огромным розовым бутоном, тот на глазах раскрылся, и из сердцевины цветка вылетел крошечный птенец. Стремительно вырос, обернулся гигантским, сияющим всеми цветами радуги фениксом, как их рисуют на стенах храмов, сделал круг над взывшей от восторга толпой, едва не касаясь макушек длинным хвостом, и рассыпался кучей крошечных розочек, что исчезли, не долетев до земли.

Зрители топали ногами, хлопали себя ладонями по плечам, вопили и пищали, смотря по возрасту. Разн усмехнулся и снова подмигнул расплывшемуся в счастливой улыбке фокуснику. Девчонка уже обходила зрителей с миской, требовательно заглядывая в глаза. На этот раз монеты сыпались частым дождем, серебро и медь вперемешку, — Харуза умела ценить редкое зрелище.

Покопавшись в кошельке, Разн вытащил золотой, перехватил смуглую ручку и сунул монету. Девчушка, бросив взгляд на невиданную редкость, рванула к фокуснику, отдала золотой ему и вернулась к зрителям, старательно протягивая миску каждому. Разн снова улыбнулся в ответ на просящий взгляд чародея, кивнул и стал пробиваться через толпу.

Придется показать пару новых фокусов. Это, конечно, не настоящее обучение, но для рыночного чародея — редкая возможность! Разн несколько раз предлагал ему денег на гильдейский взнос. Просто так, в подарок. И только тогда узнал, что известный всему рынку фокусник Марей — на самом деле девушка. Худая некрасивая девчушка, прикрывающаяся личиной мальчика и от гильдии магов, что не потерпела бы у себя женщину, и от Ночной семьи — та бы как раз приняла ее с радостью. Знания Марей хватала на лету, талант мага у нее был небольшой, но крепкий. Но женщина-маг — не для Востока, а в жрицы или воровки Марей не хотела, вот и пряталась.

Дальше уже не было ничего интересного. Обычные продуктовые ряды, где его за серьезного покупателя не считали, понимая, что чужестранец в дорогой одежде покупать круги золотисто-копченого и жемчужно-белого сыра станет вряд ли. И связки сушеной хурмы ему тоже без надобности. Таким, как он, готовят слуги. Так что эту часть Разн миновал быстро, пересек еще пару площадей, где торговали шальями и платками, и наконец вышел за границу базара.

Здесь все еще тянулись ряды, но купцов было куда меньше: мало кто хотел давать стражникам взятки за негласное позволение торговать где угодно. Пусть защита стражи на базаре была больше для вида, но торговцы, не способные заплатить за нее, оказывались вообще вне закона. Их могла взять под крыло разве что Ночная семья, которая тоже требовала свою долю. Поэтому за пределами базара, торговали только самые бедные, либо, наоборот, жадные. Или отчаянные.

Здесь у него и попытались срезать кошелек. Пристальный взгляд сверлил спину уже давно, и Разн был настороже. Оказалось — не зря. Благообразный мужчина средних лет, одетый как небогатый купец, споткнулся о неровную мостовую — это не рынок, здесь вместо плит была грубая кладка из булыжников — схватился за его рукав и принялся многословно извиняться.

Разн вежливо покивал, вытащил прямо из воздуха собственный кошелек, проведя им перед носом незадачливого вора, поцокал языком при виде обрезанной тесемки. Глядя в ошалевшие глаза, посетовал, что ворья нынче развелось — честному человеку по базару

не пройти. И не сходит ли уважаемый за стражей, а то бедному чужеземцу и заплутать недолго? Уважаемый судорожно закивал, обещал сейчас же привести стражу и исчез быстро, словно его самого заколдовали.

Раэн вздохнул. Этот, похоже, в свое время так и не набрал денег на взнос в гильдию магов. Или не захотел. Конечно, чародею не почуять чужой силы — позор. Но не сдавать же и правда страже? Сдерут денег и отпустят. Хотя могут и пальцы отрубить в назидание остальным, если не заплатит. Не то чтобы жаль, скорее противно. Да и с Ночной семьей ссориться из-за такого пустяка совершенно не с руки. Только почему этот дурак раньше не рассмотрел в нем чародея, если так долго приглядывался? Совсем слаб? Да и взгляд был неправильным. Не чувствовалось в нем магии, обычная слежка. Наверное, вдвоем работают, вот напарник и промахнулся, выследил не того.

Оставив позади центр, он прошел тихими улочками к восточной стороне, самой благоприятной и ценимой, где располагались окруженные высокими каменными или кирпичными заборами дворцы знати.

Вопреки гуляющим по остальной части шахства сказкам и легендам, крыши здесь не были позолоченными. И высокородные красавицы, жаждущие влюбиться в первого встречного, навстречу не попадались. Иногда мимо проплывали на крепких плечах носильщиков легкие бамбуковые паланкины с расшитыми занавесками. Возможно, красавицы прятались именно там? Скорее их отцы. Раэн снова заулыбался. Настроение было неприлично хорошим без всякого на то основания. Заботы, кровь, смерти — все это осталось в степи. Иллюзия, конечно. Такая же, как золото на заплатанном халате мальчишки-чародея. Только куда опаснее. И все равно — как же здесь славно!

Свернув в очередной переулочек, он остановился перед высокими воротами с тамгой ир-Даудов. На бронзовой ярко начищенной бляхе, привинченной к полированной темной древесине, красовались перекрещенные стрелы в круге — память о близнецах-основателях рода. Наверное, близнецы у ир-Даудов — это наследственное. Если Наргис похожа на брата не только внешне, но и характером...

Раэн содрогнулся. Только второго Надира в юбке ему и не хватает. Почему девушка до сих пор не замужем, в двадцать-то лет? Предстоятель Кадир говорил о проклятии, назвав Наргис Черной Невестой, однако добавил, что сам в слухи не верит. Впрочем, и НаDIR не женат, хотя с его вкусами это неудивительно... Раэн постучал в ворота тяжелым бронзовым кольцом. Или удивительно? Вкусы — личное дело каждого, а род продолжать надо. Особенно, если ты последний мужчина в нем. Ох, темнит наиб. Не хуже самого Раэна. Что-то он знает. Но не зельем правды же его поить? Неизвестно, что спрашивать.

Усатая физиономия выглянула в окошечко на воротах, осведомилась, что нужно уважаемому? Раэн протянул руку, показал кольцо на пальце. Усатый, придирчиво рассмотрев перстень, загремел засовом, открывая калитку, почтительно поклонился.

... Провожатый шагал впереди, время от времени бдительно оглядываясь, словно Раэн мог потерять его из виду. Или отстать. Или нарочно скрыться в зарослях буйно цветущих кустов. Мощенная разноцветными кирпичами дорожка прихотливо петляла, огибая то стриженое миртовое деревце, то гранитную глыбу, оплетенную мохнатой лианой, то засохший древесный ствол, увешанный плетеными корзинками, из которых свисало что-то бело-голубое, похожее на водоросли. Похоже, кто-то собирал садовые редкости со всего континента. Пестрые попугайчики галдели в глициниях, выпархивали из кустов, а однажды прямо перед Раэном с ветки на ветку перелетела пара обезьянок, возмущенно цокоча и взвизгивая.

Поворот, еще один, и еще... Раэн уже заподозрил, что его водят кругами, не может обычный городской сад раскинуться на таком пространстве, но внутреннее чутье подтверждало — может! Шли они все-таки вперед, хоть и медленно. Вот уже показались в просветах между деревьями полукруглые черепичные крыши, утопая в плюще, затянувшем стены. Вот дорожка стала куда шире и прямее. Блеснула на солнце гладь пруда — истинная роскошь для Харузы, не избалованной родниками. На воде томно покачивались белые лотосы с нежно-розовыми серединками, так что Раэн невольно помедлил на горбатом деревянном мостике, засмотревшись. И чуть не уткнулся в спину остановившегося стража.

— Прощения прошу, почтенный целитель...

В голосе привратника звучало смущение. Он неловко топтался посреди мостика, не идя дальше и мешая пройти Раэну.

— За что, уважаемый?

— Госпожа там. На прогулке. Неловко оно выходит, почтенный...

— Отчего же? — усмехнулся Раэн. — Я ведь все равно к ней иду.

— Так-то оно так, да неловко. Без позволения, без ее ведома...

Раэн вздохнул. Действительно, не по традиции. Гостю следует ждать, когда высокородная госпожа, извещенная о нем, соизволит выйти к посланцу дядюшки. Или его позовет к себе. А может, велит просто взять у него письмо, не удостоив чести увидеться. Встреча с незнакомцем в саду не для церемонного Востока. Но раз уж так вышло, не упускать же случай взглянуть, как прогуливаются харузские красавицы? Она ведь близняшка Надира — непременно должна быть красивой.

— Вот что, уважаемый. Я постою здесь, а вы доложите госпоже.

Раэн шагнул к перилам и оперся о них, показывая, что не рвется вперед, рукав задел какую-то бечевку, тут же звякнул колокольчик. Громко плеснула вода — мелькнул серебристый хвост крупной рыбы. Надо же, дрессированная... Усатый неуверенно оглянулся на него, и, поколебавшись, рысью припустил вперед. Раэн лениво поднял голову, глянул.

Охранник был уже шагах в пяти. А в семи — она. Сияющая. Облитая солнцем, как золотом, пронизанная им. Деревья кончились, перед Раэном расстилалась целая поляна роз, посреди которых стояла... Наргис, да! Не без труда он вспомнил, что это — имя. Ее имя. Покатал на языке, пробуя, прислушался, как в первый раз. Имя ложилось холодком первого звука, длилось открыто и ясно, раскатисто дрожало, грея тихим рокотом, и уходило в шелест окружающих ее роз. Он шагнул вперед. И еще. Забыв, что собирался ждать, что нельзя, не положено ему, лекарю, только по названию — почтенному, а так — бродяге и чужестранцу. Забыв обо всем, кроме ее имени, золотого света, отблесками дрожащего на смуглой коже, и одуряющего запаха роз. А если бы помнил — то даже не подумал остановиться.

Она стояла возле огромного старого куста. Мелкие кроваво-красные бутоны, сильнее облепившие нижние ветви, тяжестью пригнули их к земле, отчего куст напоминал фонтан крови, бьющий из рассеченной артерии. Она же стояла почти на цыпочках, срезая верхнюю ветку, вытянувшись, как язык белоснежного пламени. Платье. Всего лишь белое платье из блестящего чинского шелка, узкое, до земли, облегающее ровные округлые плечи, совершенной формы грудь, изысканную амфору бедер. Черная корона подобранных кос, изгиб шеи, алые блики на белом шелке, тревожные, словно кровь на снегу...

Она повернулась к стражу, бросив, наконец-то, ветку, опустила руки — и Раэн смог выдохнуть. И даже отвести глаза. И поклониться, пряча лицо. Почтительно поклониться, низко, не спеша выпрямляться. Не смотреть же на нее такими глазами! Моя. Хочу. Не моя — так будет. Кровь билась в висках, горели губы, сохло во рту... Что-то говорил страж, глядя на него хмуро и настороженно, но Раэн все-таки сглотнул горячий воздух, комом ставший в горле, и заставил себя замереть. Как охотник перед ланью. Не спугнуть. Ни движением, ни взглядом, ни дыханием — только не спугнуть!

«Не лань. Точно не лань. Уж скорее дикая кошка», — мелькнуло, когда она сама шагнула навстречу, мягко, пружинисто, совсем не по-девичьи хищно. Уверенно встретила его взгляд — и на Раэна будто плеснуло ледяной морской водой. Такой вот, зеленой, она бывает у скал, с которых можно прыгать без опаски — дна все равно не достать. И неважно, что поверхность прогрета солнцем, внизу — холод и мрак. И это сестра Надира? Близнец, вторая половина? Невозможно! Хотя...

«Отчего же? — шепнул голос из глубины его собственной тьмы. — Разве холод не обратная сторона тепла? Благодарю богов, что они поделили этих двоих пополам. Иначе — устоял бы ты? Хватит ли тебе огня, чтобы согреть ее лед? И не сгоришь ли ты в ее пламени? А она — в твоём. Она человек. Всего лишь человек! Слабый, кратко живущий...

По сравнению с тобой — бабочка-однодневка. Тронь пестрые атласные крылышки — и без того жалкий срок сократится еще сильнее...»

Но как же хороша! И почему до сих пор не замужем?! Где червоточина? Проклятие, погибшие женихи... Плевать! Он снимет любое проклятие, в этом мире не может быть ничего, с чем он не справится.

— Почтенный?

Голос привратника хлестнул по нервам. Опомнившись, Раэн непослушными пальцами расстегнул кошель, путаясь в складках тонкой кожи, вытащил свернутый в трубочку лист, залитый на торце сургучом. Повернув печатью вверх, сунул письмо подозрительно взирающему привратнику и снова нарочито медленно согнулся в поклоне, на этот раз почтительно-изысканном, тщательно рассчитанном. Выпрямился. Она смотрела на него, потом, протянув обнаженную до плеча смуглую руку, не глядя взяла у стража бумажную трубочку, все так же не отводя взгляда. Смотри, девочка, смотри. Таких, как я, ты нечасто видела. И видела ли вообще?

— Светлейшая госпожа... Наиб ир-Дауд, пусть пребудет он в мире и благоденствии, шлет вам привет и благие пожелания.

Чуть склонив голову набок, она всмотрелась в печать, и, не вскрывая письмо, снова подняла глаза на Раэна.

— Благословение богов на моего драгоценного дядю. Здоров ли он... почтенный целитель?

В мягком грудном голосе слышалось сомнение. Не верит? Почему? И почему так внимательно смотрит на лекарский знак, привычно болтающийся на груди?

— Когда я покидал светлейшего наиба, и он, и господин Надир были совершенно здоровы.

Повинуясь наитию, Раэн поднес бронзовую бляшку к губам, подтверждая свои слова магической клятвой, как принято у храмовых целителей. Вспыхнуло бело-зеленым, и в холодно-строгом лице Наргис что-то дрогнуло, смягчилось. Да в чем дело? Неужели только в его виде, далеко от привычного образа почтенного старца-лекаря? Нет, здесь что-то другое. Слишком много напряжения. Не любопытство, а... страх? Далеко стоит — трудно понять всю гамму... Но страхом веет отчетливо.

— Да хранит их Свет, — тихо откликнулась Наргис. — Благодарю вас, почтенный.

Замерев с письмом в руке, она еще раз окинула его долгим взглядом, от белой шелковой рубашки и дорогих тонких штанов до щегольских сандалий узорчатого плетения. Словно невзначай задержала взгляд на серебряном поясе — да, храмовые лекари такое не носят, дороговато для них будет. Разве что служат при дворе шаха или... наиба области. Снова подняла глаза, изучая лицо...

Раэн стойчески выдержал осмотр, борясь с искушением поймать взгляд Наргис и чуть-чуть подтолкнуть к нужному решению. Смотри, девочка. Я очень благопристойная личность, хоть и чужестранец. Не бойся, пригласи меня в дом, расспроси о дяде и брате. Ты ведь так долго их не видела, ты беспокоишься... И одернул себя, гася уже готовую формулу воздействия. Нельзя. На чужой земле, защищенной местной родовой магией! Опасно. И в высшей степени подозрительно. Доказывай потом, что всего лишь хотел познакомиться поближе.

— Еще не сменится луна, как я снова отправлюсь в те края. Не прикажет ли светлейшая госпожа передать ее ответ наибу?

Раэн говорил ровно и спокойно, словно с норовистой лошастью, стараясь успокоить ее звуком голоса. Расслабил и опустил плечи, чуть склонил голову, копируя позу Наргис. Взгляд — мягкий, ненавязчивый, не прямо в глаза, а мимо — на мочку уха. Не страшно ведь, да? Я — хороший. Кто же тебя напугал? Тонким слоем размажу. В самом прямом смысле!

И она дрогнула. Заколебалась, но почти сразу же выпрямилась, вдохнула глубоко...

— Войдите в дом, почтенный, будьте гостем нашей семьи.

Потом он сидел среди горы узорчатых подушек на толстенном красно-черно-голубом ковре и пил обжигающий кофе из маленькой фарфоровой чашки. Конечно, наедине с Наргис его не оставили, какие-то старухи в цветастых платьях окружили почтенного господина целителя, наперебой подсовывая печенье, сырны лепешки, варенные в меду орехи, сушеные и свежие фрукты... Не желает ли почтенный еще кофе? А может быть, лимонного шербета, чтобы освежиться? Варенья из лепестков роз? Госпожа сама собирала свежие бутоны. И как здоровье драгоценнейшего господина Ансара? Говорят, ночи в степи и летом холодные, а у него ломит кости. Здоров ли Надир, бедный мальчик? Госпожа совсем извелась в разлуке с братом, ведь раньше они никогда так надолго не расставались!

Раэн улыбался, покорно жевал тягучее приторное варенье, кивал и отвечал, отвечал, отвечал... Совсем рядом, в двух шагах, на низком, покрытом ворохом шалей диванчике, Наргис читала письмо, отделенная от него стеной услужливости и беспокойства. Хмурилась, торопливо бегая взглядом по строчкам, закусывала губу.

Раэн же цедил кофе, прикрываясь чашкой от бесконечных расспросов, и думал о том, что варенье пахнет не розами, а ею, что между бровей у нее — чуть заметная складка, а на руке немного выше локтя — несколько крошечных царапин с уже подсохшими капельками крови. Неужели не нашлось, кому срезать проклятую ветку? И что, в сущности, в ней нет ничего особенного — еще одна красивая девушка, которых здесь, как цветов. И совершенно непонятно, почему... Впрочем, понятно: в Дом удовольствия пора заглянуть, только и всего. А еще — что она кого-то ждала. Белоснежный шелк с золотым поясом, тяжелые узорные кольца-серьги, цепочка с янтарной каплей в золотой оправе — наряд совсем не для садовых работ. И ветку она так и бросила там, на дорожке, зачем же срезала? Для кого?

Допивая третью чашку, он думал, что это уже напрасные страхи, мало ли зачем богатая, не обремененная заботами девушка может срезать розы. И может быть она всегда ходит дома в платье ценой в годовой заработок мастера-ремесленника. И боится любого незнакомца, много ли она их видела в золотой шкатулке харузской усадьбы за высокими стенами? А пальцы у нее тонкие, холеные, с нежно-розовыми ноготками в форме миндалин, такими только бутоны и собирать. Или шить шелком и жемчугом. Что там они еще делают, высокородные красавицы из местных сказок? Ах да, влюбляются в незнакомцев сразу и на всю жизнь...

Дочитав, она подняла на него безмятежный, совершенно непроницаемый взгляд. Улыбнулась приветливо и безучастно идеальной фарфоровой улыбкой, холодной, как стакан с шербетом, подsunутый кем-то из прислуги. И суетливая толпа, хлопочущая вокруг, как-то незаметно растворилась, повинувшись то ли едва заметному движению бровей, то ли просто взгляду.

— Дядя пишет, что ваше искусство спасло его драгоценное здоровье, почтенный. Да хранят вас светлые боги, господин целитель.

— Мое имя Арвейд, госпожа. Арвейд Раэн. Помочь светлейшему ир-Дауду было для меня честью и удовольствием.

Почему она не спрашивает о брате? Ансар не стал писать о его ране, чтобы не беспокоить любящую сестру? А о нападении? Проклятье, стоило плюнуть на принципы и прочесть письмо... И Ансар хорош, мог бы предупредить, о чем не стоит ей говорить.

— Ваш светлейший брат тоже передает вам привет, госпожа.

Вот это уже было почти враньем — даже в висках предупреждающе закололо от такой, на грани лжи, правды. Они и виделись-то всего пару раз: сначала Надир долго отсыпался после исцеления, потом было не до разговоров, Раэн занимался остальными ранеными, а рядом всегда торчали бдительный джандар и пара охранников. Поговорить с племянником наiba по душам так и не вышло, разве что кошмары его, вроде бы, мучить перестали. Так что никаких приветов напрямую Надир сестре не передавал. Но наиб, высказывая традиционные благопожелания, обронил «от меня и Надира», и, значит, формально Раэн не солгал.

А у Наргис при имени брата снова дрогнуло невозмутимое лицо. Только неправильно как-то дрогнуло, мгновенно и неприязненно, словно тень набежала — и скрылась. И вспомнилось, что Надир ведь никогда не говорил о сестре, словно ее и нет на свете. Болтал без умолку о чем угодно: о стихах, дворцовых сплетнях, модной вышивке жемчугом и способах повязывать пояс, чтобы по узлу посвященные могли прочесть сердечные склонности... Даже об оружии как-то рассуждал, хоть понимал в нем не больше, чем его дядя в благовонных притираниях. Но только не о сестре, с которой, как твердит стайка приживалок и служанок, не расставался и жил душа в душу. Ах, как любопытно!

— Да пребудет с ним милость небес, — вежливо и совершенно равнодушно отозвалась Наргис, касаясь лба тремя пальцами во славу светлых богов. — Дядя пишет, что его болезнь задержала караван, зато теперь он отправится прямо в Гюльнару, заезжая только в те города, что будут лежать прямо на пути. Вы бывали в Гюльнаре, почтенный?

— Увы, нет, — отозвался Разн, ставя чашечку на стол и поворачивая ручкой от себя, чтобы кофе больше не подливали. — Но слышал, что это красивый город. Весной там цветут гранаты, и улицы тонут в алой пене садов. Еще я слышал про источник Марута и Джани. Тот, что дарит испившим из него верную любовь. Не знаю, впрочем, правда ли это.

И снова в зеленой бездне так быстро мелькнула тень, что Разн усомнился, не показалось ли ему. А следом резанула боль — кинжально-острый отголосок чужого чувства, скрутивший внутренности. Хорошо, что успел поставить чашку, иначе несдобровать бы хрупкому чинскому фарфору. Даже в глазах потемнело...

— Полагаю, это мой брат рассказывал вам легенды о верной любви, почтенный? — послышался сквозь туман стылого отчаяния — чужого, но такого близкого отчаяния — насмешливый голос.

Как будто и не этой девочке сейчас больно так, что лишь тень ее боли режет сердце.

— Господин Надир знает много историй, — помолчав и переведя дух, ответил Разн. — Но эту мне рассказывал не он. Даже и не припомню, от кого услышал ее впервые. Но я не верю в любовь, которую можно выпить с водой из родника.

Что же он сказал не так? Весь восток знает эту легенду, сладкую, как хваленое розовое варенье, вкус которого не перебил даже крепкий кофе — так и стоит во рту... А взгляд такой, словно он... оскорбил? Нет. Просто сделал больно. Очень больно — и всего парой слов. Надо подумать. Потом. Потому что сейчас думать почти невозможно. Что у нее за духи? Совсем не те приторно-цветочные ароматы, от которых не продохнуть рядом с местными красавицами. И при чем здесь Надир? Да она же решила...

Разн едва не расхохотался. И здесь от племянничка наiba сплошные хлопоты! Но если дело только в этом... Почему боль и тоска? И она ждала кого-то... Может быть, ждет и сейчас, а приходится развлекать бродягу-чужестранца.

— Ваше гостеприимство согрело мне сердце, госпожа ир-Дауд. Простите, что осмелился докучать вам.

Встав, он церемонно поклонился, ни на мгновение не забывая о множестве любопытных глаз и ушей. Поймал слегка удивленный взгляд, посмотрел в упор, медленно выговаривая каждое слово:

— Ваш сад прекрасен, как я успел заметить. Но чужому человеку в нем не грех заблудиться. Могу ли просить, чтобы кто-нибудь проводил меня к выходу?

И еще один поклон. Неужели не поймет? Разве что по этикету не положено?

В ответ тихонько прошелестел шелк, когда она встала.

— Гость моего дяди не чужой человек здесь, почтенный Разн. И если дела уведут вас из нашего дома, я рада сама показать дорогу, чтобы вы хорошо ее запомнили. Пусть ваше сердце поскорее приведет вас обратно к нашему очагу.

Из дома они вышли молча. Разн вежливо следовал в полушаге справа, а следом

тянулась, шушукая, стайка тех, в ярких платьях. Он действительно решил, что им дадут несколько минут без чужого присмотра? Не иначе розовое варенье размягчающе действует на мозг. Ну что бы этим клушам куда-нибудь провалиться хоть ненадолго? И что тогда? Что это изменит?

Ее платье чуть слышно шелестело совсем рядом. Было обидно и почему-то грустно. Дорожка, одуряюще пахнущие клумбы, лилово-голубые гроздья глициний почти до земли. Надоедливые попугаи... А ветка роз так и валяется на том же самом месте, только успела завясть на солнце. Проходя мимо, Раэн подхватил колючую плеть, бездумно повертел в пальцах.

— Вы любите розы, госпожа? — спросил у белого шелка впереди.

Она обернулась. Взглянула удивленно, потом взгляд смягчился, став едва ли не виноватым.

— Ох, я и забыла... Выкиньте эти, почтенный Раэн, они уже ни на что не годны.

— Ну почему же, — негромко возразил Раэн, радуясь остановке. — Если госпожа позволит!

Наргис смотрела, по-детски приоткрыв рот. Восхищенно смотрела, словно никогда не видела даже простеньких балаганных фокусов. А может, и впрямь не видела? Сказочная пери из золотой шкатулки... Он легонько качал ветку на раскрытых ладонях у самого лица, грея дыханием смятые, обожженные солнцем лепестки. И они отзывались, на глазах наливаясь нежной свежестью. А он из-под опущенных ресниц смотрел на нее, глядящую на розы. И остановился, только когда понял, что увлекся.

Вместо маленьких полудиких розочек стебель покрывали пышные и огромные, в полладони, комки тугих атласных лепестков, похожие на прежние только цветом. Что ж, так вышло даже эффектнее. Раэн беззвучно прошептал формулу, закрепляя сделанное и запирая силу в ненароком созданном артефакте. Подумав, вплел тонкую ниточку в сердцевину структуры. Вдруг пригодится?

— Вот, госпожа, — улыбнулся, протягивая ветку в доверчиво подставленные ладони. — Теперь они не увянут очень долго.

Охали и ахали давно окружившие их домочадцы, перешептывались вполголоса, посорочьи трещали, спрашивая что-то. А Наргис смотрела на цветы удивленно и растерянно, потом на него — и опять на цветы. И опять ему показалось, что рядом плещется целое море тоски. Ледяное зимнее море...

— Благодарю, почтенный, — тихо проговорила она, фарфорово улыбаясь. — Вы настоящий чародей, как видно. Прекрасные розы... Идемте.

Ветку она так и сжимала в побелевших пальцах, не замечая, что острые колючки — не додумался убрать, дурень! — впиваются в кожу. И так же, как он, обращала на галдящую свиту внимания не больше, чем на попугаев. Да что же здесь такое творится? Раэн, уже почти не скрываясь, потянулся к ней внутренним взглядом, ища следы проклятия, чар — чего угодно! Ни-че-го... Легкая дымка от янтарной капли, оказавшейся очень качественным защитным амулетом — ну так это и понятно. Никаких изменений структур, характерных для проклятия, никакого чужого влияния. На ней даже простенького сглаза не было, который может повесить завистливая подруга или неудачливая старая дева из приживалок.

— Идемте, — согласился он и, плюнув на этикет, шагнул к ней, повернувшейся, пошел рядом. — Простите меня, госпожа.

— Простить? За что?

— Мне показалось, я сделал что-то не то. Может быть, нарушил какой-то обычай? Я ведь чужестранец. У меня дома все иначе. Поверьте, я ничем не хотел обидеть вас. Это всего лишь цветы. Выбросьте их, если не нравятся.

Несколько мгновений она молчала, потом отозвалась тихо и ровно.

— Не за что просить прощения, почтенный Раэн. Вы ничем меня не оскорбили. Я сохранию эту ветку с радостью.

Они одновременно шагнули на горбатый мостик, такой узкий, что рукава едва не соприкоснулись, и Раэн поспешил прижаться к перилам, пропуская ее вперед. Звон. Всплеск.

— Наверное, рыб вы любите больше цветов, — усмехнулся он, делая вид, что ничего не случилось. — Это ведь ваши питомцы?

— Нет, Надира, — с той же прохладной вежливостью ответила она. — Было время, когда все заводили себе таких карпов. Приучали их к колокольчику... Но брату быстро надоело, потом он уехал, а рыбы... Рыбы остались мне. Так же как павлины, обезьянки, розы...

— Обезьянок я видел. Их вы тоже не любите, похоже.

Мостик остался позади. Еще несколько минут — и ворота. А он все не может зацепить ее, пробить ледяную броню изощренной вежливости. Только зря выпросил сопровождение, которым она так тяготится.

— Я о них забочусь, этого достаточно, — отозвалась она. — Теперь, конечно, придется оставить их на кого-то другого.

— Теперь?

— Дядя хочет, чтобы я приехала в Гюльнару. Вы ведь обещали отвезти ему письмо, верно, почтенный Раэн?

— Разумеется. Как только прикажете.

В Гюльнару? Зачем? Отсюда, где она в безопасности под присмотром домашних. И не только домашних, хоть об этом наиб и не знает. Зачем? И почему наиб ничего ему не сказал? Упрямый старик... Но теперь, во всяком случае, у него будет повод появиться здесь еще раз.

— Как только прикажете, госпожа, — повторил он. — Но разве вам не жаль расставаться с Харузой?

— Все сады похожи друг на друга, — помолчав, ответила она. — В Гюльнаре будет то же самое. Меньше роз и жасмина, больше гранатов.

А чего он ожидал? Что она бросится незнакомцу на шею и выложит свои сердечные тайны? Вот и калитка. Как неудачно. Как неправильно... Оставлять ее так, с этими дурацкими розами, которыми наполнен дурацкий, опостылевший ей сад.

— Что ж, если рыбки и обезьянки останутся здесь, позвольте подарить вам что-нибудь взамен, — усмехнулся Раэн, оборачиваясь к ней у самой калитки. — Например, собаку.

И, как тогда, во время волшебства, понял, что попал в цель. Такого она точно не ожидала, даже губы дрогнули в неуверенной удивленной улыбке.

— Собаку?

— Ну да, — весело подтвердил Раэн. — Они не такие колючие, как розы, не такие скользкие, как рыбки, и из них не нужно варить варенье! А еще они могут вытоптать любой сад! Плохо это или хорошо — решать вам, госпожа.

— Я никогда не видела собаку, способную вытоптать сад, — растерянно заметила она.

— Значит, увидите, — пообещал Раэн. — Когда мне зайти за письмом, светлейшая Наргис?

Имя слетело с языка легко, стирая всю хмарь, вставшую было между ними. Он улыбнулся, как заговорщик, и увидел в ответ все ту же неуверенную улыбку. Ничего, девочка, я научу тебя улыбаться. И смеяться научу. И... Но об этом рано. Пока просто протянем тонкую ниточку, совсем как та, что вплетена в ветку. Ты уже не стискиваешь

колючий стебель, держишь его легко и свободно. Может, конечно, и выкинешь, но ведь запомнишь. А может быть, поставишь у себя в комнате...

Он выслушал про следующую неделю, когда она окончательно все решит и начнет собираться, снова поклонился ей, вежливо раскланялся с окружившими ее домашними. Не обращая внимания на мнущегося рядом охранника, подождал, пока Наргис уведут, окружив плотным кольцом. И только когда она скрылась за поворотом, не обернувшись, конечно, шагнул за тяжелую калитку. На улице еще немного постоял, глядя рукой теплое, прогретое солнцем дерево, бездумно проводя пальцами по горячему металлу тамги. День приближался к полудню. Пора пообедать. Не считать же за еду розовое варенье с орешками. И подумать насчет собаки, раз обещал. И выяснить, почему даже сейчас его преследует ощущение чужого взгляда, спокойного, холодно-деловитого взгляда, исчезнувшего было за порогом защищенных от мира владений ир-Даудов.

ГЛАВА 5. Близнецы

День уносит ночные страхи, развеивает их, как сны, что казались настоящими, но стоило открыть глаза — и растаяли. В солнечных лучах, пробивающихся сквозь легкие шелковые занавеси, спальня казалась самым мирным и безопасным местом на свете. Щебетали служанки, перебирая одежду Наргис и вытирая пыль с покрытых лаком деревянных коробов, в окно веяло неизменными розами... И Наргис поневоле усомнилась, не приснилось ли ей?

В самом деле, разве может кто-то проникнуть за высокие стены усадьбы, защищенные и суровыми стражниками, и заклятьями, и молитвами домашнего жреца? Человек или нечисть — кому угодно станут преградой надежные замки и священные символы. Это, должно быть, был просто сон. Злые сплетницы растревожили и без того обеспокоенную душу, вот и попала она в сети сонных мар, насылающих тревожные дурные видения. Не было ничего! Не было наглых рук, трогающих ее тело, к которому никогда в жизни не прикасался чужой мужчина, только отец с нежной родительской лаской да брат в детских еще играх. Не было голоса, разом похожего на черный бархат и змеиный яд. Не было слов, от которых сердце трепетало ужасом и предвкушением...

Наргис уговаривала себя, страхась признаться, что не знает, чему ей хочется верить больше. Был ли это только сон, о котором следует забыть, вымывшись травяными отварами и прочитав очистительные молитвы? Или в самом деле в ее дом и жизнь вошел некто, заявивший права на нее, Наргис ир-Дауд? Некто, кого не пугает ни ее страшная слава, ни опасность проклятия? И... радоваться ли этому? Ведь не может быть так, чтобы спаситель являлся тайком, словно вор или убийца? Зачем ему скрываться, если он достойный человек? Пусть даже чародей, но чтущий светлых богов, законы и обычаи!

Всю жизнь ее учили, что достоинство и честь — в правде. Что добрых поступков ни к чему бояться или стыдиться, а ложь — мать всякой скверны. С детства Наргис знала, что любая ее вина будет прощена и забыта, если честно во всем признаться. Да и какие у нее были проступки? Детские шалости! Разбить нечаянно дорогую вазу, испортить шелковое платье матери, вырезав из него самые яркие кусочки курам на наряды, потратить сверх меры денег на книги и заморские диковинки... Отец только смеялся, а матушка укоризненно хмурила брови, но в глазах у нее плясали такие же веселые искорки, как у отца. И Наргис в голову не пришло бы что-то скрывать от родителей.

Раньше она и с Надиром делилась каждой мыслью, доверчиво ожидая от него того же. Но теперь брат стал замкнутым, насмешливо-злым и обидчивым. Он больше не доверял ей, как прежде, а Наргис сама не хотела искать дорогу к его сердцу, где ей больше не были рады. Смерть родителей, которая должна была сделать их с Надиром ближе и роднее, вместо этого отравила их любовь друг к другу.

Дядюшку же Наргис и вовсе почти не знала. Конечно, он всегда приезжал в гости, когда судьба воина и повеления шаха позволяли ему ненадолго вернуться в Харузу. Привозил чудесные подарки и гладил Наргис по голове, но всегда с некой неловкостью и нежной опаской, словно она была драгоценным и очень хрупким сосудом, который дядя боялся лишний раз тронуть. С Надиром он вел себя проще и веселее, пытаясь вовлечь в мужские забавы вроде скачек на лошади и фехтования, но там уже дичился брат. Дядюшку это огорчало — Наргис же видела! — однако он только вздыхал и разочарованно говорил, что Надиру прямая дорога в визири, если он не может поднять ничего тяжелее калама и чернильницы и боится набить мозоли рукоятью меча. Отец только смеялся и просил дядю покатасть на лошади младшего Арчила. Тот мог часами играть с маленьким, по возрасту, луком и деревянной саблей...

Черная лихорадка разрушила этот мир, казавшийся таким незыблемым, простым и радостным. И Наргис временами чувствовала, что задыхается, не зная, кого попросить о помощи, и не умея признаться, что нуждается в ней. Подруг у нее и раньше было немного, а теперь их тщательно берегли от нее, проклятой. Дальних родственниц она сама видеть не хотела — ненавидела смешь жалости, опаски и тайной завистливой удовлетворенности в их глазах и фальшивых причитаниях над судьбой бедной сиротки. Уж лучше, как и Надир, искать утешения в книгах.

Но то, что пристойно молодому высокородженному, для девушки неприлично. Ей никогда не стать не то что визирем, но даже чиновником на службе пресветлого шаха,

так к чему лишняя ученость? Женщине достаточно уметь прочитать письмо от мужа с поручениями и приказаниями. А если она может проверять управителя и следить за расчетами с купцами, так большего и желать нельзя.

Наргис знала, что ее тягу к книгам в доме молчаливо осуждают. Вслух, конечно, никто слова сказать не смел, но взгляды и тайные шепотки не спрячешь. Но ей было все равно! У нее больше ничего не было и быть уже не могло! Только книги и тайна. Сладкая, почти постыдная, хотя ничего непристойного в ней не было. Во всяком случае, Наргис хотелось так думать. О, конечно, если бы кто-то узнал... Ее осудили бы, просто не захотев понять, как много это значит для нее и... Но об этом она поспешно постаралась не вспоминать, словно то, что случилось ночью, могло замарать самую главную радость в жизни Наргис. Редкую, драгоценную, скрытую от всего мира!

Нет-нет, она не станет думать об этом сейчас!

С трудом заставив себя вслушаться в болтовню служанок, Наргис взяла со столика у кровати гребень и принялась расчесывать волосы. Ей нравилось делать это самой, пропуская мягкие пряди между пальцами и наслаждаясь каждым мгновением свободы, пока не придет время заплетать косу или делать сложную прическу. Девушке неприлично распускать волосы перед кем-то, кроме мужа. Вся ее красота до брака нужна лишь для того, чтобы поймать в сети самого выгодного жениха, а после свадьбы — чтобы удержать его любовь. Про себя Наргис горько усмехнулась: так зачем тогда ей быть красивой?

— Ой, госпожа, как вы себе ногу не накололи?! — ахнула Мирна, опускаясь на колени у ее постели. — И кто только бросил здесь эту гадость?

В голосе служанки слышалось искреннее возмущение. Поднявшись с ковра, она показала Наргис засохшую розу на длинном стебле. Когда-то роза была темно-красной, но сейчас казалась черной, а сухой пожелтевший стебель усеивали крепкие шипы.

— Наверное, выронили, когда меняли букет в вазе, — безразлично сказала Наргис. — Выкинь, милая.

— Да что же вы думаете, госпожа! — обиженно вскинулась Мирна. — Неужели мы здесь не убираем? Иргана, вон, каждый день цветы свежие ставит! Да чтобы роза этак засохла, ее неделю надо на солнышке жарить! А я ковры тоже каждый день чищу. Вчера днем вот с уксусной водой терла, чтобы мягче и ярче были. Не было здесь ничего!

У нее даже голос задрожал, и Иргана, подскочив, тоже принялась уверять, что такого сухого цветка в покоях госпожи быть не может. Да всякому известно, что сухие цветы — это к беде, неужели она бы позволила, чтобы в комнате у госпожи, самой доброй, милой и красивой...

— Ну хватит, хватит, — вздохнула Наргис. — Успокойтесь, я же вас не ругаю. Это просто роза. Дайте сюда.

Протянув руку, она решительно забрала у Мирны цветок и... вздрогнула.

Конечно, это была самая обычная роза. Сухая до ломкости, словно и вправду долго лежала на злом летнем солнце, а ведь Мирна права — в спальне Наргис убирают на совесть. Ее гнева служанки не боятся, она сроду еще никого не велела наказать зря, но именно потому девушки чуть ли не дерутся за право прислуживать ей. Знают, что хозяйка снисходительна к проступкам и щедра, если ей угодить... Так что даже предположить странно, чтобы роза пролежала у кровати долго. Или Мирна, или сама Наргис ее бы непременно заметили. Если только...

«Если она не оказалась здесь этой ночью, — холодно и ясно сказала себе Наргис, замороженно глядя, как облетают хрупкие черные лепестки, падая на ковер. — Ты ведь не будешь обманывать себя, верно? Дочери рода ир-Дауд не к лицу страх и глупые увертки. Ей просто неоткуда было взяться, потому что вечером никакую розу ты не видела, а Мирна и Иргана — первые, кто вошел в спальню сегодня».

— Уберите, — сказала она спокойно и встала, бросив стебель на ковер и отойдя к окну.

Теплый ветер из сада вдруг показался пронизывающе ледяным. Наргис медленно

подняла руку к груди и потрогала сквозь тонкую ночную рубашку то место, которое... Захотелось немедленно вымыться! Если это был не сон... И одеться. И в следующий раз положить с собой в постель кого-нибудь из служанок, сославшись на плохие сны, ведь и врать не придется.

Она обхватила себя за плечи, невидяще глядя в сад, раскинувшийся под окнами. Растут ли в нем именно такие розы? Темно-красные, с большими крепкими шипами? Матушка не любила этот цвет, и при ней в саду было сколько угодно белых, розовых, желтых и алых кустов. Но только не темных... Она говорила, что такие розы похожи цветом на засохшую кровь. Может, садовник вырастил их после? Но зачем?

И, главное, для чего эту розу оставили? Слишком зловещий подарок для того, кто пришел говорить о любви. Впрочем, разве он сказал о любви хоть слово? Он хвалил красоту Наргис и называл ее «своей», но так говорят о породистой лошади или драгоценном мече. Ими желают обладать, но не любят.

За спиной шумели служанки, смешливо переругиваясь и фыркая, и казалось, что все еще может стать по-прежнему, вернуться в те благословенные времена, когда Наргис ничего не боялась и не стыдилась.

«Я не стану бояться и сейчас, — сказала она себе с тихой холодной решимостью. — Кто бы это ни был, но он пришел в мой дом по-воровски, а значит, не заслуживает ни любви, ни уважения. Но я не драгоценная статуэтка, которую можно украсть, и не глупая девочка, которой легко задурить голову. Я высокородная ир-Дауд и не опозорю свою семью».

— Позвольте подавать завтрак, светлейшая госпожа? — спросила Иргана, и Наргис кивнула.

— Подавай, — сказала она. — И попроси прийти ко мне почтенного Амрана.

Служанка упорхнула, ничуть не удивившись поручению, да ей и не с чего было удивляться. Амран ир-Галейзи, домашний волшебник ир-Даудов, был наставником их детей, воспитавшим Надира с Наргис, как до этого их отца и дядю. Добрый мудрый старик учил их грамоте и обычаям, языкам и древним легендам. Наргис была уверена, что Амран никогда не предаст семью, которой прослужил всю жизнь, но если кто-то сумел обойти его охранные заклинания, значит, Амран ей не поможет. И все-таки поговорить с ним необходимо. Может ведь она пожаловаться... да хоть на дурные сны?

Ей снова вспомнилась ночная боль в груди. Надир — что с ним? Ее глупый, насмешливый, развратный и слабый брат. Пусть будет каким угодно, лишь бы с ним все было хорошо! Невозможно представить, чтобы потерять еще и его.

Наргис повернулась к столику, где вернувшаяся Иргана расставляла блюда и тарелочки, взяла у Мирны любимое платье, белое с тонкой вышивкой золотом. Мягкая ткань скользнула по телу от шеи до пят, и Наргис застегнула на талии пояс из золотых звеньев. Да, решено. Она пожалуется Амрану на кошмары и сегодня же напишет письмо Надиру. Пусть язвит сколько угодно над ее глупыми женскими страхами, лишь бы ответил. Он и дядя — все, что у нее есть. И еще тайна...

Словно смиренно покорившись ее решимости, утро все-таки оказалось спокойным. Почтенный Амран, глядя длинную седую бороду, ласково пообещал принести амулет, которого испугаются любые злые маги. С командиром воинов, охраняющих усадьбу, она решила поговорить позже, улучив момент так, чтобы не пошли слухи. В том, что джандар ир-Бехназ не болтлив, Наргис тоже не сомневалась, но любой дом полон ушей и языков. А она все никак не могла отделаться от липкого противного чувства собственной беспомощности. Может ли быть так, что в доме есть предатель?

Она размышляла об этом, гуляя по садовым дорожкам. Отец всегда оберегал Наргис от темной стороны своей службы пресветлейшему шаху, но невозможно быть дочерью визиря и ничего не знать о предательстве. С детства ей и Надиру вливали в кровь недоверчивость к людям и понимание, что предадут даже самые верные и надежные. Кто-то из страха, кто-то из корысти, кто-то из зависти или просто по неосторожности. Если тот, кто открыл на нее охоту, обзавелся помощником в усадьбе, это многое объясняет!

А вокруг шумел сад. Знакомый до последнего кустика, надоевший до противности и все равно прекрасный. Наргис поймала себя на том, что приглядывается к розам, словно проверяя себя: вдруг она ошиблась и все-таки найдет куст именно темно-красных? Ох, если бы только это все оказалось чьей-то дурной шуткой, неосторожностью или просто случайностью! Узнать бы, кто уронил в ее спальне зловещий цветок — Наргис про себя поклялась, что не станет злиться за пережитый страх и никак не накажет виновного. Подойдя к кусту плетистых роз, она велела принести ножницы, чтобы срезать несколько ветвей, усыпанных кроваво-алыми цветами, не темными, но настолько близкими к этому, насколько смогла найти. Пусть это лишь глупое упрямство, но она не боится!

— Госпожа! Госпожа! Вам письмо от светлейшего! Ваш дядюшка прислал письмо с почтенным целителем, который просит о встрече.

Наргис отпустила упругую ветку, отчаянно пытающуюся вырваться из ее рук, крепче сжала ножницы, посмотрев на охранника. Письмо? От дяди или от Надира? Сердце пропустило удар, тревожно замерев, затем стукнуло глухо и сильно. А потом она увидела идущего к ней человека, и все то же сердце предательски понеслось вскачь, потому что Наргис вдруг испугалась даже сильнее, чем ночью.

Он говорил что-то учтивое и безобидное, любезно улыбался, смотрел на нее восхищенным и откровенным мужским взглядом... А внутри Наргис билась перепуганная маленькая птичка, в клетку которой запустил лапу очень красивый кот. Только какое дело птичке до его красоты?

Словно во сне она провела почтенного целителя в дом, каждую минуту напоминая себе, что нельзя выдать страх. Велела подать кофе и закуски, взяла послание. Беспокойство за Надира так и колело, не отпустив даже после прочитанного письма. Могло ли быть так, что дядя лгал ей? Нет, наверное... Но между Харузой и степным городком, название которого тотчас вылетело у Наргис из памяти, много дней пути, а страшный гость приходил сегодня ночью! И это значит, что НаDIR может быть в смертельной опасности. Или уже... Нет, не думать об этом.

Ей захотелось спрятаться под одеяло, как в детстве после жуткой сказки о дэвах и гулях!

А вместо этого приходилось улыбаться и беседовать, все время пытаясь понять: он или не он? Голос, кажется, другой, не такой низкий, но тоже мягкий и вкрадчивый. А выговор? Ей казалось, что она на всю жизнь запомнила выговор ночного гостя и сможет узнать его даже по паре слов, но Раэн говорил — и Наргис, едва разбирая слова, терялась в непонимании. Что, если это случайность?! Ведь может этот любезный красавец быть обычным целителем на службе ее дяди? Дядюшка пишет, что если бы не лекарь Раэн...

И храмовый знак на его груди должен бы ее успокоить — служители Света тщательно проверяют тех, кому выдают столь значимое доказательство благочестия и искусства. Он просто не может быть черным колдуном! Ведь не может, да?

Они шли по дорожке к воротам, потому что целитель учтиво намекнул — и Наргис поняла намек. И в его словах слышалось восхищение и желание, но было там что-то еще. Тепло, может быть? Мягкая ласка? А вот властности, так испугавшей Наргис ночью в голосе того чародея, не было. Светлые боги, пусть это будет лишь совпадение. Не может человек, против воли Наргис трогавший ее тело, шутить про собаку и так искренне улыбаться.

Она почти поверила. И только одно мешало вздохнуть с облегчением — ветка роскошных роз, которую он создал из гибкой колючей плети с уже засохшими на солнце цветочками. Наргис взяла ее, холодея от тревоги, потому что еще и это было совсем уж невозможным совпадением! Она выкинула сухую розу, и вот ей дарят другую — свежую, душистую, нежную... Что это, если не намек? Когда ворота усадьбы за почтенным Раэном закрылись, Наргис показалось, что солнце скрылось за облаками, так тускло стало вокруг. А вот спокойствие так и не вернулось.

— Что... случилось...

Веки были тяжелыми, словно налились свинцом, но НаDIR упрямо пытался поднять их. А еще сухость в горле, так что каждое слово царапало, словно он пытался выдавить не

звук, а сухую верблюжью колючку.

— Ой, господин, лежите тихонько! Я вам сейчас водички дам, только вы уж не шевелитесь!

Голос был девичьим и незнакомым. Надир все-таки открыл глаза и тут же снова опустил ресницы, мысленно согласившись, что шевелиться и вправду не стоит. Даже мысль об этом отозвалась в теле тошнотой и слабостью.

К его губам прикоснулся край чашки, а голову приподняли. Вода! Теплая и с каким-то травяным привкусом. Однако Надир глотнул с жадностью и был вознагражден: в горле перестали драть когтями кошки, да и дышать стало полегче. Он снова открыл глаза и разглядел в полумраке комнаты тонкую девичью фигурку. Кажется, та самая... любительница тереть плечи...

Память закономерно подсунула совсем другой облик, и Надир обвел комнату взглядом, ожидая увидеть целителя. Но того нигде не было. Девчонка еще раз наклонила чашку, помогая напиться вдоволь, и Надир послушно сделал несколько глотков. Как вкусно! И почему ему сразу не понравилось?

— Что... случилось? — так же упрямо повторил он.

Вечер... Караван доехал до постоянного двора. Были ведро с водой, чистая одежда и нехитрый ужин, — это все Надир хорошо помнил. А вот потом...

— А вы не знаете, господин? — захлопала девчонка наивными телячьими глазами. — Ой, вас, наверное, и по голове ударили, да? Совсем-совсем ничего не знаете? Ох, что ночью было!

Ночью? Солнце просвечивало сквозь занавески, и Надир легко определил, что день близится к закату. А сам он, значит, не помнит ночь, утро и большую часть дня? Да скажет она что-нибудь полезное, эта дуреха, или нет? Только голова болит от ее причитаний!

Словно прочитав его мысли, девушка замолчала. Потом отставила чашку куда-то в сторону и, наклонившись к постели Надира, сказала ему, испуганно и таинственно расширив глаза:

— Вас ведь чуть не убили, господин! А говорят, что и убили даже, но только он вас достал из Бездны!

— Кто? — спросил Надир, уже догадываясь об ответе.

— Он! Лекарь этот... Ух, страшно, господин! Я-то думала, он простой какой, ну как все проезжающие... Красивый, это верно... А он страшны-ы-ый!

Раэн — страшный? Надир попытался представить такое — и не смог. Целитель был веселым, иногда утомленным работой и дорогой, но всегда таким милым!

— Страшный! — убежденно повторила девчонка, теребя цветастый передник. — Лицо белое! И в глазах — тьма! Как у демона. Ой, что же я?! Господин же велел сказать, когда вы проснетесь!

— Господин? — тупо переспросил окончательно сбитый с толку Надир. — Какой?

— Так этот! Что другому господину служит, дядюшке вашему! Велел следить за вами, глаз не спускать, а чуть проснетесь — ему сказать. Слыханное ли дело — из Бездны вернуться! Вы уж подождите, молодой господин, я мигом!

Не переставая тараторить, девчонка выскочила за дверь, звонко шлепая сандалиями, а Надир снова утомленно прикрыл глаза. Кто-то его едва не убил. А Раэн — спас. Милый, милый целитель Раэн... С дядюшкой все в порядке, значит, и это чудесно. Но... что случилось?

Джандара он не дождался, погрузившись в забытие, в котором было сладко, тепло и уютно. И спал до поздней ночи, потому что, проснувшись, увидел открытые ради

прохлады занавеси, за которыми была темнота. Все та же самая девчонка сидела на подушке у кровати и дремала, привалившись к стенке.

— Э-эй... — позвал Надир, и степнячка встрепенулась.

— Что, господин? Водички? Или поесть чего? А может, вам ведро по нужде подать?

— Еще чего...

От такого предложения Надир разом очнулся. Попытался привстать и понял, что на этот раз тело слушается. И вообще для вернувшегося из мертвых он неплохо себя чувствует!

— А целитель где? — спросил он, садясь на кровати и оглядываясь в поисках одежды, поскольку лежал, как выяснилось, совершенно голым.

— Так уехал он, — все так же удивленно сообщила девчонка. — Вас вот вылечил и велел не трогать, пока не проснетесь, а сам уехал, как рассвело. Ой, господин, у вас шрам!

Надир опустил взгляд и замер от ужаса, смешанного с омерзением. Действительно, его грудь от плеча вниз пересекал красный рубец. Длинный, но тонкий и почти гладкий, словно кто-то наискосок хлестнул стеблем корефанта, соком обжигающего кожу.

Надир осторожно тронул рубец пальцами. Он побаливал, но как-то не очень сильно. Больше чесался, словно заживающий ожог или царапина.

— Позови джандара, — сказал он девчонке дрогнувшим голосом.

Она снова выскочила за дверь, а Надир сгорбился, спрятав лицо в ладони, и медленно вдохнул ставший вдруг тягучим и тяжелым воздух. Он вспомнил. Крики и огни за окном, потом вспыхнувшее пламя, в свете которого он увидел бой во дворе. И смертельный ужас, когда понял, что вот-вот разбойники ворвутся в дом. А здесь беспомощный дядя! И сам он, не умеющий саблю толком держать, боящийся крови... Страх накатывал волнами, пытаясь ослепить, превратить в беспомощного загнанного зверя, и Надир сопротивлялся ему из чистой злости!

Он не помнил, где взял саблю. Но тяжесть в руке придала каплю смелости, которой хватило ровно для того, чтобы выйти из комнаты. И дойти туда, где... где его убили.

Крупная дрожь била, словно Надир упал в ледяную воду. И шевелиться было так же трудно. Мрак. Вокруг был мрак. Тишина хуже любого истошного крика. Смерть... А потом что-то случилось, и рядом оказался Раэн. Настоящий, теплый, живой! Он ругался и тянул Надира куда-то, и этого оказалось достаточно. Но разве из мира мертвых возвращаются?! Пусть даже Раэн — маг, пусть он целитель высшей ступени, человеку такое не под силу... наверное...

Надира снова замутило, теперь от запоздалого ужаса. Расслышав в коридоре шаги, он невольно потянулся за одеялом и прикрывлся, стыдясь не то наготы, не то следа на своем теле. Следа слабости. Поражения. Смерти. А Раэн после такого просто... уехал?!

— Как себя чувствует мой дядя? — спросил он совсем не то, что больше всего хотел узнать, у вошедшего джандара, хмурого и осунувшегося.

— Благодарение светлым богам, хорошо, — буркнул ир-Нами. — А вы, светлейший?

— Я жив, — растянул Надир в усмешке непослушные губы. — Это правда, что болтает девчонка? Меня... спас Раэн?

— Он самый, — вздохнул джандар. — Пусть и его боги благословят. Он спас вас, а перед этим и нас всех. Вы подняться-то сможете, светлейший? Целитель сказал, что раны вам зарастил и внутри, и снаружи. Да я и сам видел, как все затянулось. А что спали все время, так это оттого, что тело много сил потратило. Вам теперь есть надо и пить побольше. Ну, он так сказал.

— Сказал... — эхом повторил Надир и спросил, глянув в лицо джандару: — Куда он уехал? И почему? Я ведь не один раненый здесь, верно? Так почему?

— Светлейший ир-Дауд вам объяснит, — вильнул взглядом ир-Нами, и Надир понял, что врать тот не умеет, а правду сказать не может или не хочет.

— Хорошо, — согласился он, и джандар явно удивился такой покладистости. — Идемте к дяде.

Одеваясь в свои вещи, спешно принесенные все той же девицей, Надир мрачно подумал, что любимую рубашку, расшитую цветущими персиковыми ветвями, уже никогда в жизни не увидит. Или не узнает в кровавой разрубленной тряпке, которой та стала. Боги, да разве об этом нужно думать?! Он едва не погиб! И... наверняка погибли многие из отряда. Защищая его, Надира ир-Дауда, жизнь. Вот о чем следует думать, а не о рубашке, но правильные мысли никак не лезли в голову, словно рассудок их отталкивал. Разве можно поверить в смерть? Надиру до сих пор казалось, что отец, мать и малыш Арчил просто... уехали куда-то. Далеко, откуда не доходят письма и вести. Он не мог поверить в их смерть, просто не мог! И если бы этой проклятой ночью дядя...

— Я... сейчас, — с трудом выговорил он, пошатнувшись и ухватившись за дверной косяк, до которого бодро дошагал вслед за джандаром. — Идите, господин ир-Нами... Я сейчас... я сам...

Джандар оглянулся на него обеспокоенно, однако спорить не стал, просто ушел. А, нет, остановился в конце коридора, ждет. Надиру стало мучительно стыдно за собственную слабость и противно до отвращения, но он ничего не мог с собой поделать. В ушах стоял накативший вдруг шум: крики, лязг металла и стоны. Ноздри наполнились запахом крови, самым ненавистным из всех, которые он знал! А перед глазами мелькало... Тошнота подкатила к горлу, и Надир только бессильно порадовался, что желудок у него пуст. Меньше опозорится... Впрочем, какая разница? И так все знают, что он даже не смог скрестить саблю с тем, кто пришел его убить. Жалкий, слабый, никчемный мальчишка! И дядя знает, и каждый воин из его отряда, и...

А потом этот тошнотворный стыд разом перекрыла и смыла простая и жуткая в этой своей простоте мысль. Он вчера едва не умер, так? Что же тогда случилось с сестрой, которая даже его порезанные пальцы чувствовала, как свои?! Что случилось с Наргис, когда сталь разрубила тело ее второй половинки и выдрала душу Надира, швырнув ее в Бездну?

— Хазрет... — позвал он онемевшими враз от ужаса губами.

— Светлейший?

Подбежавший джандар заглянул ему в лицо.

— Наргис... Нужно послать кого-нибудь в Харузу, слышите?

Поздно... Что бы ни случилось, оно уже произошло, пока Надир валялся без сознания, и теперь ничего нельзя исправить. Но... она ведь жива? Потому что он тоже чувствовал сестру, и случись с ней что-нибудь... Она жива, она должна быть жива и здорова!

— Целитель Раэн уехал именно туда, — глухо, но спокойно ответил джандар. — Сегодня утром. И клялся богами, что будет в Харузе раньше, чем солнце в полдень встанет над шпилем Часовой Башни. Не знаю — как, но после всего, что было, я ему верю. Идемте, светлейший.

Надир кивнул, изнывая от беспомощности. Он ничего не может сделать. И если Раэн спасет еще и его сестру, долг ир-Даудов перед ним станет вовсе неоплатным. Значит, следует навсегда забыть даже мысли о том, чтобы... Ох, многие мысли следует забыть. Лишь бы с Наргис, его вредной и до отвращения добродетельной сестричкой, все было хорошо! Потому что потерять ее — все равно что лишиться половины души, таково уж то ли проклятие, то ли милость богов для них с Наргис.

ГЛАВА 6. Охотник и жертва

Только что взошедшее солнце мягким янтарем заливало улицы Харузы: высокие шпили на круглых храмовых куполах, крыши дворцов и бедняцких кварталов, сады и базар. Безоблачное небо обещало очередной жаркий день, но утренний воздух все еще пах ночной свежестью, а еще — жасмином, поспевшими абрикосами, молодым вином и пряными травами.

Внутренний двор «Черного льва», одной из лучших гостиниц города, был полон людей. Чинно опирались на высокие резные посохи старики, красовались саблями и длинными кинжалами вооруженные по традиции мужчины, отдельно стояла, перешептываясь, стайка нарядных женщин, да замерли на ветках деревьев вездесущие дети, изо всех сил стараясь быть незаметными. Две старые почтенные семьи, конечно, не поместились бы во дворе полностью, так что пришли только ближайшие родичи жениха и невесты да самые уважаемые люди родов.

Солнце, выглянув, наконец, из-за вершины высокого абрикоса, прикрывшего восточную стену, озарило двор до самых укромных уголков, заставив собравшихся благоговейно смолкнуть.

Роскошный белоснежный баран с позолоченными рогами умиротворенно взирал на людей. Встав задолго до рассвета, счастливая и гордая невеста тщательно вымыла его длинную шерсть теплой благовонной водой и расчесала собственным гребнем, до блеска начистила копыта и украсила толстую шею венком из трав, перевитым яркими бусами. Теперь баран — традиционное подношение жениха на помолвку — красовался посреди двора, ожидая... Чего? Баран не знал. Но пока что все происходящее ему нравилось.

Мать невесты, празднично наряженная в красное с золотом, подала ей серебряное блюдо с толстым ломтем хлеба, густо посыпанным солью. Блеснули в лучах солнца золотые гребни на склоненной черноволосой головке девушки, расстелилась по плитам двора цветастая юбка... Встав на колени, невеста почтительно поднесла блюдо барану. Тот несколько минут недоверчиво принимался, заставив всех вокруг затаить дыхание, потом фыркнул, мотнул головой — и подхватил губами хлеб с подноса. Прожевал, помахивая коротким, распушившимся от мытья хвостом, снова мотнул головой, осматривая блюдо — вдруг там еще что-нибудь найдется. Коротко и недовольно бекнул. И гости, и хозяйева облегченно перевели дыхание — все шло благоприятно.

Поднявшись с колен, невеста низко поклонилась барану и отошла в сторону, уступив место отцу. Баран потянулся к человеку, который всю неделю кормил его свежей травой и густым варевом, чистил хлев, менял воду. Человек был знаком и приятен. Человек напоминал о вкусных соленых сухариках и сочных яблоках, которых барану за последнюю неделю перепало больше, чем за всю предыдущую жизнь. Человек умело чесал чувствительное место между рогами и гладил длинный горбатый нос, рассказывая что-то свое, непонятное, но ласковое и спокойное.

Боль кольнула неожиданно. Прошла мощное тело слабостью, залила горячей волной от носа до копыт. Что-то блеснуло в руках человека — почти незаметно, совсем нестрашно — и тут же снова скрылось, а баран медленно опустился на подломившиеся колени, завалился, слепо глядя в темноту, не понимая, куда стремительно уплывают краски, звуки, запахи... На позолоченных рогах равнодушно играли солнечные блики.

Подскочившая пара мужчин, дядька невесты и ее старший брат, подхватили, развернули копытами к небу, сорвали венок, и, уже не скрываясь, хищное жало ножа рассекло горло, спуская кровь. Горячая алая струя ударила в пыль двора, брызнула далеко и щедро. Безвольно распластавшуюся тушу сразу же вздернули вверх, привязав к ветке чинары, стремительно ободрали и рассекли на куски. Шкуру бережно отложили в сторону. На ней будут стоять молодые во время свадебного ритуала, чтобы злые духи не смогли подобраться близко, ею застелют брачное ложе ради мужской силы жениха и плодотворности невесты, и на нее же, обмыв, положат в свое время каждого новорожденного, которого боги пошлют счастливой семье. Туда же отправились рога: к свадебному пиру их оправят в чеканное серебро, чтобы главы семейств выпили за здоровье своих детей.

Тем временем родственницы невесты уложили куски мяса в огромный казан, пересыпая

резаным луком, шафраном, перцем и еще чем-то пахнущим резко и остро, но столь аппетитно, что слюна выступала от одного вдоха. Залили молодым вином, настоящим на имбире и травах, придавили гнетом. Хозяин «Черного льва», по праву слывущего одним из лучших в Харузе постоянных дворов, свое дело знал, и приготовленный им накануне по множеству старинных правил настой был чудом кухонного искусства. Не доверять же столь ответственное дело женщинам! С жертвенным мясом торопиться нельзя. Вымоченное в вине со специями, оно будет еще несколько часов томиться на медленном огне, пока не станет таять во рту, источая дивное благоухание на сотню шагов вокруг. И ни один кусочек нельзя продать. Ни одной монетки запросить!

Все мясо до последнего ломтика будет роздано каждому, кто окажется рядом, от богатого гостя до последнего нищего, случайно задержавшегося у кухонной двери. Но уж и того, кто, вкусив жертвенного угощения, не пожелает от всей души счастья и долголетия молодым, накажут сами боги, разгневанные подобной неблагодарностью. Потому что попробовать такое блюдо — редкое удовольствие и великая честь...

Раэн, разбуженный шумом, с интересом наблюдал за действием из окна, выходящего во двор. «Черный лев», облюбованный им в Харузе, был устроен по подобию всех столичных гостиниц: обеденный зал, кухня и службы на первом этаже, комнаты на втором. Как почти все крупные здания в столице, его выстроили квадратом, с мощеным двориком, где густая зелень деревьев хоть как-то спасала от дневного зноя. Конечно, обычно забоем скотины для нужд кухни здесь никто не занимался, но жертвоприношение свадебного барашка — случай особый.

Выверенный до мелочей ритуал требовал всячески ублажать и баловать подарок жениха, чтобы привести его в благодушное состояние. И забивать непременно так, чтобы баран не почувствовал ни боли, ни страха. Только тогда его жизненная сила, лишенная малейшего оттенка тьмы, напоенная удовольствием и покоем, будет наиболее угодна богам. Не забой — праздник. Что до крови, то сейчас ее смоят, не оставив и следа на плитах уютного дворика. Жара ведь, мухи...

Отойдя от окна, Раэн лег на низкую тахту, подложив руки под голову и уставившись в аккуратно вымазанный голубой глиной потолок. Похоже, обед сегодня будет на славу. Красивый ритуал. И очень подлый. Впрочем, одно другому нисколько не мешает. Вспомнилось, как ласково гладил и чесал рогатую голову хозяин «Черного льва» — добрейший и милейший дядька — прежде чем ткнуть ножом в яремную вену. И ведь ни капли лицемерия! Лакомства, украшения, забота — все от души. Как же иначе, если боги требуют искренности в мыслях и поступках? Раэн хмыкнул. Урок прост. Если тебе золотят рога и кормят сухариками — присмотришь: в другой руке может быть нож. И нужно быть бараном, чтоб не подумать об этом вовремя.

Сев, он дотянулся до стоящего рядом с кроватью столика, макнул перо в чернильницу и быстро написал на листочке бумаги несколько слов. Щелчком пальцев зажег свечу, накапал на свернутое послание воска и прижал перстень. Дернул за шнурок, не вставая с кровати. Заглянувший вскоре в комнату мальчишка, один из бесчисленных то ли слуг, то ли домочадцев, заулыбался, получив монетку, и обещал доставить послание господина целителя немедленно. На словах? Нет, ничего не передавать. Отдать уважаемому Рифасу ир-Кадьяну, горшечнику с улицы Черных волос, и ответа не ждать.

Проводив гонца, Раэн опять опустился на кровать. Спать уже не хотелось, но томная дремота уговаривала еще поваляться, ведь день только начинается. Нужно написать благодатнейшему предстоятелю в Аккам, забрать заказанные вчера на базаре зелья, сходить к ювелиру и обменять пару драгоценных безделушек, завалявшихся после очередного приключения, на деньги. А еще нужно поискать собаку, не стоит заставлять Наргис ждать. Наргис... Имя отозвалось горячим и сладким привкусом, как запах роз в летнем зное. И Раэн невольно улыбнулся, вспоминая. Кстати, о розах...

Закрыв глаза, он сосредоточился, вызывая в памяти структуру ветки-артефакта с вплетенной нитью. Потянул за оставленный кончик нити, скользнул внутрь. Ветка была жива. Стояла в воде, распустившись окончательно, и сознание Раэна окружил уже настоящий, а не мнимый аромат. Атласная прохлада, затопивший все вокруг алый цвет...

Он проник еще глубже, впитывая все, что можно уловить через такую слабую связь. Комната... Белые занавеси... Стол у кровати. Ровное дыхание... Все-таки она поставила подарок в спальне! Присутствие Наргис было таким ясным и четким — только руку

протяни! Несколько мгновений Раэн просто слушал, как она дышит. Тихонько, неуловимо для обычного слуха. Дышал в одном ритме с ней. Послать ей сон? Что-нибудь светлое, теплое, сказочное? Нет, пожалуй. Слишком далеко, слишком неустойчивая связь. Ей спокойно и хорошо — это главное. Пусть спит.

Он с сожалением вернулся в обычный мир. За окном оживленно гомонили, слышался детский визг и смех — поспать уже вряд ли получится. Да и некогда. Дневной зной загоняет всю Харузу под крышу и в сады, пить фруктовый шербет и кофе, дремать и ни в коем случае не думать о делах. Значит, за утро нужно успеть как можно больше. Завтрак, письмо, базар... Но сначала, конечно, завтрак!

Спустя час, выходя из двери «Черного льва» на полную прохожими улицу, Раэн досадливо передернул плечами. Ощущение чужого взгляда, появившееся вчера, вернулось, будто приклеившись к его спине. Никакого чувства опасности, никакой направленной злости или угрозы — просто взгляд издалека. Спокойный, даже умиротворенный... И мгновенно вспомнилось, как ласково и безмятежно почесывали между золочеными рогами барашка, успокаивая перед закланием. Усмехнувшись, Раэн свернул и спрятал уже готовое заклятие отсечения слежки и неторопливо зашагал в сторону базара. Наконец-то игра — неважно какая! — началась.

К полудню в «Черном льве» становилось все шумнее. Семья хозяина сбивалась с ног, разнося тарелки с жертвенным мясом любопытным, кто заглянул на шум и не собирался оставаться на обед. Для родни и соседей медные блюда с дымящейся бараниной ставили на сдвинутые посередине зала столы, уже до краев заполненные едой. Постояльцам и прохожим оставались места у стен: не гнать же людей с праздника лишь потому, что он семейный. В стороне от стола приглашенные музыканты пощипывали струны дутаров, разыгрываясь перед настоящей работой, которая начнется с возвращением новобрачных из храма. Дети постарше тянули из подвалов кувшины с вином и копченые окорока, круги сыра, связки длинных полос жгуче наперченного и высушенного мяса, пастилу из абрикосов, хурмы и фиников. С кухни на широких подносах несли лепешки и пироги, тарелки с кисло-сладкими и огненно-горькими подливками, медом, сливками и сметаной...

Ничем не приметный человек, устроившийся в углу возле двери, не был ни родственником, ни даже постояльцем. Смуглая пухляночка, проносясь мимо пышным вихрем цветастых юбок, сняла для него с подноса обязательную тарелку с кусочком баранины, выслушала заказ и умчалась на кухню.

Через несколько минут уже другая девчонка расставила перед ним нехитрую снедь и понесла почти полный поднос дальше, провожаемая взглядом гостя. Ловко уворачиваясь от снующих по залу людей, она добежала до противоположного угла комнаты и сгрузила на стол жареного цыпленка с тушенными в сметане овощами, тарелку зелени на ломтях козьего сыра, горячий, только из печи, лаваш, мисочку с чесночно-перцовой подливой и чеканный медный кувшин со стаканом. Выслушала, зардевшись, несколько слов, брошенных красивым улыбчивым чужестранцем, отшутилась и убежала...

Тем временем в зале разгоралось веселье. Первые гости начали возвращаться из храма, растянувшись по улице шумной процессией, и «Черный лев» оказался полон народу. Подавальщицы окончательно забегались, а хозяин умудрялся быть одновременно в нескольких местах, рассаживая гостей, командуя на кухне и выглядывая в окно. Гомон, смех, радостные восклицания...

Халид ир-Кайсах, известный понимающим людям как Зеринге, медленно цедил сухое виноградное вино, заедая его ломтиками пресного сыра, не перебивающего тонкий вкус. Терпкая влага, напоенная солнцем, пилаась легко, как вода, но стоило самую малость перебрать, и могла оказаться коварнее необъезженного степного жеребца. Халид смаковал ее умело, почти нежно, наслаждаясь букетом и послевкусием.

Тот, кто был ему нужен, почти расправился с обильной трапезой и, откинувшись на спинку стула, беззаботно улыбался девчужке, торопливо собиравшей грязную посуду. Он вообще улыбался часто и легко, гуляя по городу, соря деньгами, как шелухой от арбузных семечек, и совершенно ни о чем не беспокоясь. Впрочем, рыночного воришку все же заметил, значит, внимателен и не так уж прост. К тому же лекарь, маг...

Халид не любил работать в гостиницах: слишком много вокруг любопытных глаз и ушей.

Да и охрана в таких недешевых местечках имеется, если не успеет помешать, то сообщит его приметы в городскую управу. А это вовсе ни к чему. Но сегодня здесь столько народу, что запомнить случайного человека куда труднее обычного. Работать на рынке опаснее.

Чужеземец кинул на столик серебряный динар и явно привычным жестом пресек попытку служанки отсчитать сдачу. Довольная девушка упорхнула с подносом, а лекарь направился к лестнице. Пора!

Халид слегка опустил голову к столу и махнул зажатой в руке монетой, подзывая разносчицу. Глаза у него приметные, это единственное, с чем не повезло. При такой работе — серьезный недостаток, но и с ним можно справиться. Девушка равнодушно мазнула взглядом по лицу скромно одетого посетителя, заказавшего не больше, чем на несколько медяков. Смотреть, куда пойдет расплатившийся гость, она тем более не стала.

А Халид, погодив минутку, тоже проскользнул к лестнице и взбежал вверх, догоняя чужестранца. Тот шел по длинному коридору уверенной походкой плотно пообедавшего человека, не оглядываясь на шаги за спиной.

Станный парень для целителя. Богатый, красивый и беспечный. Слишком беспечный. Может, у себя на родине он был высокородным? Или это от владения магией? Осторожнее надо: попасться разгневанному магу хуже, чем шахскому палачу. Чем же он так насолил нанимателю, что тот не пожалел сотни полновесных новеньких золотых — цену трех-пяти обычных сделок — и легко согласился надбавить за спешку? Не то чтобы Халида интересовали такие мелочи, но чужак был странный.

Может быть тем, что не походил на дичь. Так лениво и нагло ходят сытые леопарды в местах, где не встретишь охотника-человека. Но даже они дальней дорогой обходят неприметную желто-серую змейку, что прячется в расщелинах камня, кучах палой листвы или песка. Если успевают, конечно, разглядеть. Привычное холодное возбуждение охоты побежало по крови. А все-таки что-то не так: почему чужак даже не обернулся на шаги за спиной? Здесь, в дорогой и безопасной гостинице, ничего не боится? Времени нет. Наниматель платил за срочность — чужака надо убрать до вечера. Иначе Халид бы его еще поводил. И, возможно, выбрал не нож, а лук — чтоб издали, как леопарда на водопое. Но время уходит.

Они почти поравнялись, и Халид глубоко вздохнул. Он всегда старался бить в спину, если удавалось. Не из трусости, конечно. Просто не любил видеть гаснущие глаза. Всего лишь работа, вот чем это должно было оставаться. Мгновенное сопротивление тугой, еще наполненной жизнью плоти острию клинка. И можно уходить, честно отработав очередной маслянисто звякающий кошель без метки... С первого этажа доносился гул музыки и голосов, вот-вот кто-то может появиться и здесь.

Халид мягко шагнул вперед. Спина, одетая белоснежным шелком, совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки... Так близко, что слышен тонкий запах горьковатых благовоний... Узкое трехгранное лезвие скользнуло из ножен на запястье в ладонь. Один удар под лопатку, бросающий жертву вперед, на колени, и сразу же второй, в шею под ухом... И еще одно обмякшее тело медленно заваливается на пол, поникает без тени дыхания, мысли, жизни...

Рука с ножом ударила пустоту. Несильный толчок под ребра, потеря равновесия — на миг, не больше! Но в глазах отчего-то потемнело, стена поменялась местами с полом — и Халид понял, что стоит согнувшись и с заломленной за спину рукой. В комнате, дверь которой проклятый чужестранец, похоже, открыл его лбом. Попытка дернуться обернулась такой судорогой, что Халид зашипел. И, в довершение, между лопаток он чувствовал нечто острое, упирающееся прямо в позвоночник. Нет! Не может быть! Это не...

— Хороший ножичек, — развеял его надежды мягкий голос за спиной. — И хозяин у него на диво ловкий... Поговорим?

— Пошел ты... — процедил сквозь стиснутые зубы Халид, невольно дернувшись от злости на себя.

На этот раз вспышка боли залила все тело. Повинуясь легкому толчку, он отошел от двери и оказался прижатым к стене, стараясь даже дышать плавно и осторожно. За спиной хмыкнули.

— Сильно сомневаюсь, что тебе удастся послать меня туда, где я еще не был, — насмешливо промолвил чужестранец с певучим чужим выговором. — У меня, знаешь ли, богатый опыт по этой части... Можешь молчать. Обойдемся без лишнего шума. Ткну вот сюда, в хребет между позвонками, и остаток жизни ты проведешь лежа, испражняясь под себя и умоляя кого-нибудь сократить этот жалкий остаток еще сильнее.

Он говорил спокойно и мягко, совершенно не пугая, просто рассказывая, и поэтому Халид поверил. А поверив, облился холодным потом. Сделает ведь! Лекарь! Это колдовать во вред им по храмовым законам нельзя, а вот так вот ножом — кто проверит?

Дверь за спиной скрипнула — Халид метнул быстрый взгляд. Хозяин гостиницы выбрал на редкость неудачную минуту, чтобы побеспокоить постояльца. Увидев происходящее, низенький толстячок сделал огромные глаза и исчез, аккуратно прикрыв дверь.

Ну, конечно, наниматель сказал, что этот Раэн уже пару лет снимает здесь комнату и платит за нее, даже надолго уезжая. А если он всегда так бросается деньгами... Еще и целитель. Наверняка лечит всю семью. И если такому постояльцу, истинному дару небес, вздумалось кого-то прирезать, то... мало ли у кого какие жизненные сложности. Нет, в такой день хозяин сюда стражу звать не будет...

— Не хочется портить славным людям праздник, так что предлагаю сделку, — снова послышался голос чужака, будто прочитавшего мысли Халида. — Расскажешь мне что-нибудь полезное и можешь катиться на все восемь сторон света. Даже в управу сообщать не стану. Согласен?

— Я похож на дурака, который тебе поверит? — зло спросил Халид.

— Ну, как тебе сказать? — В голосе неслучившейся жертвы звенела обидная издевка. — Надеюсь, ты не безнадежен. Мне нужен не ты, а тот, кто заплатил за мою смерть. Кстати, сколько?

Отвечать не хотелось. Хотелось — больше всего на свете! — развернуться и всадить нож в наглую улыбку, что играет — по голосу же слышно! — на губах чужестранца. Но нож — вот он, у собственной спины. И не вывернуться никак. Дышать — и то больно. Халид сжал зубы, чтоб не застонать.

— А вот молчать сейчас не к месту, — вкрадчиво прозвучало над ухом. — Лучше подумай, что храмовый знак не всю магию видит, а только целительскую. И что кишки в узел можно разными способами завязывать, если ты не знал. Причем медленно, по узелку в день... Так сколько?

— Сотню золотом...

— Продешевил. Ну что, мы договорились? Только не врать. Я твою ложь замечу сразу, и тогда забудь про сделку. Подыхать будешь долго и паршиво.

Халид и сам не знал, почему колеблется. Что ему наниматель, да еще не предупредивший, с кем придется иметь дело? А чужак, даже не подумавший позвать гостиничную охрану или стражников, вполне возможно, не лгал. И все-таки само его существо восставало против необходимости доверить свою жизнь чьему-то слову. А проклятый чужеземец продолжил весело и равнодушно:

— Думай быстрее. И учти, я слишком себя люблю и уважаю, чтобы врать по пустякам. В конце концов, меня так часто пытаются убить, что я уже привык. Разом больше, разом меньше...

Халид судорожно вдохнул, изнывая от безнадежной ненависти. Да уж. Такие действительно не врут по мелочам. Такие могут по настроению и отпустить неудачника, и нарезать ремней из его шкуры. Целитель, да? Ох, добраться бы до того поганца из харчевни. Спросить бы его, что это за лекарь... Сам хорош. Ишак вислоухий, а не песчанка! И если ты зеринге, то этот красавчик, похоже, шахская кобра. Согласиться? Только вот соврать вряд ли выйдет, а сказать толком нечего. И жить хочется. И до

смерти хочется еще раз повстречаться с этим, веселым... Уже не ради заказа, а так — стереть улыбочку. Даже не злится ведь! Забавляется... Чтоб тебя демоны сожрали с твоей магией!

— Ну? — поторопили из-за спины уже с нетерпеливым раздражением.

— Я его не знаю, — облизав сухие губы, выдавил Халид. — Даже лица не видел...

— Так не бывает, — уверенно отозвался чужак. — В твоём ремесле рассеянные дурни долго не живут. А рост? Походка? Голос? Где он тебя нашел? Как вел себя? Думай, парень!

— В харчевне нашел. Сам, без посредников. Лицо закрыл капюшоном и сел подальше от огня. Пониже меня, плотный... Голос чуть с хрипотцой, слова выговаривает врасстяжку, как ушадец...

Халид перевел дыхание, чувствуя, как на волосок ослаб нажим клинка, и честно постарался припомнить еще что-нибудь. Получалось не очень: человек, за что-то невзлюбивший лекаря, был на удивление неприметен.

— Как думаешь, он высокородный? — поинтересовался чужестранец.

— Не похож, — чуть подумав, ответил Халид. — Разве что книжник или мастер по тонкой работе. Руки ухоженные, мягкие. И кольцо простое, без камня и резьбы. Когда деньги отдавал, оно хорошо мелькнуло.

— Из чего кольцо? Камень? Металл?

— Вроде бы камень... На кровавик похож. Темный, гладкий. Блеснул, как зеркало.

— Гематит, значит, — задумчиво протянул лекарь. — Без резьбы... Как интересно. Это все?

— Все, — выдохнул Халид, напрягаясь всем телом: неужели обманет? — Клянусь, больше ничего не знаю.

— А больше и не нужно, — промурлыкал голос из-за спины. — Этого вполне достаточно. Повезло тебе, парень. Хочешь хороший совет за то, что не врал? Уноси ноги из города. Сегодня. Сейчас. Тот, кто тебя нанял, следов не оставляет. И деньги назад не потребует.

Давление клинка пропало. Вывернутая рука, с которой исчезли тиски, повисла плетью. Закусив губу, Халид тугой пружиной развернулся к чужестранцу. Унизительный страх перетекал в ярость...

— Не надо, — мягко посоветовал тот, спокойно улыбаясь. — До сих пор ты очень умно себя вел, не стоит портить такое лестное впечатление.

В холеной ладони блеснуло синеватое лезвие ножа.

— Не возражаешь, если оставлю себе на память? — продолжал улыбаться лекарь.

Отступив немного, он повертел нож в пальцах и, слегка размахнувшись, вогнал его в столешницу. Трехгранный клинок с коротким сухим треском прошел сквозь доску в полтора пальца толщиной и вышел с другой стороны. По спине Халида пробежал мороз.

— Как видишь, ты действительно продешевил, — непринужденно сообщил целитель. — Сотни золотых за меня маловато. Так что уходи, пока отпускаю.

Не отводя глаз от ножа, Халид сделал шаг назад. Потом другой, третий. Оказавшись возле двери, перевел взгляд на чужестранца. Тот пожал плечами. Снова облизав пересохшие губы, ир-Кайсах повернулся и молча вышел.

Оставшись один, Раэн коротко рассмеялся. Теперь он знал, что не зря вернулся в Харузу. Через пару минут, не без труда вытащив нож из стола, — мальчишество, конечно, зато клинок хороший — он спустился вниз и сообщил хозяйину, что небольшие разногласия с приятелем он уладил, так что нет никакой нужды беспокоиться, и что барашек был превыше всяких похвал, а сам он уходит и вернется к ужину или чуть позже. На ужин

будут пирожки с абрикосами? Тогда он тем более вернется, даже если его убьют где-нибудь по дороге. Ради пирожков уважаемого Марсуфа стоит воскреснуть! И, конечно, наилучшие пожелания молодым, да благословят их боги!

Выйдя из «Черного льва», Халид быстро прошагал несколько улиц, яростно кусая губы и еле сдерживаясь, чтобы не расталкивать прохожих. Из какой только преисподней появился сладкоголосый мерзавец, не пожелавший ответить ударом на удар? А если бы ответил?

Халид поежился, вспомнив сухой треск пробитой столешницы. Может, жрецы правы и по земле действительно ходят демоны в людском облике? Тогда почему тварь из преисподней его не убила? А если это человек — что ему дает такую силу? Как победить мага? Наниматель дал срок до сегодняшней полуночи, но теперь к лекарю не подобраться. Придется возвращать деньги... Да не в деньгах дело! Проклятый чужестранец поймал его, как матерый кот — глупого мышонка. Изловил, поиграл и отпустил. Швырнул ему пощаду, как нищему — монету!

Город сегодня был как-то особенно полон народу. Халид шел, протискиваясь через толпу, а внутри кипело унижение, и он сам не знал, что обиднее, остаться должником подарившего жизнь или не расплатиться за насмешки, да еще и заказ провалить. Размышляя, он несколько раз сворачивал в разные переулки, проверяя, не идет ли кто по следу. И только убедившись, что за спиной никого нет, вышел к неприметному домику на окраинной улочке.

В канаве, еще хранящей остатки жидкой грязи после сильного дождя, копались утки, разыскивая свои утиные лакомства. Возле забора щипала траву по-летнему облезлая белая коза, неохотно уступившая дорогу к калитке. Все было как всегда... Пройдя по заросшей дорожке к дому, он раздраженно толкнул дверь, шагнул через порог — и осел на пол от удара по голове.

ГЛАВА 7. Крысиный колодец

Полированную деревянную дверь, кроме обязательной для всех харчевен медной накладки с котлом и бараньей головой, украшал только навес над входом. Два куста диких роз — кипенно-белый слева и кроваво-алый справа — обвили арку, источая дурманно-сладкий запах далеко вокруг. И цвели они у этой двери без перерыва и круглый год вот уже лет сто, как клялись старожилы Харузы, чему Раэн, как-то присмотревшийся к истинной сути роз, вполне верил. Хороший маг работал, на зависть умелый.

Зато ни зазывалы, голосащего о несравненных достоинствах местных блюд, ни охранника, молчаливым присутствием утверждавшего безопасность гостей, у двери не было. И это уже само по себе говорило о харчевне «Две розы» все, что стоило о ней знать. В случайных посетителях здесь не нуждались, а опасаться чего-то... О чем вы, уважаемые?

Стоило Раэну пройти под бело-алым облаком в маленький крытый дворик, и к нему кинулись двое парнишек лет двенадцати-тринадцати. Первый подал влажное душистое полотенце для лица и рук, второй, опустившись на колени, ловко расстегнул сандалии гостя и таким же полотенцем вытер ему ноги. Оставив обувь у входа, Раэн босиком прошел по светло-зеленым коврам, напоминающим цветом и мягкостью весеннюю траву, но, конечно, без единой коварной колючки или грубого камешка. Ткали такие ковры из шелковых нитей всего в трех городах шахства, вкладывая столько труда и искусства, что ходить по нежному чуду в сандалиях и впрямь было бы кощунством.

В глубине двора, где оплетенная лианами крыша размыкалась вокруг ствола огромного старого дерева хен, его ждали. Нижние ветви дугами выгнулись к земле, образуя шатер, под которым ковер был усеян пестрыми подушками, как луг — цветами. Склонившись, чтобы войти под серебристо-зеленый свод, где уже сгущались сумерки, Раэн приложил правую ладонь к груди:

— Радость встречи с вами переполняет мое сердце, уважаемый Нехмет. Простите, что вам пришлось ждать недостойного.

Человек, сидевший под деревом, поднялся навстречу и поклонился не менее низко. Впрочем, и не более — в самый раз, чтобы выказать вежливость и не уронить достоинство того, чьим посланником являлся. Дождавшись, пока гость опустится на подушки, он сел напротив него за низким столиком, уставленным блюдечками, мисочками и пиалами.

— И вечность я был бы рад ждать вас, почтенный Раэн. Благословенны пути, что привели нас под один кров. Прошу, разделите со мной скромное угощение.

— Пощадите, — улыбнулся Раэн. — Хотя я и знал, куда иду, но не так уж давно встал из-за свадебного стола. Разве что чашку кофе выпью с удовольствием.

— Тепло в очаге чужой радости согревает сердце, — тронула ответная улыбка узкие губы его собеседника. — Долгих лет жизни уважаемому Марсуфу и его семье. Пусть радость войдет к нему в дом с замужеством дочери.

— Да будут чресла ее обильны, дети же здоровы и почтительны, — подхватил Раэн. — Благоденствует ли по-прежнему ваша семья, уважаемый Нехмет?

— По милости светлых богов, почтенный... Но неужели вы обидите нашего хозяина, не отведав хоть что-нибудь?

Бесшумно подошедший паренек зажег лампы с ароматическим маслом, на тонких цепочках свисающие с веток, — под плотной кроной темнело куда быстрее, чем на улице — и так же незаметно исчез. Наклонившись к столу, Нехмет ир-Базуфи, голос и рука ночного шаха, разлил кофе из серебряной джезвы, дымящейся в блюде с углями. А Раэн в который раз подивился, как чужеродно выглядит этот человек где угодно, от дворцовых покоев до нищенского притона, и как легко держится при этом.

Было Нехмету лет тридцать пять-сорок, если судить по лицу. Резкому, с правильными строгими чертами и пронзительной синевой глаз лицу человека, привыкшего даже не

командовать — повелевать. По смуглой коже не один год гулял резец ветра и зноя. И одет ир-Базуфи был не для Харузы, а разве что для пустыни или степи. Рубашка из тонкого полотна и такие же штаны, да на плечи небрежно накинута холщовая куртка, расшитая стальными колечками, превратившими ее в легкий доспех. То ли опытный наемник, то ли атаман разбойников — не понять, да и невелика разница. Такому ли пить драгоценный иршаадский кофе в «Двух розах»? Караваны ему водить. Или грабить.

Это если не знать, что ночной шах, чьим голосом говорит Нехмет, правит своей частью страны не менее властно, чем его великий собрат, сидящий на троне. И что с того, что часть эта рассеяна по всему шахству толпами нищих, гадалок, карманников, грабителей и торговцев удовольствиями? Деньги есть деньги... По слову ночного шаха, изреченному кем-то вроде Нехмета, улицы Харузы может залить кровь куда быстрее, чем в Небесном дворце издадут указ и войска повелителя двинутся из казарм. Так что еще неизвестно, кого можно считать истинным владыкой столицы и страны.

Раэн принял чашку, пригубил. Зажмурился от удовольствия, покатав на языке как раз в меру горячую, упоительно ароматную жидкость. Нехмет крошечными глотками цедил кофе, время от времени лениво кидая в рот прозрачные белые виноградины без косточек, и мягкие отблески огня ложились на его лицо.

— Все-таки нигде так не варят иршаадский кофе, как здесь, — сказал он мечтательно и умиротворенно. — Не забавно ли, почтенный Раэн? Благородные зерна из Иршаада, спелый виноград из Ханулии, гюльнарские гранаты, переполненные рубиновым соком... Как еще могли бы они встретиться? Но вот мы сидим за этим благодатным столом, подобным всему земному своду, и тот, кто взглянет издали, скажет: вот запад и восток пьют из чаш чинского фарфора, сотворенных равно далеко от них.

— Да вы поэт, уважаемый! — восхищенно покачал головой Раэн. — Что ж, если запад и восток повстречались здесь, под сводами, подобными мировому древу, да будет благословен этот мир.

— Пусть согласятся с вами боги, почтенный... Увы, эта сияющая мысль о встрече плодов принадлежит не мне. Я, недостойный, услышал ее луну назад в доме светлейшего ир-Джантари, управителя славного города Тариссы.

— Ах, вот как, — ожидаемо удивился Раэн, с облегчением понимая, что непременно ритуально-поэтическая часть встречи двух высокородных подходит к концу. — Так вы были в Тариссе, уважаемый Нехмет? И какие новости привезли оттуда?

— Что нового может случиться под луной? — пожал плечами Нехмет, наливая Раэну еще кофе. — Тарисса по-прежнему прекрасна и богата. Разве что там еще выше подняли цену за вашу голову, почтенный.

— В самом деле? Приятно слышать, что меня ценят, — усмехнулся Раэн. — И насколько же высоко, хотелось бы знать?

— Если спросить меня, так ваша голова бесценна, — так же легко ответил улыбкой Нехмет. — Но род Аримсе оценил ее в три тысячи золотых саму по себе и в пять — если она останется на плечах.

— Очень приятно! — убежденно произнес Раэн, следуя примеру сотрапезника и раскусывая брызнувшую соком во рту виноградину. — Даже передать не могу, сколь радостно это слышать. А то сегодня утром, представьте себе, меня попробовали прирезать всего за жалкую сотню золотом.

Рука Нехмета, потянувшаяся за виноградиной, на какую-то длину вдоха зависла над блюдом. Потом пальцы все так же небрежно отщипнули ягоду.

— И правда, какая нелепица, — безмятежно произнес олицетворенный голос ночного шаха. — Кто же это был, почтенный Раэн?

— Если бы я знал. От удивления забыл поинтересоваться его именем, увы. Но человек приметный. Ему лет двадцать пять или немного меньше. Высокий, стройный, у него нос с горбинкой и необычные желтые глаза, словно у птицы или кошки.

— Тогда уж, скорее, как у змеи. Зеринге.

Нехмет кинул в рот виноградину и запил кофе, продолжив:

— Знаете эту змейку, почтенный? Кобра раздувает капюшон, гюрза шипит, а зеринге бросается молча, без предупреждения. Вашу змейку зовут Халид ир-Кайсах. Зеринге не наш родич. Он одиночка.

— Значит, Зеринге? Песчаная гадюка? — Разн тоже неторопливо отпил глоток. — Да, ему подходит. Как же ночной шах терпит в Харузе вольный клинок не из семьи?

— Почему нет? — Нехмет пожал плечами. — Ир-Кайсах платит налоги, как все одиночки, и не просит защиты. Мы позволяем. Этот несчастный жив или получил по заслугам?

— Представьте себе, жив и свободен. Парень оказался неглуп и ответил на мои вопросы. Оказалось, один из старых знакомых решил таким странным образом позвать меня в гости. Непременно загляну к нему, как будет свободный час.

Уголки губ Нехмета тронула усмешка.

— Старые знакомые такого рода горячат кровь и веселят в день скуки. Кстати, наши братья из Тариссы, которых просил о помощи глава ир-Аримсе, помнят и чтут дружбу с вами.

— Вы не представляете, как я рад этому, — опять улыбнулся Разн. — Когда-нибудь, думаю, придется мне и в Тариссе навестить старых знакомых, но пока что слишком много хлопот.

— Хлопоты нескончаемы, — подтвердил Нехмет. — Но дружба украшает жизнь.

— Воистину так, — склонил голову Разн. — Потому не откажите, прошу, в знак дружбы принять этот маленький подарок.

Замшевый мешочек в пол-ладони лег на стол. Нехмет покачал головой.

— Ради Света, Разн. К чему это? Семья давным-давно считает вас другом. Уберите, прошу.

— Разве от подарков друзей отказываются? Вы ведь взяли на себя часть моих хлопот!

— Увы, пока эти хлопоты пусты, — вздохнул ир-Базуфи. — Мы искали тщательно, как влюбленный ищет след своей возлюбленной, но никто из услышавших вопрос не смог ответить. Семья ничего не знает о Спящей в камне.

— Жаль, — просто и тихо уронил Разн. — Еще один след в никуда. И все же я благодарен вам и семье, Нехмет. Возьмите подарок, не обижайте меня.

— Чем же мне позволено будет отдариться? — мягко улыбнулся голос ночного шаха. — Не за ваш подарок, а за вашу дружбу, что не имеет цены.

— Если уж вам так хочется, — задумчиво сказал Разн, — подскажите, где мне снова повстречать Халида ир-Кайсаха? Раз он не служит ночной семье, то, возможно, согласится служить мне.

— Вам нужен ир-Кайсах? — удивленно поднял одну бровь Нехмет. — Разве в семье клинки хуже?

— Клинки семьи принадлежат ей, — отозвался Разн. — А мне нужен как раз вот такой одиночка, человек без друзей и родных, которых беспокоила бы его жизнь. Или смерть.

Он улыбнулся Нехмету, и голос ночного шаха кивнул в ответ.

— Тогда, конечно, понимаю. Но, боюсь, встретиться с Зеринге будет немного сложнее, чем кажется. Говорят, что на песчанку нашелся змеелов. У сотника ир-Мансура из городской стражи к Зеринге давний счет, а не далее, как сегодня днем, люди видели, что Халида вели в тюрьму у северной стены. Если хотите застать Зеринге живым, лучше поторопиться. Не думаю, что ир-Кайсах доживет до суда. Он и эту ночь-то переживет вряд ли.

— Как некстати, — поморщился Раэн. — Хотя... пусть так! Моя благодарность, уважаемый Нехмет, вечно принадлежит вам и вашей семье. Простите, что вынужден вас покинуть.

— Мудрый знает, когда замереть мышью, а когда поспешить соколом, — откликнулся ир-Базуфи, откидываясь на подушки. — Пусть удача ведет под уздцы коня ваших замыслов, друг мой...

Переступив порог «Двух роз», Раэн замер на улице, прямо под сплетением веток. Сотник ир-Мансур, значит? Тюрьма у северных стен? Лишь бы не опоздать!

А лекарь-то оказался прав. Бежать из города надо было сразу, бросив и дом, и деньги в тайнике. Хороший был совет. Но кто мог знать?

Халид сплюнул соленый красный сгусток, стараясь попасть на расшитый сапог возле своего лица. Попал. Сапог неторопливо отодвинулся назад и с размаха врезался в его ребра, снова отчетливо хрустнувшие.

Скорчившись на каменном полу, Зеринге потерял сознание от слепящей боли, принимая это с радостью. Разумеется, долго отдыхать ему не позволили. Полведра грязной холодной воды обрушились сверху, вырывая из блаженного беспамятства.

— Ну нет, падаль, я тебе разлеживаться не дам, — раздался знакомый голос откуда-то сверху.

Испачканный сапог приподнял подбородок Халида. Он снова плюнул кровью.

На этот раз последовал целый десяток пинков, тщательно отмеренных так, чтобы не убить, но основательно отбить внутренности. В очередной раз придя в себя, Халид с трудом разлепил губы, остро жалея, что в запекшемся рту не осталось не только слюны, но даже крови.

— Очнулся, шакаля шкура? Вот и славно. Хватит с тебя, пожалуй. А то еще сдохнешь раньше времени.

Ир-Кайсах с трудом вдохнул сырой воздух подземелья, ножом режущий легкие за сломанными ребрами. Грубый толчок перевернул его на спину. Сотник, поигрывая плетью с медным шариком на конце, посмотрел на Халида сверху.

— Вот теперь, наконец-то, ты выглядишь как нужно, — почти ласково проговорил он. — А жить тебе осталось час, не больше. Пока я не сдам караул. Хочешь умереть?

Ир-Кайсах собрался с силами.

— Еще бы. Передам... привет... твоему братцу...

Лицо сотника даже в полумраке посерело. Зеринге стиснул зубы, приготовившись. Но получил всего лишь еще один удар плетью по окровавленной щеке. В голове вспыхнуло яростное белое солнце — и погасло, оставив тупую тяжелую боль.

— Даже не надейся, — с усилием выговорил его мучитель. — До смерти я тебя не забуду. Это слишком просто. Будешь подыхать, как и положено такому шакальему дерьму.

Подождав и убедившись, что пленник молчит, ир-Мансур вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Халид услышал глухое лязганье засова. Покосился на ведро в двух шагах от себя, облизнув разбитые губы пересохшим языком. Задыхаясь от боли, переполз поближе, взглянул и едва не заплакал от разочарования. Жестяное дно было едва влажным. С невероятным трудом он сел, привалившись к сочащейся сыростью стене. Кто бы мог подумать, что летом в Харузе можно найти такое прохладное местечко. Не сказать ли спасибо за заботу?

Губы болели несильно по сравнению со всем остальным, так что Халид позволил себе чуть заметную усмешку. Вот бы надуть ир-Мансура, умерев до его прихода... Халид тронул узкий кожаный пояс. Нет, не выйдет. Голые стены, пол, потолок. Даже петлю захлестнуть не за что. А за дверь уже слышались голоса. Лязгнув в пазах засов.

— Только вы уж побыстрее, уважаемый, а то мне господин ир-Мансур голову оторвет и на пику насадит...

— И, между прочим, правильно сделает, — невозмутимо отозвался кто-то очень знакомый. — Исчезни. Будешь подслушивать, сотник тебя найдет уже без головы.

Ир-Кайсах изумленно глянул на вошедшего.

— Кажется, у тебя был тяжелый день, Зеринге, — мягко проговорил чужестранец, присаживаясь на перевернутое ведро. — На этот раз ты действительно влип, как муха в патоку. Ночная семья пальцем не пошевелит, чтобы помочь одиночке, верно? И сотника можно понять. Если бы кто-то убил моего брата...

— Что... нужно?

— Полагаю, ты хочешь отсюда выбраться.

Халид внимательно посмотрел на нежданного гостя.

— Как?

— Это уже моя забота. Я могу тебя вытащить. Прямо сейчас.

— А... цена?

— Ты еще и торгуешься? — удивился целитель. — Или тебе здесь понравилось? Хотя цена действительно немалая: твоя свобода в обмен на жизнь. Тебе повезло, Халид. Мне нужен толковый подручный, иначе я предоставил бы ир-Мансуру делать с тобой что угодно. Только учти, если согласишься, это — навсегда. Будешь делать все, что я скажу. Жить, как я скажу. Дышать исключительно с моего позволения. И никакого выбора. До самой смерти, в которую ты тоже не сможешь убежать без моей воли. Понимаешь?

— Ты... демон? Или колдун?

— Я не демон, в этом могу поклясться, — улыбнулся чужестранец. — Твоя душа останется при тебе. Чародей — это верно. Выбирай, Зеринге. Смерть или новая жизнь.

Халид прикрыл глаза. Чужак не врал, в этом ир-Кайсах почему-то был твердо убежден. Значит, или мучительная смерть, которую ему приготовил ир-Мансур, или... Жить не просто рабом, а безвольной куклой, лишенной даже права умереть без разрешения хозяина. Халид сплюнул на пол горько-соленый сгусток. Чародей терпеливо ждал, будто в запасе у него были не полчаса или сколько там осталось до прихода сотника, а пара лет. Зеринге сглотнул, стиснув зубы от боли, которой отозвалось все тело, и выдавил:

— Нет.

Четко очерченная бровь изогнулась в вежливом недоумении.

— Уверен?

Вместо ответа Халид приподнял свинцовые веки и посмотрел на чужака.

— Понятно, — усмехнулся тот. — Что ж, уговаривать не буду.

Одним плавным движением встав, он сожалеюще посмотрел на Халида.

— Скоро вернется ир-Мансур, и вряд ли твоя смерть будет легкой или хотя бы быстрой. Так что если вдруг передумаешь, просто позови. Мое имя — Арвейд. Запомнишь? Крикни один раз, этого хватит. Я услышу, где бы ты ни был. И буду считать, что ты согласен на мои условия.

Не ожидая ответа, он скользнул к двери, мгновенно исчезнув. Зеринге захотелось взвыть от безнадежности, но сил не было даже на это. Он и сам толком не понимал, почему отказался от предложения мага. Чужестранец не был похож на мерзавцев, с которыми Халиду обычно приходилось иметь дело. Впрочем, откуда ему знать? Если жизнь и научила наемника чему-то полезному, так это полной неспособности кому-то доверять. Что и спасало его неоднократно.

С другой стороны, поверь Зеринге предупреждению, он вполне успел бы сбежать из города и сейчас не сидел бы в подвале караульного помещения городской управы, заплевывая пол кровью и ожидая смерти. Халид прислушался. Так и есть. Не терпится ир-Мансуру.

Как ни странно, стало легче. Боль накатывала горячими красными волнами, туманя сознание. Он почти не чувствовал, как двое, вошедшие с сотником, тащили его куда-то узкими подземными коридорами, спускаясь все ниже и ниже. Ни удивляться, ни бояться он уже не мог. Мир был наполнен багровым туманом боли, заглушающим все мысли и чувства...

В очередной раз повернув, его молчаливые сопровождающие остановились, небрежно уронив Халида на пол. Он безучастно смотрел на шевелящиеся губы ир-Мансура, не воспринимая звуки, как нечто осмысленное. Видимо, сотник это сообразил. Возле губ Зеринге оказалась фляжка, вкуса он не почувствовал, однако жидкий огонь наполнил судорожно сжимающееся горло. Хрипя и откашливаясь, Халид очнулся.

Он стоял у самого края колодца, пробитого в каменной плите. Дна не было видно, как и стен помещения. Заглянув Халиду в глаза и убедившись, что он пришел в себя, ир-Мансур передал факел одному из молчащих верзил-стражников.

— Знаешь, где мы, шакалий выкидыш?

Халид вяло мотнул головой, мечтая, чтобы все скорее закончилось, но сотник не собирался так просто избавиться от жертвы.

— Это Крысиный колодец. Падать всего ничего, даже ноги не поломаешь, зато на дне тебя уже ждут. И почему крысы так любят это место? Пожива им здесь выпадает нечасто, а вот поди ж ты, парочка всегда дежурит внизу. Может, их тоже в караул ставят?

У Халида так и вертелось на языке сравнение между крысами и стражей, однако он промолчал. По спине пополз холодок. Тяжелый липкий страх ночного кошмара, обернувшегося явью. А сотник продолжал.

— Кровью от тебя пахнет, как на скотобойне. Они это обожают. Мигом набегут. А я посмотрю сверху, можешь быть уверен. Угадай, для чего нам это место?

Ир-Мансур ухватил ладонью разбитое лицо Халида, заглянул ему в глаза и понизил голос:

— Здесь проверяют новичков, поступивших в стражу. Кидают собаку или барана и заставляют смотреть. Кое-кто глазки закрывает, трясется, блюет. А то и в обмороки падают, неженки такие. Измельчал народец... Всего-то несколько минут потерпеть, пока горло перехватят, а потом уже тихо. Только писк...

«Он сумасшедший, — в тошнотворном ужасе подумал Зеринге. — Все это время, пока за мной охотился, он уже знал, что сделает, когда поймает. Мечтал об этом! Нет! Я не хочу! Только не это...»

Подручные сотника легко, почти небрежно придерживали его за локти, не столько действительно держа, сколько помогая стоять на дрожащих ногах. Ир-Мансур медленно, с наслаждением облизнул губы.

— Боишься? — прошептал он, не сводя жадного взгляда с лица Халида. — Знаю, что боишься. От тебя страхом пахнет... Сладко... Если повезет, они прокусят горло сразу, но это большая редкость. Живое существо всегда сворачивается в клубок, бережет шею, голову, брюшину. Но им плевать. Они рвут на части спину и ноги, потом добираются до нутра. И когда они закончат, от тебя останется голый окровавленный скелет, да и тот сильно попорченный. Фаланги пальцев, например. Они их полностью отгрызают...

— Хватит, Хатам.

Один из спутников ир-Мансура впервые подал голос, почти лениво пояснив:

— Скоро ночь на дворе. Нам еще на рынок тащиться, помнишь? Управителю подарок на

свадьбу племянницы искать. Бросай этого недоноска и пошли. С утра на ногах...

Только теперь Халид поверил окончательно, что все происходит наяву. В самом дурном сне ему не приснились бы такие спокойные голоса и равнодушные лица. Эти двое, они ведь даже не испытывают к нему ненависти, как ир-Мансур. Так же безразлично и лениво они будут слушать, как он захлебывается воплями и хрипом, а потом поднимутся наверх и пойдут выбирать подарок на свадьбу какой-то девчонки. Может, выпьют в рыночной харчевне кофе с медовым печеньем и закажут плов. Твари...

К горлу Зеринге подкатился тугой ком. От ир-Мансура он и не ждал ничего, кроме смерти. Но не такой же! Удавка. Нож под ребро. Вымоченный в соли кнут, разрубающий тело до костей. Секира палача. Со всем этим Халид не то чтобы смирился, однако готов был принять такую смерть достойно. Но не это! Светлые боги...

Если бы Халид мог вырвать, он бы так и сделал, но все содержимое желудка осталось на полу караулки после первых же умелых ударов. Тело скрутила тягучая волна, и Халид задрожал крупной непрерывной дрожью, ненавидя себя за это и не имея сил остановиться.

Очень медленно, почти нежно сотник провел кончиками пальцев по его щеке, наслаждаясь действием своих слов, и снова шепнул:

— Кричи, Зеринге. Кричи громче. И вспоминай моего брата, когда тебя будут рвать на кусочки...

Бросать его не стали. Наверное, чтобы опять не лишился сознания, ударившись искалеченным телом о пол. Перехватив за руки, опустили в яму. Когда хватка на запястьях исчезла, Халид упал с высоты не больше пары локтей, взыв от боли. С трудом перевел дыхание.

Тьма вокруг была осязаемо плотной, но почти сразу же сверху упал зажженный факел, осветив неглубокий колодец, облицованный плитами известняка. Ир-Кайсах огляделся.

Совершенно круглый каменный мешок, примерно три шага от стены до стены. Просмоленное дерево упало возле сырой стены напротив Халида, освещая серый камень и ряд отверстий у самого пола, опоясывающий весь колодец. Так вот как сюда попадают эти твари. Дыры в камне были рассчитаны на кого-то размером с крупную кошку или мелкую собачонку.

Халид прищурился. Показалось, или в одной из нор действительно мелькнуло что-то серое? «Парочка всегда дежурит внизу», — вспомнил он слова сотника. — Проклятые твари... А где же кости? Если ублюдки из городской стражи частенько здесь развлекаются проверкой новичков, пол должен быть устлан костями. Неужели выгребают?

Халид отчаянно цеплялся за никчемные вопросы, изо всех сил пытаясь поверить, что его грешная, безнадежная, никому, кроме него самого, не нужная жизнь все-таки не закончится на ледяном грязном полу Крысиного колодца. Получалось плохо. И не все ли равно, куда деваются обглоданные кости из этой живодерни? Впрочем, в бедро упиралось что-то твердое.

Морщась, он нащупал большой гладкий шар и покрутил перед собой. Какой, во имя владыки преисподней, баран? Череп смотрел на Халида пустыми темными глазницами, безучастно скалясь в свете факела. Ир-Мансур полагает, что ему первому пришла в голову мысль спустить в Крысиный колодец человека? Или здесь так принято? Что ж, Халиду уже никогда не узнать, чем именно и перед кем провинился этот несчастный...

Острая боль пронзила правое бедро. Вскрикнув больше от неожиданности, Халид перекатился на бок и успел увидеть исчезающий в отверстии длинный хвост крысы. Это ненадолго. Из укушенной ноги текла струйка крови. Через пару минут осмелевшая тварь, отведавшая свежей плоти, вернется, и тогда...

Халид сжал зубы, чтобы не закричать или не всхлипнуть. Наверху было темно и тихо, но Зеринге не сомневался, что хотя бы один жадный зритель ему обеспечен.

И ведь проклятому ир-Мансуру не откажешь в смекалке, порожденной опытом!

Заполучив наемника в свои руки, сотник первым делом тщательно обыскал его, найдя тонкое лезвие в поясе и еще пару полезных мелочей. Прав был чужеземец: ни легкая, ни быстрая смерть не светит...

Чужеземец. Непрошенная мысль ядовитой песчанкой проползла в сознание. Какое-то время Халиду еще удавалось гнать ее.

Тогда, когда он отшвырнул наглуую гадину, появившуюся из другой дырки в стене.

Когда целый десяток серых теней метнулся к нему, яростно вырывая кусочки плоти бритвенно острыми резцами.

Когда, не в силах давить тварей ногами, он пытался стряхивать их, платясь за это пальцами, и катался по полу, сходя с ума от боли, ужаса и отвращения.

И даже когда увидел в свете догорающего факела уставившуюся прямо на него зверюгу в несколько раз крупнее, чем обычные крысы, еле протиснувшуюся в дыру.

Но когда, источая резкий запах масляной гари, не способный перебить крысиную вонь, погас факел, оставив его в темноте, полной липкой шерсти, острых зубов и омерзительных холодных лап, Зеринге не выдержал. Один-единственный раз в отчаянии он выкрикнул сохраненное цепкой памятью имя. На грани безумия, уже проваливаясь в его гостеприимно распахнутую бездну...

И падая, падая, падая во тьму, услышал совсем рядом бесстрастный мягкий голос с едва уловимым чужестранным выговором:

— Я принимаю твое согласие, Халид ир-Кайсах.

Халид уже не видел, как вспышка ярко-золотого света заставила перемазанных кровью тварей кинуться врассыпную, давя и кусая друг друга в стремлении побыстрее убраться из колодца.

Он не видел и не чувствовал, как, спрыгнув вниз, чародей присел рядом и взмахнул рукой, окутав его льдисто-голубым туманом, от которого кровь мгновенно перестала течь из укусов.

Три неподвижные фигуры статуями замерли на краю колодца, пока чужестранец, хмурясь, доставал из кармана светящийся теплым янтарем камушек, другой рукой плотно обхватив плечи Халида, приподняв его и прижав к себе. Янтарно-золотое сияние озарило колодец, а когда растаяло, в каменном мешке не было ничего и никого, кроме костей, и еще долго самые любопытные крысы не решались высунуть туда нос из безопасной темноты своих лазов.

ГЛАВА 8. Гадалка из Пестрого Двора

— И она мне все-все рассказала, веришь? И про матушку покойную, да примут ее светлые боги, и что со мной раньше было, и даже про него... Ну, помнишь, я тебе говорила... Про того булочника, что ко мне сватался, да мачеха приданого не дала. А потом про будущее сказала! Ой, Мирна-а-а... я и думать теперь боюсь, кто же это такой может быть, а? Кого мне сердце должно из двух указать?

Жаркий шепот Ирганы назойливо лез в уши, и Наргис досадливо поморщилась. Вот нахальная девчонка, знает ведь, что стоит госпоже взять в руки книгу, и в спальне должно стать тихо, словно в храме, когда жрец заносит нож над горлом ягненка. Мирна вот молчит, разве что постукивают длинные костяные иглы, на которых старшая служанка плетет кружево. Но их стук и пенье птиц за окном Наргис не мешают, а вот голоса — да, пусть Иргана и старается шептать как можно тише.

— А еще она сказала, что у меня трое деток будет. Двое сыновей и доченька. И что муж будет меня холить и лелеять, как розовый куст в шахском саду! Ми-и-ирна... ну неужели поверить, а? Я уж думала, кому я нужна, сирота-бесприданница? Думала, так и останусь пустоцветом, благо у нас госпожа добрая, обидеть не позволит. А тут такое... Поверить? Или нет? Про остальное-то она правду сказала! Даже... даже про то... что вообще ни одна душа живая не знала! Ну, Ми-и-ирна...

— Да помолчи, болтушка! — не выдержала та. — Думаешь, госпоже интересно слышать, как ты глупостями занимаешься? Гадалка! Что они знать могут, гадалки эти? Видит, девица к ней пришла, нарядная да незамужняя, ясно, что про жениха знать хочет. Вот и наплела тебе про мужчину и детей. А ты уши развесила, как осленок, и за серебром в кошель полезла. Тьфу, дуреха!

— И ничего не наплела! — обиженно взвизгнула Иргана. — Госпожа! Ой, светлейшая госпожа, простите меня неразумную, что помешала! Но скажите хоть вы ей, а? Вы у нас ученая-преученая, и про ход созвездий знаете, и про страны дальние... Правда ведь, что есть люди, которым будущее открыто? Ну правда, а?!

Столько отчаянной надежды и веры звучало в ее голосе, что Наргис, вздохнув, отложила книгу и невольно улыбнулась. Надо быть снисходительнее, ведь для Ирганы это и вправду дело первостепенной важности.

— Говорят, что правда, — подтвердила она. — Доподлинно известно, что некоторые звездочеты предсказывали будущее очень точно, их пророчества хранятся в Храме Света в Аккаме и во дворце нашего пресветлейшего и всемилостивейшего шаха, да хранит его Свет.

— Так то звездочеты, — протянула ничуть не убежденная Мирна. — Люди почтенные, звезды да светила ведающие. Они, может, и могут в будущее заглянуть с позволения светлых богов. А откуда гадалке из Пестрого Двора такое дано?

— А откуда она знает, что я в десять лет с сыном медника в мастерской его отца поцеловалась? О-о-ой...

Глядя, как щеки Ирганы заливают густой краской, Наргис окончательно отвлеклась и даже развеселилась.

— Вы не подумайте, госпожа, — залепетала смущенная девчонка, едва не плача. — Я ничего такого... Мы просто играли, и оно... само собой как-то получилось. А потом я убежала, и больше ничего, совсем ничего не было! А только... откуда ей знать, гадалке этой, а?

Мирна фыркнула и снова напоказ старательно взялась за кружево, блестящие шелковые нити танцевали в ее пальцах, а сама Мирна с таким хмуро недоверчивым лицом была похожа на настороженного барсучка, которого Наргис однажды увидела в саду. Раскрасневшаяся Иргана смотрела умоляюще, и Наргис, сжалившись, улыбнулась ей:

— Конечно, я верю, что ты добродетельная девица. Так что, ты говоришь, тебе нагадали?

— Жениха-а... — выдохнула Иргана, разом успокоившись и мечтательно заблестев

круглыми и темными, как переспевшие вишни, глазами. — Да не одного! Она сказала, что есть двое мужчин, которые обо мне думают. И что скоро оба разом ко мне посватаются, так чтоб я счастья своего не упустила. Мол, если выберу верно, то будет у меня и дом свой, и детки, и муж строгий, но ласковый. Ой, госпожа... вы не подумайте, мне у вас в услужении хорошо! Так хорошо, как только в райских садах бывает! А только ведь хочется... Ну, своего счастья...

— Дура, — тихо и зло уронила Мирна. — Дура болтливая.

Глаза-вишни на круглом румянном личике расширились, став еще больше, Иргана с ужасом глянула на Наргис, приоткрыла рот, сообразив, с кем и о чем заговорила, и начала стремительно бледнеть.

— Ой, госпожа... про... простите...

— Успокойся, — снова вздохнула Наргис. — Ты-то здесь причем, милая? Если выйдешь замуж за достойного человека, я только порадуюсь. Чужое счастье подобно воде в глубоком арыке — напиться не выйдет, а все-таки возле него прохладнее.

— Вы... вы такая добрая! Самая милостивая, самая прекрасная!

Вскочив, Иргана подбежала к Наргис, упала на колени и, заглядывая снизу ей в лицо, заговорила быстро, словно сама испугалась своей дерзости:

— Госпожа, а что бы вам не сходить к этой гадалке? Она все-все про всех знает, может, и вам скажет, как беду прогнать. Вдруг поможет? Ой, госпожа, вы такая красивая и добрая, нельзя вам в печали жить, гневить светлых богов. А гадалка эта — она не наша, не из Харузы, а из самой Чины. Говорят, чинки все колдуньи, ну или через одну уж точно. Она такая... такая... только в глаза мне посмотрела — и все сказала сразу! А взгляд у нее — ух! — то как ножом в самое нутро пробивает, а то как шелком мягоньким по коже стелется. Точно вам говорю, госпожа, она самая настоящая колдунья! Если уж она вам ничего не скажет, так никакие звездочеты не помогут, ни живые, ни покойные!

Яркая цветная вышивка в руках девчонки невольно притягивала взгляд. Раньше Иргана была не слишком прилежна в рукоделие, но всю последнюю неделю игла так и летала в ее пальцах каждую свободную минуту, и теперь Наргис видела — почему. По широкой ленте синего чинского шелка в золотых волнах плыли белоснежные лебеди-неразлучники, что выбирают пару однажды и на всю жизнь.

Иргана расшивала свадебный пояс, который невеста должна преподнести жениху, и хотя можно купить его в лавке, но какая разумная девушка пойдет к купцам за такой вещью? Неизвестно ведь, чьи руки его шили! А вдруг вышивальщица была бесплодной? Или вдовой? Или брошенной женой! Нет уж, если случилось так, что нет у невесты матери, старших сестер или теток, плодовитых и удачливых в браке, способных поделить с капелькой счастья, вплетаю его в нити, лучше девушка сама сошьет себе судьбу.

— Покойные звездочеты мне точно не помогут, — старательно улынулась Наргис, отводя взгляд от нарядной вышивки и сдерживая так не вовремя навернувшиеся на глаза слезы. — Но и от живых в этом деле пользы мало.

Гадалка-чинка — глупость какая. После придворных магов, которым ее показывали, после жрецов из храмов Света и жриц Благой Матери, чье прикосновение снимает любые злые чары... Почти любые, как оказалось. Ей никто не мог помочь! Никто из этих святых могущественных людей даже не увидел на Наргис проклятье. А что сделает какая-то гадалка, да еще из Пестрого Двора! Из места, в котором, все жители Харузы это знают, посмотри на любых троих его жителей — и увидишь пять мошенников.

— Так ведь хуже-то не будет, госпожа, — лукаво улынулась успокоившаяся Иргана. — Хуже некуда, простите меня, недостойную. Сердце болит видеть, как вы днями над книгами чахнете. А вдруг судьба ваша рядом ходит и только ждет, пока вы ее поманите?

— Глупость... — растерянно прошептала Наргис. — Не может такого быть.

Сердце глухо и гулко стукнуло, пропустило удар, а потом затрепетало, как заполошная птица — крыльями. Наргис всегда была образцом рассудительности и не доверяла гаданиям. Она даже в предсказания храмовых жрецов, что те делают по особым

праздникам, не верила. Как оказалось — и правильно, потому что все они сплошь состояли из обещания всевозможных радостей: мужа, большой семьи, счастливой добродетельной жизни...

О да, Наргис гордилась своей осторожностью, умом и недоверием к глупым женским забавам вроде гадания, но... Разве ей это помогло? Утопающий хватается и за нитку, плывущую по реке. Если чинка окажется настоящей провидицей, Наргис ее озолотит. Лишь бы хоть что-то понять про темные силы, собирающиеся вокруг нее.

Взгляд ее снова метнулся к поясу в руках Ирганы...

— Мне нужен джандар ир-Бехназ, — сказала Наргис, решившись. — Мирна, позови его. Иргана, ты ведь сможешь указать дорогу?

Служанка быстро закивала, глядя с восторгом, а Наргис уже старательно обдумывала, как все устроить, чтобы затея осталась тайной. В Харузе слухи разносятся, как чума, и ни к чему столичным сплетникам знать, что девушка из рода ир-Даудов посещает подобные места. Она сама себе еще не верила, что осмелилась на такое, но холодок предвкушения, смешанного со страхом и упрямством, уже разливался внутри...

Как и следовало ожидать, джандара приказ не обрадовал. Пожалуй, его предшественника Наргис не сумела бы убедить, но суровый старый воин, служивший джандаром еще у их с Надиrom деда, три года назад отправился к предкам, а его будущий преемник был взят в дом совсем юнцом, не намного старше хозяйских детей, которых должен был охранять. Однако со службой он, несмотря на возраст, справлялся отменно и ревностно.

— Нехорошее место этот Пестрый Двор, светлейшая госпожа, — хмуро сказал ир-Бехназ то, что Наргис и так прекрасно знала.

На смуглом почти до черноты лице джандара, бывшего мальчишки-раба, привезенного с далекого юга и отпущенного отцом Наргис на свободу, прочитать что-то удавалось немногим, но Наргис знала Маруди ир-Бехназа давно и понимала, что он всерьез обеспокоен.

— Вот и позаботьтесь, чтобы наша дорога была безопасной, — спокойно ответила Наргис. — Я ведь не на тайное свиданье велю себя проводить, охрана вполне уместна. Только не очень большая, чтобы весь Пестрый Двор не сбежался глазеть.

Мрачное лицо джандара слегка просветлело, и он низко поклонился, убедившись, что благоразумие хозяйка не утратила.

— Тогда я возьму троих охранников, светлейшая. И малый паланкин.

На мгновение Наргис задумалась, не стоит ли поехать верхом? В седле она держится на зависть многим мужчинам, а лицо можно прикрыть, и никто не заподозрит в ней высокородную... Но Иргана? Ее придется сажать к кому-то в седло, тоже прикрывать лицо, а это лишние хлопоты. Нет, пусть будет паланкин.

— Без родового знака, — так же спокойно сказала она ир-Бехназу. — Проследите, чтобы на воинах и лошадях его тоже не было — мне не нужны слухи. И поторопитесь, время к закату.

— Да, светлейшая, — снова поклонился джандар.

Крупный изумруд неправильной огранки раскачивался на тонкой золотой цепочке. Влево-вправо, влево-вправо... Внутри изумруда в извечном, знакомом каждому целителю или чародею ритме пульсировала яркая искра, просвечивая сквозь прозрачную каменную плотность. Приглядевшись, можно было понять, что камень огранен в форме человеческого сердца, и его хозяин знал каждую грань изумруда наощупь, хотя не был ювелиром. Просто слишком часто держал его в руках, сжимая тонкими сильными пальцами то ласково, то с хищной яростью, рожденной жаждой обладания. Пока еще неутолимой жадой.

Вдруг что-то изменилось. Искра не погасла, но замерла, перестав дрожать в своем убежище. Человек, державший изумруд за цепочку, вскинулся. Обеспокоенно провел

над камнем ладонью другой руки — от изумруда шло едва заметное ровное тепло, значит, с той, чье сердце он копировал, все хорошо... Но связь оказалась... разорвана? Нет, приглушена!

— Где же ты? — удивленно проговорил человек, до боли пристально вглядываясь в изумруд и пытаясь снова поймать кончик нити, позволяющей следить за девушкой на другом ее конце. — Куда скрылась моя птичка, в каком терновнике спрячется? Разве он лучше золотой клетки, что я тебе приготовил, моя долгожданная?

Искра снова мигнула — насмешливо, как ему показалось, а потом затрепыхалась без всякого ритма, сходя с ума то ли от чьей-то чужой магии, то ли от божественного вмешательства сильного жреца или жрицы.

— Лучше бы тебе быть в храме, роза моего сердца, — так же тихо и страшно для тех, кто его знал, проговорил человек. — Благочестие похвально для моей будущей жены и матери моих детей, его я тебе прощу. Но если ты решила ускользнуть... спрятаться от своей судьбы и от меня... То будешь наказана. Сладко и больно наказана, моя ненаглядная.

Всю дорогу до Пестрого Двора Наргис молчала. Ей казалось, что-то поднимается из самых потаенных глубин ее души, незаметно и неумолимо, как весенний паводок в горах, безобидный ручеек, способный в несколько часов обернуться ревущим потоком, который смывает камни, деревья и селения. Это чувство пугало ее, но ни за что Наргис не согласилась бы отказаться от него, как воин в минуту опасности не бросит оружие. Иргана, попытавшись что-то сказать, натолкнулась на взгляд Наргис и умолкла то ли растерянно, то ли испуганно, забившись в угол паланкина и жалея, наверное, что распустила язык о гадалке. Но это уже было неважно.

Наргис казалось, что загляни она сейчас в зеркало — и увидит кого-то другого, не ту девушку, которой она была еще несколько дней назад. Та прежняя Наргис ир-Дауд была знакома с горем, но никогда ничего не боялась, однако теперь яд унижения и страха тек в ее крови, отравляя разум и душу. И Наргис иступленно хотела освободиться от него, вырвав из себя, и отбросить подальше, как омерзительное насекомое или змею. Раньше она не знала, как ненавидит быть беспомощной и испуганной...

За окном паланкина, прикрытым полупрозрачной занавесью,плыли дома, сначала богатые, только кончиками остроконечных крыш виднеющиеся из-за высоких заборов, потом все беднее и проще. Узорчатые кованые ограды сменились деревянными решетками, и заплетали их уже не ухоженные розы и жимолость, а фасоль, тыквы и бобы — в этих кварталах каждый клочок земли ценился не за красоту, а за пользу.

Когда перед паланкином выросла серая стена, сложенная из песчаника, Наргис не сразу поняла, что это не забор, а дом. Заходящее солнце осветило темные провалы окон, в некоторых мелькнули лица, и Наргис порадовалась, что приехала с охраной. Слава у Пестрого Двора и впрямь была хуже некуда.

— Светлейшая госпожа, — наклонился к окну паланкина Маруди, загородив конем вид на здание. — Изволите послать вперед Иргану?

— Да, — уронила Наргис. — Только пусть кто-нибудь ее проводит. Не дело девушке идти туда одной.

О том, что Иргана уже преспокойно побывала в Пестром Дворе, она говорить не стала — зачем давать воинам пищу для сплетен о незамужней девице?

Маруди ир-Бехназ коротко кивнул и соскользнул с коня, бросив повод одному из охранников. Видимо, решил сам посмотреть, куда поведет светлейшую. Иргана откинула дверь-полог паланкина, подобрала длинную юбку, чтоб не споткнуться, и улыбнулась джандару. Маруди с непроницаемым лицом отвел взгляд от мелькнувших стройных смуглых ножек, и Наргис на мгновение стало смешно — при всей своей суровости доблестный джандар ир-Бехназ был стыдлив с девушками, как жрец Златорогого, давший обет целомудрия.

Несколько минут в одиночестве показались Наргис нестерпимо длинными, как всегда бывает, когда ждешь чего-то с нетерпением. Снова и снова она напоминала себе, что

гадалка может оказаться обычной шарлатанкой и надо внимательнее смотреть за кошельком на поясе и драгоценностями. Перед поездкой Наргис сняла почти все украшения, но с изумрудными серьгами, последним подарком отца, не расставалась никогда, вот и сейчас не стала вынимать из ушей привычную тяжесть.

— Она вас ждет, светлейшая, — доложил вернувшийся ир-Бехназ, пока Иргана залезала обратно в паланкин. — И вправду чинка, старая совсем. Позвольте пойти с вами?

Судя по тону джандара, позволения ему не требовалось. И действительно, когда она вышла из паланкина, придерживая юбку куда скромнее, чем Иргана, Маруди уже распорядился, кому из троих воинов идти с ним и госпожой, а кому остаться здесь и смотреть по сторонам. Вид у джандара был, словно у пастушьего пса, которого заставили провожать ягненка сквозь волчью стаю...

Последний луч солнца, упав из-за спины, ярко осветил дверь перед Наргис, и она решила считать это хорошим предзнаменованием, но, переступив порог, зябко поежилась. Прогретая улица осталась позади, а в коридоре Пестрого Двора оказалось темно и прохладно, словно солнце и не пекло все лето камень, из которого был сложен Двор.

— Идите за мной, — спокойно сказал Маруди, поднимая повыше лампу, и Наргис обругала себя трусихой.

Теперь, когда сливочно-желтый свет разлился по коридору, в нем не оказалось ничего страшного: обычные стены, пол и потолок, только каменные, без всякой отделки. Придерживая рукой на всякий случай кошелек, она пошла за джандаром, а позади топал, скрипя ремнями, еще один из охранников, такой высоченный и широкоплечий, что перегородил коридор, словно живая стена.

Гадалка ждала их в небольшой комнате, почти лишенной убранства. Ни обычных для всякого пристойного дома ковров, ни занавесей на окнах, да и самих окон-то не было, только маленькая лампа на столе освещала комнату, и поэтому почти вся она тонула в мягкой полутьме цвета корицы. Этот низкий деревянный столик с лампой да несколько подушек, разбросанных по полу, — вот и все, что успела рассмотреть Наргис, прежде чем заметила невысокую стройную фигурку, плотно укутанную в длинное покрывало из темного шелка.

— Оставь нас, воин, — сказала гадалка Маруди, посторонившемуся, чтобы пропустить Наргис. — Здесь никто не причинит зла твоей госпоже, но ее тайны должны принадлежать только ей.

На миг Наргис показалось, что из-под шелка, скрывающего лицо женщины, струится не человеческий голос, а журчание ручья, таким нежным и звонко-серебристым оказался выговор чинки.

Маруди глянул на Наргис, показывая, что чужачка ему не указ, и Наргис кивнула, подтверждая.

— Ждите меня за дверью, — сказала она, едва не устыдившись грубой хриплости собственного голоса по сравнению с голоском гадалки.

Маруди, хмурый и настороженный, кивнул и послушно вышел, прикрыв за собой дверь, а гадалка откинула с лица покрывало.

Теплое золото лампового света озарило ее — и Наргис захлебнулась воздухом, едва успев его вдохнуть.

Перед ней было совершенство. Дева, рожденная луной, как в старинной поэме... Бледный фарфор безупречного лица словно светился изнутри, так что на миг Наргис показалось, будто не живой человек перед ней, а драгоценная чинская кукла. Розовые лепестки губ, тонко изогнутые безупречные брови, подобные полету ласточки, если бы тот оставлял след в небе, глаза...

Наргис встретила взгляд гадалки — и женское очарование чинки не поблекло, но утратило свою власть, потому что с юного прекрасного лица, подобного лицам бессмертных пери, смотрели глаза древней старухи, светло-серые, выцветшие почти

полностью, но страшные неумолимой равнодушной пронизательностью. Ох, неудивительно, что Иргана посчитала чинку колдуньей. Не может у девушки или молодой женщины быть таких глаз! Но ведь... Иргана и Маруди видели гадалку старой!

— Я такова, какой меня хотят видеть, — пропела чинка тем же серебряным голосом, и нежно-розовые губы без малейшего следа краски изогнулись в улыбке. — Не бойся, дитя. И нет, я не читаю мыслей. Но разве трудно понять, о чем думают люди, если смотришь на них много-много лет?

— Я не дитя, — настороженно возмутилась Наргис тем же чуть охрипшим голосом, будто глотнула студеной воды на жаре. — И я вовсе не хотела видеть тебя именно такой... госпожа...

— Минри. Ты можешь звать меня Минри. И поверь, предо мной ты воистину дитя, потому что годами я старше твоей прабабки. Не смотри на лицо, девочка, ты ведь уже поняла, куда стоит смотреть. Сядь.

Чинка взглядом указала ей на горку подушек, и Наргис опустилась на них.

— Мне сказали, ты можешь предсказать судьбу, госпожа Минри, — решительно сказала она, постаравшись забыть о странностях гадалки так же, как о ее красоте.

Может, это действительно маска древней колдуньи, а может, в юном теле живет древняя душа — кто этих чародеев разберет?

— И предсказать, и изменить, — серебряно прозвучало в полутемной комнате, а Наргис вдруг почувствовала запах цветущих деревьев. — Чего именно хочешь ты, дочь ир-Даудов?

Наргис вздрогнула, но тут же осадилась себя. Конечно, Иргана распустила язычок, похваставшись, кому служит.

— Узнать кое-что, — сказала она, не без удовольствия услышав, что голос опять стал обычным. — Ты мне погадаешь?

— Нет, — спокойно уронила Минри. — В этом нет нужды. Ибо на все вопросы, что ты можешь задать, ответы тебе уже ведомы. Ты скрываешь их от себя, но в глубине души знаешь, и именно это источник твоего страха. Разве не так, дитя?

— Я... не знаю... — беспомощно проговорила Наргис, разом потеряв изрядную долю самоуверенности, потому что гадалка говорила совсем не то, что должна была, но то, что находило беспощадный отклик в душе Наргис, как стрела находит цель в доспехах. — Я не знаю свою судьбу. И ответов на свои вопросы я тоже не знаю! — запоздало возмутилась она. — Если не хочешь гадать, так и скажи!

— Хорошо. — По бесстрастному лицу чинки мелькнула быстрая улыбка. — Давай поиграем в эту игру, раз тебе так уж хочется. Задавай вопросы и услышишь ответы. Или будешь проверять меня, как эта смешная девочка, твоя служанка? Попросишь рассказать твои тайны, о которых никто не знает?

— Почему бы и не проверить? — упрямо бросила Наргис. — У меня нет тайн, которых я должна стыдиться.

— О да, — насмешливо согласилась чинка. — Ничего такого, чего постыдилась бы дочь твоего рода, это верно. Так о чем же тебе рассказать? Может, о том, как однажды твой брат посмеялся над твоим изменяющимся по-женски телом, а ты отхлестала его тяжелым мокрым полотенцем? Или о том, как ты купила в книжной лавке поэму бездарного писаки лишь потому, что художник оказался лучше поэта, и юный красавец, нарисованный на шелковой обложке книги, пробудил в тебе томление? Ах, эта книга до сих лежит в твоём заветном сундучке среди самых любимых, хотя открывала ты ее пару раз и, прочитав страничку, закрыла навсегда...

— Перестань...

Наргис в изумлении почувствовала, как краснеет. Все верно... И вроде бы ничего особенно тайного в этом нет... Про случай с Надиром гадалке мог рассказать кто-то из

домашних, хотя никто их ссоры не видел, а Надиру и в голову не пришло пожаловаться. Но ладно... А книга? Откуда чинке знать, почему Наргис ее купила?!

— Или, может быть, мне рассказать о шкатулке черного дерева? — так же мягко и с усталой насмешкой спросила гадалка. — О том, чьи письма лежат в ней, и сколько сладких слезинок стоит тебе каждое письмо, которое в нее добавляется...

— Прекрати! — яростно бросила Наргис, в последний миг понизив голос, чтобы воины, стерегущие за дверью, не вломились, чего доброго, ее спасать. — Вот уж это точно не твое дело! Хорошо, я... я верю.

Она с огромным усилием отогнала мысль, кто из служанок мог рассказать о... шкатулке. Это уже не детские шалости и даже не девичьи секреты, это... Нет, потом. Об этом она подумает потом, а сейчас пусть эта... эта... Ответит!

— Я и в самом деле проклята? — выпалила она то, что вертелось на языке. — Кем? Как это снять?

— Это целых три вопроса, дитя, — улыбнулась чинка неожиданно ласково. — И ответы на второй и третий кроются в первом. Что есть проклятие и что есть дар? Сняв проклятие, не откажешься ли ты от дара, самого драгоценного в твоей жизни?

— Так...

Наргис вдруг охватило горькое разочарование. А она-то поверила... Примчалась сюда, ожидая чуда! И встретила обычную туманную болтовню, чтобы заморочить голову богатой дурочке.

— Можешь больше не трудиться, — холодно сказала она чинке, поднимаясь. — Такое предсказание я могла бы получить у любой базарной гадалки или жреца в храме. Уж разницу между даром и проклятием я знаю хорошо. Дар не приносит смертей! А я...

— Ты не приносишь их тоже, — бесстрастно и еще холоднее прозвучало в ответ. — Сядь, глупая девчонка. Ты хочешь правды? Чистая правда опасна, как обнаженный клинок. Ибо как клинок не хочет возвращаться в ножны, не испив крови, так и правда мстит за свое обнажение тем, что, прозвучав, меняет мир. Сядь, я сказала.

Пораженная Наргис молча села.

— Дай руку.

Она протянула руку и вздрогнула, когда холодная тонкая рука, словно сделанная из того же чинского фарфора, взяла ее запястье тонкими цепкими пальцами.

— Вот твоя правда, девочка, — улыбнулась чинка, глядя в душу Наргис страшными пронизывающими глазами. — Твой дар и твое проклятие суть одно. Ты зерно, которое принесет в этот мир божественный колос. И будут зерна в нем величайшим злом или величайшим добром для мира — это уж как получится. Те смерти, что уже случились вокруг тебя, сущая мелочь по сравнению с тем, что может обрушиться на мир, если...

— Если — что? — спросила Наргис, подозревая, что колдунья сошла с ума.

Ведь не может она говорить это всерьез? Какое дело миру до одной-единственной девушки, не самой прекрасной, не самой родовитой или могущественной... Всего лишь проклятой и приносящей смерть.

— Да не ты ее приносишь, — голосом наставницы, уставшей от глупости ученицы, сказала чинка. — Успокойся... Да, твои женихи умерли из-за того, что посватались к тебе, но твоей вины в этом нет. Нельзя же винить ограбленного в том, что грабителю понравился его кошелек. Эти бедные ягнятки всего лишь попались на пути того, кто охотится на тебя, девочка. Того, кто хочет сделать тебя своей, ибо ты ключ к его могуществу и единственный свет, которого жаждет его темная душа. Того, в чьих пальцах засыхают розы.

— Кто... он? — с трудом произнесла Наргис непослушными губами. — Это он... меня... проклял?

— Нет, это ты прокляла его, — рассмеялась вдруг чинка, словно серебряные монеты раскатились по хрусталу. — Забавно, правда? Ах, ты еще не понимаешь, насколько забавно, но поймешь. Обязательно поймешь. А что ты хотела услышать от меня, когда шла сюда? Что проклятье будет снято? О да, непременно будет. Что тебя ждет жизнь обычной женщины? Муж, дети, дом... И это будет. Увы, самое страшное в твоей судьбе, что она предопределена. На какую бы дорогу ты не свернула, в конце там непременно окажется то, чего ты так хочешь.

— Разве это страшно? — осторожно поинтересовалась Наргис, не решаясь выдернуть из пальцев гадалки ладонь, на которую та даже не посмотрела ни разу.

— Очень страшно, — с печальной убежденностью сказала чинка. — Теперь я понимаю, почему первой ко мне пришла эта глупая девочка Иргана. Жаль... Но ты пока не думай об этом, дитя. Всем розам суждено расцвести, а потом засохнуть.

— Не всем, — прошептала Наргис, перед внутренним взором которой встала вдруг ветка с ярко-алыми пышными розами, которую протянул ей странный чужестранец. — Не всем... Но что же мне делать?

— Жить, — откликнулась гадалка.

Светлая безупречная кожа ее вдруг потемнела, на глазах сморщиваясь, блестящие черные волосы, уложенные в затейливую плетеную прическу, напротив, разом побелели. Миг — и перед Наргис сидела древняя старуха, но с ее изможденного возрастом лица смотрели немыслимо яркие глаза того серебристого цвета, какой имеет ручей, озаренный солнцем.

— Живи, дитя, — проговорила чинка тем же нежным голосом, единственным, что у нее не изменилось, и комнату наполнил запах вишни, а воздух посвежел, и теперь Наргис будто стояла в вишневом саду ранним утром. — И позволь своему сердцу говорить с тобой так же громко, как разуму. Ты хочешь снять проклятие? Когда наступит время, я сделаю это. Я, Минри, Меняющая судьбу, обещаю забрать твое проклятие, Наргис ир-Дауд, Черная Невеста, Зерно мира... Но тебе это будет кое-чего стоить, — закончила она с той же едва уловимой горькой насмешкой. — Нет-нет, не тянись за золотом. И не бойся за серьги. Подарок покойного отца я у тебя не отниму... В моей лавке другие цены.

— И какие же? — еле выдавила Наргис, ошеломленная и испуганная, но не тем липким и мерзким страхом, что преследовал ее после явления ночного незнакомца, а иным, пьянящим, как вино, толкающим на безрассудства. — Что ты попросишь за помощь, госпожа Минри?

— Твоего врага, — наклонившись к ней, сказала гадалка юным голосом, так не подходящим к древнему лицу, зато очень идущим к серебру глаз. — Я заберу у тебя врага, девочка. Не слишком дорого, верно? Все дорожат друзьями и любимыми, враги никому не нужны, тебе без него будет только лучше.

— И в чем подвох? — мрачно поинтересовалась Наргис, выдергивая руку из внезапно ослабшей хватки гадалки. — Ты снимешь с меня проклятие и мне же за это окажешь услугу? Почему?

— Потому что судьба уже ступает за тобой след в след, — Минри улыбнулась узкими бесцветными старушечьими губами. — Потому что другая цена была заплачена много лет назад, и процентов от нее хватит, чтобы купить смерть или жизнь для многих и многих... Потому что иногда даже я делаю глупости. Иди, девочка. И скажи своей служанке, что счастье дороже золота, хотя вряд ли поможет.

Словно во сне Наргис встала, бросила на стол отцепленный от пояса кошелек, в котором хватило бы денег на дюжину очень дорогих предсказаний от заслуживающих уважения гадалок. Настоящих, работающих при храме или в своих магических лавках — не то что какая-то чинка из Пестрого Двора. В котором, как известно, на троих жителей — пять мошенников.

Вокруг, в полупустой комнате, лишенной окон и щелей, дул чистый свежий ветер с запахом вишни... Уже подойдя к двери, Наргис вдруг обернулась в полном смятении чтобы узнать еще хоть что-то... Но комната была пуста. Стол, подушки, лампа — и

никакого следа чинской колдуньи, лишь валялось на полу тонкое шелковое покрывало, в которое та была закутана.

ГЛАВА 9. Новая жизнь

Разбудил Халида запах кофе и абрикосов. Боясь пошевелиться, он размеренно дышал благоуханием, различая в нем все новые нотки: кардамон и корицу, свежую сдобную выпечку, вино и, еле уловимо, какие-то травы. Однако сильнее всего пахло абрикосами. Значит — жив? «Еще как жив», — подтвердил проснувшийся вместе с ним голод.

Зато больно не было совсем. Тело размякло от наполнившей его теплой истомы, шевелиться не хотелось, да и страшно было — вдруг боль вернется? Но вокруг точно не подземелье: щекой Халид чувствовал мягкость подушки, а другую щеку пригревало солнце, ярко светя сквозь веки. И откуда-то рядом доносился шелест листьев.

Пора было на что-то решаться. Приподняв тяжелые спросонья веки, он увидел не слишком большую, но уютную комнату, в окно которой заглядывали солнечные лучи, едва пробиваясь сквозь зелень шелестящей на легком ветру чинары. Сам Халид лежал на диване, укрытый хлопковым покрывалом, а дразнящий запах шел как раз от окна. Там спиной к Зеринге развалился в глубоком кресле его недавний знакомец, удобно положив длинные ноги на подоконник, а на них — огромную книгу. Между креслом и диваном стоял столик, на котором Халид разглядел серебряную джезvu, высокогорлую пузатую бутылку и блюдо пирожков. Читая, чужестранец жевал пирожок, запивая его из серебряной — в пару к джезве — чашки. Вот страница, похоже, кончилась, но вместо того, чтоб ее перелистнуть, чародей прожевал остаток пирожка и взял блестящими от масла пальцами еще один, а страница перевернулась сама.

— Проснулся? — негромко спросил он, не поворачиваясь к Халиду. — Тогда иди сюда, позавтракаем.

Приготовившись к боли, Халид осторожно пошевелился и вздохнул от изумления: тело радостно повиновалось, забыв о недавних мучениях. Не смея поверить, он поднес к самому лицу руки, внимательно их разглядывая. В подвале караулки ир-Мансур с особым удовольствием растоптал ему пальцы подкованными сапогами, заставив потерять сознание в первый раз. Теперь кисти, которые Халид помнил искалеченными, почти разможенными, выглядели совершенно обычно. Хотя... Кожа на пальцах и ладонях была местами светло-розовой и мягкой, словно там заживал ожог. Зеринге легонько прикоснулся к лицу...

— Рядом с подушкой зеркало, — все так же спиной к Халиду посоветовал чародей, подливая себе в чашку из бутылки.

Возле подушки действительно обнаружилось зеркальце. Небольшое, с ладонь, зато не металлическое, а из драгоценного вендийского стекла. Халид, лишь пару раз в жизни видевший такое чудо, словно взглянул на другого человека. И в самом деле — другого. Исчезли не только рубцы и кровоподтеки от ударов сапогом и плетью, пропали оспинки и тонкие шрамы на скуле и подбородке. Выровнялся нос, переломанный в жестокой драке несколько лет назад. Лицо, смотревшее из зеркала, было совершенно чистым и даже моложе, чем ему помнилось.

— Нравится? — лениво спросил чужестранец, наконец-то соизволив отложить книгу, и одним плавным движением обернулся к наемнику. — Сотник ир-Мансур постарался на славу, даже я с трудом смог все исправить. Встань, пройдишь.

Халид послушно спустил ноги с дивана и встал, по-прежнему ожидая вспышки боли. Тело слушалось так, словно подвал караулки и впрямь был всего лишь дурным сном. Подвал. Крысы. Обещание! Память о Крысином колодце нахлынула горькой тяжелой волной. Он позвал чужака! Сам позвал...

Положив зеркальце, Халид подошел и присел на подоконник, в упор взглянув на чужестранца, ответившего ему спокойным ясным взглядом. А нелегко, похоже, дается чародейство. Под глазами целителя лежали темные, как у тяжелобольного, тени, а кожа, и без того бледная, стала полупрозрачной. Лечил, значит? Ценит... раба. Слово обожгло ударом плети — но врать себе Халид не собирался. Раб — и притом по своей воле.

— Все-таки поешь, — мягко посоветовал лекарь, отводя взгляд, чтоб наклониться и налить вина еще в одну чашку. — Ты много сил потерял, а сладкое помогает их

восстанавливать.

Вместо ответа Халид выглянул на улицу. Тугая зелень чинары изрядно мешала, но несколько шпилей на храмовых куполах он разглядел и понял, что дом стоит в северной части Харузы.

— Я думал, ты живешь в «Черном льве», — сказал он больше для того, чтоб проверить голос.

Голос не дрожал.

— А я там и живу. Только работать в гостинице нельзя, сам понимаешь. А мне нужно варить зелья, делать эликсиры... Много чего нужно, — улыбнулся чужестранец. — Кстати, в соседней комнате — мастерская. И я тебя очень прошу туда не соваться. Замучает любопытство, скажи — сам покажу все. А без меня это слишком опасно.

Он протянул чашку с вином, взглядом указал на блюдо. Подумав, Халид принял прохладное серебро, дотянулся до пирожка. Силы-то и вправду надо возвращать. Хотя сидеть за одним столом с... врагом? Хозяином? Пальцы дрогнули, словно кто-то дернул нитку — и что-то в глубине самой его сущности отозвалось болезненной дрожью. Мягкое тесто едва не встало поперек горла, и Халид поторопился запить его вином. Проглотил, запил еще одним глотком.

— К вечеру ты будешь совсем здоров, — негромко сказал чужестранец. — А вот чары, что связывают нас, все еще крепнут, так что не удивляйся и не бойся, если почувствуешь что-то странное. Я всегда буду знать, где ты и что делаешь. Смогу позвать издалека или услышать твой зов, приказать — и сопротивляться ты не сумеешь. Зато, если будешь ранен или болен, я смогу отдать тебе часть своих сил, как и наоборот. Это называется Узы Тени. И снять их, пока один из связанных жив, нельзя.

— Пока... жив?

— На твоём месте я бы на это не рассчитывал, — усмехнулся чужестранец. — Редкая Тень переживает хозяина, да и жизнью это не назовешь. Так что лучше тебе беречь мою жизнь, как свою собственную.

— А что мне еще придется делать? — поинтересовался Халид, отставляя чашку: все равно кусок в горло не лез. — Снизойдет ли почтенный целитель до объяснений недостойному, зачем ему понадобился раб?

И снова слово обожгло, но внутри поднималась тяжелая хмельная злость, и Халид в упор глянул в смоляные пятна чужих зрачков.

— Я не держу рабов, если без этого можно обойтись, — отозвался чародей. — Можешь ненавидеть меня, сколько угодно, — твое право. Только не забывай, что ты сам не захотел стать крысиным обедом, выбрав мою помощь вместо смерти. Кстати, вполне заслуженной. Сколько отнятых жизней у тебя на счету, Зеринге?

— Не твоя забота, — прошипел Халид, напрягаясь всем телом. — Благодарности ждешь? Так ты меня не из милосердия спасал.

— А я и не говорил ничего про милосердие. Ты торговал чужой смертью. Я могу понять убийство ради мести или из ненависти. Но за деньги? Не тебе говорить о милосердии, хватит с тебя и справедливости. Хочешь знать, чем я занимаюсь? Случается — лечу людей, случается — убиваю. Иногда охочусь на существ, о которых ты разве что в сказках слышал. Иногда не позволяю свершиться злу, иногда останавливаю тех, кто считает себя добром. А помощник мне нужен, потому что одному везде не успеть, да и спину прикрыть иногда нужно.

— Спину? — Халид улыбнулся сведенными злостью губами. — Тогда ты не того выбрал, о величайший. В спину я умею только бить — сам разве не видел?

— Да и этого особо не умеешь, — бросил чужестранец насмешливо. — Видел, да уж...

Багровая тьма поднялась изнутри, застелила все вокруг тяжелой пеленой. Рванувшись к врагу, Халид попытался выхватить нож, забыв, что его нет — и осел на пол, едва не

ударившись о стол. Воздух вонзился в горло острым и горьким лезвием, внутренности рвала когтистая лапа, выворачивая наизнанку.

Скорчившись на полу, он беспомощно открывал рот, как выброшенная из воды рыба, — и не мог вдохнуть. Страха не было — только желание добраться, убить, растоптать. За неудачу, с которой все началось, за насмешки, за спокойную наглую уверенность и равнодушие в мягком голосе. За то, что считает себя вправе определять, кто достоин жить, и не скрывает презрения, говоря о деньгах. Да кто он такой, чтобы судить?

А потом пришел страх. Боль не утихала, питаясь его ненавистью, как пожар — горячим маслом. Показалось, что вот-вот кровь хлынет горлом, вымывая горькую ярость, и в ней захлебнется все, что он считает собой. Страх мешался с ненавистью, выгибая тело раскаленной судорогой, хрипя в сведенном спазмом горле...

И когда чужие руки легли на плечи, Халид дернулся, вырываясь, но от ладоней целителя боль отступила, рыча, как присмиривший, но еще не укрощенный зверь. Опустившись рядом, чужестранец осторожно притронулся к его шее, надавил, растер, положил горячую ладонь на лоб Халида, не прекращая пальцами другой поглаживать горло... Челюсти удушья разжались, и Халид задышал, жадно и торопливо хватая сладкий воздух.

— Я говорил, что ты можешь меня ненавидеть, — бесстрастно прозвучало рядом. — А вот пытаться причинить мне вред не стоит. Сам теперь знаешь — почему. Лежи, сейчас пройдет.

Ладони исчезли. Халида била дрожь. Стиснув зубы, он лежал на полу, пытаясь думать о чем угодно, только не о том, что сейчас бы и душу продал за рукоять любимого ножа в пальцах. И несколько мгновений свободы от заклятия. Душу? Ничего, кроме души, у него и не осталось. И то, если можно назвать это душой.

Вернувшийся целитель опять сел рядом, приподнял ему голову и поднес к губам чашку с вином. Халид сжал губы, отворачиваясь.

— Пей. Давай, Зеринге, не заставляй меня приказывать. Хватит с тебя. Ну, давай...

Холодный край чашки снова оказался у губ. Унизительно, противно. Но испытывать сейчас, насколько он послушается любого приказа, Халид не хотел. Разомкнул губы, покорно глотнул уже другого вина, темно-красного, густого и приторно-сладкого, отдающего какими-то травами. Перевел дух и глотнул снова. Проклятый чужестранец поил его бережно и, главное, молча. Влил всю чашку и лишь тогда поинтересовался безмятежно ровным голосом:

— Еще?

Халид вяло помотал головой. Дрожь прошла, боль откатилась, спрятавшись куда-то, но не исчезнув совсем, словно намекая, что стоит сделать что-то не так — и она будет рада вернуться. Ненависть... Ненависть сменилась глухой безнадежной тоской. Повернувшись на спину, Халид рывком сел, оперся локтями на колени.

— Значит, вот так?

Собственный голос был тускл и сер, как окружающий мир.

— Да, вот так. Ничего, тебе нужно было злость выплеснуть. Теперь сможешь успокоиться и подумать. Например, о том, что нельзя получить что-то, ничего не дав взамен. И наоборот. Я не мог тебя спасти, не назначив за это цену. Таковы законы, по которым я живу.

В глазах все еще темнело, но уже меньше, только тяжелая липкая слабость навалилась на плечи. Глубоко вздохнув, Халид попытался встать и едва не упал. Подхватив, целитель придержал его, направил — и Зеринге обнаружил, что сидит в кресле, а чужестранец теперь — на подоконнике напротив.

— Ешь, пока пирожки теплые, — сдержанно и как-то совсем не обидно хмыкнул чужак. — Иначе свалишься. А это ни тебе, ни мне не нужно.

Протянув руку, он глянул на свою чашку, оставшуюся на столике, и она, слегка покачиваясь, поднялась вверх и подплыла по воздуху к чародею, опустившись в раскрытую ладонь. Халид невольно передернул плечами, отведя взгляд.

— Не любишь магии?

Чужестранец пригубил вино, устраиваясь поудобнее.

— Не люблю, — зло бросил Халид, подвинув к себе блюдо. — Сплошной обман и подлость.

— Как сказать. Не будь я магом, ты бы остался калекой после подвала ир-Мансура. Мне ведь пришлось тебе кости сращивать и сухожилия латать. Да и почки были отбиты всерьез, не говоря об остальном. К тому же пришлось бы убивать сотника с друзьями.

Халид, едва не подавившись пирожком, изумленно взглянул на чужестранца.

— Ну да, они живы, — невозмутимо подтвердил тот. — Я вообще не люблю убивать. Конечно, ир-Мансур и его люди — шакалье еще то, но их смерть могла навести на твой след, а это нам ни к чему, согласен?

— Тогда как?

Целитель усмехнулся.

— Просто. С теми двумя хлопот не было: они, собственно, ничего не успели заметить. А ир-Мансуру я изменил воспоминания. Он так долго лелеял мечту, как будет скармливать тебя крысам, так ярко это представлял, смаковал подробности... Мне было совсем не трудно позволить ему поверить, что все именно так и случилось. Теперь ир-Мансур даже на Страшном Суде в загробном мире присягнет, что своими глазами видел, как тебя рвали на клочки, и слышал твои крики. Ты для него мертв, Зеринге, хотя на всякий случай стоило бы изменить тебе лицо. Да и цвет глаз очень уж заметный. Но жалко. Я видел в глазах людей вашей страны все оттенки синего, зеленого и серого, а вот чистого янтаря не встречал. От кого ты унаследовал такую редкость?

— От кого-то, — буркнул Халид.

— Это что, запретная тема? — мягко поинтересовался чародей. — Прости, если мои слова показались обидными.

— Не за что прощать, — помедлив, отозвался Халид. — Я не знаю своих истинных матери и отца. Так что у кого из них были желтые глаза, мне и подавно неизвестно...

— Бывает. Но я в самом деле не хотел тебя обидеть. Где ты рос, в Харузе?

— Нет, в пограничье на юге. Зачем тебе это?

Чужестранец пожал плечами.

— Надо же знать, кто рядом со мной. А род... Отец привез мою мать издалека, никто не знал, откуда она и какого рода. Мама умерла, когда я был совсем еще маленьким, я ее плохо помню. Меня частенько звали полукровкой, пока я не повзрослел и не доказал насмешникам, что это вредная привычка.

— Долго пришлось доказывать? — усмехнулся Халид.

— Долго. Но я справился. Потом нашел семью матери, и полукровкой меня стали звать уже там. Зато, когда пришлось повторять уроки, у меня был навык. Неважно, кто твои родители, важно — кто ты. Кстати, раз уж вырос в пограничье, саблей владеешь? Насчет ножа я тебя нарочно поддел. — Целитель улыбнулся. — На самом деле с ним ты хорош. Но этого мало.

— Как-нибудь управлюсь, — нехотя ответил Халид. — Я три года в караванной охране ездил.

— Значит — лучше, чем как-нибудь. Ушел почему?

Халид скривился, словно вино в чашке обернулось уксусом, искоса глянул на чужестранца.

— Долгая история. Обязательно рассказывать?

— Обязательно. Но в другой раз.

Допив, чародей легко соскочил с подоконника, вышел в другую комнату и почти сразу вернулся, кинув на стол кожаный кошель.

— Я сейчас уйду, а ты отправишься в оружейный квартал и спросишь лавку Малхата Рыжего. Скажешь Малхату, что тебя прислал целитель Раэн. И что это задаток. Пусть найдет тебе оружие по руке.

Халид потянул мешочек и едва не охнул от удивления. Кошель упорно не желал двигаться с места. Золото?

— Это задаток? За саблю?

— Ты еще не видел сабли Малхата. За них не золотом, алмазами платить нужно. Причем по весу. И не мелкими. Так что это — задаток. И будь очень почтителен с Малхатом — оно того стоит.

— Когда вернешься?

— Вечером. Придешь — отдохни. Выспись, поешь. Вон, на кухне еще съестного куча. А ночью посмотрим, чего ты в деле стоишь.

С крючка у двери целитель снял головную повязку, накинул и затянул узел на затылке, поправив скользкий шелк. Сунул ноги в сандалии — пряжки застегнулись сами. Уже на пороге обернулся, глянул на Халида насмешливо и почему-то грустно.

— Все не так уж плохо, Зеринге. Даже если сейчас ты так не думаешь.

Дверь бесшумно закрылась. Халид глубоко вздохнул — напряжение медленно отпускало, сменившись усталостью и тупым стыдом. Глупо сорвался. Не вовремя. Хотя, может, и к лучшему. Если теперь чужестранец поверит, что его собственность смирилась, — это хорошо. Пусть поверит. Не может быть, чтоб чары нельзя было снять. Надо лишь найти другого колдуна или жреца — пусть расскажут про эти проклятые Узы. А пока придется терпеть. Если этот болван думает, что может купить его, усадив за один стол с собой и дав денег на оружейника, пусть думает. Преисподняя полна хозяев, которые надеялись на верность рабов.

Как и обещал, чужестранец вернулся вечером, когда в окна уже глядел закат. Вошел, весело насвистывая что-то и ничуть не боясь гнева домашних духов, не позволяющих свистеть под крышей. Хмыкнул, глядя на Халида, неохотно поднявшего глаза от коленей, на которых лежала сабля.

— И давно ты так сидишь? Еще не налюбовался?

Халид молча пожал плечами, не желая отвечать на лишний вопрос, и снова опустил взгляд.

— Ясно. Позволь хоть глянуть. В руки не прошу — так покажи.

Учтивый... Знает, что воин к оружию без особой нужды и притронуться не даст. Хотя мог бы заставить: к чему соблюдать обычаи с рабом? Ладно, хватит поливать душу ядом, и так тошно. Да и разве покупают для раба такое чудо?

Халид нежно провел кончиками пальцев по длинному, изящно выгнутому клинку серебристо-голубоватой стали. По лезвию вьется тончайший волнистый узор, указывая на бесчисленное множество проковок, небольшая резная гарда имеет кольцо для упора большого пальца, а самшитовый черен мастер инкрустировал слоновой костью, подобранной так, чтобы не скользить в потной или окровавленной ладони, и бирюзой, хранящей от бесчестия и сглаза. Зеринге с ревнивым сожалением убрал руки, открывая саблю чужому взгляду.

— Красавица. Я смотрю, ты глянулся Малхату, подобный клинок он и по моей просьбе не всякому бы продал. Просыпайся, Зеринге, такими пьяными глазами не на булат, а на девушек смотреть надо — точно ни одна не устоит. Кофе будешь?

Не дожидаясь ответа, он кинул на диван большой сверток, вышел, и через несколько мгновений из кухни донеслось звяканье посуды. Халид бережно убрал саблю в деревянные ножны, обтянутые кожей, — словно шахскую дочь запер в темнице — положил на диван, хотя хотелось прицепить к поясу и не снимать даже ночью. Глянул в дверной проем на спину хлопчущего у очага чужестранца. Почему не велел ему приготовить ужин, а сам взялся?

— К тебе приходили.

— Кто?

— Мальчишка лет двенадцати. Спрашивал целителя Раэна. Я сказал, что вернешься вечером.

— Любопытно, — отозвался Раэн, входя в комнату с подносом.

Поставил его на стол, кивнул Халиду на дымящиеся чашки и горку золотистых лепешек, а сам опустился в кресло, мгновенно растянувшись и обмякнув в нем, как холеный домашний кот, даже глаза прикрыл.

— Об этом доме мало кто знает. Что за мальчишка и как выглядел?

— Обычный. Не оборвыш, но и одет небогато. На улицах таких полно.

— Ну, вернется, узнаем. Отдохнул или так и просидел весь день с саблей в обнимку?

— Не весь, — отозвался Халид. — Ты говорил, что ночью собираешься посмотреть, чего я стою. Как смотреть будешь?

Чужеземец потянулся, заложив сцепленные пальцы за голову, лениво открыл глаза.

— Да вот, хотел позвать тебя прогуляться под луной. Кстати, глянь там, на диване. Это твое.

Халид потянул сверток. В тонкую кожаную куртку были завернуты плотная полотняная рубашка и такие же штаны, наборный пояс из полых серебряных звеньев, как носят наемники, и мягкие ременчатые сандалии. Все новое и отличной выделки. Халид, проснувшийся утром в чужих вещах, — понятно, его одежда, пропитанная кровью и грязью, даже на тряпки не сгодились бы — открыл рот, но тут же прикусил губу. Целитель взял чашку, осторожно попробовал и снова поставил на стол, сообщив:

— На первое время сгодится, а потом сам купишь все, что понадобится. У тебя дома что-то нужное осталось?

— После людей ир-Мансура? Не думаю.

— Завтра сходи, посмотри. Забери, если что найдешь. Я ночью либо в «Черном льве», либо здесь в мастерской, так что устраивайся. А сегодня...

Его рука замерла над лепешкой несколькими мгновениями раньше, чем в дверь постучали.

— Вот и гость, — со вздохом сообщил чародей, поднимаясь.

Едва открылась дверь, мальчишка влетел, едва не упав под ноги чужестранцу. Задышавшись, упал на колени, поклонился, касаясь лбом пола, вытирая его рукавами и ладонями.

— Почтенный целитель! Высокочтимый...

— Тише, мальчик, тише...

Шагнув навстречу, Раэн осторожно поднял парнишку, глянул в пыльное, исчерченное

дорожками слез лицо.

— Что у тебя случилось?

— Моя сестра, она умирает... Прошу вас! Вы ее знаете — Марей из Пестрого двора!

— Фокусница Марей? Что с ней?

— Кто-то избил ее и бросил у ворот... Ради Света, почтенный!

— Успокойся, — тихо промолвил целитель, пристально вглядываясь в глаза мальчишки. — Я пойду с тобой. Только скажи, от кого ты узнал об этом доме?

— Госпожа Минри сказала идти сюда. Она сказала, что только вы можете спасти Марей. Вы спасете ее, господин лекарь?

— Минри? Вот как... Что ж, она знала, кого посылать. И за кем. Ладно. Подожди во дворе, я только возьму сумку с зельями.

Пока мальчишка торопливо выскакивал за дверь, чужестранец повернулся к Халиду.

— Все это очень не вовремя. Но идти надо. Собирайся. Вряд ли ты мне понадобишься, но увидеть Минри тебе полезно.

Не дожидаясь ответа, он скрылся в мастерской. Халид поднял пояс, застегнул на себе, взял тяжелое теплое дерево ножен. В комнате уже почти стемнело, и слоновая кость на рукояти ровно светилась изнутри в последних красноватых лучах. Кольцо на ножнах легло в паз на поясе, словно их и делали друг для друга, подгонять не пришлось. Халид поправил саблю поудобнее. Что ж, пора отрабатывать новую жизнь. Только как?

Вышедший из комнаты целитель коротко глянул на саблю, одобрительно кивнул и посмотрел Халиду в глаза. Тяжело посмотрел, без обычной своей усмешки, — и у Зеринге по спине пробежал холодок.

— Там, куда придем, смотри во все глаза, слушай внимательно, а вот говори поменьше. И думай над каждым словом. Никому ничего не обещавай, даже пустяка. Не называй своего имени, да и моего тоже. Ты для меня Зеринге, я для тебя Раэн. Будут угощать — посмотри на меня. Без моего позволения ни глотка воды, ни крошки хлеба не вздумай взять. Все, что скажу, делай быстро и без пререканий. Хозяйку зови не по имени, а светлейшей госпожой. Все запомнил?

Халид молча кивнул. Потом не выдержал:

— Ты как будто не к больному идешь, а в дом злейшего врага.

Чужеземец усмехнулся отстраненно и невесело.

— Бывают друзья, с которыми и врагов не надо. Мы с Минри давно знакомы. И она куда опаснее меня. Вот это постарайся не забыть, когда ее увидишь. Ну, идем.

Он вышел первым, поправив на плече лекарскую сумку на длинном ремне. Халид переступил порог, закрыл дверь и увидел, как засов на ней вспыхивает на мгновение тусклым зеленоватым светом и снова гаснет. Мальчишка, ожидавший в маленьком дворике перед воротами, кинулся к ним, заглядывая в глаза просительно, как щенок, потерявший хозяина. Раэн уронил ему руку на плечо, улыбнулся мягко, успокаивающе:

— Держись рядом, мальчик, и ничего не бойся. Мы сейчас пойдем особенной дорогой, чтобы успеть к твоей сестре побыстрее. Зеринге, от меня ни на шаг!

Толкнув ворота, он шагнул на улицу. Потом еще раз, и еще. Халид спохватился, только увидев вокруг чужестранца и следующего за ним мальчишки темное дрожащее марево. Поспешно шагнув следом, почувствовал, как в лицо ударил тугой порыв горячего ветра. Улица вокруг расплылась и снова появилась, но уже совершенно другая: на месте соседнего дома вырос храм Великой Матери, сверкая разноцветной мозаикой стен в свете полной луны, даже мостовая изменилась, стелясь под ноги рыночными плитками. Еще шаг — и Халид увидел знакомое здание городской управы, нависающее над

площадью Вестей и Наказаний всеми тремя этажами. Чародей оглянулся, в лунном свете его лицо белело мертвенно и жутко, только глаза темнели кусочками Бездны.

— Не отстаешь? Вот и хорошо. Сейчас придем. Держись, малыш, — обратился он ласково к мальчишке, вцепившемся в его рукав. — Еще пара шагов — и все.

Площадь вокруг них снова расплылась. Горячий вихрь ударил, едва не сбив Халида с ног, и сразу унесся куда-то, оставив резь в глазах. Шаг, второй... Закружилась вокруг темным маревом вереница домов, деревьев, стен и шпилей. Словно вынырнув из этой искаженной круговерти, Халид шагнул последний раз — на выложенную мелкими цветными кирпичиками мостовую возле Пестрого двора, приюта актеров, фокусников, бродячих певцов и циркачей. Рядом восхищенно озирался, крутя головой, мальчишка.

— Ну вот, — невозмутимо обратился к нему чародей. — Теперь веди нас. Идем, Зеринге.

ГЛАВА 10. Светлейшая Минри

В Пестром дворе Халиду бывать уже приходилось, потому он знал, что чужаку не стоит и пытаться запомнить все эти бесчисленные комнаты, переходы, залы под крышей и открытым небом — все равно не выйдет. Мальчишка торопливо, едва ли не бегом, вел их извилистыми закоулками, подняв над собой масляную лампу, едва освещающую путь. Тусклый круг света рывками выхватывал из мрака проемы дверей и окон, то закрытых, то распахнутых, ведущих в темноту, в которой кто-то шептал, смеялся, стонал.

Запахи жареного мяса и специй сменялись вонью пота, смешанного с духами, а в следующем коридоре пахло уже чем-то иным: апельсинами, кожей, свежим хлебом, перегретым ламповым маслом, навозом или благовониями. Однажды они вышли во двор и прошли мимо посеребренных лунных светом подмостков, на которых молча прыгали, кувыркаясь в воздухе, двое обнаженных до пояса мужчин в узких штанах и маленький мальчик в набедренной повязке. Потом в высокой пустой комнате без окон едва не натолкнулись в темноте на жонглера, ловко крутящего в воздухе несколько яблок. Уже пройдя мимо, Халид осознал, что глаза на повернувшемся к нему лице затянуты плотными бельмами. В самом деле, зачем слепому свет, чтобы упражняться в ремесле?

И все это время чужестранец тенью скользил следом, ступая так бесшумно, что Халид слышал только шлепанье сандалий мальчишки да собственные шаги. Так и тянуло обернуться, проверить, где он там, но Зеринге сдерживался, напоминая себе героя сказки, что выводил друга из преисподней, да не вывел. Этот друг хоть бы и вовсе потерялся — только не дожدهшься от него!

Наконец перед очередной дверью мальчишка остановился и в изнеможении привалился к стене. Чародей, вынырнувший из-за спины Халида, шагнул вперед, тронул тощее плечо под полотном великоватой рубашки, осторожно вынул из пальцев едва не оброненную лампу. Мальчишка поднял к нему лицо, пытаясь заглянуть в глаза, прошептал:

— Господин целитель...

— Иди отдыхать, мальчик, — мягко отозвался Раэн. — Ты ничем не поможешь своей сестре, свалившись с ног от усталости. Иди. Я постараюсь вылечить ее.

Кивнув, мальчишка отошел от двери, но не ушел, а сел на пол у стены, опираясь локтями на колени, и спрятал лицо в ладони. Чародей пожал плечами, обернулся к Халиду и кивнул на дверь.

— Все помнишь? Тогда идем.

И, толкнув дверь, первым переступил порог.

Внутри было светлее. Намного светлее, но все же не так, как днем, конечно. Да и свет от нескольких ламп, на цепочках подвешенных к потолку, падал золотистый, теплый. Сначала показалось, что одной стены сбоку нет, а вместо нее совсем близко подступает странный лес из тонких стройных стволов, усеянных узкими листиками. Но, приглядевшись, Халид понял, что это искусная роспись, как на чинских вазах и веерах, только большая, от пола до потолка.

На гладко струганных и до блеска навощенных досках пола лежали узорные циновки. Никакой утвари, кроме маленького круглого столика, лишь шагах в десяти, у дальней стены, на которой из полумрака тоже проступает какая-то картина, устроено низкое ложе прямо на полу. Не то сложенный в несколько раз ковер, не то просто стопка одеял, но даже в богатых покоях, где спящему нет нужды бояться ядовитых змей, сколопендр и фаланг, никогда Халид не видел таких низких постелей. У ложа, склонив голову, сидела женщина. Светлые одежды, на затылке высокий узел темных волос, белеющий в полумраке профиль... Чинка?

Целитель, прошедший ровно до середины комнаты, остановился спиной к Халиду и отрывисто бросил:

— Светлейшая Минри.

Халид едва не прикусил губу, снова услышав имя одной из самых известных гадалок

города. Сам он никогда не поддавался искушению узнать свою судьбу, но говорили, что чинка Минри знает о человеке больше, чем он сам, и может рассказать его прошлое, настоящее и будущее. Шептались даже, что иногда она может изменить то, что написано в Книге Судеб, но цену за это никто не назовет малой. А еще все видевшие Минри описывали ее по-разному: то юной красавицей, то женщиной в летах, то древней старухой — то ли гадалка умела менять облик, то ли их и вовсе было несколько. А что, в Пестром Дворе ничему не стоит удивляться.

Повернувшись, женщина встала одним тягучим гибким движением и оказалась тоненькой и невысокой, чужестранцу примерно по плечо. Крыльями плеснули по воздуху шелковые рукава, заструились складки светлого шелка, перехваченного широким поясом на немыслимо тонкой талии. Сразу же чинка согнулась в глубоком поклоне, на несколько мгновений замерла и, снова выпрямившись, проговорила так чисто и звонко, будто в серебряный гонг ударили молоточком:

— Целитель Раэн. Приветствую вас и...

— Мою тень, — отозвался на заминку в ее словах чародей. — Что с девочкой, светлейшая?

Вместо ответа женщина скользнула в сторону, метя пол длинным подолом и открывая ложе, на котором Халид с трудом разглядел что-то вроде вороха пестрых тряпок.

То ли небрежно, то ли раздраженно дернув плечом, целитель сбросил с него сумку, поймал ее за ремень ладонью, подошел к постели и присел на край ложа. Халид, поколебавшись, шагнул следом, раз уж ему не соизволили сказать, что делать, кроме как изображать молчаливую тень почтенного Раэна. Как лечат храмовые целители, он видел не раз, но не похоже было, что чужак собирается возносить моления светлым богам и жертвовать духам, прежде чем начать работать. Откуда же он тогда берет силу для исцеления? И кто эта Минри? Светлейшая — титул высокородной из по-настоящему знатной семьи. На все шахство таких родов — пальцев на руках хватит пересчитать. Правда, она из Чины...

Внезапно лицо женщины, о которой он думал, оказалось совсем рядом, хотя Халид мог бы поклясться, что еще мгновение назад она стояла в нескольких шагах. Он успел увидеть необычно светлые для чинки глаза, серебристые, сияющие, как вода чистейшего ручья на солнце. И еще, кажется, крошечную родинку в правом уголке нежно-розовых губ. Темное пятнышко на безупречном фарфоре, матово светящемся изнутри. Больше Халид не заметил ничего.

Мир обрушился на него разом, подхватывая и кружа, как лепесток вишни на весеннем ветру. Почему вишни? Он не знал и не хотел знать. Прозрачные струи ледяного горного водопада хлестали сверху, снизу и со всех сторон, не позволяя ни вдохнуть, ни захлебнуться. Обжигали кожу, заливали глаза, в ушах стоял грозный, но оттого не менее ликующий гул. Плыл и таял перед глазами вихрь бело-розовых лепестков, застилая все вокруг, сжималось в тоске сердце от дивного благоухания, и Халид без тени сомнения знал, что так пахнут нежность, страсть и еще что-то непонятное, но если у него это отнять — сердце разорвется...

Пошатнувшись, он сделал шаг, задохнулся неожиданно сухим воздухом комнаты. Стиснул зубы, чтоб не взвыть от дикой тоски по утраченному. Минри смотрела на него все так же спокойно, понимающе и чуточку печально. Дрожали темные ресницы, и уже можно было взглянуть в светлую глубину без содрогания — но Халид поспешно отвел глаза, сморгнув слезы, будто взглянул на пламя слишком близко.

— ...хватит уже! — донесся до него изрядно раздраженный голос Раэна. — Минри!

Виновато улыбнувшись, она отвернулась и все тем же струящимся движением опустила у ложа, сев на колени и разметаив по полу широкий подол. Халид сглотнул. Воздух драл и колол горло, словно он глотнул зноя пустыни, комом застревал в груди. И смертельно хотелось глоток мельком испробованной свежести со вкусом вишни и горного ручья. Да что же с ним такое! Околдовала она его, что ли?

Старательно отводя взгляд от хрупкой фигурки, замершей совсем рядом, почти у его ног, Халид посмотрел на ложе. Для верности даже шагнул в сторону, подальше от

прекрасной чинской ведьмы, оставляя чародея между собой и светлейшей Минри. Одна порода — пусть между собой и разбираются, если что. Посмотрел снова туда, где плавали над расprostертым телом ладони Раэна. Напряженные, мелко вздрагивающие... И, поняв, что видит, передернулся, разом забыв про все чинские водопады и вишни, сколько их там ни есть.

В ворохе пестрых тряпок, оказавшихся окровавленной одеждой, светлым пятном виднелось обнаженное тело совсем молоденькой девчонки. Плоскогрудая, тощая, с резко выступающими ключицами и ребрами, запавшим животом и темной полоской бесстыдно оголенного женского естества, девчонка вызывала только брезгливую жалость. Грязно-желтую кожу покрывал пурпур синяков и расчертили глубокие порезы с уже запекшейся кровью. Кровью же был испачкан и низ живота, и внутренняя сторона раздвинутых тощих бедер, и соски, изуродованные то ли ножом, то ли чьими-то зубами.

Может быть, личико ее когда-то было хорошеньким. А может, и не было — теперь уже не понять. Потому что над лицом поглумились особенно старательно, превратив губы в кровавую лепешку, из которой на подушку стекала струйка пенистой крови. Глаз на той стороне лица, что была видна Халиду, заплыл темно-багровым, в сумраке почти черным, а щеку прочертили несколько длинных порезов, словно по лицу девчонки махнул когтистой лапой леопард.

— Кто? — очень ровно и мягко спросил целитель, ни на мгновение не отрывая ладоней, будто оглаживающих тело девчонки. — Во что ты ее втянула, Мин?

— Ты так уверен, что это моя вина? — прошелестело слева.

Из шелковых складок рукава показалась маленькая ручка, взяла бессильно свесившуюся ладонь девушки, сжала запястье.

— А чья? — сквозь зубы проговорил Раэн, задерживая ладонь над пахом девчонки. — Вот проклятье. Мин, я ее один не вытяну. Не сейчас. Ты же видишь — у меня новая тень. Я почти пустой с прошлой ночи...

— Я вижу, — еле слышно прозвучало перекатами ручья на камнях. — Прошу, Хранитель... Что сможешь. Я отдам все...

— Когда это ты отдавала, а не брала? — зло огрызнулся Раэн, садясь удобнее, встряхивая ладонями, и Халид подумал, что речь, похоже, идет не о вознаграждении. — Мин, ее убили. Мы оба знаем, что до моего прихода ее дотянула только ты. Решила, что я не откажу той, которую учил? Да еще ребенка за мной прислала? Где, кстати, ее сестра? Марей никогда с ней не расставалась.

Минри, ничего не отвечая, отпустила руку девчонки, выдернула из своих блестящих, как темный мех, прядей длинную острую шпильку. Со своего места Халиду было видно не все, но, когда чинка, наклонившись, влила в полуоткрытый рот умирающей крупную вишневую каплю со своего белоснежного запястья — это он рассмотрел хорошо. Дернувшись, девчонка сглотнула — шевельнулось исцарапанное горло — и снова затихла, но дышать вроде бы стала чуть заметнее.

— Мин, — все так же тихо и ровно, почти ласково проговорил Раэн. — Я хочу знать, ради чего сунусь в Бездну. Кто она тебе? Где вторая девочка? Не время играть в секреты.

— Ты позволишь ей умереть, если я не отвечу?

В звенящем пении ручья слышались горечь, и мольба, и такое отчаяние, что Халид невольно бросил ладонь на эфес сабли и едва не зашипел от боли, когда ладонь обожгло. Ах ты ж, демонам твою душу в когти...

— Перестань, — прошипел Раэн. — Еще раз попробуешь заморочить ему голову — уйду. Зеринге, держи себя в руках! Мин, я жду. И девочке это на пользу не идет. Еще немного — и сам не возьмусь. Пожалей девчонку.

— Серый Лис, — тихо ответила, промедлив всего несколько мгновений, Минри. — Это его послание мне. Джеди у него, а Марей... Сам видишь. Если я не отдам ему свою часть Пестрого двора — он убьет девочку. А Джеди — моя дочь.

— Твоя... кто?

Такого изумления в голосе целителя Халид еще не слышал, но постарался запомнить. Превратившись в безмолвную тень, он старался запоминать все, что видел и слышал. Никогда не знаешь, что пригодится.

— Она же сестра Марей!

— Это Марей так думает. И остальные... Настоящая Джеди умерла, и я подменила детей. Не знаю, как Серый пронюхал об этом.

— Так... Ладно. Какого демона я должен был это из тебя вытаскивать? Сразу не могла сказать? Что ты собираешься делать с Лисом?

— А ты как думаешь?

Брызги ручья разлетелись звоном клинка о клинок.

— Думаю, что девочку он тебе все равно не отдаст.

Немного привстав, Раэн распустил шнуровку на воротах и стянул рубашку, вытащил из сумки широкую полотняную ленту, повязал лоб, заправив под нее выбившиеся пряди. Снял и отложил в сторону медальон целителя. Оглянулся на Халида — первый раз, как они пришли.

— Кажется, я ошибся насчет того, что ты мне не понадобишься. Но это чуть позже... Пока что смотри молча и не отвлекай меня, даже если небо упадет на землю. Минри, потом мне понадобится змеиный лотос. Грана два, а лучше три-четыре.

Прошелестел шелк, светлое пятно мелькнуло рядом и исчезло. Похоже, светлейшая Минри носила не деревянные сандалии на высокой подошве, как другие высокородные чинки, а что-то куда более удобное и бесшумное. Халид невольно потянул носом, когда его лица коснулся тревожно-сладкий запах вишни и свежести от прошедшей мимо женщины. Глубоко вдохнув, целитель склонился над девочкой.

— Серый Лис, значит, — проговорил он задумчиво и отстраненно. — Что ж, надо признать, у Минри получилось свалить на меня свои хлопоты. Такого не стоило делать ни с кем, а уж с моей ученицей...

Стиснув зубы, Раэн держал Марей за руку в реальном мире, другой частью своей сущности балансируя на самом краю Бездны. Девочка успела уйти недалеко, и кровь Минри надежно привязывала ее к этому миру. Только вот душа Марей сама стремилась в темноту, прячась от пережитой боли. Тьма Бездны виднелась Марей надежным и ласковым убежищем от того, что оказалось позади. Здесь была бессильна и кровь горной феи, и магия целителя. Марей не хотела назад — к боли, страху и стыду.

— Марей... — позвал он ее, не размыкая губ, и слова, произнесенные про себя, осветили тьму Бездны крошечными яркими огоньками. — Марей, сестра Джеди. Марей, мастер фокусов! Призываю тебя. Ради твоих брата и сестры. Ради твоей не свершившейся еще судьбы. Прошу тебя, девочка моя. В мире есть не только боль. Там солнце, небо, любовь... Ты нужна тем, кто любит тебя, Марей.

Он скорее осознал, чем видел, как блеклая светло-серая тень отчаянно мотает головой, пытаясь вырваться, как развевает призрачные косы ветер иного мира. В этом мире вечной тишины слова оборачивались то искрами, то хлопьями пепла, и Раэн видел, как то, что он говорит, пропадает зря, тает в темноте и безмолвии. Едва ли она вообще слышала его.

— Марей, — повторил он безнадежно. — Твой брат бежал ночью через полгорода, чтобы позвать меня. Он сидит у двери и ждет, когда я скажу ему, что ты жива. Твоя сестра в руках тех, кто тебя убил. Ты нужна мне, Марей. Минри открыла для тебя свою кровь...

Ответа не было. Перестав трепыхаться, девочка покорно замерла, все сильнее отстраняясь от него, не пытаясь вырваться, а тая, как клубы дыма на ветру...

— Там ничего нет, слышишь? — все так же безмолвно выкрикнул Раэн, вливая в слова

столько сияющей силы, что разноцветный фейерверк раскрылся снопом пламени, а в Бездне зашевелились вечно голодные твари, привлеченные запахом и вкусом плещущей в пространство магии. — Ни смеха, ни песен, ни фокусов! Ты же мастер чародейства, Марей! Разве я учил тебя сдаваться? Будешь плакать — толпа сожрет твою душу, разжует тебя и выплюнет. Вернись, Марей! Помнишь розы? А феникса? Я научу тебя делать дракона, хочешь? Такого, что крыльями он закроет всю площадь. Ну же! Я тебе покажу, как вырастить райское дерево из семечка, а вокруг него будут танцевать перы. Никто не показывал еще таких фокусов, Марей!

— Ра... эн? Ма... стер Раэн?

— Да, девочка, да! — выдохнул Раэн, увлекая ее прочь от края и понимая, что его силы уже на исходе. — Это я. Узнала? Идем. Тебя ждет Минри. И брат ждет...

Не давая ей снова соскользнуть в беспмятство смерти, он тащил девчонку от Бездны, оглядываясь и видя, как за их спинами тьма сгущается, и лоскуты мрака ползут следом за ускользящей добычей.

— Опоздали, твари... — подумал в знакомом ликующем азарте. — Не будет вам поживы. Скольких уже увел — и эту вытащу!

Свет реального мира был уже совсем близко. Между ним и преддверием Бездны колебалась Грань — тонкая пленка, непроницаемая ни для живых людей, ни для тварей иного мира. А вот те, кто стоит посередине... Последним усилием Раэн пропихнул Марей наружу и выскользнул следом сам. Глотая воздух, потряс головой... С трудом разжал руку, сжимающую ладошку фокусницы так, что неминуемо останутся следы от пальцев. Девчонка что-то простонала с ложа, пытаясь поднять голову, удержать на Раэне взгляд затуманенных глаз.

— Дракон... — разобрал больше по движениям губ Раэн. — И перы... Ма-а-астер...

— Спи, — попросил он, улыбаясь. — Научу, обещаю. А теперь спи...

Дожидааясь, пока девчонка задышит ровно и спокойно, еще раз просмотрел ее состояние. Ну, лучше, конечно, чем было. Ничего, несовместимого с жизнью, уже нет. А вот над личиком надо еще поработать. И остальное... Если аккуратно подчистить Марей память, девочка и помнить не будет, как ее насиловали, а уж он позаботится, чтоб следов на теле не осталось. Как и тех, кто в этом виноват. Их-то Бездна примет с радостью.

— Мин?

Язык от усталости не ворочался, пот заливал лоб, так что повязка насквозь промокла, по спине и груди тоже стекали противные струйки. Сейчас бы зачерпнуть чужой силы, что так соблазнительно сияет рядом! Раэн вздохнул. Нельзя. Парень еще после вчерашнего не оправился. Да и пугать так сразу не хочется. Обмен энергией между хозяином и его Тенью — дело естественное, полезное для обоих и совсем не страшное, но Зеринге и так от магии шарахается, как пугливый конь от собственной настоящей тени. Придется пока самому.

Умница Мин молча протянула влажное полотенце, дождалась, пока Раэн сорвет и кинет в сумку налобную повязку, вытрет лицо, спину и грудь. Приняв полотенце, подала чашку со светлым вином.

— Лотос, — хрипло напомнил Раэн, прислушиваясь к себе. — Или я с откатом за девчонкой пойду? Кстати, ты знаешь, где она?

— Прости... Нет, не знаю.

В голосе Минри, как и всегда, слышалось именно то, что она хотела дать услышать — и не больше. Сейчас это были грусть, сочувствие и благодарность. Раэн кривовато усмехнулся. Бросил в чашку с вином темную, резко пахнущую горошину, протянутую на фарфоровой ладони. Покачал чашку, наблюдая, как мгновенно расходится в вине спрессованный порошок, оставляя на поверхности радужную пленку. Пленка напомнила недавний поход в Бездну, и Раэн поморщился.

Выпил залпом. Поморщился еще раз, теперь от горького маслянистого привкуса и жара,

волной идущего из желудка по всему телу. Несколько раз вдохнул и выдохнул. Слабость ушла первой. За ней отступила уже поднимающаяся тошнота, последней исчезла головная боль. На время, конечно, и потом за эту передышку придется заплатить вдвое. Но время сейчас дороже всего.

— Еще, — сказал он Минри, прикрыв глаза и слушая пустоту внутри себя. — И вина...

— Хранитель...

— Еще, Мин, — процедил он сквозь зубы. — Я знаю, что делаю. И налей мне фляжку с собой.

Вторая чашка вина согрела окончательно, прогнала малейшие следы судорог и боли в мышцах, зажгла мир неестественно яркими красками. Привыкая к измененному сознанию, Раэн несколько минут ровно и глубоко дышал, глядя на расписанную стену над ложем, где спала Марей. Рассматривал нежнейшую утреннюю дымку на склонах гор, изогнутые ветви сосен, прячущийся в их корнях ручеек. Лотос показал ему каждую травинку на склоне горы, блестящие переливы воды, распушенные перья в хвосте присевшего на ветку зимородка.

Раэн вгляделся в картину еще внимательнее и прислушался, словно перед ним расстилалась настоящая поляна в горах. Совсем рядом — только руку протяни — успокаивающе журчал ручей, перекликались в кустах рододендрона птицы. Повеяло холодным горным ветром, принесшим аромат цветущей вишни. «Рододендрон и вишня в одно время года не цветут, — отстраненно отметил Раэн. — Тут художник перестарался. А лотос силен... Пожалуй, когда все закончится, свалюсь пластом от такой дозы».

— Волосы девочки есть? — с трудом шевеля губами, спросил он.

Дождавшись, пока Минри ушла, обернулся к застывшему в паре шагов сзади Зеринге.

— Ты понял, что я сделал? — поинтересовался, вслушиваясь в собственный голос и с удовлетворением отмечая, что хрипота прошла.

— Вылечил? — осторожно спросил Халид, стараясь не встречаться с ним взглядом.

Ну да, еще бы, расширенный от лотоса зрачок — то еще зрелище. Впрочем, у него и без этого глаза настолько темные, что радужка со зрачком сливается, но лотос придает взгляду особенный блеск.

— Вылечил, — ровно подтвердил Раэн. — А потом вывел из-за грани между миром людей и Бездной. С тобой удалось обойтись без этого, но девочке слишком сильно досталось. Ты видел ее раньше?

— На базаре много фокусников, — сдержанно отозвался Халид. — Может, и видел. Что теперь будешь делать?

— Мы будем делать, — мягко поправил его Раэн, натягивая рубашку. — У того, кто сотворил это с Марей, осталась ее сестра. Не родная, ты же слышал Минри, но девочка об этом не знает. И не должна узнать. Ты меня понял?

— Да, — уронил Халид. — Сейчас пойдем? Не знаю, что ты за зелье выпил, но у тебя глаза светятся. Выглядишь, как демон.

— У демонов обычно глаза не светятся, — сообщил ему Раэн, осторожно вставая. — В человеческом обличье, во всяком случае. А это змеиный лотос. Любимое зелье колдунов. Если бы не оно, я бы сейчас был чуть жив и уж точно не в силах драться. Потом, конечно, все вернется и будет еще хуже...

— Значит, драться? — хмуро поинтересовался ир-Кайсах, поправляя саблю и упорно глядя мимо Раэна. — С другим колдуном?

— Ну, Лис не совсем колдун, — усмехнулся Раэн. — Ничего, твоя сабля отлично годится для подобных существ. Просто не верь тому, что он говорит, и не позволяй заморочить себе голову. Помнишь, как чуть не кинулся на защиту Минри? А она ведь тебя даже не просила. Вот и Лис из таких. Позволишь ему овладеть своими мыслями — попадешь в

беду...

Шагнув навстречу плывущей над полом Минри, Разн взял из ее рук маленькую серебряную фляжку и кожаный мешочек. Открутив пробку, принялся, осторожно попробовал.

— Надеюсь, не пригодится. Но все же благодарю, светлейшая Минри.

— Благословение богов да пребудет на ваших клинках, — тихо прошелестела горная фея.

Сейчас Разн особенно ясно чувствовал запах цветов и легкую прохладу, как над потоком воды в жаркий полдень. А еще от Минри пахло спелой вишней. И только знающий человек мог бы связать этот запах с темно-красными глубокими царапинами на запястьях, что мелькнули перед глазами, когда чинка протягивала ему принесенное.

— Присмотри за девочкой, — раздраженно отозвался Разн вместо ритуального согласия с благословением. — С ней еще работать и работать, но это подождет. И можешь смыть с нее всю эту дрянь. Я видел достаточно. И оценил. Ты ведь этого хотела?

Вместо ответа Минри скользнула мимо него к изголовью ложа. Склонилась над спящей и тихо запела на чинском что-то мерное, ровное, успокаивающее. То ли заклинание, то ли просто колыбельную. Пожалуй, ей и правда было жаль юную фокусницу. Только вот жалость у существ, подобных Минри, — та еще жалость.

Кивнув Халиду, Разн вышел в коридор и остановился, глядя на спящего у стены мальчишку. Осторожно и совершенно бесшумно шагнул мимо, но мальчишка вскинулся, глянул ошалелыми сонными глазами, вскочил на ноги.

— Почтенный целитель!

— Все хорошо, мальчик, — кивнул Разн. — Твоя сестра спит, с ней все будет в порядке. Думаю, госпожа Минри позволит тебе на нее взглянуть, только не шуми. Я еще приду и вылечу ее окончательно.

Оставив мальчишку за спиной, они вышли в коридор, такой же пустой и темный, как все бесчисленные коридоры этого огромного то ли двора, то ли дворца.

— И как ты собираешься отсюда выбираться? — спросил Халид.

— Теперь — запросто. Это попасть в место, где никогда не был, нельзя. А уж выбраться... Давай руку, здесь всего один шаг — отстанешь.

Ухватив недовольно дернувшегoся Халида за запястье, он потянул его за собой, открывая путь по серой изнаночной стороне бытия. Шагнул вперед, сосредотачиваясь на площади перед Пестрым двором. Проследил, чтобы в месте выхода никого не оказалось.

Шагнувший вслед за ним Халид повертел головой и, уверившись, что они уже на площади, молча вырвал руку. Да, характерец... Впрочем, кому нужна полностью поработанная Тень? От человека, превращенного в безвольную тряпку, в их ремесле никакого толку. Если бы ир-Кайсах понимал, как бережно обошлись с его сознанием и душой!

Разн с удовольствием потянул носом воздух, впитывая все богатство ночных ароматов, усиленное действием лотоса. Вытащил из кожаного мешочка мягкую, кучерявую, как у ягненка, прядку, осторожно отделил несколько волосков. Скатал шарик и, прошептав заклинание, сдул его с ладони. Крошечный комочек вспыхнул ярко-голубой искрой, на несколько мгновений завис в воздухе, а потом быстро поплыл вперед.

— Идем, — бросил Разн, не оборачиваясь. — Надеюсь, Лис не обосновался на другом конце города. Иначе я его прибью уже за одно только это.

ГЛАВА 11. Дорога к лисьему логову

Голубой огонек мерцал и колебался, словно настоящий язычок пламени на ветру, но уверенно плыл вперед, указывая путь в переплетении темных узких улиц и переулков Старой Харузы. Отсюда было близко до Великого Базара, но равно далеко и до богатых восточных кварталов, и до нищих северных окраин. В Старой Харузе селились те, кто не мог позволить себе особняк с садом и прудами, но не беспокоился, как раздобыть миску плова на обед и кувшинчик доброго вина к ужину.

Купцы средней руки, старшины и почтенные мастера ремесленных гильдий, вышедшие на покой чиновники, награжденные за службу пресветлым шахом или одним из его набов. А еще удачливые наемники, благочестивые жрецы и достойные целители, алхимики и маги всех мастей... Не перечесать тех, кто трудом и везением, а иногда и менее добропорядочными качествами заработал на уютный домик в благословенной столице.

Но вот чтобы в Старой Харузе жили какие-то лисы, причем явно в человеческом обличье, Халид никогда не слышал. Сначала мелькнула мысль, что это прозвище, но Раэн назвал похитителя девочки существом. Хорошо еще уронил про саблю... Мол, она отлично годится для таких.

Халид не удержался — на ходу погладил холодную рукоять торопливой обещающей лаской. И всерьез обеспокоился. Известно ведь, что впервые окропить клинок — дело особой важности! Враг не должен быть трусом или клятвопреступником, иначе его кровь непоправимо замарает девственную сталь. И непременно следует убить его с одного удара — чтобы все остальные были такими же смертоносными. А еще в первом бою нельзя споткнуться — на всю жизнь лишишься удачи. И бить в спину тоже под запретом — гордое оружие оскорбится, что его так опозорили, и рано или поздно сам падешь от предательского удара. И...

Он снова потрогал рукоять, с запоздалым раскаянием подумав, что даже в храм Дариш-воителя не успел сходить, чтобы принести в жертву голубя с вороном и, освятив их кровью лезвие, дать красавице-сабле тайное имя, ведомое только им двоим. Видят боги, она достойна! А вот в том, что Серый Лис, кем бы он ни был, достоин пасть от этой сабли, Зеринге сильно сомневался. Тот, кто похищает ребенка у матери, не заслуживает чистой легкой смерти.

А еще в памяти так и торчало болезненной занозой лицо той девочки, Марей. Почему-то именно лицо, а не истерзанное тело. Пустые мертвые глаза, распухшие от кровоподтеков губы, изуродованная скула... На вопрос Раэна Халид покривил душой — он часто видел Марей на базаре, только не знал, что это девушка, а не смешливый яркоглазый мальчишка, фокусница умело скрывала свою тайну. А если бы знал — ну и что? Харуза одинаково жестока ко всем. Халиду не приходилось брать заказы на женщин и детей, но он хорошо понимал, что перед смертью все равны. И все-таки есть разница, быстро и по возможности легко отправить жертву за Грань — или вот так...

Чародей молчал, шагая рядом и не сводя взгляда с плывущего над мостовой огонька. Не будь волшебного проводника, Раэна легко было бы принять за высокородного, а Халида — за его джандара. Впрочем, ночью в Харузе и магу не помешает в провожатых крепкий молодец, владеющий саблей. Халид поставил бы новый серебряный пояс против гнилой веревки, что их не единожды окидывали внимательным взглядом из глубоких подворотен, но всякий раз решали не связываться. А еще — что Раэн тоже отлично это чуял, но вел себя с уверенностью пустынного льва, знающего, что стайка шакалов не посмеет преградить ему путь. А если и найдутся такие безумцы — им же хуже.

Пожалуй, одной только магии для подобного высокомерия было маловато, встречал Зеринге редкостных трусов среди колдунов. От стрелы или яда магия вряд ли уберезет, притом на одного чародея всегда может найтись другой, более сильный или умелый... И что тогда будет с Тенью неудачника? «Ничего хорошего, — мрачно ответил себе Халид. — Если ты вообще до этого доживешь. Думаешь, у господина целителя ты такой первый? Да и не последний, пожалуй...»

— И что, любого можно так выследить? — спросил он, пытаясь отвлечься от паршивых мыслей и не особо надеясь на ответ.

Известно ведь, что волшебники берегут свои тайны ревнивей, чем отец — созревших дочерей.

— Почти любого, — на удивление легко отозвался Раэн. — Только нужно, чтобы след был свежим, не старше одного дня. И чтобы у человека не было защитного амулета. Ну, и если ищешь этим способом мага, он наверняка почует и может скрыться.

— Меня ты тоже так нашел? — хмуро поинтересовался Халид, покосившись на дом, мимо которого они проходили: в окне что-то блеснуло, а между лопатками зачесалось, как от пристального взгляда поверх уже наложенной на тетиву стрелы.

— Нет, — спокойно ответил чародей и тоже посмотрел на тот дом. — Сначала я подумал, что ты из Ночной Семьи, и очень удивился.

— Почему? — спросил Халид и тут же молча выругал себя за непонятливость, вслух уточнив: — Так ты сам из них?

Подозрительный дом они миновали благополучно, и теперь огонек свернул в узкий переулок, куда Халид даже днем поостерегся бы соваться — очень уж легко перекрыть оба его конца. А если поставить у окон пару лучников, идущим по улице и укрыться негде будет. Но Раэн шагнул туда смело, только окинул взглядом темные, уходящие высь каменные стены с мрачными провалами окон. Слишком ценна в летней Харузе ночная прохлада, чтобы закрывать окна ставнями, вот и надеются жители, кто — на решетки, кто — на верхние этажи да гладкие стены, кто — на то и другое, да еще и на какой-нибудь хитроумный амулет в придачу.

— Нет, я не из Семьи, — безмятежно ответил Раэн и, усмехнувшись, добавил: — Но заказы на меня Семья не берет. Я им пару раз оказывал услуги. Хорошие целители, знаешь ли, в сточной канаве не валяются, а ночной шах предпочитает все самое лучшее... Кажется, мы почти пришли.

Словно подтверждая его слова, путеводный огонек затрепетал и устремился вперед гораздо быстрее. Еще пара дюжин шагов — и переулок закончился выходом на другую улицу, а Халид с удивлением понял, что как бы хорошо он ни знал Харузу, но здесь никогда не бывал. Хотя и места вроде бы известные, но вот эту огромную чинскую иву, свесившую ветви до земли шелковистым зеленым водопадом, он бы запомнил. Слишком жарко для нее в Харузе, ивы здесь растут разве что в садах над прудами, а тут, смотри-ка, прямо на улице, слева от массивных, окованных железными полосами ворот!

За ивой, словно разделившей улицу на две части, высился дом. По меркам столицы невысокий, всего в два этажа, зато окруженный немалым садом. Кованая решетка ограды простиралась от ворот шагов на полсотни в каждую сторону, а уж насколько сад раскинулся в глубину, оставалось только гадать. На взгляд Халида, дом ничем особым не отличался. Огни в комнатах давно погасили, должно быть, и окна верхнего этажа были темны и пусты, лишь у ворот за решеткой светилось окошко караульной будки. Но огонек явно вел их сюда. Не долетев немного до ивы, он задрожал, будто сомневаясь, попытался подняться вверх, но тут же потускнел и погас, опустившись на подставленную чародеем ладонь и рассыпавшись напоследок голубыми искрами.

— Пришли, — спокойно повторил Раэн и окинул дом внимательным взглядом. — Не так уж и далеко оказалось. А ива-то как разрослась! В прошлый раз была чуть выше меня... Неудивительно, что мой огонек погас — такая защита у дома!

— В какой прошлый раз? — не вытерпел Халид, подозревая, что высокоученый маг то ли заговаривается, то ли просто имеет в виду что-то свое, обычным людям недоступное. — Ты здесь был раньше? Когда ива еще не выросла? А почему тогда не знал, куда идти? То есть...

Он глянул на высоченное дерево и осекся. Если Раэн навещал местного хозяина, когда дерево было ростом с целителя... сколько же лет прошло?! За это время, конечно, можно и дорогу позабыть. Если только не напускает хвастливого тумана, как водится у его чародейского племени. Но зачем бы ему? Морочить голову нужно противникам и нанимателям, а со своей собственностью незачем прикидываться.

— Я не здесь был, — повернувшись к нему, сообщил Раэн и снизошел до объяснений: —

Видишь ли, Серый Лис из тех, кто часто переезжает. Но обычные люди просто перевозят вещи в другой дом, а Лис берет свой дом с собой. Вместе с садом и даже ивой у ворот. Ива, правда, волшебная, поэтому растет куда быстрее простого дерева, но дюжину лет мы с Лисом, пожалуй, не виделись. Я уже стал надеяться, что от него и дальше не будет особых хлопот. Не люблю ошибаться. Особенно — так...

Глаза у него блеснули, и Халиду вдруг словно куском льда вдоль позвоночника провели. Странное чувство! Не страх, а будто... злость? Холодная такая, как лезвие. Говорят, когда клинок входит в сердце, он кажется ледяным, но кто может сказать точно? Кто это испробовал — опытом уже не поделится.

Раэн смотрел, не мигая, и жуткие сверкающие огни глаз на бледном лице чародея почти заставили Халида испугаться самым обычным человеческим страхом. И тут же он понял, что до этого прикоснулся к чужим чувствам. Это чародей холодно и остро злился на Серого Лиса, велевшего изувечить фокусницу Марей. Что бы там Раэн ни говорил Минри, а в Бездну он сунулся за девчонкой не только по просьбе гадалки. Иначе сейчас на Халида не веяло бы ясным и спокойным намерением убивать. Чужим намерением...

— Прекрати, — с трудом выговорил Халид непослушными губами и шагнул назад. — Отпусти... меня.

— Что?

Брови чародея недоуменно изогнулись, но почти сразу он понимающе протянул:

— А, волну поймал? Ничего, это пройдет. Скоро научишься отличать свое и отбрасывать чужое. Такова природа Тени, с этим ничего не поделаешь. Не о том сейчас думаешь, Зеринге. Знаешь, что страшнее лжи?

Халид, и вправду будто сдернувший пелену чужих чувств и облегченно вздохнувший, помотал головой.

— Правда, — серьезно сказал Раэн, испытующе глядя ему в глаза. — Чистая правда, поданная на блюде из уверток. Запомни, Зеринге, существа вроде Лиса, Минри, да и меня, если на то пошло, никогда не лгут. В этом мы все сходимся, хоть и по разным причинам. Но правду можно сказать по-разному. Кто-то назовет меня искусным лекарем, спасителем множества жизней, и будет прав. Кто-то скажет, что я разрушил его судьбу, и тоже не солжет. А еще... Вон, видишь на небе созвездие Лучника? Сколько звезд-стрел у него в колчане?

Халид, с трудом отведя взгляд от пугающе неподвижного лица чародея, на котором жили только сверкающие глаза, посмотрел в глубокую ночную синеву над черными крышами и нашел взглядом Лучника, покровителя путешественников на суше и на море. Острие стрелы на тетиве небесного гиганта безупречно указывало на Глаз небес, не самую яркую, зато путеводную звезду, а за спиной великого стрелка в колчане, дорисованном внутренним взором, серебрилась россыпь мелких звездочек.

— Девять, — хмуро сказал он истину, известную с детства всякому пустынному мальчишке, кроме совсем подслеповатых.

— Хорошее у тебя зрение, — хмыкнул Раэн. — Обычно люди видят там семь-восемь звезд, а то и меньше. Но на самом деле их двенадцать. Да-да, ты уж мне поверь. А вот если спросишь Лиса, он может тебе назвать и девять, и двенадцать, и семь — смотря кем ему нужно прикинуться в этот момент. Хотя сам Лис видит всего пять. Понимаешь?

Он подождал немного, пока Халид мрачно кивнет, и добавил негромко, но очень тяжело:

— Зато Лис, как и Минри, может прочитать в твоей душе и памяти то, что ты сам либо давно забыл, либо и вовсе о себе не знал. Вытащить самые потаенные страхи и желания, а потом сплести из них сеть, в которую ты непременно угодишь. В нее все попадают, разница лишь в том, что кто-то выбирается, а кто-то — нет. Бойся Лиса, Зеринге, и если он тебе скажет, что день — белый, а ночь — темна, не спеши соглашаться. Сначала подумай, зачем он тебе это говорит. Сделаешь один шаг ему навстречу — и сам не заметишь, как придишь туда, куда вовсе не собирался.

— Зачем ты все это говоришь? — спросил Халид, переводя взгляд на темный тихий дом,

ожидающий их в окружении зелени и нарядного кованого забора.

Такой спокойный и даже на вид уютный, такой гостеприимно безопасный...

— Разве ты не будешь рядом? — снова глянул он на целителя.

Тот пожал плечами.

— Может, буду, а может — и нет. Лис — осторожная хитрая дрянь. Впрочем, и Минри рассказала об этом деле далеко не все, что могла бы. Я иду туда не ради нее. Лис приказал убить Марей только для того, чтобы ее смерть стала ленточкой на его послании.

— Она была твоей ученицей? — продолжал допытываться Халид, сам не зная зачем.

— По правилам и обычаям — нет, — уронил Разн. — Но правила решают не все. Мне нравились и ее представления, и сама Марей. В жизни не так уж много хороших чудес, а у нее получалось делать мир ярче и радостнее... Ладно, идем.

Он пошел к воротам, но возле ивы остановился. Протянул руку, и Халид увидел, как в совершенно безветренном воздухе, все еще томно жарком, — прохладнее станет лишь к утру — ветви ивы пугливо отклоняются от ладони чародея и даже, кажется, возмущенно шелестят. На миг ему показалось, что в шелесте можно различить быстрый тихий шепоток, но тут же ветви просто качнулись, как самые обычные лозы самой обычной ивы, а Разн тихонько рассмеялся. Нехорошим таким смехом, снова прокатившимся у Халида по спине россыпью ледяных осколков.

— Ну, нет, дереву я мстить точно не буду, — сказал чародей и миновал иву, в несколько шагов оказавшись возле ворот.

Снова подняв руку, он начертил в воздухе странный знак, на несколько мгновений вспыхнувший ярким золотистым светом. Потом знак погас, а створки, скрипнув, закачались, хотя ветра так и не чувствовалось. Халид поспешно подошел ближе, взглянув на медленно открывающиеся, словно кто-то их тянул в разные стороны, половинки ворот.

— Не лучше ли было забраться туда потихоньку? — угрюмо спросил он. — Через ограду, например. Да и в саду должны быть лазейки... Нас, конечно, двое, и мы такие грозные — мне самому страшно в зеркало глядеться, — съязвил он, ожидая, что чародей одернет за дерзость, однако лишь услышал одобрительный смешок. — Но в доме наверняка охрана и колдун, который ждет гостей. Что, если он убьет девочку раньше, чем мы до него доберемся?

— Не лучше, — бросил чародей и, помолчав, все-таки объяснил: — Он давно знает, что мы здесь. Ива его предупредила. И он знает, кто именно пришел за его девятью хвостами. Охрана — это пустяки, опасен только сам Лис, а с ним все равно придется встретиться, с какой стороны ни подойди.

Перешагнув невидимую черту, он прошел в ворота, и Халид последовал за ним, снова тронув рукоять Ласточки просто для уверенности. За воротами оказался большой двор, вымощенный гранитной плиткой. В свете выбравшейся на небо луны отшлифованные камни блестели, как зеркало, а высокие кусты, посаженные в огромные каменные вазоны по краям двора, бросали на них темные резкие тени.

Дом виднелся впереди серой каменной глыбой с черными дырами-окнами, и первое, что заметил Халид, — на окнах нет решеток. А хозяин не из осторожных, однако. Или очень уж уверен в своей силе.

Про девять хвостов, кстати, Халид не понял решительно ничего. Лис, конечно, он... лис, но почему хвостов девять? Как стрел в колчане у Лучника, что ли? Еще одна загадка, но он промолчал, перестав расспрашивать. Когда впереди драка, не до игры в слова.

Чародей шел рядом, тоже прекратив многоумные рассуждения, которые Халиду всегда казались пустой болтовней. Они пересекли двор, поднялись на низкое крыльцо с резными перилами, как в чинских лавках или Домах Удовольствия — как-то раз Халида в такой занесло, но очень уж там оказалось непривычно и скучно. Что ж, зато здесь

наверняка будет весело.

Раэн толкнул дверь внутрь, и та с готовностью распахнулась, открыв длинный коридор. Пол здесь был устлан голубым ковром, а стены с вызывающей роскошью обтянуты таким же небесным шелком, расшитым серебром, мягко сиявшим в лучах масляных светильников. Все чинское, конечно, и ковер, и ткани, и благовония, разлитые в воздухе, острые, резкие и вместе с тем какие-то душные. Халид, уже не скрываясь, потянул Ласточку, выдвинул наполовину и успокоился, услышав мягкий шелест благородной стали о толстую кожу ножен. Покосился на чародея, но тот промолчал и первым ступил на драгоценный ковер, который иной вельможа не постыдился бы положить в домашнем святилище.

— Их было трое, — заговорил вдруг Раэн, беззвучно ступая по скрадывающему шагу толстому ворсу. — Один довольно высокий для чинца, со шрамом на правой щеке. Двое других похожи, как родные братья, скуластые такие, круглолицые крепыши... — Он поморщился и добавил негромко: — Если получится — оставь их мне. Но попусту не рискуй. И не верь всему, что видишь.

В подтверждение своих слов он шагнул к ближайшей двери и пнул ее. Полированные доски из темного дерева, украшенные бронзовыми накладками, вдруг задрожали, заколебались, как пустынное марево, и исчезли, обнажив гладкую стену. Голубой шелк в этом месте был расписан странными алыми узорами, похожими на забытое хамтурское письмо.

— Ловушка для дураков, — бесстрастно сообщил Раэн. — Простенькая — даже обидно. И следующие двери — тоже. Ну что? — повысил он голос. — Выйдет мне кто-нибудь навстречу? Или подпалить здесь все к демонам Бездны? Не люблю запах горящего шелка, но паленая шерсть воняет еще хуже!

Дом безмолвствовал.

— Значит, все-таки подпалить, — заключил он подозрительно довольным голосом и принялся катать в ладонях что-то невидимое, будто сминая большой упругий ком. — Зеринге, держись пока у меня за спиной.

Этого он мог бы и не говорить, вперед Халид и так вылезать не собирался. У него аж скулы заныли, как все было неправильно! Если чародей настолько в себе уверен, зачем ему спутник? Не может ведь он всерьез рассчитывать, что невольник по доброй воле станет прикрывать его собой, случись такая необходимость? Или может? Что, если хозяин и не даст ему выбора, просто приказав? Зачем ему простой воин, не обученный магии, если не для живого щита?

Злость на чародея, уже вроде бы погасшая, снова вспыхнула, и Халид понял, что скулы болят оттого, что он слишком сильно стиснул зубы. Нет, так не пойдет! Разум должен быть ясен, это первое правило боя. Случались переделки и похуже, а Раэн вряд ли возился с его превращением в Тень, чтобы потерять в первой же драке. Слабое, конечно, утешение — каждый раз думать, какая драка станет последней...

Тихий мелодичный звон волной проплыл по коридору. Запах стал сильнее, но неприятные нотки из него исчезли, теперь вокруг веяло будоражащей свежестью. На миг у Халида закружилась голова, словно он долго сидел в горячей парной, а потом вышел в прохладу и слишком глубоко вдохнул полной грудью. Именно так, нежной молодой зеленью, цветами и пальмовой пылью, пахло в оазисах теми краткими днями, что в пустыне именуются весной. Аромат звал дышать жадно, испуганно, глотая его открытым ртом, чтобы насытиться вволю, и Халид ловил в нем запахи горячих сырных лепешек, чистой верблюжьей шерсти и конского пота, мокрых кожаных бурдюков с водой и овечьим молоком, сваренного на костре кофе и жареного мяса...

И в ушах уже стоял не красивый, но бессмысленный звон! Халид слышал звяканье браслетов на руках своей приемной матери, мягких и ласковых руках, всегда готовых погладить его встрепанные волосы или разбитую коленку. А еще — как перекликаются бубенцы на отцовском верблюде, могучем Баруфе, великане-вожаке с пучками курчавой шерсти вокруг стройных ног, с копытами широкими и плоскими, как свадебное блюдо... И журчание родника, дарующего жизнь большому оазису, а значит, и всем племенам на сорок дней пути вокруг. И гортанный тихий смех Шади-Ла, первой красавицы и

распутницы племени, что однажды холодной пустынной ночью позвала пятнадцатилетнего Халида укрепить колышек в покосившейся палатке.

И он ведь, дурак, действительно сунулся проверять крепления, а Шадир-Ла заливалась смехом, глядя на его удивление, а потом смущение, и ее длинные золотые серьги качались, касаясь тонкой шеи быстрыми поцелуями, и Халид млел, мечтая стать одной из этих серег...

А потом блеснуло в глаза ожерелье на сладко знакомой женской груди, маленькой, высокой, смуглой и крепкой груди пустынной змейки Шадир-Ла, первой женщины глупого мальчишки, которого еще никто не звал Зеринге. Блеснуло — и ослепило! Халид невольно попятился, затряс головой — и тут же в глазах просветлело, а лицо обожгло болью.

— Так сколько звезд в колчане Лучника? — спросил чародей, обернувшись к нему, растерянному и вправду хватающему воздух ртом.

— Девять, — буркнул Халид, приходя в себя и потирая щеку, — ладонь у Раэна только с виду была нежной и холеной.

— Вот и постарайся об этом помнить, — неожиданно серьезно посоветовал тот. — Увидишь или почувствуешь что-то необычное, вспоминай звезды одну за одной и думай только о них. Так твой разум будет куда труднее поймать в западню морока. А вот теперь...

На второй ладони у него — хорошо, что не перепутал, когда отвешивал оплеуху! — светился ало-золотым шар величиной с небольшой персик. Халид всего однажды видел знаменитый гром-камень, и тот камушек, в клочья разорвавший троих грабителей караванов вместе с их верблюдами, был чуть крупнее вишни. Он невольно попятился, во рту пересохло...

Раэн небрежно подкинул жуткую алхимическую дрянь на ладони, поймал, медленно и расчетливо примерился вдаль по коридору...

— Разве мой дом чем-то провинился перед тобой, о мудрейший? — с едва уловимой насмешкой поинтересовался мягкий вкрадчивый голос с чинским — снова! — выговором, и в нескольких шагах перед чарореем выросла фигура, закутанная в яркие струящиеся шелка. — Смирненно прошу прощения, что не встретил как положено столь драгоценного гостя. Увы, дела-дела... Но буду рад загладить свою неучтивость, если позволишь узнать, в чем она состоит.

Раэн молчал, выразительно поглаживая гром-камень на ладони одним пальцем, будто приученную к рукам пичугу, но бросать, кажется, пока не собирался, и Халид перевел дух. О чем вообще чародей думает? Что их самих в таком узком коридоре не заденет?

Серый Лис, если это был он, взирал на Раэна с полнейшей безмятежностью, и ничего серого в невысоком крепком чинце, похожем на обычного купца, не было. Гладкие черные волосы, заплетенные в косичку, изжелта-смуглая кожа и узкие темно-карие глаза, тоже почти черные. Сотни, если не тысячи таких чинцев живут в Харузе, торгуя шелком и ароматными травами, жемчугом, душистыми маслами, фарфором, коврами и еще не одной дюжиной товаров на самый взыскательный вкус. Встреть его Халид на улице или в харчевне — и внимания не обратил бы, прошел мимо. Притом, почти все чинцы на одно лицо. Разве что Минри...

— Ты называешь это неучтивостью? — спросил, наконец, Раэн удивительно тусклым и ровным голосом.

Складки алого шелка, подобного лепесткам цветущего граната, заколыхались, в них показалось нижнее одеяние — золотое, как шафран или свежий мед. А еще глубже в разрезах мелькнуло сиреневое, белое и нежно-зеленое... Серый Лис склонился в глубоком поклоне, сложив перед собой на груди руки, и его широкие рукава с узорчатой темно-синей подкладкой еще добавили оттенков в шелковый ворох, яркости и пестроты которого позавидовал бы любой павлин. Выпрямившись, чинец невозмутимо посмотрел на целителя снова, и на его круглом лице, безбородом и безусом, не дрогнул ни один мускул, только шевельнулись пухлые губы, когда Лис медленно и еще

вкрадчивее сказал:

— Обычно я называю то, чем занимаюсь, делами, почтенный Раэн. Семейными, торговыми, личными... У скромного отца большого семейства много забот, но я не припомню, чтобы мои детишки словом или делом задели нити твоего драгоценного внимания, хранитель.

— Фокусница Марей, — уронил Раэн тем же бесцветным голосом и снова погладил гром-камень длинными чуткими пальцами целителя. — Время игр кончилось, Лис. Ты отдашь мне тех, кто сделал с ней это, а потом поговорим о других твоих... заботах.

Не считая этих двоих, разговаривающих негромко и обманчиво мирно, в доме было совершенно тихо. Подозрительно тихо, сказал бы Халид, если бы его кто спросил. Где слуги, охрана, домочадцы? Любой дом всегда наполнен звуками и запахами, разносящимися по нему от чердака до подвала. На кухне готовят еду или варят кофе, кто-то правит оружие, кто-то чистит ковры или несет воду... А здесь все словно вымерло!

И это было жутко, как в кошмарном сне, насланном темными марами, когда воздух вокруг становится вязким, и сначала глохнешь, а потом пытаешься двинуться — и не можешь. Ни убежать, ни драться, ни даже крикнуть... Он все-таки положил руку на эфес Ласточки, и холодное серебро приятно обожгло ладонь. «Первая звезда в колчане Лучника — голубая Эль-Мар, — торопливо подумал Халид, вспомнив наставления Раэна. — Самая крупная из девяти. Вторая — малышка Эль-Руин, что мерцает желтым, но это видят лишь самые зоркие... Третья...»

ГЛАВА 12. Цветы и тени

Вернувшись домой, Наргис отпустила Иргану, велев ей не говорить об этой поездке ни с кем, кроме Мирны. Совсем запретить девчонке болтать было все равно, что запрудить горный поток земляной насыпью — рано или поздно вода размочит преграду, и тогда попробуй угадать, куда она устремится. А так Иргана изольет лучшей подруге душу, пожалуется на хозяйку, которая ничего не рассказала изнемогающей от любопытства девице, да и успокоится. А если нет, серьезная скромница Мирна сумеет ее осадить, объяснив, что в дела госпожи лучше нос не совать, если дорожишь своим местом... В Маруди ир-Бехназе Наргис тем более была уверена, как и в его людях. Всех воинов, сегодня ее сопровождавших, взял на службу еще отец, а Солнечный визирь Бехрам ир-Дауд знал толк в людской верности и умел назначить правильную цену за молчание.

Оставшись одна, она закрыла окно в сад и задернула на нем плотный трехслойный полог, не позволяющий увидеть даже тени. Опустилась на колени рядом с кроватью, сдвинула часть боковой панели и достала из потайного отделения большую шкатулку черного дерева. Положила пальцы на гладкую как зеркало крышку, несколько мгновений помедлила, прислушиваясь к стуку собственного сердца. Столько лет... И каждый раз оно замирает, а потом бьется чаще, словно перед свиданием. Станет ли она когда-нибудь открывать эту шкатулку спокойно? Говорят, ничто не вечно, и самая жаркая страсть, сгорев, станет пеплом, а у нее ведь даже страсти не было.

Ничего у нее не было, кроме нескольких кратких встреч под надзором бдительных родственниц и прислуги, кроме взглядов глаза в глаза — ах, каждый наперечет и помнится так, словно вырезан на том самом лукавом беспокойном сердце. А еще — кроме тихого мягкого голоса, читающего стихи, да одного-единственного касания рук. Всего однажды, уловив момент, он подал ей цветок нарцисса, сорванный в саду, где они гуляли, и их пальцы встретились на хрупком зеленом стебле таким легким нежным касанием, что окажись между ними крыло бабочки, оно бы не помялось...

Если бы она знала тогда, что это их последняя встреча, и больше никогда и ничего у нее не будет, кроме редких писем, каждое из которых — великая радость и еще более великая боль.

Откинув крышку, Наргис погладила кончиками пальцев верхнее письмо и задумалась, не взять ли какое-нибудь другое? Вдруг она забыла несколько строчек из того, что пришло в конце прошлого года? Нужно перечитать, вспомнить... Но нет, не стоит. Если слишком часто открывать фиал с драгоценным маслом, оно выдохнется, так и письма, вдруг они поблекнут, выцветут, или, самое страшное, она привыкнет видеть их, читать в любое время, как захочется, и пропадет сладкое и страшное чувство, когда разворачиваешь тонкую рисовую бумагу, вглядываешься в темные строчки изящных, словно летящих букв...

Нет-нет! Только не это! Она перечитает последнее письмо, которое уже знает наизусть, а все остальные полежат, подождут. Когда-нибудь она наберется храбрости, прочтет их все разом, и тогда...

Испугавшись мысли, которую нельзя продолжать, Наргис отогнала вопрос, что она сделает тогда. Письмо тихо зашелестело в ее руках, бумага ничуть не пожелтела, и чернила не выцвели — Наргис вздохнула и бережно разгладила листок.

«Здравствуй, мои звезды и ветер. Ты спросишь, почему не солнце и луна? Ведь так положено обращаться к той, что дороже мира. На что я отвечу, что солнце и луна — это слишком много и слишком мало, а еще — что они совсем не похожи на тебя. Конечно, солнце — податель жизни всему, что есть на земле под небесами. Под его лучами растут леса и колосятся пашни, оно согревает человека и зверя, рассеивает тьму и служит мерой времени. Неисчислимы достоинства солнца, и потому оказал бы я ему честь, сравнив с твоей улыбкой, но солнце бывает злым, оно губит так же часто, как спасает, выжигая посевы и убивая засухой целые народы. Так сравню ли с солнцем тебя, чистую и невинную?

А луна? Да, она сияет миру в ночной мгле, даря надежду, ведя путника к дому, управляя приливами и наполняя травы тайной силой. Велики и ее заслуги, но луна холодна, и свет ее не греет, фальшивый, словно клятвы лжеца. Так сравню ли тебя с луной, если от

одной мысли, что ты есть на свете, мне тепло, будто руки мои протянуты к пылающему очагу, и светло, как цветку в полуденном саду, и сладко, как пчеле на сотах?

Нет, сердце мое, ты не солнце и не луна мне, ты — ветер и звезды. Тот ветер, что дует с моря, принося облегчение и навевая дивные сны. В этих снах я снова вижу тебя и, просыпаясь, принимаю разлуку, как обещание новой встречи, пусть и не наяву, а лишь в шепоте милосердного ветерка. А еще ты — звезды. Не яростные, как солнце, гневно обжигающее глаза несчастного, посмеявшегося на него взглянуть, не холодно-равнодушные, как луна... Нет, они далекие и неизмеримо прекрасные, недоступные и ясные, безмолвные, но говорящие на языке, понятном лишь сердцу и незнакомом разуму.

Итак, я убедил тебя, что ты — ветер и звезды? Если да — улыбнись, и я почувствую эту улыбку, как зерно в земле чувствует весеннее тепло, она озарит мой день и согреет ночь. Улыбнись, прошу. А я расскажу тебе сказку, которую мне поведал ветер, прилетевший три дня назад. Он постучал в окно и, когда я ему открыл, уронил к моим ногам белоснежный цветок с алой сердцевинкой. Никогда я не видел таких цветов ни в благословенной Харузе, ни здесь, где купцы наперебой хвалятся диковинками разных стран.

Я поднял этот цветок, и его аромат, проникнув в мое сердце, золотыми буквами написал на нем историю о прекрасной пери, что томится в дивном саду, превращенная в нарцисс — самый чудесный на свете. И лишь тот, чья любовь будет горячее солнца, а отвага — выше заснеженных вершин великих чинских гор, сможет расколдовать ее. Она же сделает возлюбленного своего могущественнейшим из владык земных, подарит ему бессмертие и славу, равной которой не знал и не узнает род людской. Но если бы я был таким человеком, я бы оставил прекрасную пери в облике цветка. Ведь зачем нужны бессмертие, слава и могущество, если вместо них я мог бы подарить этот нарцисс тебе и увидеть радость в твоих глазах?

Увы, нет у меня самого чудесного в мире нарцисса, и лишь этот цветок я могу, засушив, приложить к письму, чтоб хотя бы тень его аромата овевала тебя, подобно тому, как все, написанное мною, лишь тень того, что я думаю о тебе. Так будь же счастлива, мои звезды и ветер, и не думай обо мне дольше, чем живет аромат сорванного цветка, потому что единственное, чего я боюсь, это стать причиной твоей печали. Неизменно твой — и да не случится иначе — Аледдин ир-Джантари».

Тихий мягкий голос, беззвучно шепчущий в ее разуме, стих, и Наргис беспомощно замерла, глядя письмо кончиками пальцев и уставившись в окно, словно могла что-то разглядеть сквозь плотные занавеси. Гадалка сказала, что проклятие приносит не Наргис. Ах нет, не так! Она сказала, что все, кто умер, погибли не по ее вине, их погубил тот... страшный... «В чьих пальцах засыхают розы», — словно прошелестел ей на ухо насмешливый шепоток Минри.

Пять смертей! Пятеро высокородных мужчин и юношей, осмелившихся послать сваху в дом Черной Невесты, заплатились за это жизнью. А ведь Наргис троих из них даже никогда не видела! Да и другие двое, смутно знакомые ей по мимолетным встречам во дворце, почти не помнились. У Шарифа ир-Гамалейди была короткая холеная борода, которую он все время гладил, посматривая в сторону Наргис гордо и лукаво. Залила ли эту бородку кровь, когда взбесившийся жеребец скинул Шарифа и ударил копытами, разом превратив грудь хозяина в страшное месиво, как шептались на базаре и в дворцовых коридорах?

А Имран ир-Альмах был совсем юн, на два года младше Наргис, его мягкие темно-каштановые волосы курчавились, как у барашка, и он отводил глаза, словно опасаясь встретиться с ней взглядом. Может быть, он и вовсе не хотел брать ее в жены? Но глава рода Альмах решил, что дочь визиря — подходящая пара для его наследника, а удача их семьи сильнее проклятия, о котором уже бежали слухи по Харузе.

Через месяц после смерти Имрана его сестра встретила Наргис в ювелирной лавке и плюнула ей в лицо. Но плевков, не долетев, упал на платье, прямо на шитый золотом воротник, и Наргис боялась поднять руку, чтобы стереть его, а некрасивая смуглая девушка, тоже курчавая, как овечка, плакала, на глазах становясь еще некрасивее, и потом ушла, задыхаясь и вытирая лицо кончиками белого траурного платка.

«А ведь я действительно чудовище, — холодно и ясно подумала Наргис. — Мне их совсем не жаль. То есть жаль, конечно, но так, как бывает мимолетно и несильно жаль чужих людей, о смерти которых узнаешь и, сказав положенные слова сочувствия, тут же забываешь. Чужие... Кто-то другой плачет по ним, истекая слезами и кровью сердца, но не я».

Она бережно сложила письмо и положила его в шкатулку, помедлила, уговаривая себя закрыть крышку. Все равно ведь придется. Последний раз посмотрела на засушенный белый цветок, плоский, полупрозрачный, лежащий между двумя тонкими листиками бумаги... Запах давно выветрился, и алая сердцевина побледнела, цветок превратился в свою собственную тень. Совсем как надежды Наргис.

— Что ты знаешь о проклятиях, чинка? — прошептала она, сжимая тяжелую шкатулку между ладонями. — Говоришь, я не виновна? В этих пяти смертях — может быть. Но Аледдин... Или в том, что с ним случилось, нет моей вины?

«Вин-ны, вин-ны...» — стучала кровь в висках, и Наргис подняла руку к губам, то ли сдерживая стон, то ли прижимая их плотнее, чтобы боль прояснила сознание. Аледдин... Благородный, добрый, умный... Рожденный, чтобы украсить мир, сделать его справедливее и ярче! Разве заслужила она хоть каплю его любви? Или хоть единое слово из тех нежностей, которыми полны его письма, будто весенние реки — водой? Он, много лет умирающий заживо, сгорающий в пламени мучительной болезни, не винит Наргис ни в чем и даже не верит, что болен из-за нее. Но разве можно в этом ошибиться?

Шарифа ир-Гамалейди убил его собственный жеребец. Прекрасно выезженный, как говорят, бегавший за хозяином, словно собачка... Имран ир-Альмах порезался ножом, очистив персик, и в три дня сгорел от лихорадки. Динара ир-Малиса в саду посреди Харузы укусила степная гадюка. Кейрани ир-Маджар просто не проснулся однажды утром, его так и нашли в постели со счастливой улыбкой на бледных губах и письмом от визиря ир-Дауда в окостеневших пальцах. Отец Наргис писал о согласии породниться семьями...

Надир ир-Лейлах, последний... Все твердили, что выдавать девушку за мужчину, носящего то же имя, что ее брат, очень дурная примета! Но к ней уже давно никто не сватался, и отец был мрачен, а в его взглядах, которые Наргис то и дело ловила на себе, тлела тревога, будто угли под слоем пепла. И если о каждом из прежних женихов он рассказывал, спрашивая ее согласия, то имя Надира ир-Лейлаха Наргис услышала почти случайно.

Надир тогда чуть ли не впервые поссорился с отцом, ему жених с его именем чем-то очень не нравился. Чем именно — сестре он поведать отказался наотрез, но в доме после разговора Надира с отцом стало тяжело, как накануне грозы. А потом брат пришел к ней в комнату и сказал, что не допустит этого брака, даже если придется пойти наперекор отцовской воле. Найдется для Наргис кто-нибудь получше... Но ссор из-за этого у них с отцом больше не случилось, потому что тезка Надира, уже приславший ир-Даудам обручальный подарок, подавился вишневым косточкой. И лекари вновь оказались бессильны. Невозможно нелепая гибель и оттого еще более страшная...

Пятеро женихов — пять смертей. И лишь самого первого, в сердце Наргис так и оставшегося единственным, смерть не обошла стороной, но дала отсрочку. Жестокую отсрочку, более мучительную, чем немедленная казнь. Случайность? Невозможно! Если только не случится чудо, и смертный приговор Аледдина не будет отменен искусными лекарями или магами... Но в благие чудеса Наргис давно перестала верить, как и в искусство целителей.

Никто из них, прячущих глаза и бесполезно старательных, так и не смог спасти ее отца, матушку, маленького брата. И никто до сих пор не может помочь Аледдину. Только морской ветер Тариссы приносит облегчение, краткое и бесполезное, как капля воды, упавшая на губы умирающему от жажды. И нет им с Наргис ни утешения, ни надежды. Лишь редкие письма, тайные от всех. То ли слова, то ли стон боли, когда невозможно терпеть, но крик не выпускаешь наружу, переплавив его в отчаянную нежность строчек. И признаний в них можно не стыдиться, потому что безнадежность — второе имя этой любви.

Шкатулка вдруг показалась ей невыносимо тяжелой, словно в ней лежали не тонкие

листки рисовой бумаги, а мысли Наргис, передуманные за все эти годы. Мысли, сны, слезы... Только они и остались проклятой невесте, обреченной на вечную скорбь, так Наргис думала еще совсем недавно. А теперь?

Она бережно убрала шкатулку на место, поднялась и подошла к окну, не торопясь отдергивать полог. Комната, знакомая каждым уголком, каждой ниткой в ярком ковре и стежком в расшитых занавесях, казалась безопасной. А там, за окном, огромный страшный мир! И она в нем одна. Дядя и НаDIR далеко, да и чем они могут ей помочь?

Дядюшка — отважный военачальник, честный и добрый человек, но отец часто шутил, что даже новорожденный теленок больше способен к плетению заговоров, чем его драгоценный брат. Если бы Наргис могла укрыться от грозящей ей опасности за стеной клинков и щитов, лучшей защиты, чем дядя Хазрет, и желать было бы нельзя. Но что клинки и щиты тому, кто приходит в ночи в крепко запертую комнату и покидает ее легко, словно тень? Разве преградит ему путь честная сталь?

НаDIR же и вовсе не способен ее уберечь. Он не воин, не чародей, не искушенный в тайнах царедворец. У НаDIRа на уме только книги, музыка и картины — а от калама и кисти в этом деле толку мало. Ах, почему Наргис не родилась мужчиной? Она могла бы стать воином или магом, визирем или ученым — кем угодно! Она могла бы спасти себя сама! Впрочем, ей и так придется это делать...

Затаив дыхание, словно там, за окном, ее действительно прямо сейчас подстерегала беда, Наргис отдернула занавеси и жадно вдохнула вечернюю прохладу. О да, затвориться в комнате, окружив себя служанками, охраной и магами, безопаснее. Ее будут беречь, как величайшую драгоценность, и, может быть, неизвестный преследователь отступится... Но рано или поздно сокровищница станет тюрьмой, и Наргис в ней задохнется, как живой цветок становится собственной тенью между плотными листами бумаги, что сохраняют его форму и цвет, но отнимают аромат и саму суть цветка.

Значит — она будет сражаться. Не может быть, чтобы не нашлось средство против неизвестного, человек он из плоти и крови или нечисть, злой джинн, темная мара, приходящая в ночи. Гадалка Минри обещала ей помощь! А еще... Наргис вспомнила чужестранца, появившегося так вовремя, что это само по себе было подозрительно. Могут ли розы расцветать и умирать в одних и тех же руках? Нет, целитель Раэн, с его теплым взглядом и ласковой улыбкой, никак не походил на того, чей голос одним воспоминанием заставлял кровь Наргис застывать в жилах. Если только это не маска, чтобы подобраться к ней поближе...

Наргис встряхнула головой, отгоняя неуверенность, снова попытавшуюся змеей заползти к ней в душу. Отец говорил, что если с горы на тебя несется лавина, оставаться на месте опаснее, чем бежать. А еще он учил их с НаDIRом, что тот, кто сдается до боя, погибает раньше смерти. Отцу не придется стыдиться за нее. Дочь ир-Даудов сможет защитить свою честь даже ценой жизни, если не будет иного выхода. А там, за бездонной и вечной Бездной, которую пересекают отлетевшие души, она дождетсАледдина, и справедливые боги позволят им быть вместе... Но сначала она все-таки выдержит свой бой, каким бы трудным или безнадёжным он ни оказался.

— Почитать вам перед сном, дядюшка? Я нашел в своих книгах полный список «Поэмы о деяниях шахзаде Ирулана», — улыбнулся НаDIR, макая лепешку в мясную подливу. — С подробным описанием всех его военных походов!

— Э-э-э... не утруждайся, мальчик мой, — отозвался дядюшка, поспешно отводя взгляд. — Я лучше лягу пораньше, да и тебе советую, силы надо восстанавливать. Верно я говорю, Хазрет?

Скажи дядя, что солнце встает над Северными горами, а слоны летают по небу, подобно орлам, джандар ир-Нами и это подтвердил бы это. Возможно, даже под пыткой. Доедая последний кусочек тушеного ягненка, НаDIR беспрекословно выслушал от джандара, как им с дядей нужен отдых. Вот прямо сейчас, после ужина.

И двое воинов у двери его комнаты будут стоять лишь ради того, чтобы никто не осмелился потревожить покой высокородного. Да-да, как в это не поверить? А усиленный караул, который выставляют с той самой ночи, наверное, будет отстреливать

крикливых степных сычиков и ловить комаров — нечего им летать вокруг дома, тревожа дядюшкин и Надиров сон... О Свет, неужели эти двое, да продлятся их дни в добром здравии, вправду считают его таким глупцом?

— Как скажете, дядя, — легко согласился Надир, ополоснув руки, вставая из-за стола и почтительно кланяясь. — Позвольте тогда оставить вас. Пойду лягу...

— Иди, мальчик мой, иди, — вздохнул дядя с таким явным облегчением, что Надир едва удержался от фырканья и снова поклонился, пряча лицо.

Вернувшись к себе, он плотно прикрыл дверь, сел на застеленную покрывалом кровать, рассеянно погладил пальцами коробку с книгами. Губы сами собой растянулись в невеселой улыбке.

Мудрецы! Ну прямо Солнечный и Лунный визири, внушающие молодому шахзаде Ирулану, что слишком опасно вести войско в поход самому. Именно такая картинка с двумя хитроумными старцами и могучим, но глуповатым на вид шахзаде красовалась в первом свитке «Поэмы», который Надир действительно приготовил на случай, если дядюшка вдруг согласится. Хотя пожелай он и вправду остаться наедине с любимым племянником, это было бы воистину дивно.

Вот уже пятый день они сидят на проклятом постоялом дворе, и дядюшка держится стойко, словно он — осажденная крепость, а Надир — варварская орда под ее стенами.

О, со стороны все выглядит столь благопристойно и разумно! Конечно, это сломанная нога приковала дядюшку к постели, и неважно, что неделей ранее она совершенно не мешала ему ехать в паланкине. И охрана провожает Надира даже в отхожее место лишь из почтения.

Только вот обеды и ужины, за которые хозяин постоялого двора беспрестанно извиняется, с каждым днем все беднее и проще. Ягнятину сегодня подали без шафрана и розового перца, с одним лишь чесноком, словно в крестьянском доме, а похлебку воинам давно варят на топленом бараньем жиру вместо свежего мяса. Нет, Надир и бровью не повел за столом... Ничего удивительного, что любые запасы подойдут к концу, если принимаешь двоих высокорожденных со свитой. Однако дядюшка за постой платит не скупясь, и непонятно, почему хозяин не послал в ближайшее селение за припасами? Разве что ему запретили...

А еще охранники! Их осталось меньше дюжины, да и те сменяются слишком часто, чтобы отдохнуть, но не ропщут, не бросают кости на посту, даже когда думают, что их никто не видит, не выпрашивают стаканчик вина у служанок... И на лице джандара ир-Нами лежит вечная тень тревоги.

Вскочив, Надир подошел к окну, выглянул. Двое воинов так и стояли по обе стороны чахлого степного деревца, только ту пару, что была до обеда, сменила другая. И в этом тоже не было бы ничего странного, но... караул джандар упорно выставлял именно под его окном, не дядиным. Вот и стоит спросить себя, за кем на самом деле приходили те убийцы? И от кого почти всемогущий наиб целой области пытается уберечься, спрятавшись на постоялом дворе среди степи? Или... не уберечься, а выманив нападающих снова?

Нет, это уже глупо. Дядя не стал бы рисковать ни собственной жизнью, ни жизнью Надира — единственного наследника ир-Даудов. Именно потому что наследник — и единственный. Мысль отозвалась уже привычной горечью, однако худший вид лжи — ложь самому себе. Дядя его не любит. И даже не так... Считает бесполезным, не оправдавшим отцовских надежд, слабым... Вслух он этого, конечно, не говорит, но есть же у Надира глаза и разум, данный богами, чтобы понимать увиденное. Хазрет ир-Дауд бережет последнюю ветвь почти угасшего рода, но не считает племянника достойным даже правдивого разговора!

В окно потянуло ночным ветерком, но таким слабым, что даже занавеси не колыхнулись. Надир до боли сцепил пальцы перед собой, запрокинул голову, подставляя лицо черному шелку неба с крупной искристой россыпью звезд. Где-то внизу переругивались то ли служанки, то ли дочери хозяина — кто этих простолюдинок разберет? Блеяли овцы, тянуло кизячным дымком от очага, где варилась похлебка для охраны... Надиру вдруг

показалось, что вся прежняя жизнь в Харузе была лишь ярким сном: зелень садов, шумное многоцветье базаров, бесконечные улицы...

Неужели и правда он мог провести целый вечер, обсуждая с приятелем бейты древнего поэта? И существуют ли дворцы с бесконечными анфиладами прохладных даже в жару комнат, где можно откинуться на подушки и лежать, потягивая шербет, пока безмолвный раб мерно машет опахалом? Не приснились ли ему записки на шелковой чинской бумаге? Тонкая вязь изысканного почерка и скрытые игрой слов намеки, от которых внутри вспыхивает сладкий жар. Терпкий вкус гранатового сока на своих и чужих губах, шепот в темноте и клятвы, клятвы... Кто же им верит, этим полночным клятвам? Они рассыпались в песок раньше, чем остыл след нистальского жеребца, на котором Надир уезжал из Харузы. И это к лучшему, пожалуй.

Потому что все это мягкое, сладкое, домашнее, полное уюта, безопасности и уверенности, что так будет всегда, прошлое навсегда отделено кровавым росчерком сабельного удара.

Он потер чуть зудящий шрам на груди, повел плечами. Дядя считает, что лишь воины способны противостоять опасности. А вот отец понял бы... Солнечный визирь ир-Дауд, много лет охранявший ступени трона, знал, что худшая опасность не та, от которой можно защититься саблями верных джандаров, а та, что незаметно подкрадывается степной гадюкой, ядом в чаше, темным ночным кошмаром, от которого нет спасения. Если бы только узнать, о чем дядя и Хазрет говорили той ночью с Раэном?! Зачем целитель вернулся в Харузу, ведь не для того же, чтобы отвезти письмо, как простой гонец? А если и так, что в том письме? Дядя, старый хитрец, отмалчивается... Подумаешь, на отряд шахского наиба со свитой напали какие-то разбойники?

Да если бы с одним из чиновников отца случилось такое, степь загудела бы от конского топота. Воины пресветлого шаха отыскиали бы негодяев на земле, под землей и в небе, как говорится. Нашли, допросили, а потом казнили с подобающей суровостью. А тут наиба со всеми спутниками едва не убили! И что? А ничего... Только дядя прячет взгляд, когда говоришь об этом. И когда спрашиваешь про Наргис, оставшуюся в столице. И о целителе Раэне, то ли о могущественном чародее, то ли о воине, никто говорить не желает. И... И не многовато ли тайн, к которым Надира не подпускают, словно ребенка к краю пруда?

За окном послышался негромкий протяжный оклик, ему ответил второй: два караула проверяли друг друга. Надир пальцами растер ноющие виски, постарался успокоиться. Что толку бесполезно рвать сердце злостью и обидой? Отойдя от окна, снова сел на постель, взял коробку со свитками, лениво сдвинул верхний, выбирая, что перечитать на ночь... И замер.

Что-то было не так. Царапнуло, как булавка, оставленная в рубашке невнимательной швеей. Один свиток, другой... Все чистые, аккуратно сложенные... Запах! Надир поднял к носу коробку и принюхался — чеснок. Совершенно точно чеснок, но откуда? Он бы никогда не позволил себе взять книги грязными руками! Но запах, пусть и слабый, был совершенно отчетливым.

Надир поежился. И вдруг показалось, что караулы под окном и дверью — это не так уж и плохо... Нет, нужно успокоиться! «Страх — лучший друг опасности и злейший враг спасения», — всегда повторял отец.

Он снова понюхал коробку и осмотрел со всех сторон. Вроде бы чистая... Понюхал собственные пальцы — они не пахли ничем, разве что едва заметно розовым маслом — перед ужином он поменял рубашку на свежую, взятую из сундука именно с этим ароматом. Значит, свитки пахнут не его руками. А кто, спрашивается, мог зайти в комнату, пока Надира в ней не было? Это он спросит у охраны. Чуть позже спросит. Потому что это не главный вопрос, важнее — зачем.

Надир оглядел крохотную комнатку совсем по-новому. Узкая деревянная кровать, накрытая соломенным матрасом и грубоватым, но чистым бельем. Сундуки и коробки с вещами... Может, кто-то из слуг решил его обокрасть? Высокородного? Рискуя шкурой и головой? Разве что от великой глупости или не менее великого отчаяния. Например, украли какую-нибудь безделушку, надеясь, что ее не хватятся? Но украшения в шкатулке под замком, а пустяки вроде гребней, зеркала и баночек с притираниями —

кому они нужны? Не то...

В коробке со свитками нет ничего ценного, если только ты не знаешь, сколько стоит лист «Поэмы о жемчужных облаках», написанный рукой самого ее автора. И то еще нужно найти, кому продать такую редкость. Заподозрить в подобном слуг, самого хозяина или охрану — смешно...

Все-таки Надир, преисполнившись лихорадочного возбуждения, пересмотрел все свои вещи, а главное — перенюхал, благословляя нелюбимый запах чеснока за стойкость, а неизвестного мерзавца за неосторожность. Чесноком не пахло от укладки с одеждой и обувью, на шкатулке с драгоценностями посторонних запахов тоже не было... Но зачем кому-то копать в книгах?!

Небрежно засунутую в дальний угол коробку с принадлежностями для письма он взял уже из чистого упрямства. И от нее чесноком просто разило! Ну, хорошо, для обычного человека, может быть, и нет, но Надир много раз выигрывал споры, с завязанными глазами опознав из пяти-семи благовоний то, что было загадано. А они иногда отличались одной-двумя каплями душистого масла на флакон! Не о том он сейчас думает... Бумага, кусочки пергамента, чернильница, перья, флакон с чернилами... Зачем они кому-то?!

Он закусил губу, снова и снова перебирая заметки, сделанные от скуки еще в начале путешествия, рисунок безымянного степного цветка... набросок распластавшегося на траве коршуна — кто-то из охраны подбил его стрелой на спор... А потом, поняв, чего не хватает, резко вдохнул полной грудью, почти захлебнувшись воздухом, и медленно выдохнул. Еще раз тщательно перебрал все по листку — ошибки не было. Пропал всего один рисунок.

Это был то ли второй, то ли третий день после появления Раэна. Вечером на привале воины развели костер, и целитель сидел с ними, шутил, прикладываясь к фляге вина, которую пустил по кругу за знакомство, а Надир, устроившись поодаль, молча любовался им, как любовался бы прекрасным цветком, чистокровным жеребцом или безупречной жемчужиной. Такая непохожая, чуждая красота... словно сама не осознающая себя. Блики пламени ложились на лицо чужестранца, превратив его в изменчивую светящуюся драгоценность, и Надир потянулся за бумагой, боясь оторвать взгляд — вдруг наваждение исчезнет?

Не было времени растирать тушь или разводить краски, он схватил карандаш и принялся торопливо набрасывать портрет, ловя миг вдохновения. Раэн, словно почувствовав его взгляд, обернулся, насмешливо вскинул бровь, но ничего не сказал, только потом, на следующий день, в шутовском разговоре попросил показать, но Надир отговорился, что неоконченную работу не показывают...

Увы, поймать подобный миг больше не получилось, а когда Надир попытался просто нарисовать Раэна снова, на получившийся позор смотреть нельзя было без отвращения.

Кому же понадобился портрет бродячего целителя? Надир облизал пересохшие губы. В детстве одной из любимых игр у него была «Тысяча лепестков», когда красивую картинку разрезают на множество кусочков, из которых нужно снова собрать целое. Совсем как сейчас... Наргис, дядя, разбойники, джандар и его люди, вор, таинственный целитель... Чудесная игра, не будь ставкой в ней столько жизней.

Он снова поехал от пробежавшего по спине озноба. На этот раз дядюшке не удастся сбежать от разговора. Да, непослушание старшему в роду — великий грех, но Надир — сам наследник своей ветви. И за род, от которого остались только они с Наргис, он отвечает и перед богами, и перед родителями. Слишком много теней окутывает ир-Даудов, и среди этой тьмы, на время затаившись, прячется смерть. Уехав из Харузы, они с дядей лишь на время сбили ее со следа, но Наргис осталась там! Благие боги, защитите ее, пока Надир попытается распутать этот змеиный клубок!

ГЛАВА 13. Девять хвостов Серого Лиса

Раэн легким касанием проверил чувства Зеринге. Настороженная готовность отразить удар, упрямое сопротивление... Халид изо всех сил пытался возвести между ними стену, пользуясь показанным приемом сосредоточения, и у него отлично получалось. Ничего, зато при деле и не думает о всяких глупостях. А заодно и от внушения Лиса прикроется. Оборотень не пустил в ход и половины своего легендарного обаяния, но Раэн уже ощущал, как нарастает звенящее тугое напряжение, укрывающее чинца, будто щит.

— Разве я препятствую, Хранитель? — усмехнулся Лис одними губами, и в его глазах заблестели насмешливые искорки. — Тебе нужен кто-то из моих детей? Ищи. Весь дом к твоим услугам, хоть это и против правил приличия.

— И ты говоришь мне о правилах? — тихо сказал Раэн, едва узнавая собственный голос. — У нас был договор, Лис. Я позволил тебе жить на моей земле, я закрыл глаза на многое. Рожденный с клыками не станет есть траву. Хищники тоже имеют право взывать к Равновесию, и я учитывал это. Но ты перешел грань. Бешеные звери заслуживают одного милосердия — быстрой смерти.

— Слова, слова... — Оборотень покачал головой, как фарфоровый болванчик из тех, что продаются в чинских лавках, и шелк его многослойных одежд зашелестел в тон вкрадчивому голосу. — В чем ты меня обвиняешь? В смерти человеческого детеныша? Я не велел ее убивать. Мальчики просто заигрались. Разве ты станешь отнимать у кошки живую мышь, принесенную котяткам для учебы? Или у лисят — полузадавленного зайца? Ты и сам признал, что мой народ — хищники, охота — наше святое исконное право.

— Тогда право человека — содрать с лисы шкуру на воротник! — выплюнул Раэн. — Особенно, если она заигралась и начала давить кур не ради еды, а ради забавы. Хватит болтовни, Серый. Где девочка?

— Ищи, — развел руками Лис, улыбнувшись. — Что найдешь — все...

— Мое! — закончил Раэн, резко взмахнув ладонью.

Тяжелый кулак Силы ударил Лиса в грудь, сбил с ног и швырнул на стену. Мелькнул разноцветный ворох шелка — и тут же в ушах лопнувшей струной зазвенело сбитое заклятье, которое Лис готовил. Что-то смертельно острое, тонкое и ядовитое, скрытое запахом благовоний и павлиньим богатством красок.

Гром-камень Раэн в последний миг перекинул в другую руку, и ужас, вспыхнувший было в глазах Лиса, почти сразу исчез. Прижатый к стене, оборотень шевельнул губами, и Раэн тут же отвесил ему свободной ладонью нематериальную, но увесистую пощечину Силой. Из разбитых губ Лиса потекла струйка крови, почти незаметная на алом шелке узорчатого верхнего одеяния. Оборотень облизнул губы и улыбнулся.

— Проливший кровь первым навлекает гнев богов, — сказал он удивительно спокойно.

Стены, пол и потолок отозвались низким тяжелым гудением, словно сотни пчелиных роев разом вылетели из ульев, коридор задрожал, подернулся маревом... Сзади шумно вдохнул Халид, но промолчал, только страхом от него повеяло ошутимее.

— Тебе виднее, — согласился Раэн. — Где Джеди? Спрашиваю последний раз.

— Ищи, — кровью сплюнул Лис на пол и поднял застывшее лицо с торжеством в глазах. — Что, подожжешь дом вместе с ней?

Распятый на стене, он нисколько не боялся, напротив, в черных глазах металось глумливое торжество.

— Не подожгу, — с ледяным спокойствием ярости сказал Раэн. — Ты велел уходить всем, верно? Детей и женщин в доме нет... Тех ублюдков тоже спрятал? Но ты, Лис, ты остался здесь. Богами клянусь, не скажешь правду... — Он вдохнул горячий тяжелый воздух, почему-то запахший гарью, и продолжил: — Я скормлю тебе память Марей. Всю, до последнего мига, до мельчайшей капли боли. А потом снова и снова. Не знаю, сколько ты выдержишь, но я буду тащить тебя через ее воспоминания к Бездне раз за разом, а

потом выволакивать за шкуру и снова гнать в боль и мрак... И даже в смерти ты от меня не спрячешься...

Он наконец понял, откуда пахнет паленым. Это его злость просочилась наружу огнем. Края роскошных одеяний Лиса потемнели и скрутились, вверх от них ползли темные дорожки гари, вонь уже заполняла комнату, и лицо Лиса дрогнуло.

— Договор? — спросил чинец все еще хладнокровно, но страх сменил усмешку в его глазах. — Я отдаю девочку, и ты уходишь...

— Никакого договора, — рыкнул Раэн, отпуская на волю упоительную волну бешенства.

Алый шелк на Лисе вспыхнул и осыпался пеплом, обнажая многочисленные нижние сорочки. Ударом Силы Раэн оторвал оборотня от стены и, распахнув ближайшую дверь, швырнул в проем. Шагнул внутрь, и наемник молча вошел следом.

Комната оказалась небольшой, без окон и с единственной дверью, захлопнувшейся за их спинами. Халид встал возле нее, держа руку на эфесе сабли, а Раэн окинул взглядом обитые синим шелком стены и неприменный ковер на полу, на этот раз пестрый. Низкий широкий стол у противоположной стены, диван справа от него, тоже низкий, но все-таки не чинские циновки, а местное мягкое ложе. На столе — подсвечник с полудюжиной горящих свечей...

— Никакого договора, — повторил он Лису, с бессильным бешенством глядящему на него с пола. — Я не хотел мारаться, но потерплю.

Убрав гром-камешек, он вскинул обе руки, развернув их ладонями к Лису, повел плавно, набрасывая первую магическую сеть. Оборотень забился в ее тисках, запутываясь все сильнее, его лицо искажилось, а Раэн добавил сверху еще слой, прикинув, что понадобится не меньше пяти, а то и больше, чтоб сдержать такого матерого противника. Притихший было дом загудел снова, стены затряслись, но Раэн шевельнул рукой, сжимая невидимой хваткой горло Лиса, и тот все понял верно — его логово откликнулось мгновенной мрачной покорностью, затаившись.

Третий слой... Раэн вызвал в памяти окровавленное тело Марей. Посмотрел в глаза Лису и позволил увидеть, разделив с ним и горький привкус крови во рту, и вонь близкой смерти, и отголосок чужой боли... Сделал шаг вперед, готовясь дернуть — и утащить сознание оборотня за собой в обещанный ад.

— Нет! — закричал Лис, пытаясь приподняться. — погоди!

Подавшись вперед, он торопливо зачистил:

— Я просто хотел договориться с Минри! Я предложил ей объединиться! Мы стали бы повелителями всей Харузы! Да что там — шахства!

Он облизал губы, глядя на Раэна снизу вверх, и продолжил с бесстыдной откровенностью:

— Ну что ей за дело до этого Пестрого Двора? Я бы их не тронул! Так, иногда кормился. Ну, поиграли бы мои детки... Я же предложил ей намного больше! Себя!

— Что? — слегка растерялся Раэн. — Себя? Ты...

— А что такого? — ощерился Лис мелкими острыми зубами. — Мы могли бы стать парой. Я бы даже разрешил ей оставить эту девчонку. Человеческая мерзость... Но пусть, если ей так хочется. А она отказала! Мне! Надменная дрянная девка с водой в жилах вместо крови! Я всего лишь хотел, чтобы она пришла и попросила...

— Хватит, — сказал Раэн непослушными от злости губами. — Где Джеди?

— Наверху, — торопливо отозвался Лис. — Последняя комната по коридору.

— Одна?

Взгляд Лиса дрогнул на неуловимое мгновение, и Раэн усмехнулся. Этой усмешки

хватило, чтобы оборотень обреченно выдохнул:

— Демон. Ее караулит мелкий демон. И те трое под дверью. Снаружи.

— Условие? — понимающе уточнил Разн. — Лис, я ведь вернусь. В любом случае.

— Надо войти в комнату в одиночку, — чуть-чуть растянул губы Лис в подобии своей прежней уверенной улыбки. — Всего лишь.

И все? Разн досадливо закусил изнутри губу. Слишком просто... Потом оглянулся на Халида, предусмотрительно держащегося подальше от стены и двери, но так, чтобы видеть всю комнату. Ну да... Он обязательно пошел бы туда с наемником, верно? Вдвоем легче. Надежнее. Один может забрать ребенка, второй — прикрыть. И стоило бы им шагнуть на порог...

— Если демон убьет девочку, я вернусь, чтобы содрать с тебя шкуру, — просто и спокойно сказал он оборотню. — Живьем. Так что подумай.

— Клянусь, — шепнул Лис, не отводя взгляда. — Если войдет кто-то один, демон ей ничего не сделает. Но нападет на незнакомца. Я могу... могу забрать ее для тебя. Ты подождешь под дверью...

Коридор этого этажа. Лестница на второй. Коридор там. И на каждом шагу — смертельные ловушки. Разн чувствовал их даже отсюда, как сейчас чувствовал вонь от спаленной одежды Лиса. И Зеринге, которого придется брать с собой третьим, не оставлять же его здесь на съедение лисьему логову, давно превратившемуся из обычного дома в ту еще кроважадную тварь. Значит, придется следить и за наемником, и за Лисом. А там три молодых оборотня, озверевших от страха и крови, знающих, что он придет за их головами. И достаточно им войти к девочке, как сработает условие демона...

Значит, брать с собой никого нельзя. В одиночку он подберется к этой троице достаточно скрытно, чтобы отрезать от двери, а демон... Да и плевать. Один мелкий демон ему не преграда. Напротив, долго копившаяся злость требует выплеснуть ее в бою и закончить проклятую ночь!

— Зеринге, — окликнул он наемника. — Останешься с этим.

Халид мрачно кивнул, но Разн снова прикусил губу, глядя на оборотня, ответившего слишком невинным и покорным взглядом. Счет на мгновения, а заткнуть Лиса не выйдет ни простым кляпом, ни магическим. Слова и иллюзии — суть этого поганого народца, морочить голову он сможет, даже если ему язык вырвать. Стукнуть по голове? А вдруг демон завязан на хозяина так тесно, что вырвется, стоит тому потерять сознание? Ладно... Нельзя вечно водить свою Тень в строгом ошейнике. Рано или поздно придется его спустить с поводка, почему бы и не сейчас?

— Не слушай Лиса, — попросил он, не особо надеясь на успех, и вышел.

— Так значит, это ты его новая Тень, о доблестный воин? — снова раздался голос чинца, стоило Разну исчезнуть за дверью.

— Замолчи, — бросил Халид, напряженно прислушиваясь, не звякнет ли где-то рядом оружие, не выдаст ли скрытого врага шумное дыхание или неосторожный шаг, пусть и по толстым коврам.

— О, не тревожься, — усмехнулся Серый Лис, удобнее устраиваясь на полу и глядя на Халида спокойно, будто он был званым гостем, любезным сердцу хозяина. Теперь, когда чародея рядом не было, страх из голоса чинца испарился быстрее, чем капля воды, упавшая на полуденный песок пустыни. — Мои домочадцы никогда не позволят себе прервать нашу беседу. Тебе нечего опасаться, ведь ты мне не враг.

«Уж точно я тебе и не друг», — хотел сказать Халид, но промолчал, подозревая, что его все-таки отвлекают от того, что происходит в доме.

— А ведь я мог бы исполнить твое самое заветное желание, — вкрадчиво сказал оборотень и безмятежно улыбнулся Халиду. — О, как сверкают гневом твои глаза... Но ведь ты благороден и не ударишь безоружного? Я вижу твое сердце, воин, и пусть на

твоих руках немало крови, но до сих пор ты даже в этом шел путями чести. Ты убийца, но не мучитель...

— Но я могу заткнуть тебе рот, — еще холоднее пригрозил Халид, глядя на круглолицего узкоглазого чинца, такого беспомощного в своих цветных шелках, такого... обычного.

Разн говорил, что Лис коварен. Но что он сделает против сабли, на которую косится с явной опаской? Хватит мгновения, чтоб Ласточка вылетела из ножен.

— Можешь, — невозмутимо согласился тот. — Но не мудрее ли будет выслушать меня? Неужели ты не хочешь узнать, как получить свободу?

И продолжил еще вкрадчивее, пытаясь поймать взгляд Халида:

— Я вижу, твои рабские узы совсем еще свежи. Прости, что невольно оскорбляю тебя, но ведь ты сам предпочел бы услышать правду, а не сладкую ложь? Хранитель называет тебя своей Тенью, но мы оба знаем, что это такое на самом деле. Жить и умереть по его воле — разве этого ты хотел от своей судьбы?

— А ты решил спасти меня из великой доброты? — ухмыльнулся Халид, немного успокаиваясь.

Нападать на них, чтобы отбить пленника, похоже, и вправду никто не собирался. А что до болтовни — пусть говорит, что угодно, Халид не такой дурак, чтобы поддаться на уловки.

— Ну что ты... — разулыбался Лис в точности, как любезный трактирщик, предлагающий кушину самого лучшего аккамского в три раза дешевле, чем на рынке. — Доброта — слишком фальшивая монета, чтобы платить ею за истинно дорогие услуги. Но мы могли бы помочь друг другу... Еще не прошло трех дней и ночей с тех пор, как ты стал Тенью, и связь можно разорвать. Только спроси меня — как?

Халид промолчал. Не то чтобы он не поверил... Но как бы цена не оказалась выше, чем Зеринге может заплатить. И все-таки приманка была такой соблазнительной! Он даже вспомнил слова чародея и снова перебрал в памяти звезды Лучника, но никаких признаков наваждения не заметил. Сознание не туманилось, мысли текли ровно и ясно.

— Понимаю, ты мне не доверяешь, — безупречно угадал Лис. — Но я ведь и не притворяюсь твоим другом. Я не предлагаю тебе золото или свое покровительство... Хотя мог бы дать и то, и другое. О, ты даже не представляешь, сколько я мог бы дать тому, кто мне поможет. Но разве свобода — не самое дорогое, что у тебя есть? Точнее, было?

— Прекрати, — процедил Халид, трогая холодную рукоять Ласточки. — Или...

Наверное, стоило так и поступить. Заткнуть Лису рот — и пусть ждет чародея, не изливая сладкую отраву слов. Стоило...

— Разве Разн не говорил тебе, что такие, как я, не лгут? — Голос Лиса звучал тихо, но четко. — Я могу играть словами, но сказать прямую неправду не способен, как ты не способен летать или дышать водой вместо воздуха. И я говорю тебе, воин, что могу научить тебя, как освободиться. О да, это будет больно, очень больно — скрывать не стану. Однако сильный молодой храбрец вроде тебя вполне может вытерпеть эту боль и остаться жив. Впрочем... возможно, я ошибаюсь, и ты смирился с той судьбой, что тебе навязали? Готов есть из его рук, будто преданный пес, и ласкаться, когда тебя погладят...

Халид дернулся встать и все-таки заткнуть рот подлой твари, но шепот звучал в его ушах, отзываясь в смятенном разуме, и каждое слово безошибочно било в цель. Да, Разн сам говорил, что Лис не врет! Значит... Значит, он может подсказать путь к свободе. Осталось узнать цену.

— И чего ты хочешь? — хрипло спросил он, все-таки старательно не встречаясь с оборотнем взглядом. — Чтобы я тебя отпустил?

— Тогда мы оба умрем, — снова совершенно разумно и правдоподобно заметил Лис. — Хранитель не простит тебе неповиновения, а мне...

— Своей ученицы, что ты велел замучить, — подсказал Халид, чувствуя себя мерзкой тварью еще хуже Лиса.

Если он согласится, фокусница Марей останется неотомщенной. А ведь еще есть девочка, за которой пошел Разн!

— Я этого не велел, — с искренним сожалением в голосе вздохнул Лис. — Клянусь тебе, что не приказывал пытаться или убить эту бедняжку. Мои посланцы посвоевольничали и будут наказаны. Я даже согласен отдать Минри ее дочь и примириться, попросив прощения. О, с ней-то я договорюсь за нас обоих. Оскорбленная женщина в гневе страшна, как пустынная буря, но тебе ли не знать, что даже самум проходит над головой терпеливого и умелого караванщика. А то, что сделано ради любви, женщины прощают охотнее всего.

Поверить или нет? Конечно, Лис хочет его использовать! Да и кто бы на его месте не ухватился за единственную возможность ускользнуть от возмездия? Но если он скажет, как освободиться от Уз Тени... И вернет девочку! То... В конце концов, Халид никогда не хотел вставать между тайными властителями Харузы даже за очень большие деньги. Так что ему бы только сбросить ошейник, и только его в столице и видели — сбежит на другой край света! А здесь почтенные господа колдуны и оборотни пусть хоть глотки друг другу перегрызут.

— Я вижу, ты колеблешься, — мягким, как лучший чинский шелк, голосом сказал Лис. — Время, что нам отпущено, уходит, как вода в песок, но я все-таки успею рассказать тебе маленькую историю. Ты никогда не спрашивал Хранителя о его прошлой Тени?

Он поймал взгляд Халида и позволил себе чуть заметную улыбку, видя, как Зеринге невольно насторожился.

— Не спрашивал, — удовлетворенно мурлыкнул Лис. — А между тем, это весьма поучительно.

В темных глазах чинца блеснул огонек, когда он слегка наклонился в сторону Халида и неторопливо продолжил:

— Однажды случилось так, что некий лихой искатель удачи попался в руки стражей закона и был отдан палачам. Обычай моего народа запрещают лгать, и потому я не скажу с уверенностью, кто его выдал, потому что не знаю этого. Но могу поклясться, что в тот миг, когда юношу вели на казнь, у подножья плахи оказался Хранитель Разн. Простое совпадение, конечно же... Он предложил жизнь в обмен на службу — и обреченный согласился.

Рукоять Ласточки снова попросилась в ладонь, но теперь уже показалась горячей, и Халид отметил это краем рассудка, похожего сейчас на пустыню, где над барханами осторожности уже рождалась буря гнева. Случайность?! Да, Разн намекнул, что сотнику ир-Мансуру Халида отдал его же наниматель, но что, если... Нет-нет, нельзя верить! Во всяком случае, без доказательств. А их не будет, потому что эти два паука, Хранитель и Лис, сплели из чистой правды уже такую сеть лжи, из которой не выберешься. «Но любую сеть можно разрубить одним ударом сабли», — беззвучно шепнул ему тихий голос из глубин собственного разума.

— Говорят, они неплохо ладили для раба и хозяина, — вкрадчиво сказал Лис, опять ловя взгляд Халида. — Хранитель был заботлив и великодушен, и узы, связавшие их, показались его Тени не стальными кандалами, а шелковыми лентами.

«Ешь пирожки, пока теплые... — всплыло в памяти Халида. — За сабли работы Малхата Рыжего не золотом, а алмазами платить нужно... В руки не прошу — так покажи...» Заботливый — это верно. И великодушный. Ни разу не преступивший грань учтивости... Будто и не хозяин, а покровитель и друг. И ты поверил, Зеринге? Нет, конечно. Тебе не нужен сладкий голос Лиса, чтобы знать и помнить непреложную истину: не бывает дружбы между хозяином и рабом.

— И потому, когда Хранитель захотел от своей Тени большей близости, чем позволяют приличия, у юноши не нашлось причин ему отказать. А может быть — смелости... Ведь самый лучший хозяин может оказаться не так уж добр и ласков, если преклословить ему

в мелких прихотях. — Лис улыбнулся непроницаемой чинской улыбкой, и Халид только стиснул зубы, промолчав, но превратившись в чутье и слух. — Их часто видели тогда, знаешь ли... Молодой человек и так был хорош собой, а уж наряженный в шелка и драгоценности и вовсе одним своим видом ласкал зрение. Помню, глаза у него были редкостно красивые.словно синие горные озера, блистающие на солнце. При этом отменный воин и верная Тень — как же не баловать такого?

«Да и цвет глаз очень уж заметный... жалко... чистого янтаря не встречал...» — снова вытолкнула память, будто наконецник стрелы из раны.

— Я не ханжа, поверь мне, воин, — лился жидким медом голос Лиса, — и не стал бы ставить в укор то, что случается между двоими на любовном ложе. Если, конечно, это на радость обоим и по согласию. А этот юноша казался таким счастливым, что даже самому глупому лисенку было видно: он отдал хозяину не только свободу, но и сердце в придачу.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — не выдержал Халид, уже не зная, чего хочет больше: чтобы Раэн пришел прямо сейчас и прекратил то, что грозит завести слишком далеко, или... чтобы не возвращался как можно дольше. — Что мне за дело до подобных непристойностей?

— Никакого, конечно, — одними губами улыбнулся Лис, глядя на него холодным тяжелым взглядом. — Прости, я постараюсь покороче. Однажды этот красивый и храбрый шайпурец — да-да, он был из Шайпура, — попался на глаза Минри. Небесноокой Минри, яшмовому зеркалу вечности, воплощению нежности и страсти. И она попросила его у Хранителя себе в подарок. Разве можно отказать прелестной женщине и могущественной колдунье в маленьком капризе? Когда желание утолено, а красивых юношей и славных воинов так много вокруг — найдется и новая Тень, и новый любовник, верно? Хранитель исполнил просьбу — и его шайпурский сапфир стал возлюбленным госпожи Минри.

— Не самая худшая судьба, — бросил Халид.

Ему вдруг стало жарко и холодно одновременно, во рту пересохло, но мысли никогда не были так пронзительно ясны, как сейчас. Лис смотрел на него черными глазами, похожими на глаза Раэна, а может, наоборот, у чужестранца были глаза чинского оборотня. Все они одной проклятой породы!

— Если бы только любовь Минри не стоила ее возлюбленным так дорого, — прошелестел голос Лиса почти на ухо Халиду, хотя оборотень и с места не сдвинулся, между ними так и было шесть шагов, не меньше. — Она, знаешь ли, пьет чужие жизни, как ты — кофе или вино. Лакомится ими, высасывая жизненную силу, словно паучиха Черная Вдова — соки совокупившегося с ней самца... Таким, как я или Хранитель Раэн, это не страшно, а вот люди... Не прошло двух или трех лун, как от сильного и отважного юноши, цветущего силой молодости и подобного горному барсу, осталось бледное отражение его прежнего. Говорят, они сначала встречались на ложе втроем, и лишь потом Минри забрала его окончательно, однако я не буду врать, поскольку не знаю доподлинно. Люди многое говорят... А вот то, что еще через луну шайпурца похоронили, в этом я могу поклясться.

Он растянул губы в улыбке, в которой не было ничего человеческого, жадной и какой-то отвратительно мечтательной. Но тут же, словно опомнившись, мгновенно скрыл раскрывшееся нутро нелюдя за маской учтивого безразличия, добавив:

— Но тебя, разумеется, ожидает иная судьба, о воин. Хоть ты и весьма хорош собой. Да и жизненных сил в тебе немало...

— Говори, — едва разжав стиснутые до боли зубы, процедил Халид. — Как?

Лис, встрепenuвшись, склонил голову набок, будто прислушиваясь к чему-то, и Халид увидел, как ухо чинца, обычное, круглое, на глазах вытягивается вверх, заостряясь краем и покрываясь огненно-рыжей шерстью... Халид моргнул — и тут же все исчезло, а Лис удовлетворенно улыбнулся и весело сказал:

— Ну вот, кажется, мне не придется наказывать своих непослушных молодых родственников. Что ж, из них все равно не получилось бы ничего путного. Вызвать гнев Хранителя, а потом не убраться вовремя с его пути — ах, какая глупость!

Вопроса он будто не заметил, выжидающе глядя на дверь, и томительное тянущее чувство тревоги предупредило Халида о приближении Раэна на несколько драгоценных мгновений раньше, чем это мог бы сделать слух.

— Ты и сам все знаешь, — мягко укорил его Лис, продолжая улыбаться. — Я лишь немного помогу. Да не выдаст тебя твое горячее сердце...

И он, слегка вытянув губы, дунул в сторону Халида, будто гася свечу.

Мир вокруг стал невыносимо холодным, будто сам воздух превратился в жидкий лед и теперь обжигал тело изнутри, а потом, ломаясь при дыхании, еще и резал его. Но боли не было, только чувства пропали. Ни ненависти, ни возмущения, ни страха... Ни одного колебания души, которое мог бы уловить чародей у своей Тени.

Дверь открылась, на пороге появился Раэн. В его руках лежала одетая в пестрые лохмотья девочка лет четырех-пяти, то ли крепко спящая, то ли без сознания. Рубашку Раэна, некогда белую, покрывала копоть, а на правом плече виднелся длинный разрез и брызги крови, но Халид поставил бы золотой против медяка, что это чужая кровь, а клинок, рассекший ткань, не задел кожу — слишком легко двигался чародей, да и девочку придерживал этой же самой рукой, не думая ее поберечь.

Халид молча смотрел, как Раэн подходит к свободному дивану и кладет на него драгоценную ношу, как поворачивается к ним обоим, глядит, сузив глаза, на Лиса, ответившего ему непроницаемым взглядом...

Лис не дал ему оружие, но он прикрыл его, словно щитом, и Халид без тени сомнения знал, как этим даром воспользоваться. Безупречно ясно... С той восхитительной обреченностью, когда понимаешь: проигрыш хуже смерти, но победа стоит риска.

Лис что-то сказал, Халид видел, как шевелятся его губы, но слов не слышал. Все звуки и запахи растворились, исчезли. Раэн повернулся к оборотню, беззаботно подставляя спину. Конечно, разве не долг Тени — эту спину беречь? Как Халид оказался на ногах, он и сам не понял. Весь мир окончательно исчез, сузившись до клочка потемневшей ткани, обтягивающей плечи и лопатки чародея. Второй случай... После того, в коридоре. И последний. Третьего не будет.

Ласточка пела в руке. Или рыдала? Он ждал боли, готовый принять ее как справедливую плату за попытку, но боли не было. Зато накатила сушь во рту, заставляя откашляться, но Халид сдержался, глотнул пересошим горлом... Лис опять что-то сказал, брови его поползли вверх, уголки губ, напротив, в стороны, и по тому, как медленно это было, Халид понял, что оказался в кошмарном сне наоборот: не таком, когда ты пытаешься что-то сделать и не можешь, а когда, напротив, все вокруг замирает, оставив тебя сильным, быстрым, ловким... Неудержимым. А мгновения все текли, не останавливаясь, быстро, будто кровь из рассеченного горла, и так же безнадежно.

Шаг, второй. Легкие, скользящие, как змеиный бросок. Даже королевские кобры приручаются, но только не зеринге! Спина Раэна была совсем рядом, и, когда сабля в руке Халида взлетела, чтобы наотмашь рубануть шею, — это был безупречный удар! Телом, разумом, сердцем, всем существом! Халид чувствовал себя цельным, блистающим и твердым, как алмаз. Ничего, способного затуманить эту победную бесстрастность! Третий шаг и...

Лезвие Ласточки вдруг блеснуло, опускаясь... И Халида, лишённого всех прочих чувств, насквозь пронзило безумно глупое, нелепое сожаление. Первый удар его красавицы-сабли — в спину. Никогда она не станет воплощением чести и доблести среди оружия. Никогда не простит ему, что осквернил ее подлостью. И пусть иначе нельзя, но... стыдно...

Тысячью хрустальных осколков разлетелся, звеня, застывший мир. И в последнее мгновение, равное крошечной доле вдоха, Раэн немисливо извернулся, уклоняясь, почти упал, но перекатился, вскочил, махнул рукой — и Лис обреченно и задушенно взвыл, а Халид осел на пол, корчась от боли, но так и не выпустив рукоять сабли.

— Болван! — выдохнул чародей, и Халид, на которого разом обрушились все краски, звуки, запахи и ощущения, молча согласился.

Он бы себя еще и не так назвал! Безмозглый кусок дерьма — самое слабое... А вот вкус во рту только один — крови. То ли губу прикусил, то ли нутром пошла.

Раэн, взглядом сковавший его так, что Халид не мог шевельнуться и с трудом дышал, снова обернулся к Лису.

— Вот теперь у меня не осталось ни одной причины тебя пощадить.

От ярости, расплавленной лавой кипящей в голосе чародея, у Халида побежали мурашки. Лис же только улыбнулся своей невозмутимой улыбочкой и пожал плечами, будто признаваясь в неудачной шутке.

«Первая звезда в колчане — голубая Эль-Мар... — отстраненно подумал Халид, цепляясь за этот странный, но действенный способ сохранить рассудок. — Лучше бы тебе меня убить, иначе все равно не прощу... Вторая — желтая Эль-Руин... То, что сделал Лис, сможет и кто-то другой, а я больше не поддамся слабости... — Халид бы усмехнулся, если б хотя бы губы слушались. — Может, и не убьет. Накажет, конечно... Больно или постыдно, а может, то и другое. Должен ведь он ради этого снять маску добрячка? Вот и хорошо. Лишь бы только... — Некстати появившаяся мысль подняла изнутри тошноту, стоило представить, каким может оказаться наказание, если мерзкий рассказ Лиса — правда... — Нет, нельзя думать об этом! Зеринге, осел, да станешь ты воистину безмозглым, чтобы ни одна подлая мысль не выдала твоих уязвимых мест. Третья звезда — Эль-Гару, мерцающая в ясную погоду...»

— Я должен подумать, что ты собирался это сделать? — прозвучал чинский выговор Лиса с невозмутимой и оттого еще более ядовитой издевкой.

— Собирался, — тихо сказал Раэн. — Ты заслужил смерть за то, что сделал с Марей, но я дал бы тебе возможность уйти...

— И оставить Харузу? Своих родичей, свою землю? Ты смеешься, Хранитель?

Невозмутимость слетела с Лиса, как маска. Глаза его горели, а уши снова потянулись вверх, и теперь уже не казалось, что это наваждение. Обычные такие уши, рыжие, острые... Лисьи.

— И я должен поверить в твоё великодушие?! — выплюнул он. — О да, ты им славись... Но кого ты обманываешь, Раэ-эн... — протянул он имя чародея с певучим чинским выговором. — Кому пытаешься доказать, что защищаешь людишек, этих никчемных, слабых, жадных и подлых паразитов? Тебе просто нравится драться, а среди людей достойных противников не сыскать, вот ты и делаешь их предлогом, чтобы нарваться на схватку с другими бессмертными...

Раэн молчал, и Халид перевел дыхание: паралич не отступил, шевельнуться он по-прежнему не мог, но если гроза обрушится на чинца, может, сам Зеринге ее отголоски переживет? А Лис продолжал, и теперь даже Халиду был слышен страх и отчаяние в его голосе:

— Это всего лишь люди! Краткоживущие, грязные, невежественные тварюшки. Мы с тобой от них так же далеки, как алмаз — от угля! Они не стоят ни твоей, ни моей смерти...

Он перевел дух, и Раэн насмешливо уронил:

— И потому ты совратил мою Тень и натравил на меня — чтобы не убить ненароком?

— Ты сам меня вынудил! — возразил Лис. — Ну что тебе за дело до этой ведьмы? Ты считаешь меня мерзостью, но разве она лучше? Я ишу пропитания и спокойной жизни, она же возомнила себя богиней. Меняет судьбы, а сама — обычная кровопийца! Раэн...

Из испуганного его тон стал по-прежнему мягким, приобретая чарующие нотки, такие доверительные, искренние... Халид с тоской посмотрел на Ласточку, чье лезвие сверкало так близко — но не поднять. Хоть кого-нибудь бы из этих двоих убрать — и можно считать, что сдох не зря. Хотя он ведь еще надеется выжить, правда? А может, молить надо как раз о смерти.

— Фокусница Марей, — напомнил Раэн, делая шаг к Лису. — Ради пропитания такое не творят. А еще ты пытался отнять у меня Тень.

— Да он был счастлив тебя убить! — крикнул Лис, лицо которого тоже начало меняться: от ушей вниз и в стороны поползла рыжина, окрашивая и волосы, и голую кожу, нос заострился и вытянулся.

— Не могу его в этом винить, — спокойно сказал Раэн. — Кто угодно собственную мать захочет убить, если на это станешь уговаривать ты. Какая же ты дрянь, Лис. На что ты растратил дарованное тебе могущество? На запугивание лавочников и ремесленников? Воспитание безнаказанных выродков? Твоя хваленая мудрость стала ядом, Серый. И мне придется это прекратить.

Он встал возле Лиса, с которого стремительно слетали шелковые одеяния, пышным цветным ворохом опадая вокруг похудевшего тела. Развернулся вполоборота, так что Зеринге видел их обоих, Лиса — в лицо, а чародея — сбоку.

— И кто назначил тебя судьей и палачом? — прошипел оборотень.

Звуки человеческого голоса из оскаленной пенящейся пасти звучали дико и мерзко. Раэн же, грязный, бледный и уставший до предела, как вдруг понял Халид, выглядел странно торжественно и печально.

— Тот, кто позволил тебе творить зло, — сказал он негромко. — Ты же умен, Лис, уж ты-то должен понимать, что только мы сами позволяем себе все, что делаем. Если бы те трое не любили мучить и убивать, твое разрешение не заставило бы их истязать девочку. Если бы Зеринге не хотел освободиться... И если бы мы с тобой не были теми, кто мы есть.

Он пошевелил пальцами рук, и Лис тоненько завыл, пытаясь отползти:

— Пощади-и-и...

— Я судья и палач, — бесстрастно напомнил ему Раэн. — Я — хранитель равновесия. Какое милосердие окажу я тому, кто не оказывал его сам?

Он поднял руку, и Халид увидел блеснувший в ней длинный широкий нож. Тело Лиса уже полностью покрылось пышной рыжей шерстью, все еще сохраняя человеческие пропорции, но от бедер раскинулся в сторону огромный меховой веер. «Девять хвостов», — с ужасом и омерзением понял Халид.

— Не-е-е-ет... — завизжал Лис, пытаясь прикрыться руками-лапами. — Не-е-ет... Девятьсот лет! По одному... в столетие...

— Верно, — тускло согласился Раэн. — Ты растил их дольше, чем живут некоторые народы. И возомнил себя выше людей только потому, что сильнее и хитрее них. Сила — это не только право, Лис. На другой чаше весов всегда лежит долг. Жаль, что ты этого не понял. Жаль того, кем ты мог бы стать, Серый.

Он наклонился, потом встал на одно колено. Взмах руки — и длинный рыжий комок меха отлетел в сторону, а дикий визг Лиса полоснул Халида по ушам. Руки-лапы с длинными когтями заскребли по полу, оставляя глубокие следы, мохнатое тело извивалось, но не трогалось с места. Еще взмах — и второй хвост отлетел.

— Ты воспитал стаю, Лис, любят ли они тебя настолько, чтобы теперь защитить от врагов, бессильного и беспомощного? — негромко спросил Раэн.

Еще взмах — третий хвост, окровавленный и клочковатый.

— Ты презирал людей — найдется ли среди них хоть один, кто верен тебе не из выгоды или страха?

Четвертый и пятый — разом. Вопли Лиса резали уши и ржавым гвоздем ввинчивались куда-то под дых. Раэн примерился... Еще взмах! «Шестой», — отстраненно посчитал Халид.

— Подумай об этом, ибо твое наказание — слабость.

Еще два хвоста он сгреб в ладонь разом, полоснул лезвием, и Лис вдруг замолчал. Затем тихонько и заунывно заскулил, как слепой щенок. И это было даже страшнее, чем крики. «Почему он не истечет кровью? — недоумевал Халид. — Где вообще кровь, которая должна хлестать из ран? Так, брызнуло немного — и все. И когда же этому будет конец...»

— Я оставляю тебе жизнь, Серый Лис, — сказал Раэн, поднимаясь. — И малую часть твоей прежней силы — ради памяти и надежды. Можешь попытаться отомстить, но тогда я убью тебя — и буду в своем праве. Можешь остаться — или бежать. Сам подумай, помогут ли тебе те, над кем ты властвовал? Твои дела с Минри тоже между вами. Я верну ей дочь и попрошу дать тебе время до утра. Впрочем, она ведь может меня и не послушаться.

Он вытер руки цветастым куском одеяний Лиса, брезгливо поморщился.

— Не... на... вижу... — просипел Лис, приподнимаясь на локте и глядя на чародея безумными, налитыми кровью глазами. — Будь... проклят...

Тот лишь пожал плечами и, обернувшись к Халиду, повел ладонью сверху вниз, будто стирая или снимая что-то. Тяжесть, сковавшая Зеринге, мгновенно исчезла. Он осторожно поднялся на ноги, хмуро глянул на Раэна, даже не думая прятать взгляд.

— Сдохнешь... — Лис выплюнул кровь и продолжил: — Сдохнешь от руки того... кому поверишь... В спину...

«Почему чародей его не заткнет? — так же устало подумал Халид. — Или с хвостами Лис потерял всю силу? Но один-то остался. Да и проклятье — дело такое, не знаешь, кто из богов его услышит».

— И тебе приятной охоты в роли дичи, — усмехнулся Раэн бледной тенью своей обычной усмешки. — Зеринге, бери девочку. И не вздумай еще что-нибудь вытворить, у меня нет сил на твои глупости.

Халид, поняв невысказанное предупреждение, подошел к дивану, подхватил на руки дочь Минри. Легкое теплое тельце прижалось к нему, девочка спала, посапывая и иногда шмыгая носом, чумазое личико, покрытое копотью, исчертили светлые полосы слез. Халид стиснул зубы, понимая, что оправдываться он не будет — да и бесполезно. Глупо говорить, что девчонку он бы в любом случае постарался вернуть матери. Если бы ему позволили. Сейчас от собственной дурасти хотелось рычать и рвать кого-нибудь на куски! Да толку...

ГЛАВА 14. Разрывая узы

Фигура чинки, закутанная в длинное шерстяное покрывало, соткалась из ночных теней, стоило Халиду вслед за Разном покинуть проклятый дом и выйти на улицу. Ива жалобно поскрипывала и шелестела ветвями в полном безветрии, и лишь эти звуки нарушали жуткое безмолвие, накрывшее улицу. Разн молча протянул Минри девочку, и она схватила дочь, прижала к себе, кутая в глубокие складки покрывала, а потом пропела длинную фразу, больше похожую на птичью трель, чем на человеческий язык, пусть даже и чинский.

— Сочтемся, — бросил ей чародей и, цепко взяв Халида за плечо, потянул его в разворачивающуюся вокруг серую муть.

Несколько ударов сердца — и они вывалились из воздуха, ставшего плотным коконом, возле домика Разна.

Не удостоив Халида ни взглядом, ни словом, Разн жестом велел ему идти за собой, первым прошел в калитку, пересек мгновенно вспыхнувшую на земле ярко-зеленую линию, погасшую под ногами Халида, и вошел в дом. Сорвал с себя грязную рубашку, покрытую гарью и кровавыми брызгами, плеснул на ладони из кумгана и умылся над тазом. И лишь затем, вытеревшись влажным полотенцем и надев чистую рубаху, повернулся к замершему у окна Зеринге.

— Одного не могу понять, — с мрачным восхищением, не обещающим Халиду ничего хорошего, произнес чародей. — Меня не было полчаса, а то и меньше. Как он умудрился задурить тебе голову? Точнее — чем?

Отстегнув с пояса ножны с мечом, он бросил их на диван и повернулся к Зеринге.

— Не хочешь рассказать?

Халид плотнее сжал губы и выпрямился, но взгляд отвел, хоть и с немалым трудом. Не из трусости. Просто глупо дразнить льва, что и так вот-вот прыгнет. В голосе Разна звенела холодная веселая злость, которая просит либо вина, либо крови. Или боли — своей или чужой — это уж кому как повезет. Что выберет его хозяин, Халид не знал и только с тоской подумал, что глупо все получилось. Надо было подождать. Наверняка подвернулся бы случай лучше.

— Не хочешь, — правильно оценил Разн его молчание. — А я ведь могу просто приказать. Вывернешь душу, как пустой мешок, все выложишь. Ну?

— Какая разница? — процедил Халид, старательно глядя мимо бледного, без единой кровинки лица, на котором чернели смоляные провалы глаз. Действие зелья закончилось, и светиться зрачки Разна перестали, но лучше от этого не выглядели. — Я и без его слов мечтал тебя убить. Он просто помог.

Хоть бы поверил. Благие боги или темные, умоляю, пусть поверит и не станет допытываться... Под пристальным взглядом чародея он с трудом устоял на ногах, так хотелось сделать шаг назад и вжаться спиной в стену. Будет пытать в наказание? Пусть. Убьет? Что ж, и этого следовало ждать. Но есть участь хуже: окончательно лишиться себя, превратиться в коврик под ногами, тварь, что вымаливает милость хозяина ценой жалких остатков гордости.

— Он спрятал твои чувства, так? — с опасной мягкостью уточнил Разн. — И сказал, что срок нашей связи слишком мал и ее можно разорвать?

Халид едва заметно кивнул.

— А о цене разрыва ты не подумал? — тем же сладким голосом поинтересовался Разн. — Или доверился Лису, что она будет не слишком велика? Ну нет, Зеринге, я о тебе слишком хорошего мнения. Значит, решил рискнуть. Прыгнул наудачу, как в пропасть... Только вот зачем? Или от чего? Что он тебе пообещал? Или чем напугал?

— Свободу! — выплюнул Халид, торопливо отвечая на первый вопрос, чтобы увести от второго. — Думаешь, этого мало?

— Ах, свобо-о-о-ду... — протянул Раэн.

Он шагнул, мгновенно сократив и так малое расстояние между ними. Халид качнулся назад в слепом ужасе, но опоздал — сильные тонкие пальцы ухватили его за подбородок, черные глаза-угли с тлеющими в них огоньками оказались совсем рядом, не позволяя отвести взгляд.

— И вправду, за это постараться стоило. А что потом? Вернулся бы к прежней жизни? Тебе так нравится убивать за деньги? Твоя свобода — быть псом трусливых богачей, которого спускают с цепи, чтобы натравить на кого-нибудь! — яростно проговорил Раэн. — А потом ты возвращаешься в логово, зализывая раны и прячась до следующего раза. Это свобода? Ты не человек, ты нож в чужих руках, который выкинут, как только в нем отпадет надобность. Бегать от стражников, знать, что тебя ненавидят и боятся... Во всем этом городе есть хоть кто-то, кому ты можешь довериться? Кто-то, кому ты сделал добро и ждешь добра от него?

Дернувшись, Халид попытался отстраниться, но тело налилось предательской вялостью, ноги стали свинцовыми, и он с безнадежным равнодушием подумал, что начини чародей его убивать — и сопротивляться не выйдет. Но лучше пусть убивает, чем...

— А ты дал мне что-то лучше? — едва ворочая языком, упрямо спросил он.

— Как сказать, — растянул губы в невеселой улыбке Раэн. — Сегодня вечером ты не заработал ни одной монетки — какая жалость! Всего лишь помог наказать насильников и вернул ребенка матери.

— Кровопийце и нечисти, — процедил Халид. — Твоя Минри — такая же темная тварь, как и Лис. Все вы одинаковы. Он хотя бы не прикидывался добрячком.

— И потому ты решил, что он честен? Осел! — рявкнул Раэн, глядя ему в глаза. — Да он бы сожрал тебя, как лиса — цыпленка! Уже начал! Ему хватило нескольких минут, чтобы выпотрошить твою память и обратить против тебя. Говоришь, мы с Лисом и Минри — одной породы? Это ты верно подметил. Только такие, как Минри, пьют страсть и вожделение, а Лис пожирает человеческие страхи и закусывает душой.

— А ты? — выдохнул Халид, упрямо не отводя взгляда от лица чародея — мраморной маски с провалами в бездонную тьму. — Чем питаешься ты?

— Пирожками, — ответил вдруг тот с убийственной серьезностью. — Мясом, лепешками и вином... Это куда вкуснее, чем то, что вы, люди, называете своей сутью. Знал бы ты, сколько в вас подлости, жадности, лицемерия! Не во всех, конечно, только найти чистую душу — такая же редкость, как отыскать блюдо с шахской кухни в помоях, вылитых на заднем дворе трактира.

Он отпустил Халида и даже шагнул назад, но тут уже Зеринге вскинулся, остро чувствуя, что делает глупость. Надо бы пригнуться, пережидая бурю, притвориться покорным, и, глядишь, самум и вправду пронесется мимо. Ведь Раэн же явно устал! Сквозь всю его жуткую колдовскую мощь сквозит бессилие, и почему-то хочется не отпускать его дальше, не отходить самому, а вернуть этот шаг, разделивший их, и положить руку на плечо, обтянутое чистой рубашкой, но все равно пахнущее гарью...

Это странное тянущее чувство стало последней соломинкой, переломившей спину верблюду терпения.

— Значит, мы, люди, трактирная грязь для господина чародея? — сказал он с острым наслаждением человека, по собственной воле прыгающего в пропасть. — Или хлопковое поле, на котором он может сорвать любой стебелек, а потом отбросить его прочь? Да, я попросил у тебя свою жизнь в том крысином колодце. Не выдержал, дурень... И если теперь она принадлежит тебе, что ж, пользуйся, пока можешь. Но душу я тебе не отдавал. Ты попрекаешь меня тем, что я жил клинком? Да! Я убивал за деньги! А что ты, благородный целитель, делал с людьми? С теми, кто тебе понадобился, а потом перестал быть нужным, как сломанный нож? Давай, скажи мне, что Лис солгал, и ты не отдал свою прежнюю Тень чинской кровопийце! Скажи, что ты не сделал его своей подстилкой, не делил его с Минри и не подарил ей, как лакомый кусочек! Что ты там говорил про узы Тени и хозяина? Я лучше сдохну, чем останусь твоей Тенью!

— Так вот в чем твой главный страх... — медленно протянул Раэн, и Халид осекся, понимая, что сказанного не вернуть, но остро жалея об этом.

Двинувшись вдоль окна, он все-таки еще раз шагнул назад, отступая от Раэна, как от дикого зверя — не поворачиваясь спиной. Трижды глупец...

— Вот на чем он тебя поймал, — усмехнулся Раэн совершенно мертвой жуткой улыбкой. — Рассказал про...

Он тоже вдруг смолк, будто страшась вымолвить имя. «А может, забыл его», — с отворачиванием предположил Халид.

— И, конечно, представил все так, как ему выгодно, — продолжал улыбаться Раэн, в упор глядя на Халида. — Знаешь, я бы мог оправдаться. Ну, хотя бы объяснить, как все было на самом деле. Но не буду. Ты этого не заслужил. Ни моих оправданий, ни моей откровенности. С чего ты вообще возомнил, что можешь требовать от меня отчета или в чем-то обвинять? Искренность — это лезвие, заточенное с двух сторон. А то ведь я тоже могу спросить тебя, почему ты больше всего на свете боишься не умереть, а стать чьей-то подстилкой. Мне спросить это, Зеринге? Потребовать от тебя той искренности, что ты ждешь от других?

— Нет, — прошептал Халид, отводя взгляд и опуская его, как побежденный в поединке опускает оружие. — Не надо. — И добавил, ломая свою гордость, как последнюю стрелу в колчане, изнемогая от стыда. — Я виноват. Я заслужил наказание. Но не это, прошу.

Тишина заполнила комнату, как вода — кувшин, не оставляя ни малейшей тени звука, за которую можно было бы спрятаться рассудком. Халид не поднимал взгляда, отчаянно думая, что лезвие искренности и вправду обернулось против него. Почему он вообще стыдится? В его прошлом нет ничего, за что можно осудить мужчину и воина. Уж точно нет того, что Лис снисходительно именовал забавами на ложе по общему согласию. Никогда Халид не ложился с мужчиной как с женщиной, по обычаю пустынников считая это мерзостью. В Харузе другие порядки — и пусть. Ножу, выкованному на солнце Великих песков, можно сменить заточку, но не саму сталь. И что бы Раэн ни заставил его рассказать о прошлом...

В том-то и дело! Нельзя вытаскивать из души то, что человек хочет скрыть. Взламывать чужую память и волю, как сундук. И неважно, что в этом сундуке: простая утварь, драгоценности или кровавые тайны. Это хуже, чем убить!

— Гордец... — протянул Раэн странным голосом. — Иди-ка ты мыться и спать, Зеринге.

— Что? — от растерянности обронил Халид, искренне не понимая.

Его даже не накажут? За такое?!

— Что услышал, — сказал чародей, и усмешка стекла с его лица, сменившись самым обычным выражением смертельной усталости. — Мыться. Спать. Можешь поесть, если хочешь. А я пойду прогуляюсь. Вернусь — лягу у себя в мастерской. Так что не беспокойся за свою добродетель, — добавил он ядовито.

— Я и не...

— А когда начнешь думать головой, а не тем местом, за чью неприкосновенность опасаясь, — ровно продолжил Раэн, — вспомни, что я говорил о человеческих чувствах. Я их ощущаю, как обычные люди — запахи и вкусы. И поверь, мало найдется мерзости хуже, чем смрад любовных утех по принуждению. Если бы я это сделал, то сам захлебнулся бы твоим отвращением. Хотя некоторым нравится... Но я не любитель помоев.

Больше не сказав ни слова, он вышел, и спустя несколько ударов сердца Халид услышал, как скрипнула калитка. Погулять, значит... И даже меч не взял. А если какой-нибудь незадачливый грабитель решит поживиться, обобрав беззащитного на вид юношу, гуляющего глухой ночью по Харузе, то... сам виноват.

Он сел на кровать и согнулся, поставив локти на колени и уткнув лицо в ладони. Сейчас, если бы все удалось, он мог бы уже быть свободен! Или мертв... Или еще что похуже. Да

какая разница! Внутри что-то рвалось по-живому, с болью и кровью, вкус которой Халид чувствовал во рту. А нет, это он просто губу прикусил. И уж точно это не Узы, которые теперь будут день от дня становиться прочнее. От этой простой мысли хотелось сползти на пол, достать нож и воткнуть его себе в горло. В сердце — это слишком сложно, а вот в горло — легко. Но жить хотелось больше. И поэтому он сидел, обдумывая все сказанное и чувствуя, как рвутся нити его судьбы, тянущиеся из прежней жизни, такой простой и понятной.

Горячая подушка неприятно липла к щеке, и Наргис, немного вынырнув из глубокого сонного забытья, повернулась на другой бок, туда, где шелковая наволочка хранила хотя бы тень пролады. Потянулась, позволяя тонкому покрывалу соскользнуть с плеч, глубже вдохнула душный воздух опочивальни и подумала, что зря перестала ставить на ночь в спальне служанок с опахалом, как это было заведено при матушке и отце. Когда случилось это... страшное, что до сих пор даже в мыслях трудно было назвать, и она потеряла самых дорогих людей, было невыносимо думать, что кто-то чужой услышит ее рыдания, а плакала Наргис тогда часто.

Потом горе не ушло, как обещали сочувствующие домочадцы, но заползло куда-то глубоко, притаилось, разжав когтистые лапы на сердце, позволяя вздохнуть свободнее. Иногда она все равно просыпалась в слезах, помня, как жестокое милосердие сна вернуло ее в то время, когда все было хорошо, но это случалось все реже и реже. А как было бы хорошо, овевай ее сейчас легкий нежный ветерок от широкого опахала! Вот совсем как тот, что едва заметно гладит ее волосы... гладит... волосы...

Мгновенно проснувшись от ледяного ужаса, Наргис не шевельнулась, замерев, будто рядом с ней лежала ядовитая змея. Дыхание перехватило, но она заставила себя сделать такой же ровный глубокий вдох, словно еще спит, и прислушалась. Ни один посторонний звук не нарушал тишину спальни, но теперь она чувствовала спиной жар чужого присутствия. А еще — запах. Тонкие мужские благовония, не сладкие, как любил Надир, а горьковато-терпкие. Едва уловимые! Но испуганный зверь, проснувшийся в ней, обострившимся чутьем слышал их совершенно отчетливо.

Наргис заставила себя сделать еще один вдох, а потом еще и еще. Только бы не прыгнуть с постели, крича от ужаса! Нет, можно попробовать, конечно, но если спугнуть неизвестного, она снова ничего о нем не узнает. Боги, как же страшно... Она сглотнула, пытаясь успокоиться и понимая, что еще немного — и не выдержит. Почему-то сегодня она не оцепенела, как в прошлый раз, тело прекрасно слушалось.

Кинжал! Он так и лежит под подушкой. Вот бы дотянуться...

— Твое сердце стучит, как у испуганной птички, — шепнул прямо в ухо насмешливый голос, и Наргис замерла, не успев шевельнуться. — Ты пробудилась, желанная моя.

Он не спрашивал, а утверждал, и Наргис почувствовала себя обнаженной, хотя между нею и незнакомцем была ткань покрывала и ночной рубашки. Жаль, что все это — тонкое, шелковое, не скрывающее линий тела!

— Кто ты? — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Почему позоришь меня таким обращением?

— Позорю? — весело удивился незванный и ненавистный гость. — Ну что ты, мой изумруд. Разве это позор, если невеста позволит жениху, что изнывает от страсти, маленькую вольность?

И он снова провел ладонью по ее волосам, уже не стараясь сделать прикосновение невесомым и незаметным. Наргис стиснула зубы, и ее сердце не затрепыхалось птичкой, а сорвалось вскачь, грохоча, будто конские копыта по каменной мостовой.

— Ты мне не жених! — выдохнула она, радуясь, что гнев уничтожил страх. — Ты не просил моей руки! Тот, кто хочет стать мужем, не приходит вором в ночи и не крадет ласки.

— Как достойно это звучит, нарцисс моего сердца, — шепнул он, склонившись, и Наргис почувствовала шеей жаркое дыхание. — Поистине я сделал верный выбор. Ты будешь прекрасной женой и матерью моих детей. Верной и добродетельной.

«Ни за что на свете!» — хотела крикнуть Наргис, но последние капли осторожности, еще не смытые злостью, подсказали, что не стоит быть слишком дерзкой. Нужно узнать, кто он. Это будет единственным оружием, на которое она может рассчитывать.

— Женой? — переспросила она как можно холоднее. — Тогда покинь мою постель. Если сейчас ты не щадишь мое целомудрие, как я поверю твоим брачным клятвам? Я даже не знаю, кто ведет со мной речи о брачном союзе.

Пусть считает ее безмозглой девицей, способной расслышать лишь вожаемое слово «невеста». Пусть! Лишь бы ответил.

Чуть повернувшись, словно в слабой попытке уклониться от наглых пальцев, перебирающих ее заплетенные на ночь волосы, она теснее прижалась грудью к постели и скользнула рукой под подушку. Кинжала не было! Но... он должен там быть... Наргис сглотнула вставший в горле ком, из последних сил не позволяя себе расплакаться от беспомощности.

— Ты давно знаешь мое имя, нарцисс моего сердца, — сказал с той же тяжелой спокойной уверенностью ее мучитель. — Ты шептала его в жарких девичьих снах и называла открыто при свете дня. Ты клялась в любви... Правда, не мне, а моему отражению. Но зеркало, в котором оно живет, легко разбить, и тогда останусь лишь я. А тебе, изумруд мой, придется заслужить прощение за эту измену. О, не бойся, я буду великодушен и позволю тебе это. А потом сделаю самой счастливой женщиной под солнцем, луной и звездами. Не бойся позора, мой золотой нарцисс! Все, что происходит сейчас, прикроется брачным покрывалом в самом скором времени. Ты будешь моей, и нас ждет разделенная страсть и ее утление...

Голос его становился все ниже и мягче. Он проникал в уши Наргис и гладил ее кожу, будто перчатка из самой шелковистой замши, обволакивал, как теплое покрывало дождливым зимним вечером, и слышалась в нем пряная сладость и едва уловимая горечь. Его хотелось пить, дышать им, заворачиваться в него и позволить что угодно, лишь бы не прекращались ни осторожные умелые прикосновения, ни ласкающие звуки...

И Наргис почти сдалась, почти обмякла на постели, ненавидя себя и понимая, что в едином шаге от гибели, но ее пальцы вдруг уткнулись кончиками во что-то твердое и восхитительно холодное! Истинное спасение в окружившей ее ненавистной жаркой томности!

— Кто ты... — прошептала она, делая вид, что вот-вот покорится. — Разве я непристойная девка, чтобы уступить, не зная даже имени? Я не клялась тебе...

— О, еще как клялась, мой изумруд, — отозвался незнакомец бархатистым смешком, и рука его стала вдруг жесткой, ладонь сгребла полурасплетенную косу Наргис, притиснула ее голову к подушке. — И мне будет очень трудно простить тебе эти клятвы, — сказал он голосом, в котором больше не было сладости, один лишь свинцовый гнев. — Быстро же ты забыла. А это еще что...

В его голосе послышалось удивление, и хватка на мгновение ослабла. Понимая, что другой возможности не будет, Наргис изо всех сил рванулась, выдернув волосы из чужой руки, откатилась по постели и упала с ее края. Вскочила, выставив перед собой кинжал! Растрепанная, полуголая и босая, забывшая о приличиях, разъяренная, словно раненый дикий зверь... Темная фигура, слабо очерченная лунным светом из окна, только глянула в ее сторону.

А потом незнакомец протянул руку, и роза, стоящая на подоконнике в фарфоровой вазе, поднялась в воздух и проплыла мимо Наргис, будто ее нес кто-то невидимый.

— Как любопытно, — тихо и очень холодно сказал незнакомец, взяв цветок двумя пальцами и повертев его перед глазами. — Кто это у нас такой умелый? И настолько наглый, чтобы заглядывать на чужих невест? Хочет стать седьмым твоим женихом, повенчавшимся со смертью? Это несложно устроить.

Он повернулся к Наргис, которая сдернула с кровати покрывало и судорожно куталась в него, и пугающе вкрадчиво спросил:

— Скажи, изумруд мой, чей это подарок?

Больше всего Наргис жалела сейчас, что в женских спальнях не бывает развешанного по стенам оружия. Даже у Надира настенные ковры были украшены саблями и мечами, хоть братец их в руки никогда не брал. А ей, девушке, положен только «страж чести» с лезвием длиной в ладонь, который можно сунуть под подушку. Но его рукоять придавала достаточно уверенности, чтобы Наргис вскинула голову и молча всмотрелась в скрытый густой тенью облик незнакомца. Впрочем, незнакомца ли? Раз он говорит, что Наргис известно его имя...

А еще ей казалось, что голос незваного гостя ей знаком! Бывает, что видишь или слышишь одно, а вспоминается что-то другое, на первый взгляд вроде бы совсем не связанное.

— Я спросил тебя, любовь моя, — еще ласковей напомнил ненавистный мерзавец. — Изволь ответить. Или мне придется тебя наказать. Не смотри на дверь, никто в доме тебя не услышит. Да и во всем городе, пожалуй. И не думай, что эта смешная игрушка поможет.

Отведя взгляд от лица Наргис, он глянул на кинжал в ее руке — и Наргис, вскрикнув, выпустила мгновенно раскалившуюся рукоять.

Поднесла обожженные пальцы к губам, прижала, пытаюсь заглушить болью желание закричать, кинуться к двери, в окно — куда угодно, лишь бы прекратился этот затянувшийся кошмар.

— Больно? — участливо осведомилась тварь в человеческом облике. — Прости, любовь моя. И не заставляй меня делать тебе еще больнее. Ну, кто он?

Наргис лихорадочно подбирала ответ, понимая, что ни в коем случае нельзя выдавать Раэна. Но что же сказать? Говорят, что маги чувствуют ложь.

— Эту розу... — начала она дрожащим голосом, изо всех сил показывая, как испугана. — Дал мне человек, приехавший от дяди. Он передал письмо и дал мне цветок!

Вот так, это не ложь. Точнее, ложь, но прикрытая правдивыми словами, в точности как в сказках о темных дэвах и джиннах!

— О, так это господин наиб изволил обеспокоиться? — хмыкнул незнакомец и дунул на розу.

Роскошный алый цветок, за прошедшие дни не уронивший ни лепестка и не утративший ни частицы атласной сияющей красоты, мгновенно потемнел и пожух, осыпавшись на ковер подобием пепла. Наргис только всхлипнула, давя подступающие к горлу слезы. Это было... подло! Да за одно это она бы возненавидела гнусную тварь, решившую, что может распоряжаться здесь по праву силы!

— Тебе не нужны чужие обереги, радость моя, — улыбнулся, судя по голосу, незнакомец. — Пока я тебя люблю, ничто не причинит вреда моей невесте.

Оберег? Так это была не просто безделушка, а что-то, способное помочь? Уж не потому ли сегодня Наргис в силах хотя бы отбиваться?! О, если так...

Она поспешно отвела взгляд, ужаснувшись, что выдаст вспыхнувшую надежду, но незнакомец одним гибким спокойным движением соскользнул с постели и оказался рядом с Наргис, так близко, что она бы отпрыгнула — но позади была лишь стена.

— Если ты любишь своего дядюшку, изумруд мой... — тихо и бесстрастно сказал мужчина. — Своего брата, друг, служанок... Да кого угодно! Пусть этот кто-то никогда не встает между нами ни словом, ни делом, ни помышлением. Иначе участь этого глупого цветочка, сгоревшего в одно мгновение, покажется ему завидной. Ты поняла, мой нарцисс?

Наргис судорожно кивнула и тут же зажала себе рот рукой, чтобы не закричать. Последние слова... Ее уже несколько раз сегодня называли нарциссом, и каждый раз она чувствовала неладное, но не осмеливалась, просто не могла поверить! Этот голос, певуче

выговаривающий «нарцисс», она знала! Но... Нет же! Так не бывает! Нет!!!

— О, я вижу, ты меня узнала, моя радость, — сказал бывший незнакомец и сделал еще шаг, так что тени, оставшись позади, будто сползли с его лица. — Наконец-то. Больше не ошибайся...

— А... лед... дин... — прошептала Наргис непослушными чужими губами.

Это был он, и прошедшие несколько лет лишь добавили ему красоты — властной, хищной и взрослой мужской красоты. Плечи стали шире, и роста прибавилось, кожа потемнела... Но синие глаза под изогнутыми, словно крыло ястреба, бровями остались такими же, только сверкали теперь ледяной надменностью. Это был он... и не он!

— Аледдин... — безнадежно простонала Наргис, падая в бездонную черную глубину отчаяния.

Ее счастье, ее возлюбленный жених не мог поступить с ней так. Значит, он умер, и темная загробная тварь пришла в его обличье!

Боль обожгла ей щеку. Наргис недоуменно поднесла к ней ладонь, не в силах поверить, что впервые в жизни получила пощечину. Тронула загоревшуюся кожу кончиками пальцев, посмотрела на Аледдина... Все было словно в тумане, вот и черты его лица смазались, показавшись незнакомыми...

— Ты все-таки ошиблась, любовь моя, — с жуткой ласковостью прозвучал знакомый и неизвестный одновременно голос. — Я не он. И не дай тебе боги еще раз нас перепутать. Аледдин — мое отражение. Отвратительное в своей слабости и слабое в попытках меня изобразить. Я Джареддин, изумруд мой. Джареддин ир-Джантари, старший из нас, что бы ни болтали досужие языки. А ты — моя возлюбленная невеста и будущая жена.

— Никогда, — прошипела Наргис, все-таки отскакивая назад и хватая вазу с подоконника. — И вправду не понимаю, как могла вас перепутать! Ты тварь! Подлая, злобная, мерзкая тварь! Твой брат еще жив! И пусть боги его сохраняют, а ты... ты... Убирайся! Вон из моего дома, чудовище! — кричала она, не думая, услышат ли в доме. — Ненавижу!

Оружием ваза послужить не могла, и Наргис с яростным наслаждением просто запустила ею в Джареддина — будь он проклят. Он даже не уклонился, просто повел рукой, и чинский фарфор, свернув к стене, брызнул сотней осколков.

— Убирайся! — прохрипела, задыхаясь, Наргис. — Если еще раз меня тронешь, боги тебя проклянут! А если их справедливость запоздает, я лучше себе горло перережу, чем выйду за тебя. Свадебным поясом удавлюсь!

Джареддин молча улыбнулся, глядя на нее с насмешкой, но Наргис было уже все равно. Страх обрел имя и лицо! Она не могла бороться с неизвестной всемогущей тварью, но брат-близнец Аледдина, придворный чародей, известный всей Харузе, — о, это совсем другое дело! Как же она его сразу не узнала? Ну, теперь понятно, почему этот мерзавец оба раза являлся к ней, скрыв лицо! А голос... не так уж часто она его слышала, если подумать. Но что за тварь! Принуждать к замужеству бывшую невесту своего брата, зная, что они с Аледдином друг друга любят! И не просто принуждать, а еще и тайно помогать!

— Убраться? Ну что ж, мой нарцисс, — сказал, наконец, Джареддин с той же отвратительной усмешкой, тем более ненавистной, что кривила она самые прекрасные в мире губы. — Изволь. Тебе в самом деле стоит отдохнуть и подумать. Отдохнуть — ради твоей несравненной красоты, которую я намерен беречь, а подумать — ради твоих любимых родичей и домочадцев. Что ты собираешься теперь делать, моя милая, но такая неосторожная невеста? Поднять шум? А может быть, пожаловаться пресветлейшему шаху, моему господину и возлюбленному дяде? И что ты скажешь? Что сын Лунного визиря, придворный чародей и мужчина шахской крови сделал тебе брачное предложение, а ты его отвергла? Хотел бы я это послушать. Боюсь, прослывешь не только проклятой, но и безумной. — Он улыбнулся, и Наргис передернуло от омерзения. — И я все равно на тебе женюсь, ведь у твоего почтенного дядюшки нет ни одной причины отказать.

— Будет... — выдохнула Наргис. — Я поклянусь, что он меня проводит не к алтарю, а в могилу!

— Тогда, может, и откажет, — согласился Джареддин. — Господин наиб очень любит вас с братом. Правда, его немолодое сердце, изношенное на службе шаха, может не выдержать подобного беспокойства. Как думаешь, твой брат, оставшись главой рода, согласится отдать мне твою руку? — Он снова улыбнулся с полной безмятежностью, пугающей сильнее любых угроз, и Наргис замерла, как мышонок перед гадюкой, а Джареддин небрежно добавил: — Кстати, если и он окажется слишком снисходителен к твоим капризам, род ир-Дауд может вовсе пресечься по мужской линии, как это ни будет печально. Внезапная болезнь, например, или кинжал ревнивого любовника — поскольку твой брат столь же неосторожен в своих пристрастиях, как ты — в отказах.

— Прекрати... — с трудом выговорила Наргис. — Уходи... Оставь меня, — добавила она почти умоляюще.

— Как прикажешь, любовь моя, — ласково сказал Джареддин и уронил сухой стебелек розы, который все это время держал.

Наргис проводила его беспомощным взглядом. Веточка упала на ковер, темным штрихом перечеркнув светлый узор, и Наргис прикрыла глаза, чувствуя, что если скажет сейчас еще хоть слово, то упадет и сама рассыплется пеплом, как несчастная роза. Легкое дуновение ветра коснулось ее лица, зашелестела тонкая занавеска на окне... Наргис открыла глаза и увидела, что комната совершенно пуста, как и видимый из окна сад.

Вернувшись на кровать, она села, обняв себя руками за плечи, и бездумно посмотрела на блестящие осколки вазы, крошечными бликами поймавшие лунный свет. Страха больше не было, хотя Наргис точно знала, что он вернется. Но сейчас она будто разорвала удавку, стянувшую ей горло, и первый глоток воздуха был сладок и желанен, и думать не хотелось, что темная тень за спиной лишь выжидает удобного момента.

ГЛАВА 15. Страшные сказки и давние истории

Два дня прошли пусто и незаметно.

Первый из них Халид проспал, зарывшись в подушки и укутавшись тонким покрывалом, не чувствуя ни жары, ни холода, а только глубокий, почти пугающий покой. Вечером встал, накинулся на еду — Раэн только кивнул одобрительно — и снова свалился на диван.

На второй день столько спать уже не получалось, так что он просто лежал, глядя в окно, за которым пылало знойное харузское лето, и думал, думал... Чародей появлялся в комнате всего пару раз, брал какие-то вещи и снова уходил в свою закрытую матерскую. Вечером он вышел оттуда и позвал Зеринге ужинать — мальчишка из «Черного льва» принес еды, которой хватило бы на полдюжины голодных водоносов. И снова за столом они молчали.

А утром третьего дня Раэн ушел из дома, напоследок бросив небрежно то ли совет, то ли приказание хорошо отдохнуть, будто Халид устал за два дня безделья. В спокойном и всегда чуть насмешливым голосе почудилась издевка, но Зеринге уже привык, что это просто выговор такой.

Из упрямого противоречия он весь день искал себе занятия. Вычистил и отполировал Ласточку так, что лезвие стало подобно вендийскому зеркалу, а на ножнах и эфесе засиял каждый камешек. Прополоскал с щелоком рубашку и штаны. Пока одежда сохла, вымылся до скрипа и укоротил не в меру отросшие волосы кухонным ножом — не саблю же таким делом утруждать, обидится. Заодно и нож подточил.

А еще, досадливо морщась, отыскал в чуланчике метлу и тряпки... Что бы там ни было между ним и Раэном, чародей принимал его как гостя, не требуя никаких услуг по хозяйству, и стыдно жить в чужом доме, не ответив хотя бы небольшой учтивостью. Забот хватило до вечера, и все равно Халид извелся от скуки и томительного предчувствия, глухо злясь на себя. Не хватало еще, чтоб он ждал возвращения хозяина, словно верный пес!

Раэн появился часа за два до полуночи. Войдя, окинул одним внимательным взглядом и Халида, и убранную комнату с дочиста вымытым и высокобленным полом, и медную джезvu, краснеющую натертыми боками в противне с песком. На мгновение удивленно вскинул бровь, но ничего сказал, и за это Зеринге даже испытал смутное подобие благодарности — иногда любые слова бывают лишними.

— Ну что, готов прогуляться? — поинтересовался чародей, ставя на стол небольшую корзину с крышкой. — В прошлый раз нам помешали, но достойный муж не поворачивается спиной к отложенным делам, чтобы удача не отвернулась от него самого.

Утром он уходил в обычной полотняной одежде, вернулся же в куртке и штанах из тонкой кожи. Мешковатых, совершенно не стесняющих движений и даже на вид очень прочных. Хотя эту высокородную заразу хоть в лохмотья угольщика засунь — стать и норов его выдадут.

— Отчего же нет? — уронил Халид, подчеркнуто неторопливо поднимаясь с дивана. — Прогуляемся.

На поясе у Раэна, кроме длинного охотничьего ножа, висел меч. Потертые кожаные ножны, простая рукоять, отделанная только костяными накладками, лезвие изогнуто дугой, а на конце расширено, чтобы утяжелить удар — легкие доспехи прорубает запросто. У Халида в его недолгую службу караванным охранником тоже был «шайпурский скат», как их зовут в честь хищной рыбы с хвостом подобной формы. Славный клинок — хоть в честный поединок один на один, хоть в кабацкую потасовку, хоть в короткую страшную драку среди барханов, где не берут пленных и не просят пощады. Или на абордаж...

История прошлой тени чародея сама вспыхнула в памяти, но Халид промолчал, отвел взгляд и потянулся за лежащей на диване Ласточкой. Холодная рукоять ласково коснулась ладони, и сердце стукнуло чуть громче, отозвавшись предвкушению, горячо

разлившемуся по жилам.

Они вышли на улицу, щедро освещенную полной луной. В мертвенном резком свете и дома, и деревья потеряли цвета, но сохранили четкость форм и линий, уподобившись гравюре, вырезанной на потемневшей от времени слоновой кости. Халид полной грудью вдохнул сладкий запах жасмина, одуряющий, как перед дождем, тонкие струйки благовоний, густые потоки кухонных ароматов из харчевен, вонь сточных канав и караван-сараев — пряный причудливый дух большого города. Больше, чем когда-либо, он ощущал себя живым, не зная, благодарить или проклинать за это человека, идущего рядом с ним.

И снова, как три дня назад, они шли по ночной Харузе, но теперь в сторону северных окраин, где улицы стали шире и прямее, а промежутки между домами увеличились. Халид мельком подумал, чувствует ли его спутник шальную, пьянящую прелесть этой ночи? Неподвижное лицо Раэна белело в лунном свете, как мраморная статуя, которой световые блики на краткие мгновения придают видимость жизни. Такие изваяния Халид видел в садах высокородных, загадочно и туманно бесстрастные, неповторимо совершенные, самым своим безмолвием намекающие на что-то...

Вскоре кончились и окраины. До городской стены было еще далеко, и они прошли чередой глухих пустырей под треск цикад и уханье козодоев. Несколько раз лицо Халида почти задевала мягким крылом проносящаяся мимо летучая мышь, а потом в стороне пробежала стайка шакалов.

Ночь жила по законам, возникшим задолго до появления на этой земле человека, лишь снисходительно терпя его присутствие, пока оно не стало чрезмерно навязчивым. Выйдя на равнину, испещренную редкими деревьями и лежащими от них густыми тенями, Халид вдруг сообразил, куда ведет чародей.

— Мы идем на кладбище?

— Верно. Лучшее место для прогулок при луне. Или ты боишься тех, кто нашел здесь последнее пристанище?

— Вот уж нет, — усмехнулся Халид подобной мысли. — Никогда еще ни один мертвец ничего плохого мне не сделал. Как-то все больше живые пакостили.

— Повезло, — заметил Раэн. — А мне встречались удивительно хлопотные покойники.

— Настоящие ожившие мертвецы? — недоверчиво спросил Халид, подозревая шутку, но чародей был серьезен.

— Именно. Помнится, одного такого я лично отправил к предкам. Думал, что избавился, так негодяй ухитрился вернуться лишь для того, чтобы предъявить мне счет. И едва не преуспел в этом, пока я сообразил, кто именно на меня охотится. А тогда уж охота стала взаимной.

— Судя по тому, что ты жив, добычей оказался он, — предположил Халид, обходя яму с оплывшими краями и перепрыгивая ствол давно рухнувшего дерева.

— В конце концов — да. Но это было нелегко. Можешь поверить, если у кого-то при жизни нрав не из легких, смерть его не улучшит.

Раэн остановился, присматриваясь к чему-то, и решительно свернул правее. Теперь они все глубже забирались в заброшенную часть кладбища. Надгробья вокруг были замшелые и треснувшие, а то и вовсе поваленные, надписи на них стерло беспощадное время. Немногочисленные ухоженные участки перемежались зарослями сорной травы в человеческий рост. Халид вздрогнул, когда из густых кустов им наперерез метнулась горбатая тень, злобно сверкая глазами.

— Смотри-ка, гиена, — удивился чародей. — И как она здесь уцелела?

— Эти твари где угодно проживут, — буркнул Зеринге.

— Не скажи, — возразил Раэн. — Здесь водится кое-кто поопасней, а гиены не любят подобных соседей. Вот у этого дерева мы, пожалуй, и расположимся. — Он пригляделся

к ближайшему надгробью на небольшой полянке. — Как ты думаешь, почтенный Рудас ир-Хаби, мир его праху, не обидится?

— Если и так, у себя в гробу пусть обижается сколько угодно, — хмыкнул Халид. — Лишь бы не вылез. Что нам делать на кладбище, да еще в такую пору? Пугать гиен?

— О, старое харузское кладбище — весьма интересное место. Скучать не придется, обещаю. А начнем мы, пожалуй, с ужина. — Разн качнул корзину, в которой что-то негромко звякнуло, и мечтательно сообщил: — Хозяин «Черного льва» клялся счастьем внуков, что вино с этого виноградника подают к столу самого пресветлейшего шаха. И утку по-аккамски я давно собирался заказать, вот и выпал случай.

— Неплохо для скромного целителя, — усмехнулся Халид. — Неужели тебе так щедро платят за вырванные гнилые зубы и вскрытые чирьи?

— Ну ты и язва, Зеринге, — весело отозвался Разн, поставив на землю драгоценную корзину и стаскивая в кучу толстые сухие ветки. — Впрочем, до единственного человека, на самом деле умеющего говорить мне гадости, тебе далеко.

— И кто же он?

Халид огляделся: вокруг было тихо и спокойно, как... Как на кладбище, вот именно. И пусть чародей улыбается и болтает, Зеринге уже знал этой легкой беззаботности истинную цену и решил, что в этот раз будет начеку, не позволив никакой нечисти задурить себе голову. А в болтовне, глядишь, и промелькнет что-то полезное, как золотая песчинка в пустой породе.

— Джейвик, мой старший брат, — отозвался Разн, ломая ветки и складывая будущий костер. — Один из трех сыновей, появившихся у отца перед тем, как боги наказали его мной. Наши семьи... Долго объяснять, но дети у моего народа — величайшая ценность, а вот супружеские узы не слишком крепкие. Мы считаем, что нужно быть вместе только до тех пор, пока жива любовь, а если она уходит, расстаемся и ищем новую. У моего отца четверо сыновей от разных женщин, а теперь еще и две дочери — от пятой. Моя мать умерла, когда я был совсем маленьким... Но Джейвик никак не может мне простить, что отец оставил его мать ради моей.

Халид изумленно взглянул на целителя, пытаясь понять, что услышал. Иметь несколько жен или наложниц — в этом нет ничего странного. Так было у них в племени, да и в Харузе многие мужчины берут себе столько женщин, сколько позволяет мужская сила и толщина кошель. Но расстаться с одной, потому что захотел другую, — что за глупость! И ладно бы женщина была бесплодна или с тайным пороком! А раз ты посеял семя, которое благодатно возшло, радуйся этому и чти жену, подарившую продолжение твоего рода. И если случилось так, что не хочешь больше брать ее на ложе, оставь в своем доме и позаботься, чтобы мать твоего ребенка ни в чем не нуждалась. Что за народ, где мужчина расстается с женами, оставляя себе только детей и не думая, что будет с их матерями?

— Ну вот, — продолжил Разн, щелкнув пальцами над ветками, которые немедленно занялись огнем. — С двумя самыми старшими братьями я отлично лажу, зато третий считает святым долгом портить мне жизнь. И я ему за это несказанно благодарен...

Он поворошил ветки, подкинул еще немного хвороста и усмехнулся в ответ на удивление, которое Халид и не думал скрывать.

— Не понимаешь? Видишь ли, Зеринге, друзья могут скрасить жизнь и помочь в трудную минуту. Но враг, умный и непримиримый, знающий все твои слабые места, — это настоящий подарок судьбы. Рассказать историю?

— Давай, — согласился Халид, удобно устраиваясь возле костерка.

На старом кладбище Харузы, о котором ходило столько жутких сказок, он оказался впервые и сейчас настороженно прислушивался к себе, пытаясь отделить собственные чувства от чужих, похожих на дальнейшее эхо. Страх не было ни у него, ни у Разна, насколько Зеринге мог понять. Зато ожидание опасности накатывало волнами, покалывало кожу, как студеной водой, ядовитой сороконожкой бегало по всему телу. Сев

спиной к огню, чтобы пламя не слепило глаза, Халид вынул из корзины еду, разложив ее на полотенце, и принялся откупоривать бутылку. Раэн опустился напротив, отблески костра плясали в его бездонных зрачках.

— Почти все детство я провел в воинской школе, — неторопливо начал он, ломая мягкую лепешку. — И поначалу ни с кем не дружил. Я ведь говорил, что полукровка, помнишь? Для моего народа это важно... Был там один паренек, умевший высмеять кого угодно. А я легко поддавался на насмешки, вспыхивал, как сухой трут. Вот он и взялся меня изводить: пройдет на счет моей нечистой крови, я лезу в драку и получаю тумаки — мелкий был, самый слабый, да и учиться бою особо не хотел. Что ты так смотришь, правда не хотел! Не боялся, просто не нравилось мне это... За драки нас наказывали, поэтому все старались или бить так, чтоб следов не оставалось, или хотя бы врать поумному. Ну, а пожаловаться кому-то мне и в голову не приходило, я бы лучше умер. Однажды Занозе, так его прозвали, не повезло: стукнул меня неудачно, а Джейвик приехал узнать о моих успехах для отца и заинтересовался, откуда такой роскошный синяк. Вот кто-то из ребят и сболтнул лишнее, наверное, рассчитывали, что старший брат за меня заступится и укоротит язык Занозе. Он ведь не только меня успел допечь...

Раэн потянулся к костру и поворошил успевшие прогореть ветки, подкинул еще. Халид поставил на землю открытую бутылку, и тонкий аромат вина влился в густой пряный запах утки. Чародей глянул на Халида искоса и продолжил:

— Почти так оно и получилось. Джейвик взял меня за шиворот и отвел к обидчику. Я, конечно, молчал, как пень, но тот и не подумал отпираться. Братец ему так влепил, что парень чуть стену спиной не проломил. А потом пообещал: если Заноза еще хоть слово скажет про честь нашей семьи или мою кровь, костей не соберет. Вот... А потом Джейвик развернулся и врезал мне. За то, что опозорил семью, позволив кому-то себя ударить.

Ровный голос Раэна с едва заметным чужеземным выговором звучал тихо, но четко, Халиду даже прислушиваться не нужно было. Затрещала, рассыпаясь, прогоревшая ветка, где-то вдаль ухнула сова. И показалось, что сидят они не на окраине города, а в глуши, где до ближайшего селения не один день пути, и встретить другого человека то ли редкая удача, то ли беда — смотря кого встретишь. Путники, они разные бывают. Как и братья.

— Заноза-то был покрепче, — спокойно продолжил чародей. — А вот у меня челюсть оказалась сломана. Джейвик раза в два тяжелее меня был, кулаки как кузнечный молот, да и не умел я еще держать такие удары. Потом он развернулся и ушел, а Заноза посмотрел на меня, помог подняться и потащил к лекарю. И с того дня взял под свою защиту, пока я не научился сам отбиваться. А Джейвик сказал отцу, что у меня в школе все хорошо, только из подобного слабака никогда не получится ничего путного. Вот такой у меня братец...

— И ты ему благодарен?

— Еще как, — серьезно, без тени недавней веселости, сказал Раэн. — Сам подумай: всего за один удар я получил друга и отличный урок, что можно не любить драться, а вот уметь — надо. К окончанию школы я был в числе лучших, а Заноза мне стал ближе родного брата. Вряд ли Джейвик на это рассчитывал... Что такое, Зеринге?

— В кустах, — почти беззвучно прошептал Халид.

— О, ты заметил? Наконец-то. Ничего, по куску утки мы съесть еще успеем.

Черная горбатая тень, напоминающая гиену, только гораздо крупнее, снова мелькнула в кустах поодаль. Углядев ее первый раз, Халид решил, что ему померещилось, но неизвестное существо показалось снова, потом еще раз, все ближе и ближе. И было далеко не одно.

— Что это?

Чародей пожал плечами с восхитительным равнодушием.

— Сам подумай, что может встретиться ночью на кладбище? Гули, конечно.

— Гули? — Халид уставился на Раэна, надеясь, что все это — затянувшаяся глупая шутка. — Это же... детские сказки! Страшилки, которые рассказывают новичкам у костра!

Ему смертельно хотелось обернуться, взглядеться пристальнее в ночную темноту, выхватить Ласточку, но Раэн был спокоен, и Халид заставил себя не тянуться к рукояти сабли. А чародей оторвал утиную ножку, откусил изрядный кусок, с удовольствием прожевал и лишь тогда сообщил:

— Мне бы очень хотелось, чтоб гули существовали только в страшных рассказах, но лучше на это не рассчитывай. И держи саблю крепче, когда все начнется, иначе эти сказки порвут тебя на лоскуты. Будь любезен, передай мне бутылку.

— Кто бы мог подумать, — пробормотал Халид, исполнив просьбу и отломив себе утиное крыло с изрядной частью бока. — Гули... Что это за твари? На самом деле?

— Ну, в самом важном предания не врут. — Раэн расправился с ножкой, запил щедрым глотком из бутылки и нацелился на второе крыло. — Гули действительно разрывают могилы и поедают мертвецов. Но при случае могут и на живых поохотиться. Обитают в подземельях, на поверхность выходят ночью и всегда стаями. Кстати, предпочитают безлунные ночи, в темноте они видят превосходно. Сейчас для них слишком светло, полнолуние гулям не нравится. Но это уже их сложности.

— А мне кажется — наши, — ядовито заметил Халид. — Вот это ты и имел в виду, когда говорил об охоте на нечисть?

— И это тоже. Гули на самом деле не так уж и страшны. Вопреки легендам, сталь их отлично берет. Это ведь не сверхъестественные существа, а просто очень древние и редкие хищники. Несколько хороших бойцов легко отобьются от целой стаи, но трупоеды с такими и не связываются. Один-двое — это для них предел. Да и то в особых условиях. Интересно, успеем доесть? Вряд ли...

— Говори за себя, — процедил Халид. — У меня что-то голод пропал. Не хочется, знаешь ли, стать для гуля не просто ужином, а еще и начиненным уткой с вином.

— Успокойся, — усмехнулся Арвейд, вытирая руки платком и с сожалением глядя на оставшуюся утку. — Я же обещал тебе интересную жизнь. Считай, что она уже началась.

— Можно подумать, я о ней просил, — огрызнулся Халид, поводя плечами, чтобы сбросить напряжение, и тоже тщательно вытирая руки — еще не хватало, чтобы в бою рукоять сабли скользила. — Сколько там этих тварей?

— Точно не скажу, но думаю, два-три десятка. Гули всегда нападают кольцом по шесть-восемь штук. Если встречают отпор, то откатываются назад и либо бросаются снова, либо бегут наутек. Но у этих выбора нет, они будут атаковать до последнего. Я тебе потом объясню почему. Самое уязвимое место — морда. В шею и живот бить почти бесполезно, там роговые пластины, а по лапам трудно попасть.

— Ты на них уже охотился? — гораздо спокойнее спросил Халид, чуть сдвигая ножны, чтобы удобнее выхватить саблю.

— Не раз. И жив, как видишь. Как только свистну, перекатываемся к дереву и встаем спина к спине. Главное, не позволяй себя поцарапать или укусить, они и в самом деле ядовиты. У меня есть лекарство, но лучше, если в нем не возникнет необходимости.

— Не поверишь, но мне почему-то и самому этого хочется, — снова съязвил Халид. — А человеческую речь они понимают?

— К счастью, нет. Правда, запах страха чуют отлично. Представь, что имеешь дело с гиенами, но сильнее и умнее. И быстрее, кстати. Они очень ловкие и хитрые, но все же не безупречны...

— Раэн...

Вместо ответа чародей коротко свистнул. Несколько теней, плавно подбирающихся со стороны кустов, взметнулись в длинном прыжке. Халид, преодолев кувыркком пару шагов

до дерева, вскочил и прижался к стволу, обнажив клинок, с другой стороны ствола встал Раэн. Лунный свет холодно мерцал на лезвии Ласточки, и Халиду стало гораздо спокойнее. Подумаешь — гули. Всего лишь драка, где твоя жизнь зависит от крепости рук и верности удара. «И еще от того, кто прикрывает тебе спину, — напомнил он себе. — А после логова Серого Лиса можешь ты на это рассчитывать, если по справедливости? Вот то-то...»

Прوماхнувшие твари, коротко взвизгнув от разочарования, напряженно вытянули узкие, будто сплюснутые сверху и снизу, морды к намеченным жертвам. Окружив дерево, они уставились на людей горящими желтыми глазами.

Халид с невольной жадностью разглядывал ожившую легенду. Чем-то гули действительно напоминали гиен: то ли жесткой темной шерстью с подпалинами, то ли вытянутыми мордами. Одна из гадин оскалилась, и блеснули длинные клыки, украшающие мощные, тоже по-гиеньи, челюсти. Но в отличие от полосатых падальщиков, гули передвигались, временами вставая на задние лапы, сгорбившись и втянув головы в покатые плечи. Тихо урча, они медленно кружили, постепенно приближаясь к дереву, жадно облизывались и скулили...

Раэн с искренним сожалением глянул в сторону корзины, где уже копался длинным носом один из трупоедов, омерзительно чавкая. Утку по-аккамски в «Черном льве» готовили по всем правилам, вымачивая в молодом вине и начиняя диким рисом, маринованными древесными грибами и тушеной в пряностях айвой... Эх, надо было подвесить корзину на дерево!

Обострившийся слух ловил шуршанье травы под лапами гулей, уханье совы где-то вдали, шелест листьев и даже дыхание Халида за спиной. Хорошее, между прочим, дыхание, ровное, спокойное. Что-что, а трусом Зеринге точно не был.

Испещренный пятнами круг луны закатился в тучу, и гули выбрали именно этот миг. Пара черных тел взлетела из высокой травы, целясь Раэну в горло и живот, еще двое прыгнули с боков. И они действительно были быстрыми. Очень быстрыми. Но все же не настолько, чтобы у них получилось.

Льдисто блеснувшее лезвие «шайпурского ската» рассекло массивное туловище и обратным движением обрушилось на голову второго гуля.левой рукой Раэн воткнул длинный нож в мохнатую оскаленную морду слева и встретил прыжок последней твари ударом ноги. Хрустнул хребет — гуль отлетел в сторону безжизненной тряпкой. Сзади птицей свистнула сабля Халида. Бывший убийца отлично справлялся, но еще несколько гулей, рыча, подползали к дереву.

— Как ты там, Зеринге?

Короткий клинок разн вернул на пояс, а «ската» воткнул кончиком в землю у ног. Распахнув куртку, привычным движением нащупал рукояти ножей. Взмах — и два серебристых росчерка устремились к цели. Две твари неуклюже повалились на изрядно примятую траву.

— Как жених на свадьбе, — огрызнулся ир-Кайсах. — Плясал бы, да музыкантов нет.

— Раз язвись, значит, живой. Сколько с твоей стороны?

— Уйма... Кто-то говорил о двух-трех десятках?

— Я тоже иногда ошибаюсь, — с легкой досадой признался Раэн. — Очень старая стая. Погоди-ка...

Подобравшиеся трупоеды, не наученные смертью сородичей, приготовились кинуться. Еще полдюжины тяжелых ножей в три движения взлетели с ладоней, и тут же, отпрыгнув, Раэн повернулся лицом в сторону наемника и присвистнул.

Тремя десятками здесь и не пахло. Кстати, о запахе. Густая вонь стелилась по поляне, заставляя брезгливо морщиться и дышать через рот. Луна выглянула из-за тучи, и Раэн, не отвлекаясь на разглядывание полчища тварей, поправил для удобства перевязь и пожалел, что не догадался захватить лук с полным колчаном. Непростительная небрежность! Он уже потратил треть запаса ножей, осталось еще шестнадцать. Ир-

Кайсах бросил на них быстрый жадный взгляд.

— Поделиться? — спокойно спросил Раэн. — В глаз попадешь?

— Давай, — откликнулся Халид.

Он перехватил протянутую кожаную ленту с торчащими костяными рукоятями. Извлек нож, покачал на ладони, примеряясь, метнул. Потянул следующий, без лишней спешки прицелился... Одобрительно кивнув, Раэн повернулся назад.

Гули, словно и не заметив уменьшения отряда, готовились к новой атаке. Вздохнув, Раэн расчетливо истратил оставшийся десяток ножей. Счет убитых тварей перевалил за две дюжины, но от стаи осталось еще больше половины. «Как они выживали такой семьей?» — мельком поразился Раэн.

Ближайший трупоед поднял морду к луне и хрипло провыл. Остальные продолжали неторопливое кружение, подбираясь все ближе. Еле слышно упала в траву пустая перевязь, брошенная наемником. Луна снова затаилась, пропитывая тучи прозрачным холодным светом, совсем рядом насмешливо ухнул филин, и гули, словно по сигналу, рванулись к добыче.

— Держись, Зеринге, — успел промолвить Раэн, подхватив «скат», а потом стало не до разговоров.

Со всех сторон яростно и неумолимо накатила волна ощерившихся пастей, когтистых лап, зловонного дыхания и утробного рыка. Нахлынула — и рассыпалась мертвыми и ранеными тварями, заливая поляну скользкой липкой жижей, терзая уши предсмертным скулежом и хрипом.

Хладнокровно работая клинком, Раэн старался не только прикрыть спину Халида, но и зацепить тварей со стороны наемника. «Скат» взлетал и опускался, танцевал в его руке, то протыкая горло разъяренного гуля, то попадая острием между костяных пластин, то попросту перерубая бронированную шею.

Время исчезло, оставив стук сердца и беспорядочные атаки обезумевших падальщиков. Привычка держаться по трое-четверо служила им сейчас плохую службу, зато страх у трупоедов отсутствовал напрочь, снова и снова бросая их на смерть...

Все кончилось так же внезапно, как и началось. Разрубив последнее мохнатое тело со своей стороны, Раэн повернулся, и вдвоем они разом управились с парой оставшихся тварей.

Тяжело дыша, Халид присел на корточки и оперся на ствол спиной, но почти сразу же встал и побрел в кусты. Не иначе, утка по-аккамски решила отомстить за шутку об ужине для гулей. Вывернуло его на совесть, дочиста, зато на поляну Халид вернулся слегка оживший. Глянул искоса, однако Раэн и не думал смеяться.

— Это от запаха, — спокойно объяснил он. — Скоро пройдет. Они тебя не задела?

Халид лишь измученно пожал плечами. Вонючая кровь покрывала его с головы до ног, а боль от несильного укуса могла пройти и незамеченной.

— Стой и не двигайся, — велел Раэн.

Что-то прошептав, он провел раскрытыми ладонями по воздуху от макушки Халида вниз, будто обрисовывая его силуэт, и кровь гулей сначала запеклась, а потом осыпалась, оставляя совершенно чистую сухую ткань. Обойдя Халида кругом и внимательно осмотрев, чародей удовлетворенно улыбнулся.

— А ты везучий, — сообщил он. — Ни укуса, ни царапины. Отличная работа! Садись, отдыхай.

Но Халид подошел к ближайшему трупу и брезгливо перевернул его ногой. Оскаленная морда слепо уставилась в ночное небо глазами, прикрытыми плотными складчатыми веками. Мощные широкие лапы напоминали лопасти и завершались крепкими кривыми когтями — великолепным орудием для копания земли. Всего лишь хищник, да?

— Почему они так отчаянно дрались? — спросил Халид у подошедшего чародея. — Могли бы спастись, если б убежали.

— Я же тебе говорил: у них не было выбора, — напомнил тот. — Или свежее мясо, что само пришло в их владения, или голодная смерть. Тебе в самом деле интересно?

Халид коротко кивнул, продолжая разглядывать трупоеда.

— Ты когда-нибудь наблюдал за муравьями, пчелами? Видел, как они живут?

— Муравьи — в муравейниках, а пчелы — в дуплах или ульях. При чем тут гули?

— Какие глубокие познания, — ехидно отозвался маг. — Ну, а что у них общего? Кто главный в семействе?

— Мать-шахиня? — неуверенно предположил Халид.

Про пчел ему слышать доводилось, а вот про муравьев — нет, но раз чародей говорит про общее...

— Именно. Вот и у гулей так же. Они единственные в своем роде: вроде бы звери, но стая как у насекомых. Те, что нападали на нас, это неполноценные особи, пригодные только для добывания пищи. А еще есть хранители гнезда, разведчики, няньки молодняка. И, разумеется, матка. Когда она стареет, то порождает наследницу, которая начинает с того, что сжирает свою родительницу. Стая обновляется, и все идет своим чередом. Но иногда старая мать-шахиня, как вы это называете, остается жива, и тогда стая...

— Делится пополам? — догадался Халид.

— И растет, — кивнул Раэн. — А кладбище не может прокормить две семьи гулей. Молодая стая заняла новую часть, где постоянно хоронят, и вытеснила этих на окраину, где свежих могил почти нет. Что-то они, конечно, добывали, но совсем немного, а изголодавшись, начали нападать на живых людей. За последний месяц тут погибло пять человек: сторож, два могильщика и несколько случайных прохожих. По городу поползли слухи, и я решил, что пора прогуляться под луну.

Чародей улыбнулся, и Халида накрыло волной злости — его собственной, как с холодным удовлетворением отметил Зеринге, и вправду научившись разделять чувства. Шутник! Проверку, значит, устроил? Собирался в первый же вечер, только их позвали в Пестрый Двор, а потом стало не до гулей. Ну и что же ты проверил, демоны тебя сожри? Что я хочу жить и не собираюсь оставлять тебе в наследство еще и Ласточку — в придачу к «шайпурскому скату» твоей прошлой тени?

Он уже открыл рот, чтобы сказать хоть какую-нибудь гадость в красивое насмешливое лицо, но не успел. Раэн вдруг толкнул его в грудь, и Халида снесло в кусты, будто перышко, подхваченное ветром, а там, где он стоял, покатались по земле два тела. Не успел Зеринге выпутаться из густых зарослей, как чародей уже поднялся, отпихнув здорового гуля.

— Ты только посмотри, — изумленно произнес он, разглядываядохлого падальщика. — Он же все это время сидел в кустах и ждал удобного момента! Первый раз вижу такого сообразительного. Наверное, разведчик: они умнее остальных.

И ни слова о том, что только что спас Халиду жизнь. Потому что тварь целилась в горло, тут не ошибешься. И промедли Раэн мгновение, не прикрой его собой... Проклятье! Тысячу раз проклятье!

Халид молча поднял полотенце и полоснул его Ласточкой пополам. Одну часть протянул Раэну, другой принялся тщательно вытирать лезвие сабли, пряча глаза. Кровь у гулей ядовитая, да и вообще, как не очистить оружие после боя? Запоздало подумал, что чародей и так знает все, что он чувствует, и разозлился еще больше. И плевать! Пусть знает! Но тошно-то как... Если бы он хоть одним словом, хоть насмешливым или презрительным взглядом упрекнул его в неловкости, если бы просто дал понять, что Зеринге должен ему за спасенную только что жизнь — в который уже раз! — тогда Халид с чистой совестью мог бы возненавидеть его за непрощенное благодеяние. Но ведь нет! Словно и не случилось ничего!

Халид стиснул зубы, заставляя себя успокоиться. Не стоит выдумывать лишнего. Просто его хозяин не считает нужным связывать свою собственность узами благодарности вдобавок к уже наложенным цепям. И вправду, зачем ему это? Он, пожалуй, этих гулей и за опасность не считает, вон как спокоен.

— Ну что ж, Зеринге, твоя работа на сегодня кончилась... — протянул Раэн, вложив тщательно вытертого «ската» в ножны. — Можешь отдыхать. А моя — в самом разгаре.

Халид поднял взгляд, мрачно недоумевая, о чем это он, гули ведь перебиты?

И вдруг понял.

— Демон побери, — выдохнул, глядя на этого безумца. — Ты что, собираешься лезть под землю?

— Придется... — усмехнулся Раэн. — Две стаи гулей на одном кладбище — это слишком, а раз до молодой шахини не добраться, надо хоть старую прибить, тогда остатки ее семьи вымрут сами. Поскучаешь без меня, ладно?

И глядя на замершего Халида, пояснил:

— Я же не сумасшедший, чтобы тащить тебя с собой. Там тесные ходы, рассчитанные не на людей, завалы, тупики, ловушки и абсолютный мрак. И несколько стражников, охраняющих свою повелительницу. Самому бы уцелеть, не то что за кем-то приглядывать.

— Интересные у тебя представления о здоровом рассудке, — с некоторым трудом съязвил Халид, словно в первый раз видя чародея. — А мне чем прикажешь заниматься? Пока ты будешь...

Раэн пожал плечами и отстегнул с пояса ножны «ската», оставив только длинный охотничий нож.

— Да чем хочешь. Ножи, вон, собери, вино допей, оно и вправду хорошее. Эх, как же я утку не уберег... — Он весело блеснул глазами, заметив, как передернуло Халида, и добавил уже всерьез: — Главное, до утра жги костер: вряд ли я выберусь наверх там же, куда залезу, так хоть по огню определюсь. Если не вернусь к рассвету, возвращайся в город, я тебя сам найду.

— Уверен, что найдешь? — прищурился Халид. — И что вообще выберешься?

— А я никогда ни в чем не уверен, — безмятежно проговорил Раэн. — Хотя лучше бы выбрался. Для нас обоих — лучше.

Он поправил кожаную робу, в которую был одет, и закусивший губу Халид сообразил, что даже это чародей предусмотрел заранее: одежда его предназначалась для подземелья. И лезвие меча попросту не развернется в узких норах, зато охотничий нож там годится лучше некуда. И даже полнолуние, слепящее падальщиков и помогающее Халиду, он просчитал...

Медленно оглядев поляну, Раэн пересек ее, подошел к высоченной сухой чинаре и заглянул под поваленный ствол рядом с ней.

— А вот и лаз, — отстраненно сообщил то ли Халиду, следующему за ним по пятам, то ли самому себе. — Как же я ненавижу подземелья! До встречи, Зеринге. Жди меня или рассвета, это уж как получится.

— До встречи, — негромко отозвался Халид.

Черная дыра беззвучно глотнула чародея, нырнувшего в нее, как в омут. Постояв минуту над входом в царство гулей, Халид повернулся и пошел собирать сучья для костра. Время до утра обещало тянуться долго, но ему было над чем подумать.

ГЛАВА 16. Клинок с двумя лезвиями

Огромный шершень, влетевший с улицы, медленно полз по стене рядом с окном, словно полуденная жара сморила и его. Крылья угрожающе гудели, полосатое тельце упрямо продвигалось к одному ему понятной цели. Халид лениво приподнял веки, отыскал взглядом источник беспокойства. Опустил руку на столик рядом с креслом, не глядя нащупал тяжелый нож, тщательно примерился... Глухой стук оборвал дребезжание крыльев.

— Хороший бросок.

Халид обернулся к дивану, хмыкнул и сообщил:

— Я уж думал, ты решил заснуть лет на сто, как семь дочерей шаха Такура.

— Размечтался...

Раэн сладко зевнул, потянувшись и заложив руки за голову.

— До чего же хорошо быть живым, — задумчиво сообщил он, глядя в потолок. — Только есть очень хочется.

— Ничего удивительного, ты два дня проспал как убитый. Кофе хочешь?

— И кофе тоже. Мне кажется или у нас пахнет пловом?

— Не кажется. — Халид встал. — Я свел знакомство с поваром из «Черного льва». Сейчас принесу.

— Зачем? — удивился чародей. — Уж до кухни я и сам дойти могу. Тем более что искупаться хочу даже больше, чем есть.

На глазах изумленного Халида он действительно сел, а затем слегка неуверенно поднялся на ноги и подошел к окну.

— Благие боги! — вырвалось у Зеринге. — Как ты после такого ходить можешь?

— С трудом, — отозвался Раэн, присаживаясь на подоконник. — Но могу. Крепкий сон — лучшее лекарство!

Обнаженный до пояса и одетый лишь в полотняные подштанники, он с наслаждением подставил солнечным лучам лицо и тело, глубоко дыша и щурясь совершенно по-кошачьи. Правое плечо и грудь вместо глубоких ран покрывала густая сеть тонких белых шрамов, выглядевших так, будто им несколько лет. Халид недоверчиво покачал головой, вспоминая...

У могилы давно почившего Рудаса ир-Хаби он просидел до самого утра. Было тихо, только иногда вскрикивала сова, да несмело потрескивали цикады. Мертвые гули невыносимо смердели, поэтому Халид разжег еще один костер в стороне от первого и старательно поддерживал его до рассвета. Подложив очередную охапку сухих веток, он ложился рядом с огнем на прохладную землю и смотрел в небо, на огромный диск луны, перезревшим сыром висящий среди звездной россыпи. Звезд было так много, что они белели крошками творога на темном полотне. Халид улыбнулся старому приятелю Лучнику, потом нашел взглядом его небесную возлюбленную — Украденную Невесту...

Когда-то, целую вечность назад, он помогал приемным родителям делать сыр и творог на продажу, пока не сбежал из дома в поисках приключений. В те дни запах кислого молока начал вызывать у него дрожь отвращения, но сейчас, годы спустя, Халид готов был признать его прекрасным. Кислым молоком пахли руки его матери.

Воспоминания текли лениво и отстраненно. Он ждал, как и было велено, терпеливо подкидывая сушняк в жадное золото костра, время от времени глотал густое мягкое вино из чудом уцелевшей бутылки и размышлял.

А потом незаметно подкрался восход, окрасив небо цветными сполохами, похожими на дюжину покрывал танцовщицы, что сбрасывает их одно за другим. И вот уже бирюзовое

становится лиловым, потом — розовым и желтым, потом — цвета жемчуга... Когда небо, как лукавая дева, которой скупой заплатили, осталось в последнем нежно-голубом покрывале, потрясенный Халид сидел, обняв колени и уткнувшись в них подбородком, зачарованно разглядывая неисчислимы хрустально-радужные капли росы, щедро усеявшие траву, землю, деревья и надгробья. Он и сам не смог бы сказать, сколько лет не видел рассвета вот так, не мельком, куда-то спеша, а ощущая его всем телом, от особого утреннего запаха до знобкой свежести воздуха, ледящего кожу...

А потом хрустнули ветки под тяжестью неуверенных медленных шагов, и Халид вскинулся, мгновенно сбрасывая истому. Разн выбрался из кустов, оставляя на траве темный след, и шагнул к костру. Кожаная туника чародея превратилась в лохмотья и пропиталась черно-багровой влагой, в лице не осталось ни кровинки.

Ругнувшись, Халид подхватил валящегося на бок Разна, разжал его судорожно стиснутые пальцы, забрав нож, и быстро срезал липкую кожаную бахрому. Разобрать, насколько серьезны раны, у него вышло не сразу: плечо и грудь Разна покрылись коркой из крови и грязи. Еще раз помянув демонов Нижнего мира и всю их родню, Зеринге как мог смыл эту жуткую коросту вином и перевязал глубокие рваные порезы собственной рубашкой, разодранной на полосы. По крайней мере, кровь прекратила струиться.

— И что дальше? — пробормотал ир-Кайсах, уложив его на ворох сухой травы у костра. — Разн, очнись! Да очнись же! Я-то не лекарь. Что мне делать?

Ресницы раненого, до этого совершенно неподвижные, дрогнули. Разн дышал медленно и тяжело, но через пару томительных мгновений он, закусив губу, вздохнул глубже и открыл глаза.

— Халид... я... наверху? Живой?

— Пока еще да! — рявкнул Зеринге. — Не смей умирать! Говори, что мне делать?

Пальцы Разна нащупали пояс, вцепились в пряжку, что-то тихонько щелкнуло, и Зеринге увидел на бессильно разжавшейся ладони темную горошину. Чародей снова потерял сознание. В отчаянии Халид влепил ему пощечину и, поймав момент, когда ресницы опять задрожали, всунул в полуоткрытые губы пилюлю.

В наступившей тишине Халид слышал стук собственного сердца. Оно успело ударить всего несколько раз, когда Разн распахнул глаза. Бледные щеки стремительно наливались краской, а взгляд стал осмысленным.

— Тридцать три преисподних, — хрипло прошептал он, откашлялся и выплюнул сгусток пыли и слюны. — Не думал, что выберусь...

— Не торопись радоваться, — огрызнулся ир-Кайсах. — Где я сейчас найду повозку или носилки? Никто не поедет на кладбище ночью. Придется ждать, пока совсем рассветет.

— Обойдемся без носилок, — усмехнулся Разн уже гораздо увереннее. — До ближайшей улицы я доковыляю, не беспокойся.

Халид посмотрел недоверчиво, но чародей и впрямь оживал на глазах. Приподнявшись, он дотянулся до бутылки и жадно выпил оставшееся вино.

— Давно так не доставалось, — почти весело сообщил он, нашаривая в траве свой «шайпурский скат» и пристегивая его к поясу. — Еще немного, и старая гадина порвала бы меня в клочья...

— Сможешь идти? — недоверчиво уточнил Халид, и Разн кивнул.

— Недолго, но смогу. Это снадобье даже мертвого поднимет, но на полчаса, не больше, а потом придется тебе все-таки искать паланкин. Так что пойдем-ка отсюда, Зеринге.

Он вскочил и вполне бодро зашагал по вытоптанной траве в сторону просыпающегося города...

...Не переставая изумляться, Халид во все глаза разглядывал паутину шрамов на теле Разна, вернувшегося со двора. Чародей вытер мокрые волосы полотенцем и налил себе

кофе. Подштанники он сменил на свежие, но остался без рубашки и босиком. Пока Разн шел по комнате обратно к дивану, Халид невольно оценил и ширину плеч, и хищную стройность, и то, как плоские, четко очерченные мышцы переливаются под тонкой белой кожей. Таким чужестранец и близко не напоминал беспечного разряженного красавчика, увиденного Халидом в «Черном льве». Не дичь, а охотник. Двигался Разн легко, словно едва касался земли. В пустыне про такую походку говорили: ногой траву не примнет.

Халид вышел в кухню, поставил медное блюдо с пловом на маленькую жаровню и протянул к ней руки. Несмотря на беспощадно палящее солнце за окном ему вдруг стало до озноба холодно.

— Зеринге...

Шаги Разна были абсолютно бесшумны, он просто появился и встал бок о бок рядом. Халид опустил глаза, вглядываясь в пляшущий огонек жаровни, отблеском видимый из-под блюда. Глубоко вздохнул. Покопался на чародея и снова перевел взгляд на огонь.

— Почему ты не бросил меня там, на кладбище? — тихо спросил Разн.

— А ты не понимаешь? — огрызнулся Халид. — Самому жить хотелось!

И ведь было такое. Мелькнула заманчивая мысль: не добить, нет, всего лишь... отойти подальше. Отойти и подождать. Халид не раз видел, как люди истекали кровью от куда меньших ран.

— Раньше тебя это не смущало, — возразил Разн. — Узы Тени работают по прямому приказу, а я его отдать не успел. Можно было не перевязывать меня, не заставлять выпить снадобье, не тащить через всю Харузу... Просто уйти. Я вполне мог умереть в тех проклятых кустах, и ты бы оказался свободен. Конечно, помучился бы, но не смертельно. Свободен, Халид! Разве ты не думал об этом, когда помогал мне?

— Ты спас меня от гуля, — нехотя отозвался ир-Кайсах.

— Не любишь оставаться в долгу? Причина хорошая, но ее одной мало. Если нам с тобой считаться, кто кого успел спасти...

— Да какая разница? — прорычал Халид, едва сдерживаясь. — Зачем тебе это знать? В следующий раз успеешь приказать заранее — вот и все.

— Или не успею, — спокойно отозвался Разн. — Потому что нельзя предусмотреть все, Халид, невозможно отдать приказы на любой случай. Рано или поздно моя жизнь опять будет зависеть от тебя. А я не люблю поворачиваться спиной к тому, кто меня ненавидит, пусть он и обязан подчиняться. И не люблю отдавать приказы тому, у кого нет выбора, выполнять их или нет.

— Понимаю, — тихо откликнулся Халид, не отводя глаз от огня. — Ты — неплохой хозяин, Разн. Ты не пошлешь меня туда, куда побоишься идти сам. Не будешь зря пользоваться своей властью. Но ты ведь никогда и не отпустишь меня...

— Не отпущу... — вздохнул Разн. — Это уже не в моей власти.

— Кто ты, Разн? — спросил Халид, помолчав. — Кому я должен служить?

— Не кому, а чему, — отозвался чародей, сложив руки на груди и тоже глядя то ли на огонь жаровни, то ли в окно, за которым солнце лило кипящий мед полуденного света. — Я хранитель равновесия. Моя работа — следить, чтобы ни Тьма, ни Свет не получили преимущества.

Халид поморщился. Тьма, Свет... Слишком много красивых слов, которые пристали жрецам и магам. Ему бы что-нибудь понятнее.

— Ты — демон? — уточнил он. — Или все-таки человек?

— Ни то, ни другое, — улыбнулся Разн. — Мой народ живет за границей известного тебе мира, и в твоём языке нет слова, чтобы меня назвать. Но я смертен и далеко не

всемогущ, потому ты мне и нужен. Можешь считать меня джинном, это самое близкое, что придумали люди. Ну, что еще хочешь узнать?

Пожалуй, он и в самом деле готов был отвечать, но Халид вдруг понял, что не знает, о чем спрашивать. Все, что ему на самом деле нужно, это освободиться от чужой власти, а на такой вопрос Раэн точно не ответит. Спрашивать же о чем-то другом, вроде настоящей судьбы прошлой Тени чародея, Халид не собирался. Отповедь Раэна об искренности он запомнил хорошо. Самые крепкие письма те, что вырезаны в памяти болью или унижением. Хотя...

— А когда мы снова отправимся на кладбище? — спросил он и, спохватившись, помешал плов деревянной лопаткой.

— Зачем? — удивился Раэн. — Тебе понравилось?

У Халида на языке так и вертелось, что больше всего ему понравилось, каким тихим и безобидным был Раэн, пока раненым валялся в постели, но он решил не дергать тигра за усы, чародей и так ему многое спускал. Слишком многое для раба, если уж говорить начистоту.

— Там стая гулей осталась, — напомнил он. — Выводок молодой шахини.

— Ах, гули... — Раэн поморщился. — Нет, Зеринге, это уже не наша забота.

— Что?!

Скажи Раэн, что солнце встает в закатной стороне, а ягненок может загрызть волка, Халид бы так не удивился.

— Почему не наша?!

— Потому что обычно они не убивают. — Раэн взял в руки джезvu, где еще осталось достаточно кофе, и пристально посмотрел на нее, сжимая в ладонях. Почти сразу над темной поверхностью появился едва заметный парок, и чародей налил согретый кофе в чашку. Кивнул на джезvu Халиду, но Зеринге молча покачал головой, а Раэн пояснил: — Гули — твари мерзкие, но у них тоже есть место в круговороте жизни. Туда, где исчезнут гули, на их место неизбежно придет гхейр. А это куда хуже, чем стая подземных трупоедов.

— Гхейр?

— О них сказок не рассказывают, верно? Мало кто знает о существовании гхейров, очень уж трудно пережить встречу с ними. Точнее, с ним. Гхейр — одиночка.

Целитель помолчал, отпив кофе, потом продолжил:

— Представь себе гуля, но крупного, как матерый леопард, и при этом гораздо умнее. Гхейр питается падалью по необходимости, а так он предпочитает охоту на живую дичь. Понимаешь, что это значит?

— Да уж, — отозвался Халид.

О гхейрах он никогда не слышал, но Раэн был серьезен, а боги создали немало тварей, которые предпочитают прятаться от людей.

— А чем ему трупоеды мешают?

— Сложно сказать, — пожал плечами чародей. — Одно известно, гхейр никогда не появляется на кладбище, если оно занято гулями, это точно. С целой стаей даже ему все-таки не справиться. А сытый гуй никогда не нападет на человека. Те, что остались, еще очень долго будут сытыми: у них лет пятьдесят до появления новой матки, а делится стая еще реже.

— Все равно это мерзость, — убежденно бросил Халид. — Покойники отправляются на корм вонючим гадинам!

— Ты прав. — Раэн подлил себе еще кофе и вернул джезvu на столик. — Но лучше уж

гули, чем гхейр. Я не могу поселиться на кладбище и всю жизнь его охранять. А падальщики отлично стерегут свои владения. Да, это отвратительно. Но такова моя работа: допускать малое зло, если оно спасает от зла большего. Это и есть равновесие.

— К демонам такое равновесие! — Халид все еще не мог забыть мерзких тварей. Пусть у него самого на харузском кладбище никто не похоронен, но глумиться над мертвыми — противно богам. — Почему просто не рассказать людям? Кладбище можно осматривать, выходы из нор перекрыть, устроить ловушки...

— Ловушки? — насмешливо переспросил чародей. — Ну хорошо, допустим, тебя не сочтут безумцем, когда ты примешься на всех углах кричать о гулях. Допустим, тебе даже поверят... Шах велит очистить кладбище, и гули просто разбегутся, вернувшись, когда все утихнет. А если заставить стражу караулить там постоянно, переберутся на окраины в бедняцкие кварталы и начнут охотиться на детей и стариков. Нет, Зеринге, имелась бы хоть какая-то возможность очистить кладбище от непрошенных жильцов, я бы так и сделал, но это непосильная задача. Слишком глубоко подземелья под Харузой, слишком много разных тварей в них обитает. И гули далеко не самые кровожадные существа из тех, что можно здесь повстречать. Люди и то опаснее...

— Тут я с тобой согласен, — мрачно промолвил ир-Кайсах. — Сам знаю таких, что хуже любого гуля. А как же тела? Их найдут, и все узнают о трупоедах.

— А что тела? Думаешь, они долго пролежат нетронутыми? В старую часть кладбища редко заглядывают, а молодые гули уже на следующую ночь позаботились о собратях. Что не сожрали на месте, а они, конечно, не успели сожрать, утащили в норы. Через пару дней от этой истории и следов не останется. Разве что... Ты мои вещи не выбросил, я надеюсь?

— Во дворе у колодца кинул, — так же хмуро отозвался Халид, рассудком понимая, что Раэн прав. — Надо бы спалить, они в крови, но я не знал, вдруг у тебя там что-то нужное...

Например, гром-камень, зашитый в пояс, или еще какая чародейская дрянь. Говорить этого он не стал, как и оправдываться, что посчитал непристойным лазить по карманам, но Раэн понимающе кивнул и вышел во двор. Его не было ровно столько времени, чтобы Халид успел снять с огня плов, разложить по мискам и достать из корзины свежие лепешки. Хмыкнул про себя, вспомнив, что в сказках джинны едят солнечный свет или пьют кровь людей, если темные. Из каких бы джинов ни был Раэн, вкусную еду, кофе и доброе вино он любил как самый обычный человек, да и в прочих радостях, похоже, себе не отказывал.

— О, сырные лепешки! — потянул носом предмет его раздумий, показываясь на пороге. — Сдвинь-ка блюдо в сторону.

Он подошел к столу и вытянул над ним руки. В ладонях, сложенных ковшом, высилась горка чего-то непонятного, тускло блестящего из-под слоя то ли грязи, то ли копоти. Халид брезгливо покосился на странную гадость, которой ни за что не стал бы осквернять такое святое место как стол, но блюдо с пловом послушно сдвинул — и подальше, чтобы грязь в него не попала.

Раэн раздвинул ладони, и на полированное темное дерево со стуком высыпались кольца, какие-то бляхи, несколько толстых цепочек с подвесками, серьги... Все крупное, тяжелое, золотое и с множеством камней. Халид пораженно воззрился на драгоценности, словно много лет пролежавшие в земле. Осел, да именно там они и лежали!

Он протянул руку и взял массивный перстень. Потер рукавом камень размером с лесной орех, и из-под темного налета брызнул синевой сапфир чистой воды.

— Вот тебе еще одна загадка гулей, — весело сказал Раэн. — Понятия не имею, зачем они тащат своей матушке драгоценные камни и золото, но там, под землей, остался далеко не один тайник. Мне было не до тщательного обыска, прихватил, что под руку попало. Половина твоя, можешь выбирать.

— Нет.

Положив перстень обратно, Халид сделал шаг назад, не отводя взгляда от лежащего на столе клада, на который можно было бы купить лавку с дорогим товаром или большой дом с садом.

— Нет, — повторил он. — Я не святой, но ограбить мертвецов...

— Их уже ограбили до нас, — усмехнулся Раэн. — Мы ведь не можем вернуть камешки ни законным владельцам, ни их наследникам. Знать бы, кому возвращать. Что им, так и лежать под землей? Или тебе стыдно перед гулями? Не дури, Зеринге. Мертвым золото без надобности, поверь тому, кто не раз ходил за Грань. А нам нужно на что-то жить. Считай, что это плата за нашу работу.

— Плата?

Халид закусил губу, раздумывая, потом нерешительно взял со стола серьгу без пары и повертел в пальцах оправленный в золото изумруд, носить который не постыдился бы ни один придворный вельможа. У него дома говорили, что ограбить мертвеца — великий грех перед богами, но ведь Раэн взял это все не из могилы, а в логове гулей. Значит, это не воровство, а воинская добыча. Правда, чужая.

— Я не заработал половину, — хмуро сказал он.

— А это уж мне решать, — заявил Раэн, споласкивая руки.

Вернувшись к столу, он подцепил верхнюю лепешку из горки и негромко сказал:

— Бери, не сомневайся. Раз уж я распоряжаюсь твоей жизнью, пусть она хоть иногда будет приятной.

Халид бросил серьгу обратно в кучу и пристально взглянул на чародея, ответившего ему спокойным прямым взглядом.

— Тебе и в самом деле это нужно? Чтобы я не просто выполнял приказы?

— Нужно, — несколько мгновений помолчав, ответил Раэн. — Я могу заставить тебя жить или умереть, но к верности никого не принудить силой. И если для тебя делить со мной хлеб и прикрывать мне спину хуже смерти, что ж, выбор твой. Убивать не стану, но и спиной больше не повернусь.

— Верность? — Халид криво усмехнулся почему-то непослушными губами. — Похоже, ты первый, кому она понадобилась. Всем остальным хватало послушания. Раэн, скажи, у меня есть хотя бы надежда? Надежда на свободу?

— Есть, — снова помедлив, сказал чародей, блеснув углями зрачков. — Имеется в узах Тени одна лазейка. Только я тебе о ней не расскажу. Догадаешься, сумеешь воспользоваться — твое счастье. И моя смерть...

— Даже так? — недоверчиво сузил глаза Халид.

— А ты как думал? На то оно и равновесие, — вернул ему невеселую усмешку Раэн. — Так что ты выбираешь?

— Не знаю, — тяжело выдохнул Халид. — Хотя...

Он вдруг снова вспомнил слова Раэна о том, что искренность — клинок с двумя лезвиями. И подумал, что если сейчас солжет, то жизнь, может, и получит, но зачем ему жизнь, в которой придется считать себя трусом и подлецом?

— Если догадаюсь, как от этого проклятия избавиться, тут и выбирать нечего, — честно сказал он, глядя в непроницаемое и бесстрастное, как у мраморной статуи, лицо Раэна. — Не обессудь, но мне моя свобода дороже твоей жизни. Хочешь, ищи себе другую Тень, а со мной поступай, как знаешь. Но это дело между мной и тобой. А если придется драться с кем-то другим... то можешь поворачиваться ко мне спиной без опаски. Клянусь хлебом и водой, которые мы разделили, — произнес он старую клятву своего племени. — Никому из твоих врагов я тебя не выдам и... — Он запнулся, но с усилием заставил себя договорить: — И из воли твоей не выйду.

— Другим не отдашь, но сам, если получится, убьешь? — глумливо уточнил Раэн и вдруг широко улыбнулся. — Хорошая сделка, Зеринге, мне нравится. А теперь давай все-таки поедим, иначе я помру с голоду над полным столом, а это слишком обидно.

Не так страшен укус пчелы, как оставленное в теле жало, что вновь и вновь отравляет его. Джареддин ир-Джантари исчез из спальни Наргис, подобно кошмару, развеявшемуся с пробуждением, но остался в ее мыслях темным ядовитым пятном.

Два дня она металась по дому, как испуганная птица по клетке, внешне — спокойная, а внутри все тряслось от запоздалой злости, стыда и отвращения. Словно Джареддин все-таки опозорил ее, не тронув тело, но испачкав гордость и показав Наргис ее бессилие. Как можно противостоять магу? Еще и племяннику самого шаха! Да, отец Джареддина и Аледдина умер несколько лет назад, но даже мертвый Лунный визирь внушал страх врагам престола.

Отец Наргис считал Аледдина подходящим женихом, ведь в его жилах текла священная кровь дарованного богами государя, пусть и по матери, а корни семьи ир-Джантари уходили лишь на чуть меньшую глубину, чем корни ир-Даудов. Прекрасный выбор! И Наргис думала, что боги ослепительно милостивы к ней, ведь она полюбила жениха, найденного родителями, а он — ее. Не все так счастливы...

А потом Аледдин разорвал помолвку. Наргис едва не обезумела от горя, но матушка с отцом сказали, не скрывая печаль, что юный ир-Джантари поступил как истинно благородный человек, не принуждая к исполнению заключенного договора. А ведь мог бы потребовать, чтобы Наргис все равно связала жизнь со смертельно больным мужем... Страшная судьба для девушки, но данного слова не взять обратно!

Наргис не верила. Боги не могли сменить щедрость на такую жестокость! Аледдин должен был выздороветь! Она уверяла всех в этом и таяла, как воск на полуденном солнце, пока не получила от него первое письмо. Честное и милосердное, как удар кинжала, прекращающий пытку. Это письмо было единственным, которое она не сохранила. Но и нужды не было, Наргис до сих пор помнила в нем каждую строчку...

А о Джареддине тогда и речи не шло! Наверное, отец понимал, что если бы он попытался заключить новый брачный договор с родом ир-Джантари, заменив жениха на его родного брата, Наргис могла бы решиться на страшное. Только не он! Не тот, у кого будет родное и любимое лицо, но чужая душа!

Да она и не думала о Джареддине никогда! Они даже не встречались. Во всяком случае, на помолвке его точно не было. Как ни странно...

Стоя у окна, выходящего в сад, Наргис глубоко вдохнула, стараясь успокоиться. Если птица, запутавшаяся в силках, постарается освободиться, осторожно распутав сеть, у нее может и получиться. Страх же убьет быстрее, чем руки охотника. Что она знает о Джареддине?

Он брат-близнец Аледдина. Младший, но не согласен с этим. Единственный из братьев одарен колдовским даром и одарен щедро, иначе не стал бы одним из придворных чародеев пресветлого шаха, да хранят его боги. Его мать...

Наргис невольно поморщилась, вспомнив, с какой ненавистью Лейлин ир-Джантари смотрела на нее при встречах. Боги упасите от такой свекрови! Хотя если бы Наргис вышла за Аледдина, у шахской сестры не было бы причин ее ненавидеть. Наверное... Лейлин обвинила ее в болезни сына! Кричала страшное, ломала руки, срывала вдовье покрывало, топчя его ногами прямо в дворцовом зале, где они встретились, и все вокруг отворачивались, потому что слушать это было больно, а не слушать не получалось.

А потом Лейлин вдруг успокоилась. Глянула на Наргис огромными глазами, горящими, как в лихорадке, и ее побледневшие губы прошептали, что боги все видят и накажут виноватую...

Наргис не испугалась, потому что и сама так думала. Боги видят все. А в чем ей себя было упрекнуть?! Если бы Аледдин в том письме не запретил, она бы сбежала к нему даже против воли родителей! Ну и что, что он болен? Она была бы рядом столько времени, сколько отмерила им судьба! Больному еще нужнее забота, ласка и нежность...

И, может быть, сама смерть отступила бы, сжалившись над ее просьбами. Ведь бывают же не только страшные чудеса?

Но где тогда был Джареддин? И если сейчас он пожелал ее в жены, то почему только сейчас?

«Потому что пока был жив отец, он не отдал бы меня замуж против моей воли, — очень разумно сказала себе Наргис. — А тягаться с Солнечным визирем сыну умершего Лунного не под силу. Разве что сам шах приказал бы. Но пресветлый государь любил и ценил отца, он не стал бы его принуждать».

Несмотря на слепящее солнце за окном, она обняла себя руками за плечи, словно от холода. Черная лихорадка... Страшная и неминуемая смерть, которая почему-то пощадила их с Надиром, но забрала матушку, отца и маленького брата. Так ли эта смерть была неминуема? Или, может быть, Джареддин уже получил отказ?!

— Если это так... — прошептала Наргис. — Я выйду за тебя замуж! Встану перед алтарем, принесу все положенные клятвы, взойду на твое ложе. Буду терпеть и улыбаться, буду улаживать тебя... Рано или поздно ты согласишься моей любви! А тогда... нож в сердце или отравленный кубок, один на двоих — мне все равно!

Она опомнилась, лишь когда поняла, что сжимает тонкую шелковую шаль, а не рукоять кинжала. И пальцы болят от напряжения... Но как узнать, правда ли это? И даже если нет, как защититься от Джареддина? Сбежать из Харузы к дядюшке с братом? Самое простое и заманчивое решение. Но она не станет этого делать, не укажет ядовитой твари путь к своей семье...

И прежде, чем что-то делать, нужно узнать главное.

Сдернув измятую шаль, Наргис раздраженно кинула ее на постель. Подошла к столику со шкатулками и открыла одну из них, вставив кольцо, которое всегда носила на пальце, в потайной паз. Крышка тихонько щелкнула, и шкатулка открылась, показав горку драгоценностей, а главное — связку всевозможных ключей!

Вот ее-то Наргис и взяла, почувствовав знакомую холодную тяжесть, такую успокоительную. И поспешила из спальни, надеясь, что не придется объяснять любопытным домохозяевам, почему она открывает дверь, к которой после смерти отца никто в доме даже прикоснуться не решался.

Дверь отцовских покоев подалась с такой готовностью, словно все это время ждала именно ее. Наргис переступила порог, внутренне содрогнувшись, вдруг внутри будет как в склепе? Но тут же ее печально и ласково обняла память об отце. Книжки, оставленные им на столе, брошенная на диване в углу накидка, полусгоревшие свечи в высоких медных подсвечниках и письменный прибор... Отец любил, чтобы она чинила ему перья и налиwała чернила. А Надир ревновал, но ему и так доставалось больше отцовского времени! Брат уже давно помогал отцу в делах, переписывая для него бумаги и выполняя поручения...

Наргис осторожно прошла по запылившемуся ковру, словно боясь потревожить спящего. Опустилась на колени перед диваном и уткнулась лицом в отцовскую накидку, вдохнула запах... И разрыдалась, как маленькая девочка, разбившая колени и прибежавшая жаловаться на гадкие злые качели! Слезы текли сами собой, и самым страшным было понимать, что больше никогда ласковая тяжесть отцовской руки не погладит ее голову и плечи. Никогда она не услышит разумный совет и доброе слово... Никогда! Никогда!

Сколько так Наргис просидела на ковре у дивана, она не знала. Но все-таки слезы, казавшиеся бесконечными, иссякли, и она встала, уже понимая, что делать дальше. Бороться! Чтобы отец даже в райских садах гордился ею!

Подойдя к столу, она села в тяжелое и тоже запылившееся кресло, положила ладони на теплое дерево перед собой. Подумала, не открыть ли окно, чтобы впустить свежий воздух вместо застоявшегося, но отвлекаться не стала. Ей нужны... Да, именно эти тома, на кожаной обложке которых отцовской рукой аккуратно написаны названия лет. «Золотой Дракон», «Огненный барс», «Белая лошадь»... Отец вел эти записи большую часть жизни! Иногда он давал Наргис и Надиру несколько страниц, исписанных ровным,

округлым, как жемчуг, почерком, и они, затаив дыхание, читали обычные записи о рождениях, свадьбах и поездках, как невероятные тайны!

«Огненный барс» — вот что ей нужно. Год, когда была заключена помолвка!

Наргис нетерпеливо пролистала записи о встрече чинского посольства и казни каких-то заговорщиков... Вот! «Двадцать седьмого дня месяца Цветущих Гранатов под благоприятными звездами и луной я дал слово Шамси ир-Джантари, что моя дочь Наргис станет женой его сына Аледдина не далее, как через луну. Слову моему были свидетелями почтенный жрец Света Тарун ир-Камри и жрица Великой Матери Хамиза ир-Басейни... Гостями на помолвке были...»

Наргис читала имена, и почти все были ей знакомы. Дальние родичи, друзья отца и рода ир-Джантари... Все они поздравляли ее, дарили подарки, желали скорейшей свадьбы, долгих лет счастливой жизни и потомства многочисленного, как цветы на гранатовом дереве... Джареддина ир-Джантари, которому полагалось бы одним из первых приветствовать брата, среди гостей не было.

Наргис вздохнула с облегчением. Значит, с памятью у нее не так уж плохо! И принялась торопливо листать отцовские записи, выискивая любые упоминания о роде ир-Джантари.

Таковых оказалось не так уж мало! Шамси ир-Джантари, Лунный визирь, стоящий по левую руку от пресветлейшего шаха, часто пользовался его милостями, и отец упоминал его в числе придворных, получивших награду или знак высочайшего благоволения. Имя Аледдина она тоже видела и каждый раз не могла удержаться, чтобы не погладить его кончиками пальцев. Наследник ир-Джантари участвовал в приеме то чинских, то шагрибинских послов и писал ученые трактаты о сущности государства и торговли. О да, Аледдин очень умен!

О Джареддине не было ни слова.

Наргис потеряла усталые глаза, не обращая внимания, что пальцы испачканы пылью. Неужели Джареддин всегда был в тени брата, несмотря на магический дар? Как странно...

Она решительно потянула к себе остальные тома записей. Год Зеленой Черепахи — отец пишет, что был на празднике в честь десятилетия сына Лунного визиря. Сына?! Год Алого Дракона... Шамси ир-Джантари, Лунный визирь, пригласил отца, матушку и их с Надиром к себе в поместье на берегу Цветочного озера. Эту поездку Наргис помнила, но очень смутно! Ей было три-четыре года, а в поместье оказалось несколько детей... Но вот отец очень одобрительно пишет об учтивости и прекрасном воспитании маленького Аледдина и о том, как наследник Шамси любит читать, хоть еще совсем мал. Снова только Аледдин! Да неужели Лунный визирь все эти годы прятал второго сына?!

Наконец Наргис добралась до последнего тома. Точнее — первого. И дрожащими от нетерпения пальцами перелистала ломкую и пожелтевшую от времени чинскую бумагу, сшитую в толстый тяжелый том. Запись, которая ей была нужна, гласила: «Сегодня в присутствии пресветлого государя, приехавшего навестить свою добродетельную сестру, я поздравил Шамси ир-Джантари с рождением сына, первенца и наследника, да будет он разумен, здоров и удачлив...»

Наргис снова потеряла глаза, в них явно попала пыль, и ясные чернильные строчки расплывались. Сыновей ведь, а не сына? Она поморгала, и запись обрела ясность: «сыновей, первенца и его брата, да будут они разумны...» Ну вот, все верно! И тут в висках заломило, а строчки снова поплыли.

«Сына, первенца и наследника...» Да что же это?!

Наргис стало страшно. Стоит расслабить зрение, глядя небрежно, и у Шамси ир-Джантари — два сына! А если присмотреться, в глазах появляется резь, но строчки говорят лишь об одном первенце. Разве так бывает?!

Она торопливо пролистала еще несколько страниц, благодаря отца за его невероятную аккуратность. Нашла запись об имянаречении. «И назвали их в честь предков Аледдин и Джареддин». Так... Ожесточенно потеряв уже измученные глаза, она глянула на

страницу: «И назвали его в честь деда Аледдином...»

— Что же ты в самом деле за тварь? — прошептала Нургис, снова мгновенно озябнув от ужаса, прокатившегося по спине холодком. — Тебя не было! Не было... Но ты откуда-то появился и даже вполз ядовитой гадиной в записи отца! Но почему я вижу это, а все остальные, получается, нет? У Аледдина же есть мать! Не может она не знать, сколько сыновей родила?! Или все это уже долгие годы одна чудовищная ложь?!

ГЛАВА 17. Просьба ночного шаха

Стоило Халиду привыкнуть к очередной странности целителя, как тот удивлял еще чем-нибудь, словно нарочно старался. Вот куда отправится здравомыслящий человек, решив завести собаку? Ясное дело, что к мастеру, разводящему нужную породу. Хотя сторожевую или бойцовую зверюгу, хоть пушистую девичью игрушку, что и собакой не назовешь, — в Харузе можно купить породистого щенка на любой вкус и кошелек. А можно подобрать и взрослого пса, уже отлично выученного всем собачьим премудростям.

То ли такая простая мысль не пришла в высокоученую голову, то ли чародею было попросту скучно — уж в жадности Халид его точно не заподозрил бы — но однажды Раэн вернулся домой, притащив на руках огромную тощую собаку при последнем издыхании. Бережно уложил на диван, сходил в мастерскую и вернулся оттуда с глиняным горшочком, в каких лекари держат снадобья, и куском чистой ткани.

Подойдя из любопытства поближе, Халид разглядел, что белая собака размером с крупного волка не просто истощена, облезлую шкуру покрывали мокрые красные пятна лишая, глаза почти не открывались от гноя.

— Где ты это чудище нашел?

Халид с предусмотрительной брезгливостью отошел от дивана, подумав, что покрывало придется выкинуть, и лучше не брать его голыми руками, а подцепить кочергой и затем ее прокалить.

— На помойке, где же еще, — рассеянно отозвался Раэн, опуская краешек ткани в резко пахнущий горшочек.

Пропитав лоскут зельем, он принялся протирать морду пса, и вскоре покрытые гноем и струпьями глаза очистились, хоть и остались воспаленными.

— У нас ведь нет молока? — спросил Раэн, оглядывая дело своих рук. — Тогда собирайся на базар.

— За молоком? — растерянно уточнил Халид, подозревая, что чародей все-таки лишился рассудка, если собирается лечить и отпаивать полудохлую собаку.

— И за молоком тоже, — подтвердил Раэн его подозрения. — Купи телятины, полсотни яиц и кувшин молока. Ну и нам прихвати чего-нибудь...

Что ж, безумный или нет, целитель по-прежнему оставался его хозяином, так что Халид молча повиновался. А вернувшись с покупками, застал Раэна все так же возящимся с собакой. Теперь целитель покрывал язвы на шкуре зеленым зельем, напоминающим жидкий мед. Пес не сопротивлялся, только тяжело дышал и с испуганным удивлением косился то на Раэна, то на свой бок и лапы, густо измазанные лекарством.

Встав, Раэн налил в глубокую плошку молока, вбил и размешал несколько сырых яиц, а потом туда же мелко нарезал кусок телячьей вырезки, сотворив светло-розовую кашицу. Вернувшись с плошкой к дивану, он зачерпнул месиво ладонью, другой рукой ловко прихватил собачью морду и, разжав страшные челюсти, отправил содержимое ладони глубоко в пасть.

Закашлявшись, пес невольно проглотил кашицу и облизнулся. Почти сразу его вырвало в подставленную Раэном посудину, но целитель, ничуть не расстроенный, терпеливо продолжил кормить собаку с ладони. Через несколько минут, впихнув достаточно для первого раза, он оставил измученное животное в покое, накрыв дрожащего в лихорадке пса другим покрывалом.

— Ты бы ложку взял, — посоветовал Халид, разбирая корзину с остальной едой. — А то в другой раз без рук останешься.

— Как раз напротив, — возразил целитель, тщательно вымыв руки до локтя и вытерев их чистым полотенцем. — В этом-то вся хитрость. Настолько истощенный пес уже не хочет есть и будет сжимать ложку зубами, чтоб не мучиться, а вот укусить руку воспитанная

собака ни за что себе не позволит. Интересно, каким ветром настоящего степного волкодава занесло в Харузу?

Он осторожно приподнял губу заснувшей псины, показав клыки, белоснежные и на вид очень крепкие. Халид пожал плечами.

— Какой толк от бродячей собаки, не способной даже добыть еды?

— Уверяю тебя, — сказал Раэн, отходя от пса, — в степи он может прокормить и себя, и хозяина. Здесь же погибал, потому что не умеет воровать еду и грызться за место в стае. Слишком гордый... Но мне именно такой и нужен. Я, видишь ли, обещал одной девушке подарить ей собаку. Особенную... Ах, Зеринге, видел бы ты эту девушку!

Он улыбнулся мечтательно и нежно.

Халид вытащил из корзины блестящее красное яблоко и с громким хрустом откусил от него. А прожевав, насмешливо заметил:

— Дело твое, но девушки почему-то предпочитают не волкодавов с помойки, а красивые безделушки. Если хочешь получить от нее поцелуй или что-нибудь послаще, лучше закажи колечко с камушком, что умыкнул у гулей.

— И вовсе не умыкнул! — возмутился Раэн, взмахнув рукой.

Второе яблоко стремительно вылетело из корзины, пронеслось мимо Халида и влипло в небрежно подставленную чародеем ладонь.

— Это была военная добыча! — продолжил тот. — И мне не жаль подарить этой девушке любую безделушку, что ей приглянется, только драгоценностями ее не удивить. А меня заботит, чтобы она осталась жива и невредима, если рядом окажется дурной человек.

— Тогда, конечно, пес лучше колечка, — согласился Халид. — Но не намного. Приходилось мне провожать в Бездну тех, кого охраняли обученные собаки. Им это не слишком помогло.

Теперь уже пожал плечами Раэн, лениво развалившийся на диване рядом со спящим псом.

— Верю. Но этот найденыш, когда я с ним закончу, станет...

Не договорив, он мгновенно оказался на ногах. Халид, еще ничего не понимая, замер, потом плавно и без малейшего стука опустил на столик тарелку с халвой, которую держал на коленях. Целитель невесомо скользнул к окну, прислушался к чему-то и улыбнулся, снова расслабившись.

— У нас гость, — сказал он весело и словно удивленно. — Да еще какой!

Он щелкнул пальцами — дверь послушно распахнулась. Если человек на пороге и удивился, то никак этого не показал. Переступив порог, он учтиво склонил голову и прижал руку к груди, накрыв ладонью стальной медальон, висящий поверх полотняной рубашки. Взгляд пронзительно синих глаз медленно скользнул по Халиду и остановился на Раэне. Тот слегка поклонился в ответ и тоже коснулся ладонью груди напротив сердца.

Халид поднялся из единственного кресла в комнате, словно уступая его, и присел на низкую спинку дивана с таким расчетом, чтобы видеть и комнату, и то, что за окном. Раэн, кажется, совсем не беспокоился, но Халид слишком хорошо знал, чем может обернуться приход подобного гостя... По губам человека с медальоном скользнула едва заметная улыбка.

— Светлого дня вам, почтенные, — сказал он, учтиво причисляя к таковым и Халида. — Прошу прощения, что потревожил ваш покой, явившись незванным.

— Разве может столь желанный гость причинить беспокойство? — невозмутимо отозвался Раэн. — Дверь моего дома всегда рада открыться, когда бы вы ни соизволили переступить его порог. Что мне будет позволено предложить вам, дорогой Нехмет, чай,

кофе или вино?

— Не хотелось бы утруждать вас, мудрейший Раэн...

— Какой же это труд! — возмутился целитель. — Гость в доме — честь и радость для хозяев. Не обижайте меня, почтенный Нехмет!

— Тогда кофе, если можно, — снова слегка поклонился человек, которого, на памяти Халида, никто не звал по имени так запросто. — И еще раз прошу меня извинить. Я оставлял два дня назад сообщение в «Черном льве», но, полагаю, важные дела помешали вам его получить.

Халид извлек из кармана недоеденное яблоко и снова им смачно захрустел. Еще бы! Последние дни почтенный и мудрейший Раэн был очень занят! Воровал полумертвого Зеринге у сотника городской стражи, резал хвосты оборотню, гулял по кладбищу, а потом без малого сам воскресал из мертвых, выхаживал бродячего пса... Когда ему было получать почту? И что за дела у него с Ночной Семьей? Мало кто может принимать личного посланника ночного шаха как давнего знакомого...

— Ну что вы, — благодушно отозвался чародей. — Какие там дела... В последние дни жизнь моя была такой спокойной... — Халид едва не подавился яблоком. — Что это даже стало наводить скуку, — закончил Раэн, насмешливо на него покосившись. — Ах да, простите мою невежливость, достопочтенные господа. Не знаю, встречались ли вы раньше, но, несомненно, слышали друг о друге?

Нехмет ир-Базуфи церемонно склонил голову и согласился:

— Достославное имя господина ир-Кайсаха хорошо знакомо вашему скромному гостю.

Халид молча поклонился, даже не пытаясь состязаться в учтивости.

Глаза Раэна весело блеснули. Он взмахнул рукой, и из кухни вылетели, покачиваясь, жаровня, котелок с водой и целая вереница мелкой утвари. Все это опустилось на стол немного в стороне от гостя, который, надо отдать ему должное, и бровью не повел, разве что взгляд вспыхнул интересом. Халид, уже привыкший к тому, что Раэн называл разминкой для волшебников, невозмутимо догрыз яблоко и сел поудобнее. Хочется его хозяину щегольнуть перед Ночной Семьей чародейским мастерством — его право.

— Рад видеть вас в добром здравии, господин ир-Кайсах, — продолжил ир-Базуфи, косясь на маленькую мельничку, принявшуюся молотить сыпанные в нее зерна. — Хотя и несколько удивлен. Мне говорили, что некий сотник городской стражи примерно неделю назад бурно отмечал вашу смерть в «Золотой короне».

Комната наполнилась ароматом свежемолотого кофе, котелок наклонился над джезвой, наполняя ее водой, а в жаровне сам собой вспыхнул огонь. Видимо, решив, что этого достаточно, Раэн встал и подошел к столу.

— Вот уж не знал, что жалованья стражника, пусть даже и сотника, может хватить на «Корону», — невозмутимо откликнулся Халид. — Наверное, он долго копил.

— Возможно, — согласился гость. — Рад, что слухи оказались преувеличенными. Хотя Харуза всегда полна сплетен. Я слышал недавно, что почтенный ювелир ир-Хаби, навещая могилу прадедушки на Старом кладбище, своими глазами видел там мертвых чудовищ и поляну, залитую кровью. Бедняга едва сам не отправился к прадедушке от страха. Вам ничего не известно об этом, почтенный Раэн?

Он взглянул на чародея, сосредоточенно засыпавшего в серебряную джезvu молотый кофе и приправы. Установив джезvu в лоток с раскаленным песком, Раэн рассеянно пожал плечами.

— Ваш ювелир не склонен отдыхать от работы за кальяном? Немного опиума на такой жаре, и он мог увидеть не только чудовищ, но и свадьбу джиннов, если повезет. А что, никто не отправился проверить его слова?

— Разве можно проверить слухи? — улыбнулся голос ночного шаха. — Вроде бы там и вправду были следы крови, но никаких чудовищ, разумеется... Впрочем, ну его к темным

богам, этого ювелира. Я могу рассказать историю интереснее.

— С удовольствием послушаю, — согласился Раэн, пристально вглядываясь в дверной проем кухни, откуда важно выплыло блюдо с медовыми булочками и опустилось на стол.

Всыпав с кончика ножа в почти готовый кофе несколько крупинок черного перца, он подождал несколько мгновений, снял джезvu с огня и, разлив дымящуюся жидкость по серебряным чашечкам, поставил одну перед гостем, другую взял себе, а третью мановением руки отправил по воздуху Халиду.

Резкие черты ир-Базуфи, осторожно пригубившего напиток, на какое-то мгновение разгладились и смягчились.

— Божественно, — признал он, с явным удовольствием вдыхая запах. — Редко кто умеет варить кофе с перцем, но вы, почтенный Раэн, истинный мастер.

— Весь секрет в правильном соотношении частей и выборе момента, — сообщил чародей. — Но то же самое можно сказать о любом деле, не так ли?

— Совершенно верно. Кстати, о деле... — Ир-Базуфи сделал неторопливый глоток. — Вы когда-нибудь бывали в Салмине, друг мой?

— Нет, не приходилось. Это ведь храмовый город наподобие Аккама?

— Да, только не такой важный. Храмы Салмины посвящены Младшей Сестре. Это очень древняя богиня. А Салмина — старый красивый город, кормящийся торговлей и паломниками...

— Прекрасное место для Ночной Семьи, — понимающе согласился Раэн. — И что же не так в этом славном городе?

— Все, — вздохнул голос Ночного шаха. — В Салмине все не так, но мы не можем определить, что именно.

— Как любопытно. А точнее?

Вместо ответа ир-Базуфи отпил еще кофе и выразительно посмотрел в сторону Халида, сделавшего вид, что его очень интересует птичка за окном. Если Раэн велит уйти — вот тогда он и уйдет, а человек из Ночной Семьи, пусть и столь влиятельный, ему не указ. Одного-то хозяина хватает по горло.

— Друг мой Нехмет, — мягко произнес Раэн. — Я доверяю господину ир-Кайсаху не только свои секреты, но и жизнь. И у меня нет причин сомневаться в его верности. А следовать ли моему примеру — решать вам.

— Что ж, вам виднее, почтенный Раэн. — Уголки губ гостя тронула улыбка. — Вероятно, странным образом воскреснув из мертвых, господин ир-Кайсах нашел способ заслужить ваше доверие?

— Вот именно, — улыбнулся в ответ чародей. — Еще кофе?

— О, благодарю, вполне достаточно.

Ир-Базуфи поставил чашку рядом с булочками, к которым так и не притронулся, и задумчиво заговорил:

— Так вот, Салмина... Примерно год, как там творится что-то непонятное. Началось оно, может, и раньше, но Семья спохватилась год назад. Мы перестали получать подарки и письма от наших родичей, никто из них не приезжал в гости и не отвечал на наши родственные призывы. Салмина будто исчезла для Ночной Семьи.

— И что же предприняла Семья?

— Для начала послала в Салмину своего человека, очень опытного и умелого в таких делах. Он просто исчез. Тогда мы послали три десятка человек, паломниками, купцами, слугами в свите высокородных и отдельным отрядом. Никто не вернулся. Никто не прислал известий. Семья заплатила магу за Зеркало Всевидения. Он вернул деньги,

объяснив, что ничего не вышло.

— Зеркало Всевидения не сработало? — поразился Раэн, подливая себе кофе и рассеянным движением отправляя очередную порцию Халиду, превратившемуся в слух. — А можно узнать имя того, кто его ставил?

— Разиф Черный, — уронил голос ночного шаха.

Халид увидел, как блеснули глаза Раэна — имя ему явно было знакомо, а потом чародей опустил взгляд и потер переносицу, сосредоточенно созерцая кофе, словно ответ мог выплыть наверх со дна чашки. Ир-Базуфи спокойно ждал.

— Любопытно... — признал, наконец, Раэн. — А что насчет обычных людей, приехавших из Салмины?

— Мы их расспрашивали, конечно. И просили тех, кто туда едет, осведомиться о делах кое-кого из Семьи. Все, о ком удалось узнать, исчезли. Просто исчезли. Мужчины, женщины... Торговцы и храмовые служки, скупщики и нищие, ремесленники и наемная охрана... Не одна сотня человек. Общего у них было только родство по Ночной Семье. Тогда-то и вспомнили, что в Салмине и раньше пропадали люди, но этому как-то не придавали важности...

— Пока исправно поступали отчисления тех, кто не успел исчезнуть? — иронично закончил чародей. — А что же власти? Если отправить письмо от лица вельможи или жреца храма?

— Поверьте, друг мой, — слегка поморщился гость. — Мы испробовали все возможные способы и средства. Наши усилия уходят, как вода в песок, или натываются на глухую стену. А люди, не имеющие отношения к Семье, возвращаются из Салмины свободно и нахваливают этот город, как земной рай.

— Очень интересно, в самом деле... И это все?

— Все, что нам известно. Только...

Ир-Базуфи замялся и как-то стыдливо опустил глаза, чему Халид молча изумился. Раэн усмехнулся.

— Почтенный Нехмет, ваши слова я услышал и верю в них. Но ведь есть еще что-то, верно? Слухи? Сплетни? Пьяный или дурманный бред? Детские выдумки? Говорите, господин голос!

— Как пожелаете, — с некоторым облегчением промолвил гость. — Видит небо, я в это не верю, но... в Салмине поговаривают о чудовище.

— Чудовище, которое охотится на Ночную Семью? — поднял брови Раэн. — Впервые слышу о подобном. А хотя бы одну жертву нашли?

— В том-то и дело, что нет, — признался ир-Базуфи. — Но слухи ходят слишком упорные, чтобы оказаться просто выдумками. И похоже, что Салмина сама боится этих слухов. Никто не посвящает в них приезжих, а если те нечаянно что-то слышат, разговоры сразу обрываются. И при этом никто ничего в точности не знает. Мы однажды нашли парня, который вроде бы о чем-то знал, выманили его в Харузу и поговорили по душам. Ничего ему, как оказалось, не известно. Слышал от кого-то, кто сам узнал от кого-то...

— А знаете, вы меня заинтересовали, — задумчиво сообщил чародей. — Если я правильно понял, Семья хочет, чтобы я отправился в Салмину и разузнал, что там творится?

— Поистине вы читаете в моих мыслях, — с церемонной учтивостью склонил голову ир-Базуфи, и у Халида тревога наконец-то отлегла от сердца. Ночные ничего не имеют против чародея, напротив, им нужна помощь. — Ночной шах просит об услуге, почтенный Раэн, и надеется, что нам не будет отказано ради старой дружбы. Мы хотим знать, что происходит в Салмине и куда исчезли наши люди. Мы понимаем, что на этой тропе вас поджидает неведомая опасность, так что если вам что-нибудь нужно: деньги или услуги Семьи, — только скажите.

— Салмина... — Раэн поставил чашку и сплел длинные тонкие пальцы перед собой, задумчиво глядя куда-то мимо собеседника. — Никак не могу сказать, чтобы это входило в круг моих обычных забот. Но любопытно... Сложность в том, что вряд ли я смогу отправиться туда немедленно. А почему Ночная Семья вдруг заторопилась, раз уж все тянется самое меньшее год?

Гость равнодушно пожал плечами и с совершенно непроницаемым лицом сообщил:

— Трудно сказать, почтенный Раэн. Когда нарыв созрел, его следует вскрыть, а нарыв Салмины зрел достаточно долго. Может быть, мы и раньше обратились бы к вам, но вы надолго покидали Харузу.

— Хорошо, — просто сказал Раэн. — Я согласен заняться вашей просьбой, но не в ближайшее время.

— Когда же? — с той же учтивостью поинтересовался Нехмет ир-Базуфи.

Халид молча подивился, что в голосе его не слышалось даже тени неудовольствия, а ведь ночной шах не любит промедления с тем, что называет просьбами. Любые его желания следует выполнять с истовым старанием и как можно быстрее.

— Не знаю, — пожал плечами Раэн. — Возможно, через луну или даже дольше. У меня есть некоторые заботы, которые никак нельзя отложить. Но могу обещать, что после их выполнения я сразу отправлюсь в Салмину.

— Это лучше, чем ничего, — промедлив всего пару мгновений, склонил голову ир-Базуфи. — Чем Семья может вам помочь, почтенный Раэн?

— Разве что именами пропавших. — Раэн подумал и добавил: — Пожалуй, каким-нибудь знаком или тайным словом, чтобы те ваши родичи, кто еще гуляет по улицам Салмины, при нужде меня узнали. И мне бы хотелось, чтобы о нашем соглашении знали только мы с вами и тот, от кого вы пришли.

— Поверьте, друг мой, — укоризненно заметил ир-Базуфи. — В сохранении тайны мы заинтересованы не меньше вас.

— Не сочтите за обиду, но, пожалуй, все-таки меньше, — безмятежно улыбнулся Арвейд. — У Семьи — тысячи жизней, а у меня — одна. Значит, мы договорились о сроках? Точнее, об их отсутствии?

— Да, почтенный Раэн. Семья дает вам полную свободу во всем. И поверьте, наша благодарность будет вполне достойна оказанной услуги...

Голос ночного шаха встал и учтиво поклонился, сложив ладони перед грудью, и чародей ответил таким же поклоном равного равному.

Закрыв дверь за гостем, Раэн вернулся в комнату и поставил еще кофе. Халид слез с дивана и занял полюбившееся кресло поближе к булочкам, лениво наблюдая, как чародей возится с джезвой.

— Ты ему веришь, — поинтересовался он.

— Конечно, нет, — отозвался Раэн. — Семья хочет, чтобы я таскал им каштаны из огня, но всей правды об этом деле не говорит. Хотя ир-Базуфи не солгал...

— А ты знаешь это наверняка?

Раэн неопределенно повел плечами. Под его пристальным взглядом вода в джезве почти мгновенно зашумела, хотя огня не было не только под противнем с песком, а вообще поблизости.

— Отличить ложь от правды очень легко, Зеринге, — сказал он, помолчав. — Но если собеседник сам не знает истины или искренне верит в то, что говорит, это совсем другое дело. Голос гильдии не лукавил ни в одном слове. Но он мог не знать того, что известно самому ночному шаху, или я не задал нужных вопросов. В любом случае, у нас есть занятия поважнее, чем сломя голову нестись в Салмину.

— А я думал, ты просто тянешь время.

— Ошибаешься. Сегодня вечером мы идем в гости.

Чародей налил себе кофе и присел на подоконник напротив Халида, который усмехнулся.

— В гости? Вроде того, как мы гуляли при луне?

— Почти, — улыбнулся Раэн. — Но по сравнению с тем, кого нам надо навестить, гули — пушистые котята. Эй, оставь мне хоть пару!

Он вскинул брови в шутливом возмущении.

— Обойдешься, — сообщил ир-Кайсах, по-хозяйски придвигая блюдо с булочками. — Вдруг меня сегодня убьют? Хоть полакомлюсь напоследок.

— Это, конечно, веская причина, — фыркнул чародей.

Ожидая, пока кофе остынет, он поднялся и подошел к дивану, где сладко посапывал пес. Осторожно сдвинул одеяло и удовлетворенно улыбнулся. Халид тоже покосился туда и покачал головой: зеленая мазь впиталась без остатка, и шкуру собаки на больных местах густо покрывала короткая серебристая шерсть. Пес уже выглядел не умирающим, а просто худым, глаза очистились, нос стал влажным и блестящим.

— Неплохо? — с гордостью обернулся к нему Раэн. — Еще денька три, и представь, каким красавцем он станет!

— Особенно если сожрет полсотни яиц и телячью ногу, — пробормотал Халид, облизывая пальцы от сладкого теста, пропитанного маслом и медом. — Раэн, зачем возиться с этой дохлятиной? Куда проще купить здорового пса.

Чародей поморщился, снова укрывая волкодава, и вернулся к столу.

— Какая разница, где брать собаку? — буркнул он.

— Для тебя разница есть, — заметил Халид, пристально наблюдая за ним из-под опущенных ресниц. — Раз уж не жалеешь ни времени, ни сил. Так почему именно этот пес?

Он и сам не понимал, почему ждет ответ с замиранием сердца. Но чувствовал, что это важно.

— Потому что он умирал, — помолчав, так же сдержанно отозвался чародей, взяв чашку и опустив в нее взгляд. — Я не имею права вмешиваться в чужую судьбу без особых причин. Как не имею права распоряжаться жизнью, которую не спас или не подарил. Теперь ты доволен?

— Пожалуй... — медленно проговорил ир-Кайсах, в самом деле понимая. — А если бы Хатаму ир-Мансуру не удалось меня поймать?

Раэн снова пожал плечами, не поднимая взгляда, и сказал ровным голосом:

— Тогда я нашел бы кого-нибудь другого. Того, кто примет жизнь на моих условиях. Таково правило.

— Снова Равновесие? — усмехнулся Халид.

— Вот именно. Жизнь за жизнь. Ты только это хотел узнать?

— Нет, не только. — Халид старательно держал лицо спокойным, хотя изнутри снова поднималась горькая злость на самого себя: и надо же было так вляпаться! Это псу служить хозяину только в радость... — Куда мы идем сегодня вечером?

— О, здесь целых три вопроса, — отозвался Раэн, с явным облегчением переводя разговор на другое. — Куда, к кому и зачем! Мы идем к Разифу Черному, тому колдуну, что не смог выполнить просьбу ночного шаха. Непременно поинтересуюсь причинами,

хотя цель у меня другая. Я бы очень хотел просто получить ответы на свои вопросы и уйти, но Разиф слишком давно мечтает о моей смерти. Сам колдун — моя забота, но у него есть слуги, которые непременно попытаются влезть в нашу ученую беседу.

Халид фыркнул, едва не подавившись последней булочкой. Чародей вопросительно поднял бровь.

— Нет, ничего... — хмыкнул Зеринге. — Ученая беседа, ага. Я просто вспомнил прогулку под луной. Тот бедняга ювелир не скоро решится вновь навестить могилу прадедушки. Вот интересно, какие слухи поползут по Харузе после нашего похода в гости? Ночная Семья будет весьма озадачена!

— Людям полезно время от времени озадачиваться, — несколько ехидно промолвил чародей. — Лучше представь, что подумает некий сотник городской стражи, случайно столкнувшись с тобой на улице. Я ведь совсем слегка изменил тебе лицо. Может, заняться этим основательно?

— Боишься за рассудок Хатама ир-Мансура? — холодно усмехнулся Халид. — Или не хочешь неприятностей? Ну так можно их не дожидаться — я с удовольствием повстречаю сотника в темном переулке, если ты не против.

— Пока что — против, — твердо сказал Разн. — Сейчас не время, так что просто не попадайся ему на глаза. А через несколько дней мы уедем.

— В Салмину?

— Может быть. А может и нет. Это будет зависеть от предсмертных слов Разифа Черного.

— Ты так уверен, что сегодня умрет он? — прищурился Халид. — А если тебе не повезет?

— Лучше бы повезло, — неожиданно серьезно сказал Разн. — Иначе тебе тоже оттуда живым не выбраться. Знаешь, почему я не люблю Разифа? Мало найдется существ отвратительнее, чем человек, изо всех сил старающийся перестать быть человеком. Разифу это почти удалось. Он очень успешно истребил в себе все человеческие достоинства, оставив при этом недостатки. И на этом основании пришел к выводу, что вправе относиться к людям, как... к мухам. Терпеть, пока они не слишком докучают, и избавляться при первой возможности.

— Он такой не один, — заметил Халид. — Большая часть тех, кто меня нанимал, ничуть не лучше. Да и вспомни своего старого знакомого с девятью хвостами. А ты для Разифа тоже муха?

— Скорее шершень, — слегка улыбнулся Разн. — Могу ужалить, если вовремя не прихлопнуть.

Плавным жестом он заставил чашку взлететь со стола и перевернуться, чуть покачавшись в воздухе, над блюдцем. Заглянул туда, хмыкнул, снова опустил на блюдце.

Пару минут спустя, когда Разн возился с очередной миской корма для пса, Халид не утерпел и заглянул в следы, оставленные кофейной гущей. На полупрозрачном чинском фарфоре нечто, напоминающее нетопыря, распласталось между двумя четкими человеческими фигурками. На диване тихонько заскулила во сне собака.

ГЛАВА 18. Ключи от сердца

Золотой закатный свет струился в маленькое окошко под потолком, и лампа, заправленная свежим бараньим жиром, вторила ему на подставке в углу. Даже у Надира в комнате окно было больше, а спальня, отведенная самому высокому гостю, чем-то неуловимо напоминала темницу. Может быть потому, что Надиру последнюю неделю все напоминало темницу: комнаты, стража у каждого входа, взгляды и шепот за спиной.

— Завтра с рассветом тронемся в путь, — сказал дядюшка, запив последний кусок лепешки кислым молоком и вытерев губы тыльной стороной ладони. — Благие боги в милости своей даровали хорошую погоду, раненые оправились настолько, что могут сесть в седло, а те, кому суждено было умереть, покинули этот мир. Нечего больше ждать, пора ехать.

Надир посмотрел на его безмятежное лицо, перевел взгляд на почтительно жующего джандара ир-Нами и понял, что решение об отъезде было принято давно, только ему об этом никто не потрудились сообщить.

Конечно, если бы его выпускали из комнаты хотя бы во внутренний двор, он и сам все понял бы. Караван не подготовить к долгому пути за несколько часов. Надо перековать лошадей, проверить сбрую, собрать припасы и сделать еще сотню незаметных, но необходимых дел, которыми наверняка последние дни занимался Хазрет ир-Нами и его люди. И всю эту суматоху Надир бы увидел. А много ли разглядишь и услышишь в окно? Вот, значит, как...

— Благодарение богам, пославшим нежаркие дни, приятные для путешествия, — откликнулся он ровно. — Однако я все-таки беспокоюсь о вашем драгоценном здоровье, дядюшка. Не слишком ли рано вам пускаться в долгий путь?

— Все мы в воле богов, а служба шаху не терпит промедления, — настороженно ответил дядя, наверняка удивляясь его смирению. — Какая разница, здесь мне валяться на подушках или в паланкине? Да и ты будешь рядом, сможешь услужить мне при необходимости.

Надир глубоко вздохнул и поставил на столик чашку с недопитым кофе. Сплел пальцы, боясь, что они задрожат. И неважно, что от гнева, а не от страха, дядюшка все равно примет это за слабость. Холодная злость, давно родившаяся и созревшая в нем, как уродливый ядовитый плод, просилась наружу, однако Надир обуздал ее. «Гнев — жеребец, который должен слушаться узды разума, — говорил отец. — Если ярость служит тебе клинком, то помни, что не меч правит рукой, а рука — мечом».

— Боюсь, драгоценный дядюшка, — сказал он с той же выверенной ровностью, — ваши надежды далеки от моих стремлений. Приношу самые искренние извинения и молю о прощении, но я возвращаюсь в Харузу.

Слова упали, растворившись в тишине комнаты, и пути назад больше не было. Надир в упор встретил изумленный взгляд дяди, да хранят его светлые боги. Пусть хранят, конечно же, Надир от всей души желает дяде здоровья, долгих лет и благополучия. Только делать из себя покорную куклу больше не позволит.

— Вздор! — фыркнул Ансар ир-Дауд, откидываясь на спинку дивана. — Что это тебе, мальчик мой, солнцем голову напекло?

— Каким еще солнцем, дядюшка? — вкрадчиво поинтересовался Надир, не выдержав. — Меня ведь даже от солнца берегут, как луноликую деву, того и гляди, забуду, как оно выглядит.

— Надир... — поморщился дядя, все еще глядя на него, как на капризного мальчишку. — Я ведь говорил, что это ради твоей же пользы. Выкинь глупости из головы, дорогой племянник. Собирайся в дорогу, завтра выедем рано.

— Непременно выедем, дядя, — кивнул Надир, с холодком в груди думая, что зря боялся — пальцы не дрожат.

Он еще никогда не спорил с дядюшкой. С отцом однажды пришлось, и вспоминать об

этом до сих пор было больно, словно задеть почти зажившую рану. О да, теперь он знал, каково это.

— Непременно, — повторил он, не отводя взгляда. — Желаю вам спокойной дороги до области Гюльнарид. И пусть ваши труды на благо пресветлого государя будут оценены им щедро и милостиво. А у меня дела в Харузе, прошу простить.

— Это из-за целителя? — свел дядя широкие густые брови, и зеленые глаза под ними вмиг заледенели. — Из-за этого Разна, темные джинны его...

И не договорил — осекся. Даже в злости не забыл, чем обязан целителю. На миг Надиру показалось, что между ним и дядей протянулся невидимый мост понимания и все еще можно поправить. Позволить душам пройти по этому мосту и встретиться на нем, оставив ссору позади. Ведь не чужие они с дядей друг другу, в целом мире у Надира остались только сестра и этот хмурый упрямый старик, не терпящий возражений и не понимающий, что маленький племянник давно вырос.

— Это из-за всего вместе, дядя, — тихо сказал Набир. — Из-за Наргис, о которой я тревожусь. Из-за целителя Разна, с которым мне нужно поговорить. А больше всего из-за вас. Из-за того, что вы окружили меня защитой, но этот доспех больше похож на оковы. Сколько раз я пытался с вами поговорить за эти дни? Я спрашиваю — вы молчите или отговариваетесь пустяками. Я прошу сказать правду — вам стыдно солгать, но и правды вы не говорите. Любой конюх знает больше, чем я, ваш племянник. Поневоле задумаешься, племянник ли я вам? Ведь так берегут секреты от злейших врагов, а не от родичей.

Он видел, что каждое слово бьет в цель, и ему самому было больно, когда Ансар морщился. Но разве Набир этого хотел? Разве не просил он честного разговора, чтобы понять, какие ветры дуют вокруг и чего следует опасаться? А вместо доверия и правды получил заботу, которая спеленала его по рукам и ногам, словно младенца. Заботу, от которой задыхался, не зная, чему и кому верить.

— Ни в какую Харузу ты не поедешь, — тихо сказал Ансар ир-Дауд, и в его взгляде что-то неуловимо изменилось. — О сестре не беспокойся, я велю ей приехать в Гюльнару. Верные люди привезут ее быстро и безопасно, нет никакой нужды тревожиться.

— А в Гюльнаре вы запрете нас обоих, как птиц в клетках? — непослушными губами улыбнулся Набир.

В горле пересохло, и он взял чашку, глотнул остывшего кофе, разлившегося во рту мерзкой горечью.

— Ради твоего блага, — повторил дядя и хотел сказать что-то еще, но Набир наклонился к нему через маленький столик и тихо сказал:

— Поздно, дядя. Клянусь богами, не так я хотел бы расстаться с вами. Вы мой дорогой старший родич, почтенный брат моего отца, и сердце мое полно уважения к вам. Но распоряжаться собой буду сам. Вы, кажется, забыли, что я давно вырос из детских рубашек. Если бы вспомнили об этом вовремя, видит небо, я бы и дальше продолжал слушаться вас. Но теперь смотрю — и не верю, что ваши заботы мне на благо.

— Да как ты... как смеешь! — выдохнул дядя и привстал навстречу, опираясь рукой о подушки.

Джандар ир-Нами, замерший немного в стороне, шевельнулся, и Набир, словно только вспомнив о нем, так же тихо попросил:

— Оставьте нас, почтенный ир-Нами. Не считите за обиду, но это разговор семейный.

— Сиди, Хазрет! — рявкнул дядя, и Набир едва не поморщился от резанувшего по сердцу сожаления.

Как же легко дядей управлять! Когда злится, все делает наперекор! Вот если бы не просьба Надира, сам, пожалуй, отправил бы джандара из комнаты, чтобы ссоре не было свидетелей. А теперь Хазрет услышит много лишнего, но Надира в этом уже не обвинить. Ах, дядя, дядя...

— Как прикажете, — уронил он и расчетливо добавил: — Оно и к лучшему. Я все равно собирался просить у джандара ир-Нами проводника и охрану до ближайшего города. Но без вашего ведома и разрешения в этом деле не обойтись. Если вы и правда беспокоитесь обо мне...

— Молчать, мальчишка! — заорал дядя, падая обратно в подушки. — Волю ему, щенку! Молоко еще на губах не обсохло, саблю держать не умеет, а что придумал! Харузу ему подавай! По приятелям своим соскучился, развратникам да пьяницам? Я твоему отцу клялся, что жизнь за тебя положу, а ты ее сам неведомо кому под ноги кидаешь! Забыл, что недавно из Бездны вернулся? Молчать, я сказал! — продолжал он, хотя Надир не издавал ни звука, плотно сжав губы. — Завтра же... Завтра едешь со мной. Под охраной. А вздумаешь дурить — и правда велю заковать! Хазрет, головой отвечаешь! Если сбежит...

— И что вы тогда сделаете, дядюшка? — разомкнул Надир губы, удивляясь, как все стало просто, как только он позволил крыльям гнева нести себя, больше не думая о почтении и вежливости. — Накажете джандара и охранников за мою вину? Так не трудитесь. До ближайшего города я, пожалуй, доеду с вами, раз уж охраны вы мне не даете. А там — как вы меня удержите? Я вам не ребенок и не жена, чтобы оставаться в вашей воле. Всю жизнь в цепях держать станете? И от управителей шахских прятать, и от жрецов? Я ведь первому из них в ноги кинусь и попрошу отписать пресветлому государю, что вы безумны. Что я хочу вернуться в столицу и служить шаху, как мой отец, а вы меня не пускаете. Что вы тогда ответите государю, а не мне?

— Щ-щенок... — прохрипел дядя, и его лицо налилось кровью, так что Надир даже испугался.

Злость толкала вперед, подсказывала безупречно обидные слова, что вспороли бы сердце дяди, словно клинок, и лишили его всякого желания спасти неблагодарного выродка. О да, кое в чем дядя еще как был прав! Саблей Надир владеть не умел, но словами мог искалечить не менее надежно. Или даже убить. Только сознание этого заставило его остановиться, удержать самые безжалостные фразы, что рвались наружу. Да еще то, что в зеленых глазах, так похожих на отцовские, метался страх за него, Надира, последнего в роду ир-Дауд. И, наверное, все-таки любимого племянника. По-своему любимого.

— Не заставляйте меня делать это, дядюшка, — попросил он, опуская взгляд. — Светом клянусь, я не хотел и не хочу... Но если не отпустите добром, пойду до конца.

Он поискал кувшин с водой, стоявший на столике, налил полную чашу и с поклоном подал дяде. Тот жадно выпил, захлебываясь и забыв о приличиях, струйки воды потекли по бородке и морщинистой коже шеи.

«А он ведь еще не старик, — вдруг подумал Надир с щемящей жалостью к дяде и отвращением к самому себе. — Сорок шесть лет — расцвет для мужчины. Это походная жизнь, битвы и труды состарили его... Отец был старше, а выглядел куда моложе. И про сердце Раэн говорил, что оно изношено... А что мне было делать? Я не могу отступить! Вот теперь точно не могу, иначе никогда больше дядя не поверит, что я действительно готов постоять за свою свободу!»

— Мало тебя Бехрам порол, — выдохнул дядя, отнимая пустую чашу от мокрого рта. — Ох, мало! А я ведь ему говорил, что добра не будет. Разве можно давать мальчишке волю? Надо было тебя лет в десять ко мне отправить, и чтоб носа не сунул в Харузу, пока мужчиной не станешь. Упустил Бехрам и тебя, и Наргис! Все книги ваши, да свитки, да мысли непочтительные! Девка в двадцать с лишним лет не замужем, а парень по мужским постелям валяется! Позор ир-Даудов!

Он в раздражении грохнул чашей об стол, та жалобно зазвенела, но не раскололась, только джандар ир-Нами вздохнул — и опять промолчал.

— Отец меня вообще не порол, — снова одними губами улыбнулся Надир. — А если вы хотели детей воспитывать, надо было своих заводить. Вам, дядюшка, еще и сейчас не поздно. Женились бы на живой женщине, а не на сабле, может, меньше дела было бы до чужих постелей. И род ир-Даудов прибавился бы вашими стараниями. А пока что не вам судить отца, прими Свет его душу.

— Щ-щенок наглый...

— Наглый, — ровно согласился Надир. — Трусливый, развратный и никчемный. Не смею оскорблять ваш взор своими пороками, посему почтительно молю о дозволении вернуться в Харузу. А также не смею утруждать вас, дядюшка, заботами о моей сестре. Если благие боги сжалятся над Наргис и пошлют ее судьбу ей навстречу, счастливее меня не будет человека во всем шахстве. Но если нет, пусть она живет, как ей угодно, среди столичных красот и удовольствий, а не под вашей... заботливой опекой.

«Потому что я знаю свою сестру, — подумал он, глядя в лицо дядюшки, с которого исчез тревожный багрянец, но крылья носа гневно раздувались, а губы приобрели нехороший голубоватый оттенок. — Вы усадите ее за вышивание и ткацкий станок, заберете у нее книги, да еще, пожалуй, постараетесь выдать замуж за первого, кого не испугает ее слава. И моя сестричка Наргис увянет от таких забот, как цветок под слишком жарким солнцем».

— Так что вы решили, дядюшка? — мягко спросил Надир и встал из-за стола, показывая, что собирается уходить. — Отпустите меня из Иллая или писать пресветлому государю с мольбой заступиться?

Он ждал чего угодно: брани, новой вспышки гнева, угроз, но дядя вдруг бессильно махнул рукой и выдохнул, растирая пальцами седые виски:

— Дурак... Ну, скажи ему хоть ты, Хазрет... Нельзя тебе в столицу, слышишь? И Наргис там делать нечего! Пока все не разъяснится... Не упирайся, слышишь? Не будь ослом! Вот кончится этот проклятый год — и езжай, куда хочешь, слова не скажу. Богами клянусь, Надир, мальчик мой, так и будет! Посиди в Гюльнарид один год...

— Год? — переспросил Надир. — Почему именно год? Что разъяснится, дядя? Почему ты так за меня боишься сейчас, а через год бояться не будешь?

Но дядя, словно решив, что и так сказал лишнее, скрестил руки на груди и бросил:

— Иди к себе и собирайся. Завтра в дороге поговорим. А пресветлым государем угрожать мне больше не смей. Иначе поглядим, что перевесит в его глазах, твое слово или тридцать лет моей службы. Дур-рак... Сначала мужчиной стань, похорони хоть одного врага, а потом уж язык распускай.

— Благодарю за мудрый совет, дядюшка, — поклонился Надир.

Подошел к двери, но не утерпел, обернулся. Поймал взгляд сердитых глаз, помутневших то ли от боли, то ли от гнева, и тихо сказал:

— Только вы с ним слегка опоздали. Не знаю, стану ли я когда-нибудь мужчиной в ваших глазах, но счет мертвых врагов уже давно мною открыт. Еще при отце. Не все убивают саблями и стрелами, да и мужчиной становятся по-разному. Доброго вечера, дядя, увидимся завтра.

Он вышел, прикрыв за собой дверь, прошел почти весь коридор и обернулся, только услышав за спиной торопливые шаги.

— Что вам, Хазрет? — спросил устало, надеясь, что джандар послан не для того, чтобы вернуть его пред светлые очи наиба.

Хватит уже разговоров для одного вечера.

— Не обижайтесь на дядю, светлейший, — примирительно сказал ир-Нами, останавливаясь перед Надиrom. — Он желает вам добра. И не верьте каждому, кто кажется вам другом.

— Благодарю за мудрый совет и вас, почтенный Хазрет, — усмехнулся Надир. — А у этого каждого есть имя? Или мне примерять ваш совет к любому, кого встречу на пути, и не доверять никому?

— Это уж вам решать, светлейший, — хмуро отозвался джандар. — Но вот что я скажу, осторожней с этим... целителем.

Ир-Нами замялся, а у Надира по спине будто полилась холодная вода, обжигая кожу и заставляя вздрогнуть.

— Почему — осторожнее? — спросил он, невольно отступая на шаг назад и ловя взгляд ир-Нами. — Ну же, Хазрет, говорите!

— Да потому что всем известно, каким ключом ваше сердце открывается, — выдавил джандар, оказавшись вдруг на диво учтивым. — А ему только и надо было к вам да господину наibu подобраться. Вот он вам и улыбался да ресницами хлопал. Нет, я ничего не скажу, целитель этот нам очень помог! Да и вас он спас, что ни говори. Только нужны ему все равно не вы, а милость благодатнейшего предстоятеля ир-Шамси. Его это человек, понимаете? И к отряду нашему не просто так прибил, а по хозяйскому поручению. Вот я вас и прошу, светлейший, не слишком ему верьте.

— Вы... точно это знаете, Хазрет? — негромко спросил Надир, с удивлением чувствуя, как внутри что-то рвется по-живому. — Что он человек верховного предстоятеля?

— Светом клянусь, — кивнул джандар. — Он сам сказал и дал надежное доказательство. А что еще он сказал, того раскрыть не могу, я вашему дяде поклялся. Только... поверьте, светлейший, в Харузу вам сейчас никак не нужно. И сестрице вашей лучше оттуда уехать. Не сердитесь на господина наibu, слышите!

И торопливо, будто спасаясь бегством, проскочил мимо Надира, юркнув куда-то в вечерние тени, густо залившие коридор. Надир же так и остался стоять, привалившись к стене и едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. Не хватало еще, чтобы смех перешел во что-то иное. Он ведь не герой древней поэмы, чтобы рыдать над потерянной любовью! Какая любовь, что за глупости? Так, мимолетное желание! Глаза истосковались по чему-то красивому, а душе показалось, что встретился человек, с которым можно поговорить, поняв друг друга...

Но ни глаза, ни душа не позвали в свое собрание рассудок! Иначе Надир сам бы давно задумался, часто ли ездят по степным дорогам красавцы-целители с манерами высокорожденного, могущественные маги, готовые равно прийти на помощь и разбить чужое сердце взмахом ресниц. Дурак... Тысячу раз прав дядюшка, хоть иди и падай в ноги, умоляя о прощении! Какой же дурак!

И ведь Разн ему ничего не говорил, не обещал, не солгал ни одним словом. Надир сам все придумал и обманул себя, ишак длинноухий.

Он запрокинул голову и все-таки горько рассмеялся. А ведь отец когда-то предупреждал... Узнав, что любимый сын и наследник предпочитает развязывать пояс в мужских спальнях, а не в женских, отец позвал его к себе, и Надир ждал осуждения или запрета.

Но Солнечный визирь Бехрам ир-Дауд, самый умный и любящий отец на свете, усмехнулся и потрепал его по волосам, сказав: «Не того боишься, сынок. Ну-ну, не опускай голову. Из жасминовой ветки меча не выкуешь, я давно боялся, что так обернется. Но ты все-таки помни, долга перед родом это с тебя не снимает. Когда придет время, ты женишься, будешь любить и чтить жену, а детей воспитывать так, чтобы предкам не было стыдно ни за тебя, ни за них. А любовники... Это уж твое личное дело, лишь бы семье твоей не было от этого никакого позора и обиды, слышишь? И запомни вот еще что. Намертво запомни, сынок. Любая твоя слабость — это врата, через которые враг рано или поздно войдет в крепость твоего доверия. Не спи с рабами и слугами, они слишком слабы, чтобы не предать, если их заставят. И никогда не дели ложе с тем, кто знает твои тайны или может подойти слишком близко. Ни с джандаром, ни с личным писцом, ни с лекарем или управителем. Понимаешь меня? Рано или поздно ты охладеешь к этой связи, а твои прежние милости на весах чужого сердца не перевесят обиду. Никогда не доверяй полностью тому, с кем спишь, и не спи с тем, кому должен доверять».

«А с кем тогда мне делить ложе, отец? — возмутился Надир, осмелев. — Если с теми, кто ниже меня, нельзя! Я твой сын, мало кто может похвастаться, что стоит со мной вровень или выше».

«Пока еще ты всего лишь мой сын, — усмехнулся могущественный визирь ир-Дауд. — И в

Харузе достаточно веселых и лихих развратников из высокорожденных, которые мечтают развязать твой пояс. Гуляй, но будь осмотрителен. Береги честь семьи и помни, что к жене ты должен войти свежим и полным сил, чтобы зачать здоровых детей. А в любовники выбирай тех, кому от тебя ничего не нужно, ни денег, ни подарков, ни покровительства. При случае можешь и расщедриться, но покупать любовь унизительно. Хуже — только брать ее силой. И никогда никому не доверяй».

— Не доверяй никому, — повторил НаDIR вслух, горько кривя рот. — Всего лишь ключ? Если бы я любил женщин, кого прислали бы тогда? А я просил дружбы, готов был довериться... В самом тайном, чего никогда не сказал бы дяде! Ждал его приезда, чтобы поговорить, признаться, попросить помощи... Дурак! Ну и хватит страдать! Нужно выяснить, что дядюшка и Разн от меня скрыли. Значит, в Харузу пока нельзя возвращаться. Если Разн подбирался ко мне, значит, скоро появится здесь! И тогда... Тогда уж я постараюсь повернуть ключ в другую сторону!

Золотая нить ложилась на синий шелк ровно, стежок за стежком, хотя стоило это Наргис немалых усилий. Но она старалась не думать ни о том, как не любит рукоделие, ни о том, что каждая минута, проведенная в молчании за вышивкой, безвозвратно потеряна, украдена у более важных дел. Нет у нее сейчас дела более нужного и важного, чем колоть скользящий в пальцах шелк непослушной иглой. И слушать, слушать, слушать...

Поначалу удивившись такому неожиданному прилежанию, почтенные женщины дома ир-Дауд приняли юную госпожу с радостью, выбрали ей самый красивый рисунок, еще и поспорили, что будет приличнее вышить, платок себе в приданое, пояс для брата или мужскую рубашку. Ай, да какая разница — кому! Благие боги все видят, неужели они допустят, чтобы красивая рубашка, вышитая такими пальчиками, осталась никому не нужной? Вон, Иргана вышила себе свадебный пояс — и смотри-ка, жених-то нашелся!

— Как нашелся? — неподдельно удивилась Наргис, радуясь возможности поднять глаза от уже опостылевшей вышивки. — А почему мне никто не сказал?!

— Ай, голубка моя, не гневайся, — хихикнула старуха Шевари, в чьих узловатых пальцах так и летали серебряные спицы, плетя изысканное кружево. — Как же так сразу взять и рассказать? Ты ведь узнать пожелаешь, что за человек такой, из какого рода, какого нрава да состояния... Иргана хоть и дурочка безродная, а ты ее до личной служанки возвысила, нельзя девчонку отдавать неизвестно кому, не к чести это нашему дому. Вот мы и узнавали, что за жених, чем славен и нет ли за ним какого позора. А потом все как есть рассказали бы, уж не сомневайся.

— Ваша правда, тетушка Шевари, — согласилась Наргис. — Ну и что узнали? Что там за жених нашу Иргану выследил, как ястреб — куропатку?

А сердце словно кольнуло острой иголкой, куда острее, чем та, которую Наргис держала в пальцах. Гадалка Минри... И ее предупреждение Иргане, что любовь дороже золота! Неужели предсказание сбывается? Иргана хотела выйти замуж — и вот он, жених, которого не пугает, что невеста — бедная сирота.

— Хороший жених, — милостиво уронила Шевари, и еще шестеро почтенных женщин, самых важных и достойных в доме, закивали, соглашаясь. — Вдовец, годами немолод, однако худого про него не говорят. Прежнюю жену холил и лелеял, как розочку в саду, только детей благие боги им не дали. Родами-то она как раз и умерла, бедняжка. Ай, нехорошая смерть... — Шевари покачала головой, но тут же встрепенулась: — Ничего, боги милостивы, наша Иргана крепка здоровьем и в бедрах широка, отчего бы ей не подарить мужу детей? Это даже хорошо, что у жениха от первой жены никого не осталось, не будет раздора в доме. А деток Иргана ему родить еще успеет!

— А какого он рода, тетушка? — продолжила расспрашивать Наргис, понимая, что именно этого от нее ждут как от хозяйки дома.

Впрочем, ей и самой было интересно. Легкая тоскливая зависть коснулась сердца, однако Наргис ее отогнала. Вот еще, завидовать служанке! Радоваться надо чужому счастью! Лишь бы человек и правда был хороший, достойный.

— Купеческого, — сообщила Шевари, наверняка разузнавшая про будущего мужа Ирганы больше, чем он сам о себе знал. — И отец, и дед его были купцами, хороший род,

не из тех, что как слива-скороспелка, собой хвалится, а в рот возьмешь — оскомина. У него три лавки на Восточном базаре, торгует вендийскими шаями да чинскими покрывалами. Фируза, ну та, у которой муж в городской управе писцом служит, клянется счастьем детей, что недоимок за ним не числится и долговых листов тоже. Дом богатый, даже пруд в саду есть!

Она многозначительно подняла палец, и теперь уже Наргис уважительно кивнула: пруд — это в Харузе немалая роскошь. Видно, и в самом деле дела у торговца шаями идут на славу.

— А зачем ему такая невеста? — спросила она задумчиво. — Иргана — девица хорошая, слова не скажу, но каждая птица для гнезда по себе пару ищет. Если купец богат и родовит, за него любая и в купеческом сословии пойдет.

— Мудро сказано, светлейшая госпожа, — отозвалась еще одна из тетушек, дородная круглолицая Навадари. — Сразу видно, благие боги и почтенные родители щедро одарили вас разумом. Говорят, купец этот великой печалью о своей первой жене скорбел. И ничего удивительного, если боги разом прибрали и ее, и ребенка. А Иргана уж очень лицом на нее похожа! Сестра его сказала, что как увидел ее братец нашу Иргану на рынке, так и сон потерял. Велел ей узнать, в чьем саду цветочек вырос, да готовить подарки для сватовства. А как стало ему известно, что девица служит самой светлейшей, так вовсе покоя лишился, вдруг не пожелает госпожа расстаться с любимой служанкой, не пустит замуж.

— Глупости какие, — уронила Наргис, пытаясь сообразить, как перейти к следующей части узора.

Вышивать мужскую рубашку она все-таки не стала, слишком уж большая вещь. А вот если Надиру не понравится пояс, расшитый золотыми птицами, братец попросту не станет его носить, да и дело с концом.

— Вот и мы сказали, что госпожа у нас добрая, — закивала Шевари. — Чужому счастью поперек не встанет... Иргана уж хотела сегодня тебе в ноги кидаться, милости просить, да тебя и так светлые джинны надоумили, чтобы ты к нам зашла, к недостойным.

Морщинистое лицо старухи расплылось в искренней улыбке, и Наргис укорила себя, что так редко приходила к «тетушкам». Они ведь ее любят и по-своему о ней пекутся. Много болтают, конечно, и жалость в их глазах видеть невыносимо, но что поделать. Вот не выйдет она замуж, и станет ее судьбой такая же комната в родном доме, который станет принадлежать Надиру. И хорошо, если новая хозяйка, жена брата, не посчитает ее бесполезной жалкой приживалкой, нянькой для своих детей и покорной «тетушкой», такой же служанкой, только высокородной.

От этой мысли Наргис передернуло, и она поклялась себе, что так не будет. Никогда! Ни за что! Благие боги не допустят, чтобы ее жизнь прошла впустую, за вышиванием, хлопотами на кухне и обсуждением чужих женихов.

— Пусть приходит, — с трудом улыбнулась она. — Если жених ей по сердцу, я не против. Они уже виделись?

— А как же, все по приличиям, — лукаво усмехнулась Шевари. — Сестрица его сказала, в какой день он сам в лавке будет, а я нашу попрыгунью туда сводила, вроде как шаль купить. Ух, и шаль! Зеленая, а по ней лилии серебром да золотом! Чистый чинский шелк, а вышивка наша, в Харузе сделана, что ж я, не отличу. И кисти, кисти в мою ладонь!

— Да что ты о шали, — одернула ее Навадари. — Жених что? Не слишком ли старый?

— Куда там, всего за шестьдесят перевалило, — махнула рукой Шевари. — Это и хорошо, что не юнец, а мужчина зрелый.

Они с Навадари пустились в обсуждение достоинств жениха, разговаривая о нем, как об откормленном к празднику баране, и Наргис вдруг стало грустно. Вот это и есть чудо, которого так ждала Иргана? Но... чудо у каждого свое.

— Почтенные тетушки, — прервала она разошедшихся старух. — Скажите, а когда мой отец сватал матушку, где они устраивали смотрины?

На миг большую светлую комнату заполнило молчание. Старухи настороженно взглянули на нее, но, убедившись, что Наргис не льет слезы и вообще спокойна, наперебой заговорили:

— Как же, как же, помним! Как сейчас! Разве забудешь такую красоту! Светлейший Бехрам, солнце наше, устроил праздник за городом, позвал дюжину благороднейших семей! Деревья были украшены лентами и колокольчиками! А гостям подавали шелковые полотенца и розовую воду для омовения рук! И каждый получил подарок! Мужчинам светлейший подарил кольца с драгоценными камнями, а женщинам и девам — серьги. Ох, а наша красавица Сарина была нежнее и милее всех! Как увидела жениха, так и зарумянилась, будто небесная заря!

— Как чудесно...

Наргис вздохнула, жалея, что в голову не пришло спросить об этом раньше. Только сейчас, да и то прикрывая совсем другой замысел. Но родители не обиделись бы, они знали, как дочь их любит.

— А я бы постеснялась увидеть жениха при всех, — уронила она, склонившись над шитьем. — Когда матушка сказала, что он... что меня ждут в саду, у меня едва сердце не выскочило из груди. Если бы там еще и чужие люди были, умерла бы от стыда.

— Светлейшая наша госпожа — девица строгого воспитания, — подхватили «тетушки». — Да подарят ей боги лучшего мужа и сто лет счастья!

Наргис подняла взгляд и вдруг увидела, что старуха Шевари смотрит на нее с насмешливым прищуром, словно видит насквозь неуклюжие уловки, которыми Наргис пытается вывести нить разговора к нужному узору. И она решилась, хотя сердце замерло от страха и непонятной пронзительной тоски.

— Тетушка Шевари, а вы... помните, как сын Лунного визиря сватался... ко мне?

— Как же не помнить, моя голубка, — с неожиданной мягкой нежностью отозвалась старуха. — Я молила богов о вашем счастье, да видно, слишком нагрешила в своей жизни, раз не услышали мою просьбу.

— А это правда, что Джареддин ир-Джантари тоже засылал сватов к отцу?

Ненавистное имя слетело с губ, и Наргис поспешно опять опустила взгляд, прячась якобы за девичьей стыдливостью, а на деле не зная, что хочет услышать. Что это правда и отец отказал? Что она сошла с ума и никакого брата у Аледдина нет? Но пусть уже скажут хоть что-нибудь!

— Да кто тебе такое сказал, горlinkа моя? — удивилась старуха. — Не было этого, уж я бы знала. Все мы знали бы, разве такое утаить? Лейлин, дура, на всю Харузу кричала, что лучше в колодец кинется, чем второго сына погубит. Безумная женщина, пожалуй бы ее, да сама себя своим ядом травит. А ты не думай о плохом, голубка, боги правду видят. Не нужен тебе жених из этого проклятого дома, тебя твое счастье на других дорогах дожидается.

— Благодарю вас, тетушка, — с усилием улыбнулась Наргис и, поддавшись порыву, встала с дивана, так что шитье соскользнуло на ковер, подошла к Шевари и, склонившись, поцеловала морщинистую теплую щеку старухи.

А потом торопливо вышла из комнаты, боясь и в самом деле расплакаться. Слезы просились на глаза, дыхание перехватило, может, поэтому в просторном коридоре Наргис не сразу поняла, что ее окликнули. Вдохнула и выдохнула, привычно сдерживая себя, и улыбнулась джандару, почтительно застывшему в трех шагах от нее.

— Доброго дня, Маруди. Что-то случилось?

— Нет, госпожа, — покачал головой тот. — Позвольте поговорить с вами? Наедине?

— Говори, здесь как раз нет никого.

Наргис внимательнее вгляделась в молодого человека. Маруди был напряжен, как

струна, а его тонкое темное лицо осунулось.

— Госпожа... — начал джандар, глянув на нее с удивительной для его обычного хладнокровия мольбой. — Это правда, что к Иргане посватались?

— Правда, Маруди, — вздохнула Наргис, начиная подозревать, в чем дело. — Почтенный человек, вдовец.

— Госпожа, отдайте ее за меня!

Маруди одним быстрым плавным движением опустился на колени, склонился головой почти к самым туфелькам Наргис и торопливо заговорил:

— Милости вашей прошу, светлейшая! Без Ирганы мне жизнь не мила! Я ведь молчал только потому, что хотел денег накопить на дом и приличную свадьбу! Клянусь, никогда ее не обижу, на руках носить буду, судьбу свою под ноги ей постелю...

— Маруди... ну что ты, Маруди...

Наргис вздохнула, от души жалея умного и верного, но слишком скромного юношу. Неужели Иргана не видела, что вскружила ему голову? И вот что теперь делать?

«Счастье дороже золота», — снова вспомнилось ей предостережение чинки.

— Вот что, Маруди, — решительно сказала она. — Эти слова ты не мне говорить должен, а Иргане! Если бы до сих пор не молчал, неизвестно, как повернулось бы! Но клятвы она еще не дала. Идем к ней! Сейчас же!

Джандар выпрямился, все еще стоя на коленях, и его глаза вспыхнули такой безумной надеждой, что Наргис даже испугалась. А вдруг Иргана откажет? Что будет с бедным парнем? Конечно, многие скажут, что богатый купец — жених куда лучше, но Маруди — человек ир-Даудов, Наргис предпочла бы, чтоб Иргана вышла за него. Да и чем парень плох? Руки — сталь, сердце — золото, как про таких говорится.

Она торопливо прошагала, почти пробежала до комнаты Ирганы, которая сегодня попросила выходной — теперь ясно, почему. Постучала и, услышав голос девчонки, стремительно вошла в комнату, которую та делила с Мирной. Маруди замялся на пороге, Иргана вскочила, поклонившись Наргис, а потом с недоумением глянула на бледного до серости джандара.

— Вот, говори! — велела Наргис, делая шаг в сторону.

Маруди заговорил отчаянно, захлебываясь в неумелых признаниях, и с каждым его словом Иргана тоже бледнела, а потом и вовсе прижала ладонки к щекам и перевела взгляд на Наргис.

— Как же это, госпожа... — простонала она жалобно.

— Вот так, — твердо сказала Наргис. — Про купца я знаю, но решать, милая, только тебе. В приданом не откажу в любом случае, в одной рубашке к мужу не уйдешь, так что выбирай, кто тебе по сердцу. Купца твоего я не знаю, а что Маруди тебя любит, это и сама видишь. Если хочешь — подумай, только недолго. Не рви сердце хорошему парню.

— Я... Я подумала...

Иргана отняла руки от лица и залилась краской. В сторону Маруди она не смотрела, и Наргис поняла, что бедняге не повезло.

— Я выйду за господина ир-Хасима, — тихо, но твердо сказала девчонка, и Наргис скорее почувствовала, чем услышала болезненный вдох джандара. — Тут и думать нечего.

— Иргана... — сказала Наргис, делая шаг в ее сторону. — Не решай сгоряча. Говорю же, подумай. Чем тебе плох Маруди?

Обернувшись, она велела джандару:

— Оставь нас.

Помедлив мгновение и бросив на Иргану отчаянный взгляд, ир-Бехназ, не поворачиваясь, отступил за порог и прикрыл за собой дверь.

— Госпожа, помилуйте, — зачастила Иргана, стоило им остаться вдвоем. — Не заставляйте меня выйти за него. Он хороший, правда! Только не хочу я его! Не хочу...

— А вдовца за шестьдесят лет хочешь? — устало спросила Наргис. — Который в тебе даже не тебя видит, а покойную жену. Дурочка, опомнись!

— Ну и пусть! — выпалила вдруг Иргана, выпрямившись. — Пусть немолодой! Зато у него в доме я хозяйкой буду, а не служанкой! Ой, госпожа, не сердитесь, вы добрая, каждый день за вас богов молю, а только своего счастья тоже хочется. Чтобы дом — полная чаша, чтобы сад с прудом, как у высокорожденных. А вечером шаль накинуть и по улице пройти... Да каждый день новую, чтобы соседки обзавидовались. Вам, госпожа, не понять, а я, когда сиротский кусок слезами поливала, каждую ночь об этом мечтала...

Ее глаза светились не жадностью, для этого Наргис могла бы найти нужные слова, хлесткие, как удар плети. В них стояло чистое незамутненное блаженство и осознание, что вот-вот мечта станет явью.

— Да чем тебе с Маруди не счастье? — не сдержалась Наргис, невольно повысив голос. — И, между прочим, гадалка Минри просила тебе передать, что счастье за золото не купишь! Вот я теперь понимаю, о чем она говорила! Иргана! Дался тебе этот сад с прудом и лавки на базаре! Маруди для тебя все сделает! И шалей ворох накупит, и пруд выкопает. Он же не нищий, а джандар на службе благородного рода! Хочешь, я вам сама этот пруд несчастный на свадьбу подарю, а Маруди уже на дом с садом накопил!

Наргис твердо решила, что если и не успел накопить — она поможет! Конечно, глупо джандару, чье дело — охранять хозяев и усадьбу, заводить дом в городе, если можно просто занять с молодой женой часть этой самой усадьбы. Здесь места — десяток семей можно разместить! Но хочется Иргане быть хозяйкой в собственном доме — пусть, ее тоже можно понять. Только не сделала бы глупости...

— Нет, госпожа, — покачала Иргана головой. — Уж простите, а я решила. Отпустите меня за господина ир-Хасима, век буду за вас богов молить. А если нет — сама к нему уйду, что уж... Все равно мне гадалка счастье обещала! Дом, деток и мужа любящего!

— Дура! — выдохнула Наргис и выскочила из комнаты.

Маруди, привалившийся к стене, все понял по ее лицу. И не успела Наргис что-то объяснить, сказать, утешить, как джандар низко, с великой почтительностью поклонился ей и ушел, ступая по коридору осторожно, словно шел босыми ногами по колючкам или боялся расплескать то, что нес в себе.

«Как же глупо, — простонала про себя Наргис. — Прошу вас, благие боги, пусть окажется, что я ошиблась, пусть этот брак все-таки будет счастливым. Понимаю, что не могут все быть счастливы, но лучше пусть разобьется сердце у одного человека, чем у троих сразу. А там, может, и Маруди найдет свою настоящую судьбу...»

Но боги молчали, и только дурная птица за окном, выходящим в сад, заливалась так счастливо и беспечно, словно в мире больше не осталось ничего плохого.

ГЛАВА 19. Разиф Черный

— Да чтоб его шакалы сожрали! А душу демоны утащили в самую глубокую преисподнюю!

Обладай проклятья Халида свойством исполняться, Разифу Черному пришлось бы худо... В обычной темноте Зеринге видел неплохо, но мрак подземного коридора был густым, словно чернила. А предусмотрительно прихваченная лампа гасла каждые несколько мгновений, что Раэн объяснил чарами, наложенными на коридор.

— Сын шелудивого кобеля и безносой шлюхи, рожденный на помойке! Кому придет в голову жить под землей? — выдохнул Халид.

— Тому, кто ценит безопасность и одиночество, — пояснил Раэн, останавливаясь и терпеливо поджидая. — Разиф очень редко выходит наверх, и собеседники ему тоже не нужны. А тот, кто приходит по делу, готов пройти через что угодно, не только через этот коридор. Осторожно, яма!

— Угу... О, проклятье!

Раэн щелкнул пальцами. Маленький шарик света сорвался с его руки и повис в воздухе, озаряя темноту ровным сильным сиянием. Халид выбрался из глубокой трещины, в которую провалился по колено, и оттряхнул испачканные в глине штаны.

— Ты что, раньше не мог это сделать? — возмутился он, озираясь вокруг.

— А мне нравилось, как ты ругаешься, — ехидно ухмыльнулся Раэн. — К тому же не было необходимости. До этого места дорога почти ровная, а теперь пойдут сюрпризы вроде ям с жидким дерьмом и куч разложившихся крысиных трупов. Разиф так сбивает лишнюю спесь со своих гостей.

Он сделал замысловатый жест, и со штанов и сапог Халида исчезли малейшие следы грязи.

— Тогда он сумасшедший даже для колдуна. За тобой вроде такого не водится... — буркнул Зеринге.

— Я — сильный маг, — пожал плечами Раэн. — Поэтому слежу за тем, что происходит с моим рассудком. Безумие, оно как дикий конь, сможешь с ним совладать — обгонит породистого скакуна. Не удержишься — скинет.

— А потом еще и копытами...

— Точно. Случалось объезжать дичков?

— Чем только я ни занимался, — усмехнулся Халид, аккуратно огибая очередное препятствие — обещанную грудку сгнивших крысиных тушек. — Далеко еще?

— Уже пришли.

Чародей забарабанил кулаками в дверь, как-то незаметно вынырнувшую прямо перед ним. Потом несколько раз пнул ее. За дверью что-то лязгнуло, и в стене рядом открылось маленькое окошко.

— Господин Разиф сегодня никого не ждет, — сообщил скрипучий голос.

— Значит, обрадуется приятной неожиданности. Открывай!

Окошко снова лязгнуло, наглухо закрываясь. Раэн, пожав плечами, подошел к двери, коснулся ее ладонью, а потом сделал неуловимое движение кистью. Толстую доску железного дерева вынесло, будто тараном, она отлетела на пару шагов, едва не размазав сторбленную фигурку, метнувшуюся куда-то вбок.

— Вот что бывает, когда дверь открывается внутрь, — безмятежно сообщил чародей, переступая порог и жестом приглашая Халида. — Раз уж привратник исчез, придется самому вспомнить дорогу. Ну что ты, Зеринге?

Халид ошеломленно озирался вокруг. За дверью оказался совершенно другой мир, ничего общего не имевший с грязным вонючим подземельем, которое они преодолели.

Пол небольшой комнаты покрывал ковер с ворсом длиной в пол-ладони, нога утопала в нем по щиколотку, скрываясь в мягчайшей шерсти, как в траве. Стены обтягивала затканная золотом парча, на ней виднелись вышитые бисером и драгоценными камнями сказочные птицы. С потолка на золотых цепях свешивались хрустальные светильники, с пола навстречу им стремились изящные эмалированные вазы.

Комната сияла блеском драгоценностей, благоухала переливами сладких цветочных ароматов, завораживала игрой красок и форм. Даже дверь, с которой так бесцеремонно обошелся Раэн, изнутри была инкрустирована золотой филигранью с эмалевыми вставками и могла послужить украшением шахского дворца...

Постаравшись принять равнодушный вид, Халид прошел за Раэном через несколько комнат, наполненных еще большей, хотя это и казалось невозможным, роскошью. Представив, как унижительно он выглядел бы среди этого великолепия, перемазанный всякой дрянью из подземного коридора, он не без труда стряхнул восхищение. Раэн, напротив, морщился с несомненной брезгливостью.

— Похоже, я служу не тому волшебнику, — невинным тоном заметил Халид.

Раэн изумленно вздернул бровь, мгновение возмущенно взирал на него, потом негромко рассмеялся.

— Хочешь знать, почему я так не живу? Мне это не нужно.

— А иначе жил бы еще лучше? — съязвил Зеринге.

— Можешь не верить, но... да. Причем намного лучше. У Разифа отвратительный вкус.

— Зато он живет, как хочет.

— До поры, — бросил Раэн, пинком открывая очередную дверь, запертую на хлипкий засовчик, непонятно для чего приделанный вообще.

— Ну да... Все живое когда-нибудь... — пробормотал Халид себе под нос.

— Что?

— Стихи. Ир-Хазуф Сладкоголосый. «Все живое когда-нибудь встретит конец: смерть приходит и в хижину, и во дворец...

— Но всем золотом мира не купишь мгновенья, — подхватил Раэн, — если кончился срок, что отмерил Творец». Да, Разифу не вредно бы почитать рубаи ир-Хазуфа. Хотя он их, конечно же, читал, просто не верит в собственную смертность. Кажется, нам сюда.

Он решительно постучал в неприметную дверку, скромно притаившуюся в углу очередных ослепительных покоев и, не дождавшись ответа, снова пожал плечами.

— Что за хозяин заставляет гостя искать его по всему дому? Разиф, мне надоели твои пустые комнаты!

Дверь бесшумно отворилась, словно приглашая войти....

На первый взгляд, таинственный колдун весьма разочаровывал. Ничего особенного не было в этом упитанном лысоватом человеке с глазами-буравчиками и чуть кривоватыми желтыми зубами. Вот разве что кожа, гладкая, без морщин, пергаментной плотностью как-то странно не соответствовала всему остальному. Да еще заостренные бледные уши, придававшие Разифу Черному сходство с гигантской летучей мышью. Маг развалился в глубоком кресле, его пухлые ноги в расшитых золотом туфлях покоились на высоченной горе подушек. Пожалуй, Халида тоже стало раздражать чрезмерное количество золота, окружающее подземного чародея.

— Почтенные гости не врываются в дом, выбив дверь, — глуховатым голосом произнес колдун, искривив тонкие белесые губы.

На столике рядом с ним дымилась курительная палочка, испускавшая приторно сладкий аромат жасмина, и Халиду почему-то мгновенно захотелось выйти, хотя бы через грязь и вонь коридора, по которому они пришли.

Подумав, он сделал шаг назад и встал за спиной преспокойно усевшегося в свободное кресло Раэна, изображая охранника. На этих здоровяков, с настороженно важным видом торчащих возле хозяев, он вдоволь насмотрелся в прошлой жизни и знал, что любой бдительный джандар — существо почти бесполезное, как бы внушительно он ни выглядел. Уж если кого-то действительно хотят убить, то убьют, сколько бы вооруженных дармоедов за ним ни ходило. По крайней мере, Халиду присутствие охраны никогда не мешало, и осечка в работе случилась у него только раз, в «Черном льве» с насмешливым чужаком Разном.

— Если хозяин не умеет принять гостя как должно, позор ему, а не гостю, — невозмутимо парировал чародей, удобно вытягивая ноги. — Помнится, в прошлый раз ты не захлопывал двери у меня перед носом. Чего-то боишься, Черный?

— Не люблю назойливых просителей, — в тон ему отозвался колдун. — Чего мне бояться у себя дома? А ты, коли речь зашла о прошлом, тогда приходил без охраны. Завел джандара, красавчик Раэн? Уверен, что он тебя ночью не прирежет?

— Разве можно в этой жизни быть хоть в чем-то уверенным? — ответил Разн, расслабленно откидываясь на спинку кресла. — Но я не думаю, что Халид захочет повторить свою ошибку. Твоя сотня золотых ему дорого обошлась, Разиф.

— Неужто? — усмехнулся бледными губами хозяин дома. — Он ведь остался жив? Да еще и новую работу нашел? У цепного пса воли меньше, зато миска всегда полная. А, Зеринге?

Колдун уставился маленькими пронзительными глазками Халиду в лицо, и того бросило в озноб. Осел! Презирать наемную охрану и ничего не понять самому. Не сообразить, услышав гулкий хрипловатый голос, выговаривающий слова по-ушадски! И даже не заметить на пухлом пальце гладкое кольцо из тускло блестящего кровавика! Кольцо, которое колдун и не прятал, нежа холеную руку в пушистом покрывале. Баран... Халид бессильно уронил ладонь на рукоять сабли, до боли закусив губу...

— Ах да, я и забыл, — вежливо-скучающим тоном проговорил Разн. — Познакомься со своим нанимателем, Зеринге. У господина Разифа такой своеобразный способ звать в гости.

— Ты уверен, что это было приглашение? — оскалил в улыбке желтые зубы колдун.

— А что же еще?

Раэн изогнул словно нарисованную летящим взмахом кисти бровь и слегка улыбнулся. Халид вдруг понял, что прекрасно видит его отражение в блестящих, почти сливающихся с темной радужкой зрачках Разифа, словно у того в глазах было вставлено по зеркальцу.

— Зеринге, конечно, мастер своего дела, но я ему не по зубам. И мы оба знаем об этом, Черный. Ты послал Халида, показав ему пару примет, по которым я мог тебя узнать. Рассчитывал, что я их из него вытрясу и кинусь к тебе с понятным возмущением. А вот ир-Мансуру ты его выдал зря, Халид не собирался болтать.

— Кого волнует судьба неудачников? — снова оскалился Разиф, полагая, вероятно, что улыбается. — Разве что тебя, хранитель. Или я не оказал тебе услугу? Не отдай сотник этого болвана крысам, тебе пришлось бы чуть дольше искать себе живой щит. А твой ручной зверек знает, что заклятие не позволит ему пережить твою смерть?

Халид невольно вздрогнул.

— Такие пустяки мы еще не обсуждали, — весело проговорил Разн. — А ты уверен, что правильно определил условия?

— Ошибиться в таком пустяке позволительно ученику, — самодовольно усмехнулся Разиф. — Но не мне.

— Тем более странно, что такой опытный волшебник не смог поставить обычное Зеркало Всевидения, — ласково произнес Разн.

— О чем это ты? — безразлично поинтересовался колдун, кидая в рот леденец из серебряной коробочки.

— О заказе Ночной Семьи, конечно, — уточнил Разн. — О Зеркале Всевидения для Салмины. Согласись, весьма необычно, что ты вдруг не смог сделать фокус, который много лет отработывал, набивая карман. Я, разумеется, помню нашу первую встречу, но это же не тот случай?

— Ты забываешься, — прошипел Разиф, привстав из кресла и сжав его подлокотники пухлыми пальцами. — Ты в моем доме, полукровка! Я не позволю...

— Что такое, Черный? — изумился Разн, безмятежно закидывая руки за голову и устраиваясь поудобнее. — Неужели стыдишься собственного прошлого? Знаешь, как господин Разиф заработал на этот подземный дворец? — обратился он к Халиду. — Лет шесть-семь назад он приехал в Харузу с единственным, но хорошо отработанным трюком. Зеркало Всевидения позволяет проникнуть куда угодно, невзирая на пространство и время, и увидеть все, что захочешь. Почти все. Но ему этого хватало. Ревнивые мужья и жены... Соперники при дворе... Купцы, проверяющие друг друга... Родители, потерявшие детей... Представляешь, сколько стоят секреты? А грязные секреты стоят намного больше! На чужих постыдных тайнах Разиф сколотил такое состояние, что смог без помех совершенствоваться в колдовском искусстве...

— Замолчи!

— Ну, мы же тут все свои, — любезно успокоил его Разн. — Уж кого-кого, а меня трудно удивить человеческой подлостью. Думаю, и Халида тоже.

Он сладко потянулся всем телом под бешеным взглядом сверкающих, будто эмалевых глаз, и глубоко вздохнул. Халид, по-прежнему крепко, до судорог, стискивающий рукоять сабли, внезапно успокоился и, разжав пальцы, принялся разминать их левой рукой. А чародей, на краткий миг блеснувший чем-то в сцепленных за головой ладонях, непринужденно продолжил:

— Разиф, я пришел вовсе не для того, чтобы ворошить прошлое. Настоящее куда интереснее...

— Вот как?

Разиф, уже овладевший собой, тоже отпустил подлокотники, но Халид больше не обманывался на его счет. Существо, пару мгновений глядевшее на него из зеркальных глаз колдуна, определенно не было человеком.

— И что же тебя интересует, полукровка? Или теперь Семья сделала заказ тебе? Ты пришел от ночного шаха?

— Нет, — честно признался Разн, чуть-чуть меняя позу, но Халиду этого было достаточно. — А это важно?

— Пожалуй, не слишком, — медленно промолвил колдун. — Совершенно не важно...

Ослепительная молния ударила в кресло, где мгновение назад возлежал Разн. Резко завоняло паленой шерстью, и сухое дерево вспыхнуло, гигантским факелом взметнувшись между ир-Кайсахом и хозяином подземелья. Разн, возникший чуть сбоку, резко дернул Халида, заслонив его собой, и вскинул руки. Яркое серебряное сияние рванулось с них к Разифу, окутав его стремительно меняющую очертания фигуру.

— Дверь, Зеринге!

Халид, выхватив саблю, кинулся к двери и задвинул тяжеленный засов. Почти сразу последовал удар, от которого содрогнулась вся стена. Оглянувшись вокруг, он углядел тяжелую кушетку и несколькими рывками подтащил ее поближе к двери. С той стороны медленно и ритмично били чем-то вроде маленького тарана. Засов жалобно скрипнул, угрожая вылететь ко всем демонам Бездны. Потом снова и снова. Для очистки совести

Халид поднял столик, откинутый почтенными господами чародеями, и подпер дверь им тоже.

Кстати, о чародеях... Халид глянул в сторону ученого разговора.

Сияние, накинутае Разном на противника, искристым пологом обернуло фигуру, не имеющую ничего общего с человеческой. Больше всего бывший хозяин дворца напоминал гигантского нетопыря, в яростном бессилии мечущегося под ловчей сетью. Черные кожаные крылья, размахнувшиеся на полкомнаты, тщетно пытались попасть по гибкому и увертливому, как угорь, чародею, который предусмотрительно держался от них подальше. Зато Разн не только ухитрялся сдерживать чудовищное существо, но и метко швырял в него огненными шариками размером с вишню. Вспыхивая, те оставляли в крыльях нетопыря четкие, будто оплавленные дыры.

Резкий треск заставил Халида повернуться к двери. В образовавшуюся дыру просунулась огромная чешуйчатая лапа цвета болотной тины, стараясь отодвинуть препятствие. С ужасом подумав о ее хозяине, Халид изо всех сил рубанул по жесткой зеленой чешуе Ласточкой. Лыдисто-голубое лезвие почти наполовину прорубило жуткую лапищу, глухо чавкнув о кость. Из-за двери послышался утробный рев, достойный разъяренного быка, и лапа отдернулась, залив пол грязно-бурой жижей. А вместо нее уже тянулся целый пучок змеевидных щупальцев толщиной в мужское запястье каждое, на шаривая ножки стула...

Разн спокойно, как на тренировке, метал в неистово трепещущие полотнища крыльев сгустки огня, постепенно загоняя противника в угол. С искаженной болью и злобой морды, с оскаленных белоснежных клыков и острого, покрытого длинной шерстью подбородка летели капли слюны, прожигая в ковре дыры. С каждой новой раной чудовище слабело, двигаясь медленнее и беспорядочнее. Вскоре Разн смог освободить одну руку, чтобы сотворить магическую сеть и окончательно сковать монстра.

Между тем Халиду за его спиной приходилось туго. Сабля наемника сверкала голубой молнией, но в дыру, расширяя ее, протискивались все новые и новые щупальца. Они плотно заплетали пространство, норовя вырвать у Халида оружие. Дверь жалобно трещала под ударами чешуйчатой твари, но каким-то чудом еще держалась, делая честь мастеру, ее изготовившему. Ир-Кайсах тоже держался, хотя с немалым трудом.

Исхитрившись, Разн кинул полусплетенную сеть на бывшего колдуна и отпрыгнул в сторону от удара тяжелого длинного хвоста с подозрительно блестящим шипом на конце. Торопливо соткал чары оцепенения. Руки щипало от упруго бьющейся в них силы, что пульсировала в такт его собственному сердцу. Подавив желание поскорее освободиться от тугого сгустка, Разн как мог тщательно приготовился и окликнул Халида:

— Зеринге!

Ир-Кайсах, отчаянно работая саблей, не слышал. Разн шагнул вперед и, уже с трудом удерживая непокорную, рвущуюся с ладоней силу, рывкнул, задействовав связавшие их чары:

— Ложись!

Халид распластался на ковре, мгновенно повинувшись заклятью. Мощный импульс устремился с ладоней Разна, пробил дверь и тугой пружиной развернулся в соседней комнате, где сразу стало тихо. Спустя мгновение послышались тяжелые глухие шлепки о застеленный ковром пол. Сделав шаг, Разн помог встать шатающемуся от слабости, залитому бурой и зеленоватой жижей Халиду. Тяжело дыша, тот привалился к стене и посмотрел измученными глазами.

— Ты как?

— Начинаю... любить... гулей, — мрачно пошутил наемник.

— Не расслабляйся, — предупредил Разн. — То, что за дверью, всего лишь оцепенело. И лучше нам поторопиться. Передохни пока.

Останки кресла жарко догорали, почти не дымя. Халид сгреб со стола курительные

палочки и швырнул в огонь, затем устало присел на инкрустированную сандаловым деревом столешницу. Разн подошел к слабо шевелящемуся в углу подобию нетопыря и посмотрел в тускло тлеющие багровым угольки глаз.

— Неужели ты решил, что я суну нос в твою нору, не подумав о безопасности? Глупо, Разиф. Мог бы и дальше спокойно сидеть в своем подземелье. Я же не собирался тебя убивать. И сейчас не собираюсь. Если ответишь на пару вопросов...

Он дернулся, уклонившись от ядовитого плевка, покачал головой.

— Зря. У тебя есть серьезный для волшебника недостаток. Ты боишься, Разиф. Непозволительно сильно и слишком уж многого. В том числе боли и смерти. Поэтому ты ответишь на мои вопросы. Но если не придется пачкаться, оставлю тебя в живых. Ну, как?

Нетопырь задрожал и выгнулся, по мохнатому телу прокатились судороги, потом черты морды смазались, потекли. Отвратительное зрелище оскаленного рыла сменилось еще более мерзким: человеческая голова на непропорционально маленьком тельце извращенного создания. Разн одним плавным движением опустил на пол возле монстра, покачал головой.

— Что ты с собой сделал, Разиф. А ведь был талантлив, силен... Сам Кайрус Травник гордился успехами своего лучшего ученика, надеялся, что ты станешь его преемником. Ты разбил ему сердце, когда сбежал в Харузу.

— Откуда... — почти беззвучно прошептали бескровные губы.

— Откуда я знаю? Так ведь я вообще знаю достаточно много, пора бы тебе к этому привыкнуть, Черный. Это же одна из причин, по которым ты пытался меня убить, разве нет? Страх, Разиф! Тот самый, что заставил тебя изменять свое тело в отчаянных попытках добиться бессмертия. Безднадежных и бесплодных попытках.

Он говорил мягко и неторопливо, хоть и помнил о тех, чье время истекало за дверью. Но все-таки пытался достучаться до остатков человеческого в душе умирающего мага.

— Ты боялся. Мне ли не знать, что такое страх чародея и на что он способен. Ты решил сбежать от старости и смерти, а это дорогое удовольствие. Платить приходится не только золотом, но и собственной плотью, талантом, временем... Затем в уплату идет душа... И в конце концов ты смотришь в зеркало и видишь: у тебя не осталось ничего, что оправдало бы все эти потери, да и тебя самого, в общем-то, не осталось... Не потому ли в твоём дворце нет зеркал, Разиф? Золото, эмаль, парча, сандал, жемчуг... Но ни одного зеркала. Ты боялся взглянуть на себя и увидеть, во что ты превратился...

Голова колдуна задергалась, он приоткрыл глаза, и Халид содрогнулся, разглядев багровые щелочки зрачков. Разиф облизнул губы длинным узким языком, показав острые клыки. Так странно смешалось человеческое и звериное в этой твари, что Халид почувствовал щемящее сожаление пополам с ужасом.

— Что... тебе... нужно?

Теперь голос подземного колдуна звучал гораздо отчетливее, но лохмотья крыльев трепетали в такт прерывистому дыханию, короткая шерсть на шее и груди блестела, густо измазанная кровью.

— Ничего особенного, — спокойно сказал Разн. — Я хочу знать, что происходит в Салмине. Ты попусту растратил свой талант, но поставить Зеркало Всевидения — дело навыка. А уж этого у тебя хоть отбавляй. Можешь дурачить ночного шаха, Черный, но не меня. Ты поставил Зеркало и увидел нечто настолько интересное, что решил приберечь это для себя? Опасно играть с Семейей...

— С тем... что в Салмине... играть... опаснее...

— Что там, Разиф? — настойчиво добивался Разн. — Скажи, и я помогу тебе. Что ты узнал?

— То... что знал... Ушадец... — прохрипел колдун.

— Ушадский Звездочет? Спящая в камне? Во что ты влез, Черный? До чего докопался?

Подземный маг рассмеялся с откровенной издевкой, несмотря на нехорошее клокотанье в горле.

— Ты же... так много... знаешь... Попробуй узнать... это... Сильно удивишься...

Он приподнялся на том, что могло быть локтем, тяжело дыша, выплюнул комок слизи с кровью.

— Мальчишка... Бегаешь по дорогам... держишь баланс... И не видишь ничего... перед носом...

— Ладно. Я — мальчишка, — спокойно согласился Разн. — Но из нас двоих умрешь ты, премудрый, а не я. Если не передумаешь.

Халид насторожился. За дверью послышалось тихое поскуливание, затем утробное ворчание, какое могла бы издать ожившая рудниковая камнедробилка. Разну следовало поторопиться, но он и ухом не повел, хотя наверняка чуял происходящее куда лучше. Впрочем, Разиф тоже все расслышал и ехидно улыбнулся.

— Это... тебе... не гули... красавчик.

Разн внезапно рассмеялся.

— Ты меня еще полукровкой назови, и будет полный набор. Извини, Черный, но я вышел из того возраста, когда обижаются на детские дразнилки. Твои чудища не успеют. А потом я переверну здесь каждый камень вверх дном, распотрошу все тайники и, если понадобится, сам поставлю Зеркало Всевидения. Но ты этого уже не увидишь. Так что лучше отзови своих зверюшек и начинай петь соловьем. Сегодняшнюю партию ты проиграл.

Если он и притворялся уверенным, то делал это мастерски. Потянулись томительно долгие мгновения, рычание за дверью становилось все громче. Разиф снова облизнул губы влажным ремешком языка.

— Ты... поклянешься?

— Ну разумеется, — почти лениво отозвался Разн. — Клянусь, что не убью тебя и не прикажу этого Халиду, если ответишь на все мои вопросы. Достаточно?

Колдун все еще колебался. Но под мохнатым телом уже натекла изрядная лужица крови, почему-то не впитывающаяся в ковер.

— У тебя... неполный... текст. Ушадец... оставил... дополнение...

— Что в нем? — резко спросил Разн, его спина, хорошо видная наемнику сверху, закаменела.

— Кровь... Дауда... приведет... к Спящей... троих...

Подземный маг мучительно закашлялся, снова сплюнул густую кровь с черными прожилками и продолжил:

— Из трех... городов... пройдут... вратами... опасности... чтобы сковать... цепь... жертвы... и каждый... выберет... свою боль... сам...

Разиф замолчал, из уголка перекошенного рта медленно сползала черно-багровая струйка.

— И это все?

— Все...

— Ты уверен? — Голос Разна был мягким. Настолько мягким, что по телу Халида пробежал холодок. — А при чем тут Салмина?

— Над Салминой... колокол... Клянусь... это все... уходи...

— Я могу помочь, — предложил Раэн, поднимаясь и пристально смотря на колдуна. — Не так уж тяжело залечить твои раны, Черный.

— Убирайся...

— Как знаешь, — чародей пожал плечами. — Тогда прощай, Разиф!

Он повернулся и сделал шаг от распластавшегося на полу тела. Второй... третий...

Потом все случилось очень быстро. Молниеносным скольльзящим движением Раэн оказался возле Халида, снова прикрывая его от колдуна, и развернулся. Как во сне Зеринге видел шевелящиеся губы Разифа.

Раэн резко выбросил вперед руку, словно отодвигая что-то, и Халиду показалось, что он увидел серебристую пленку, отгородившую их от Черного полупрозрачным щитом. В следующее мгновение она пропала, и Раэн плавно опустил раскрытую ладонь. А Разиф закричал. Всего один-единственный раз, но этот крик длился, и длился, и длился...

Хозяина подземелья окутало пронзительно-алое пламя. Лохмотья крыльев горели, как высушенная добела солома, Разиф Черный корчился и бился в огне, жутким факелом озаряя комнату.

Сколько это продолжалось, Халид не мог бы сказать, но в конце концов пламя погасло. И обугленная черно-серая масса на ошметках ковра ничем не напоминала человека или хотя бы существо, в которое превратился Разиф. Только эта куча грязного пепла да еще отвратительный резкий запах напоминали о случившемся... Страшный удар, от которого чудом не вылетела дверь, сотряс всю стену.

— Вот теперь нам и вправду нечего здесь делать, — преспокойно сообщил Раэн, подходя к останкам. — Снова все зря. Это была твоя последняя ошибка, Черный. И, к сожалению, непоправимая. Пойдем, Зеринге.

Халид в полном недоумении воззрился на хранителя, только что самым возмутительным и предательским способом наплевавшего на данную клятву.

— Да не нарушал я слово, — рассеянно проговорил тот, опять легко читая мысли, словно они были написаны у Халида на лице. — Это тоже своего рода зеркало, называется Щит Справедливости. Против Разифа обернулось то, чем он запустил в нас, только и всего. Он сам себя убил. Клятва не нарушена.

— Понятно, — медленно произнес Халид, в самом деле осознавая. — А ты разве не знал, что так случится?

— Конечно, знал. Но у Разифа был выбор. Он мог отпустить нас и остаться в живых. Если уж на то пошло, он мог просто не ввязываться в это дело.

— Может, ему и материнскую утробу покидать не следовало?

— А это мысль, — так же отстраненно произнес Раэн, вынимая из кармана уже виденный Халидом гром-камень. — Насколько бы меньше было хлопот... Встань у двери. Когда скажу, откроешь. И сразу закрывай.

Оставив расспросы на потом, Халид повиновался. По знаку Раэна он резко распахнул дверь и захлопнул ее за вылетевшим из руки Раэна шариком. За дверью грохнуло, и наступила полная тишина. Да, с гром-камнем не поспоришь.

— Я подумал, что стать обедом для тварей Разифа — это не то, о чем ты мечтаешь, — устало усмехнулся Раэн. — Да и мне что-то надоело работать.

Халид осторожно приоткрыл дверь, удивляясь, что она уцелела, выглянул и невольно отступил. Пол покрывало жуткое месиво из кусков окровавленной плоти, черных щупальцев и зеленой чешуйчатой кожи, роскошные гобелены были заляпаны слизью, кровью и чем-то вовсе непонятным, вместо сладких ароматов в воздухе стояла плотная тошнотворная вонь.

— Зато быстро и надежно, — извиняющимся голосом сказал Раэн. — Эти его чудища — просто магически измененная ящерица из джунглей Амароха и хищный океанский моллюск, которого он научил плавать в воздухе вместо воды. Ну, и подрастил, конечно. Ничего особенного, весьма примитивно. Хотя на гостей действовало, наверное. И от воров защищало...

— Почему ты сразу этого не сделал? — очень тихо спросил Халид, справившийся с тошнотой, только пройдя через пару ослепительно мрачных в своей безмолвной роскошной пустоте комнат и оставив позади удушливую вонь. — И зачем на кладбище мы дрались с гулями, если можно было вот так, запросто...

— Потому что иначе Разиф ничего бы мне не рассказал. Он должен был до последнего надеяться, что сможет меня убить, и болтать, дожидаясь подходящего момента. А поскольку врать мне бесполезно, ему пришлось говорить правду. Понимаешь, Халид... Если бы я уничтожил охрану Черного, как только она появилась, Разиф мог по-настоящему испугаться. Маги живучи, но только тогда, когда они сами этого хотят. Мне, например, хватило бы полминуты, чтобы умереть в случае необходимости. А Разиф мог справиться и быстрее, забрав свои тайны с собой. Да я даже подумать не мог, что он сделает мне такой подарок, считая, что закидывает приманку! Ну а на кладбище...

Раэн пожал плечами.

— Я хотел посмотреть, чего ты стоишь в драке.

— Посмотрел? — зло спросил Халид. — Понравилось?

— Да, понравилось, — спокойно отозвался маг. — И тогда, и сейчас. А гром-камешки слишком дороги, чтобы тратить их на гулей. Притом они работают только вблизи. Там они бы нам негодились. Разве что на самый крайний случай. Но у меня было всего два гром-камешка. И один я потратил в норе.

Тяжеленная дверь с лязгом захлопнулась за их спинами. Щелкнув пальцами, Раэн вызвал шарик света, и на обратном пути молчащий Халид ни разу не споткнулся. Вылезая из подвала заброшенного маленького храма на окраине Харузы, он покосился на Раэна.

— Интересно, что скажет Ночная Семья?

— А с чего ты решил, что я буду объясняться? — удивился Раэн, тщательно отряхиваясь от подземной пыли. — Но если они вежливо спросят... — Халид вспомнил приход ир-Базуфи и даже не усомнился, что чародея спросят очень вежливо. — Я отвечу правду. Что Разиф Черный вел свою игру и утаил то, что увидел в Зеркале Всевидения. Он ведь на самом деле не сказал о колоколе на Салминой. Колокол — это очень серьезно, хотя совершенно непонятно. А поскольку у Семьи есть свои способы проверить мои слова, вряд ли они будут долго сожалеть о его смерти. И вообще, это было наше с ним дело.

— Тоже верно. Кстати, ты был прав. Есть существа и похуже гулей.

— Иногда мне так хотелось бы ошибаться, — утомленно вздохнул Раэн, взмахом руки подзывая наемный паланкин с четырьмя носильщиками, только что вышедший на улицы утренней Харузы. — Надеюсь, это не ко мне относится?

— Пока еще нет, — усмехнулся Халид. — Но теперь я поостерегусь ловить тебя на слове.

— И правильно сделаешь, — подхватил чародей. — Эй, к «Черному льву», на улицу Рассвета! Я бы сейчас теленка съел, — сообщил он, откидываясь на подушки. — Раз уж скоро уезжать из Харузы, можем закатить прощальный пир.

Он полуприкрыл глаза, лениво разглядывая из-под ресниц качающуюся улицу и поток прохожих. Халид представил, как они выглядят со стороны: молодой высокородженный в сопровождении охранника возвращается то ли с затянувшейся пирушки, то ли со свидания.

На белоснежной рубашке Разна, успевшего почиститься еще в подземелье, не было ни пятнышка, драгоценный чинский шелк разве что слегка помялся. И сам чародей казался совершенно спокойным и расслабленным, совсем как в день их встречи, когда Халид

попался на эту безмятежность, как на приманку. «Похоже, неприятности еще далеко не кончились», — подумал он, глядя на Разна.

ГЛАВА 20. Вечерний час — прощальный час

Закат пах жасмином. В Харузе выращивали десятка полтора его сортов, ухитряясь растянуть цветение с весны до осени, и если Тарисса пахла морем, Аккам — ладаном, вином и розовым маслом, а Иллай — степью, то Харуза, стоило закрыть глаза, благоухала жасмином почти весь год. Справедливости ради следовало отметить, что добавлялись и другие нотки: полыни, мускуса, жареного лука и толченого чеснока, перченого мяса и смачной коровьей лепешки, оставленной проходившим мимо стадом, но запах жасмина властвовал над этим всем. Раэн вдруг обнаружил, что сладкая духота, прежде оставлявшая его равнодушным, теперь не на шутку раздражает. Дело, конечно, было совсем не в жасмине. Он потер пальцами виски, в очередной раз перечитывая несколько слов на листке бумаги, и устало вздохнул.

Ир-Кайсах, второй час терпеливо играющий сам с собой в нарды, с интересом покосился на мага, ответившего ему мрачным взглядом. Пожав плечами, наемник в очередной раз бросил кости, следя за ними пристально, словно на кону стояла шахская корона. В свисающую с подлокотника руку Раэна ткнулся холодный мокрый нос, и маг рассеянно погладил все еще короткую, но густую и блестящую шерсть.

— Есть хочешь? — осведомился он. Влажный нос еще энергичнее потыкался в ладонь. — Халид, у нас еще мясо осталось?

— Куда в него столько влезает? — удивился наемник. — Ведь с утра сожрал половину бараньей ноги!

— А тебе жалко? — сварливо поинтересовался Раэн, поднимаясь и выходя на кухню.

Пес обрадованно затрусил следом, звонко цокая когтями по полу.

— Да пусть лопают на здоровье, — хмыкнул Халид. — То-то радости мяснику. Свари и кофе заодно, что ли!

— Может, мне еще и булочек свежих испечь?

Раэн щелкнул пальцами, призывая медную банку с кофе, и та сорвалась с места, задев жалобно звякнувший стеклянный флакон с перцем.

— Неплохо бы, — хладнокровно отозвался наемник, появляясь на кухне. — Но так уж и быть, можешь на рынок за ними сбежать. Что случилось, не хочешь рассказать?

— Ничего, — буркнул Раэн. — Не люблю чувствовать себя безмозглым ослом. Я целый год бегал по всему шахству от Северных гор до Великого Моря, а этот нетопырь сидел под Харузой и втихомолку потешался. Ну как я мог забыть, что Разиф тоже родом из Ушада, как и Звездочет. Болван самонадеянный!

— Тебе виднее, — кротко заметил Халид. — Не смею спорить с почтенным господином чародеем...

Не выдержав, Раэн громко фыркнул. В кухне вкусно запахло свежемолотым кофе и горячими лепешками с тмином, которые сунул на огонь наемник. Пес неторопливо и обстоятельно расправлялся с остатками бараньей ноги, и можно было не сомневаться, что вскоре от нее останутся разве что костяные щепочки. Опустившись на низкую скамейку, Раэн с наслаждением глотнул обжигающий напиток, а Халид, забрав свою чашку, пристроился на излюбленном подоконнике.

— Совсем ничего не получается? — сочувственно поинтересовался он.

— Как сказать, — вздохнул Раэн, ставя чашку на колени и потирая пальцами ноющие виски. — Я уже голову сломал, пытаюсь разобраться. «Из трех городов придут они вратами опасности, чтобы сковать цепь жертвы, и каждый выберет свою боль сам», — повторил он уже навязшую в зубах фразу. — Ну что он имел в виду, проклятый Ушадец? Если эти трое должны принести кого-то в жертву, то при чем тут их боль?

— А может, Разиф неправильно прочел? — предположил ир-Кайсах, впиваясь в лепешку великолепными белыми зубами. — Ты же сам говорил, что первая часть была написана

тайными знаками.

— Может быть, — вздохнул Раэн. — Но не думаю. У Разифа было предостаточно времени, а ума и терпения ему всегда хватало. Самое противное в пророчествах, когда понимаешь их смысл только после исполнения.

— С предсказаниями всегда так, — подтвердил Халид, запивая лепешку добрым глотком кофе. — Помню, одному парню в нашем племени нагадали, что его убьет верблюд. Он, конечно, и близко к этой скотине перестал подходить, а что толку: беднягу в пьяной драке прирезал заезжий купец. Оказалось, его с детства прозвали Верблюдом за привычку плевать.

— Весьма поучительно, — мрачно проговорил Раэн. — Ладно, допустим, что эти трое сами должны чем-то пожертвовать, тогда появляется хоть какой-то смысл. Не в пророчестве даже дело, Зеринге. Очень все это не вовремя. Теперь вот ниточка ведет в Салмину, а мне обязательно нужно быть в другом месте. Позарез нужно.

— И... что? — осторожно поинтересовался ир-Кайсах.

— То самое, — подтвердил Раэн. — В Салмину придется ехать тебе. А я прогуляюсь в другое место, где меня ждут не дождутся. Только они об этом еще не знают.

Халид равнодушно пожал плечами.

— В Салмину так в Салмину. Там ведь пропадают люди из Гильдии, значит, мне ничто не грозит.

— Я тоже на это надеюсь, — очень серьезно произнес Раэн. — И постараюсь тебя догнать, как только смогу. Тем более что ты отправишься не прямо туда. Пойдем-ка...

Прихватив кофе, он вернулся в комнату и достал из сундука кусок холста с искусно нарисованной цветной тушью картой континента. Расстелив ее на столе, указал подошедшему Халиду на жирную черную точку. — Вот Харуза. А это Салмина. По прямой да на хорошем коне две недели пути. Но сначала ты заедешь в Аккам... — Палец уперся в третью точку в стороне от первых двух. — И передашь мое письмо Верховному предстоятелю главного храма Света.

— Так меня и пустят к самому верховному, — с сомнением проговорил Халид, внимательно разглядывая карту.

— С моим письмом? — улыбнулся Раэн. — Даже не сомневайся, пустят. Хазрет ир-Шамси захочет узнать все, что случилось. Расскажи ему с самого начала: о сотнике ир-Мансуре, о гулях, о Разифе Черном и просьбе Гильдии. Этому человеку можно рассказать вообще все, что угодно. Сам увидишь. А потом езжай в Салмину. Спокойно, не торопясь. Я напишу Хазрету, чтобы пристроил тебя в караван паломников. Доберешься, сними жилье и сиди тихо-тихо. Уши и глаза держи открытыми, но нарочно не высовывайся, не пытайся ничего разузнавать. Просто сиди и жди меня. А если почувствуешь что-то неладное, все равно, что: слежку, странность любую, хоть косой взгляд, — немедленно бросай все и беги из города. Опрометью беги, как в жизни еще не бегал. Вернешься в Аккам и придешь к ир-Шамси, он обо всем позаботится.

Бывший убийца скептически поднял брови.

— Думаешь, там действительно завелось чудовище?

— Понятия не имею, — признался Раэн. — Но ты не рискуй. Разиф сказал, что над Салминой колокол, а это великая редкость. Чтобы поставить защитный колокол над целым городом, нужно быть невероятной силы волшебником. Или демоном. Есть, правда, и другие возможности, но они тоже... не радуют. Что-то весьма мерзкое происходит в Салмине, за это я могу поручиться. Изучи хорошенько карту, чтобы знал окрестности как свой карман. Там, в изголовье, сверток бумаг от Гильдии. Прочти, может, что и пригодится. А я через пару дней отведу пса той, кому он предназначался, и отправлюсь вот сюда.

Он ткнул в зеленое пятнышко, расположенное достаточно далеко от линии дороги, соединяющей столицу и Салмину. На самой границе Гюльнарид и Степи, окруженная,

если верить карте, цепью холмов, уютно расположилась небольшая долина.

— Нисталь? — непритворно поразился наемник. — Да это же глушь несусветная! Что может случиться в таком забытом богами углу?

— Если бы я знал, — усмехнулся Разн. — А то ведь и понятия не имею. Равновесие не выражается определенно, оно лишь отправляет зов, а я уж сам должен распознать его и следовать по указанному пути. Придется, как выражался покойный Разиф, побегать по дорогам. Ничего, в Иллае я уже бывал, так что могу добраться туда по темной стороне мира. А там куплю лошадку и прибуду в долину скромным лекарем. Дело к осени, пора собирать некоторые корни. Да и горная смола в тех холмах вроде бы встречается...

— Бродячий лекарь из тебя, как из меня танцовщица в Доме Удовольствий, — высказался Халид, смерив его насмешливым взглядом.

— Ну и плевать! Главное, чтобы сразу не выгнали. А потом, если и захотят, уже поздно будет, — парировал Разн.

Бережно сняв карту со стола, он свернул холст и убрал обратно в сундук, потом принес из лаборатории небольшую каменную бутылку с горлышком, плотно залитым потрескавшимся от времени сургучом, и не без труда вскрыл ее. По комнате поплыла волна густого тяжелого аромата. Не прибегая к обычным трюкам, Разн бережно разлил по серебряным чаркам почти черную маслянистую жидкость, текущую плавно, будто нехотя. Халид с явной опаской взял в руки свою долю.

— Это что, вино?

— Когда-то им было. Смотри, Зеринге, вот во что превращается превосходное аккамское, если его несколько сотен лет выдерживать в закупоренной бутылке.

— Несколько сотен? — восхитился наемник, глядя на чашку с благоговейным ужасом.

— Этому больше четырехсот, — подтвердил Разн, нежа в ладонях чеканное серебро. — Подарок предстоятеля Хазрета. Редко где найдешь не только такое сокровище, но и человека, готового с ним расстаться от чистого сердца. Четыреста лет в подвалах Храма Света... Это и вправду не просто вино. В нем дремлет само время.

— Такое без особого случая не пьют...

Разн промолчал, не отрывая взгляда от непрозрачной, словно покрытой пленкой поверхности вина. «Вечерний час — поминальный час», — вспомнилась ему старая поговорка. В комнате совершенно стемнело, и тяжелый сладкий запах аккамского смешался с душистым благовонием последнего летнего жасмина.

— Разн... Он убил бы тебя. Да он уже почти сделал это.

Для того, кто изо всех сил отбивается от способностей Тени, ир-Кайсах на диво чутко ощущал чужое настроение.

— Знаю, — поморщился Разн. — Потому и гадко. Мне ведь известно, каким Разиф был в молодости. Умным, талантливым волшебником, способным на многое. Как он мог так обойтись с собственной жизнью?! Превратиться в мерзкую тварь, чтобы избежать старости и смерти...

— И что, действительно помогает?

— Помогает, — отозвался Разн, уставившись в чашку. — Это существо называется некрул, и превращение в него запускает некоторые процессы... — Он поднял голову, наткнулся на непонимающий взгляд Халида и объяснил: — Сначала каждые несколько часов, проведенные в облике некрула, дают оборотню волшебную силу. Много силы. Потом время сокращается, превращаться приходится все чаще и чаще. Зато можно использовать чужую магическую силу, украденную или отнятую. Если бы Разиф, обернувшись некрулом, провел определенный ритуал и выпил мою кровь, ему бы надолго хватило... А быть зверем куда слаще, чем человеком...

— То есть он хотел тебя убить, чтобы попросту ограбить? — непритворно поразился ир-

Кайсах. — Забрать жизнь и магию через кровь? Я-то думал: колдуны — особая порода, а хваленый Разиф Черный оказался ничуть не умнее, чем курильщик дурмана из дешевого притона.

Раэн пожал плечами.

— Сила не делает человека мудрее. Иногда даже наоборот. Волшебнику легче попасть в ловушку порочных удовольствий, у него для этого больше возможностей, чем у обычного человека. Просто неразумные маги подолгу не живут. А Разиф собирался жить вечно, что само по себе страшная глупость, по-моему. Только вот способ выбрал крайне неудачный. Забавно. Вряд ли Черный думал, что поминать его будет его же убийца. Так или иначе, мир праху Разифа Черного...

— Мир ему...

Они молча, неторопливо выпили густое, бархатно скользнувшее в горло вино. На сад за окном опустилось темно-синее покрывало безлунной ночи, а к запаху жасмина добавилась струя губерозы и ночной фиалки.

— Что ж, свою смерть каждый сам выбирает, — нарушил молчание Халид. — Кстати, это правда, что мне тебя не пережить?

Голос у него был слишком беззаботный, чтобы поверить в подобное равнодушие. Раэн и не поверил, конечно, едва заметно усмехнувшись, однако честный ответ ир-Кайсах заслужил.

— Вспомнил слова Разифа? Чары-то на тебе он определил правильно, а вот в тонкостях слегка ошибся. Не бойся, Зеринге, переживешь. Я не настолько себялюбив, чтобы тянуть за собой в могилу кого-то еще. Предпочитаю отправиться в Бездну без провожатых, разве что из врагов кого-нибудь стоит прихватить. Веришь?

— Как ни странно — да, — улыбнулся краешками губ в ответ наемник. — Это на тебя похоже.

— То есть глупость вполне в моем духе? — ехидно уточнил Раэн. — Можешь не отвечать, а то придется вспомнить, как должен вести себя настоящий маг, и превратить тебя в лягушку на пару дней.

Он допил вино и задумчиво посмотрел на бутылку, продолжая вертеть в пальцах пустую чашку.

— Напиться, что ли? Учинить какое-нибудь безобразие, чтобы вся Харуза на уши встала... Давно я по-настоящему не развлекался. Запустить, например, в небо вторую луну. Или устроить дождь из рыбы. Что лучше?

— Лучше рыбный дождь, — невозмутимо посоветовал Халид. — Все бродячие коты обезумеют от счастья. Какой демон тебя дергает за душу, Раэн? Ты все эти дни сам не свой.

Маг закусил губу, потом глубоко вдохнул сладкую ночную свежесть и передернул плечами, будто сбрасывая с них что-то. Аккуратно поставил чеканную посудинку на стол рядом с собой и посмотрел мимо Халида в темную пустоту распахнутого окна. Наемник молча ждал, потягивая великолепное вино.

— Я боюсь, — произнес Раэн удивившим его самого бесцветным голосом. — Боюсь ошибиться. Не так страшно заплатить за ошибку самому, но тут речь идет о чужих жизнях. А эти люди даже не подозревают, что их судьба зависит от меня.

— Оно и к лучшему, что не подозревают, — заметил Халид. — Меньше знаешь — крепче спишь. Ты делаешь все, что можешь, а большего никто не сделает. Либо справишься, либо нет. Все в воле богов.

Он осекся, наткнувшись на взгляд Раэна.

— Воля богов? К демонам в преисподнюю эту волю! Ненавижу пророчества!

Раэн одним движением взлетел из кресла, мгновенно оказавшись на ногах. Потревоженный пес, уютно спавший под столом, приоткрыл один глаз, но сразу же успокоился и снова заснул.

— Мне даже имя дали не просто так, — выдохнул он. — «Арвейд» на языке моего народа означает «высокий путь, благородное предназначение». Когда у моего отца было еще только три сына, ему предсказали, что четвертого, если только он родится, ожидает особая судьба. Этот сын пройдет через кровь родича и спасет целый мир ценой собственной жизни. Я — высокорожденный, Зеринге. Нет в землях моего отца более древней крови, чем наша. С детства мне внушали, что я отвечаю за других, что моя жизнь принадлежит роду и стране, что я вправе настолько требовать повиновения, насколько сам готов жертвовать собой. Но я же не отказываюсь! Если моя жизнь понадобится, чтобы спасти мир, я ее отдам. Без всякого пророчества! Но каково жить, зная, что не волен выбирать? Зная, что и на свет появился лишь для того, чтобы в нужную минуту умереть, спасая других. Как талисман, который берегут на крайний случай...

Он резко отвернулся, пряча лицо, шагнул к окну и оперся ладонями на подоконник.

— Какой дурень сказал про это пророчество тебе? — поинтересовался наемник через пару минут.

Раэн немного помедлил, но отозвался спокойно и устало:

— Тот, кто его сделал. Я действительно убил родича, как и было предсказано, младшего брата моего отца. Должно быть, боги, которые свели нас в поединке, неплохо развлеклись. А я решил заплатить жизнью за то, что считал своей виной, и Мерль рассказал мне все.

— Мог бы и помолчать о второй части...

— Не мог. Я достаточно знаю о предсказаниях и спросил его правильно. Он никогда не ошибается и никогда не лжет. Он сказал, что умер бы вместо меня, и я знаю, что это правда.

— Потому что он никогда не лжет?

— Потому что он — мой старший брат, — выдохнул Раэн. — Мерлейн берег меня от знания до последнего мига, пока еще было можно, однако лгать он не умеет. Вот почему я ненавижу предсказания судьбы. Нет ничего подлее обреченности.

Ир-Кайсах, зажав пустую пиалу между коленями, дотянулся до бутылки, разлил остаток вина и поставил чашку Раэна на подоконник рядом с его побелевшими пальцами.

— Зато, пока миру ничего не грозит, и ты можешь ничего не бояться.

— Или наоборот, — угрюмо отозвался Раэн, по-прежнему глядя в ночной сад. — Я бы неплохо одурачил богов с их пророчествами, доставшись на обед какой-нибудь твари. Что бы там ни говорил Мерлейн, а моя судьба — это моя судьба. И если я оплошаю, не отбив удар или положившись на гнилую веревку, даже богам может надоесть спасать мою шкуру.

— Тоже верно, — невозмутимо согласился наемник. — Тогда давай выпьем за крепкие веревки, на которых нас не повесят.

— Славное пожелание, — успокаиваясь, хмыкнул Раэн. — Очень предусмотрительное. Что ж, в одном ты точно прав: то, что смогу, я сделаю. И будь что будет. Удачи тебе в Салмине, Зеринге!

— Удачи тебе в Нистале, Раэн!

Чеканное серебро зазвенело, всколыхнув древнее вино. Заскулил во сне пес, вспоминая то ли ставшую далеким кошмаром помойку, то ли вовсе стершуюся из короткой собачьей памяти прежнюю жизнь...

— Госпожа Наргис! Госпожа Наргис! К вам гость! Ой, госпожа-а-а-а...

Лицо вбежавшей в комнату Мирны лучилось смехом. Остановившись у дивана, где Наргис читала, она поднесла к покрасневшимся от бега щекам ладони и попыталась принять серьезный вид, но куда там: веселье распирало Мирну изнутри, как молодое вино — тонкий кожаный сосуд.

— Гость?

Наргис отложила книгу, глянула на шальную девицу с удивлением. Мирне, конечно, только палец покажи — просмеется до вечера, но чтобы вот так?

— Да, госпожа! Гость! — закивала, улыбаясь во весь рот, Мирна. — И с подарком! Ой, госпожа, простите, он не велел говорить!

Так... Еще того интереснее. Наргис нахмурилась, собираясь одернуть нахальную девчонку, забывшую, кто ее хозяйка. И что это за гость, который распоряжается чужой служанкой?

Но Мирна глядела так лукаво и весело, так хихикала в рукав, которым, слегка опомнившись, прикрыла рот, что у Наргис язык не повернулся ее отчитать.

— Что же ты стоишь, зови гостя в дом, — сказала она, лишь слегка нахмурившись. — И скажи, пусть подадут угощение в Соловьиную комнату.

Кто пришел? И почему не назвался? Сердце тронула смутная еще тревога: хороших вестей Наргис не ждала, неоткуда ей их получать. Но Мирна явно что-то знает. Ничего, сейчас все выяснится...

— Нет, госпожа, — замотала головой нахальная девица и посмотрела умоляюще, словно кошка, выпрашивающая сливок. — Лучше бы вам этого гостя в дом не вести. Ну то есть не самого гостя, а... Госпожа, ради всех богов, окажите милость, выйдите в сад! А то мы здесь ковры чистить до Последнего дня года будем!

— Мирна! — рассердилась Наргис. — А ну хватит глупости плести! Что за гость? И почему я должна к нему выходить, да еще и в сад? Не много ли чести? Или ты совсем про приличия забыла?

— Простите, госпожа, — покаянно похлопала ресницами Мирна, ни на вот столечко не чувствуя себя виноватой — по бесстыжим глазам видно. — Это целитель давешний. Ну тот, который чужестранец! От дядюшки вашего, храни его боги...

— Целитель Раэн?

Наргис поднялась, сцепив руки перед собой, чтобы успокоиться. Сердце вдруг стукнуло громче, в щеки бросился жар. Да что же это такое! Словно она глупая девица вроде Мирны... Это всего лишь лекарь, пусть он и хорош собой. И сладкоречив, если вспомнить их прошлую встречу. Хоть и не так, как высокородные юноши Харузы, но что-то в дерзких его словах беспокоило Наргис, трогало душу...

— Хорошо, я выйду в сад, — сказала она, пряча растерянность за маской спокойной власти. — Если почтенный целитель того желает, грех не уважить просьбу дорогого гостя.

Она последовала за служанкой, торопливо кинувшейся выполнять распоряжение, но на пороге остановилась. Поднесла руку к заплетенным волосам: показалось, или из прически выбилось несколько прядей? Да и платье... Ох, какие глупости! Конечно же, с косой, уложенной вокруг головы, все хорошо, а платья из чинского шелка нежно-золотистого цвета не постыдилась бы шахская дочь. И с чего ей вообще вздумалось беспокоиться? Ради простого лекаря!

Она прошла длинными коридорами дома, невольно хмурясь на свое странное настроение. Вышла на террасу, спустилась по мраморным ступеням в сад. Почти сразу примчались две тетушки, как Наргис ласково звала своих бывших нянек, заохотали что-то о приличиях, бдительно поглядывая по сторонам. И они туда же! Да что неприличного может с ней случиться в собственном саду, где за каждым кустом то ли охранник, то ли служанка?

Дорожка словно сама стелилась под ноги, и старушки уже едва поспевали за Наргис. Ничего, чем быстрее она примет гостя, и тот уйдет, тем раньше в укрытом от мира доме ир-Даудов снова воцарится спокойствие... Что это?!

Высокую фигуру в светлой одежде она заметила издалека, благо перед прудом извилистая дорожка ненадолго выпрямлялась. Целитель стоял у куста красных роз, именно там, где они встретились впервые. А у его ног лежало что-то, с первого взгляда показавшееся кучей шерсти для прядения. Или огромным меховым покрывалом, почему-то скомканным. Или...

— Простите, моя госпожа, — развел руками Раэн, улыбаясь так же лукаво, как Мирна. — Видят боги, еще недавно этот зверь был чист, вычесан и имел вид, подобающий подарку. А теперь, клянусь, мне стыдно за него. И простите за ваши розы...

Наргис поднесла к губам руку, ошеломленно глядя на кучу когда-то белого, а теперь грязно-серого меха, длинного и спутанного. Куча поднялась, оказавшись ей почти по пояс, и с наслаждением встряхнулась. Во все стороны полетели песок и листья, а огромная собака склонила голову набок, зевнула и вывалила розовый влажный язык, умиленно глядя на Наргис.

— Не бойтесь, это он так улыбается, — поспешно сказал целитель.

— Я... не боюсь... — медленно проговорила Наргис, не отводя взгляда. — У нас были большие собаки... когда еще был жив отец. Это ведь мне? Вы привели его для меня?!

— Я всегда выполняю обещания, госпожа моя.

Раэн поклонился, а потом сделал шаг вперед, уронив руку на лобастую голову пса.

— Но теперь боюсь я, — покаянно вздохнул он. — Боюсь, что вы разгневаетесь. Не успел я отойти на несколько шагов, как этот дурень решил, что под вашими розами зарыт клад, не иначе. И вот — сами видите.

О да, Наргис видела. И перемазанную в земле счастливую морду, и яму под кустом, где и вправду можно было спрятать немалых размеров сундук, и лукавство, прячущееся где-то на самом дне нахального взгляда чужестранца. И надо было возмутиться, конечно, даже разгневаться... Что это за неприличный подарок? Разве такое преподносят в дар высокородной девушке? Это не цветы, не сладости, не редкая книга или вышитая на шелке картина... Это... Боги, это же настоящее чудо!

— Как его зовут? — спросила она тихо, пока добежавшие до них няньки причитали теперь уже над судьбой розового куста.

— Увы, не знаю, — так же виновато отозвался Раэн. — Как-то не смог подобрать. Может, Коврик? Или Землеройка?

— Нельзя оскорблять благородное животное такими именами! — возмутилась Наргис, протягивая руку и замороженно глядя, как пес важно подходит и кладет ей в ладонь большой мокрый нос. — Может быть, он Джандар? Шахзаде? Лев?

Но все это было не то, она и сама чувствовала. Пес, впрочем, стоял смирно, даже глаза прикрыл, только нос подрагивал, будто впитывая ее запах. Наргис, осмелев, запустила пальцы второй руки в серебристую шерсть на его шее, провела вниз по спине. Горячее сильное тело, мохнатое, такое... живое...

— Он любит пирожки, — очень серьезно сказал целитель. — И медовые булочки. Просто до неприличия. И может спать у вашей постели, если вы позволите. Только сначала хорошо бы загнать его в пруд и вымыть. Это несложно — купаться он тоже любит. Если у вас есть кошка, он ее не съест. И вообще никого не съест, если вы не прикажете. Но наступать ему на хвост я бы не советовал.

Пес умильно заглянул ей в глаза и завилял толстым мохнатым хвостом с настоящим серебряным опахалом на конце, и Наргис немедленно согласилась про себя, что наступать на такой хвост — преступление. Ох, не зря у Мирны были плохие предчувствия насчет ковров!

— Я назову его Барсом, — решила она, не в силах вытащить руки из мягкой густой шерсти. — Отец... — Голос предательски дрогнул, но она справилась и продолжила уже ровно: — Отец рассказывал нам в детстве, что высоко в горах живут барсы, грозные и красивые. И белые, как снежные шапки на скалах.

— Прекрасное имя, — мягко согласился целитель.

Наргис чуть прикусила нижнюю губу и повнимательнее глянула на Барса, льнущего к ее рукам. Надо бы велеть принести настоящий ошейник, но пока его найдут! А ей хотелось прямо сейчас показать всем, что это — ее собака!

Решительно щелкнув золотой пряжкой пояса, она сдернула его с талии, примерила. Барс охотно подставил могучую шею, и пояс обвил ее, застегнувшись на предпоследней дырочке. Свободный конец Наргис тщательно заправила, чтоб не болтался, и отступила, любуясь. Широкая плотная лента пояса, расшитого золотом, на солнце горела огнем, и вид у Барса сразу стал торжественный и нарядный, как подобает джандару из знатного дома.

— Ох, простите! — спохватилась она. — Что же мы стоим в саду, почтенный Раэн? Извольте пройти в дом, отведать скромное угощение.

— Пощадите, госпожа, — покачал чужестранец головой, улыбнувшись. — После вашего гостеприимства я выберусь из-за стола круглым, как рисовый колобок, а мне завтра в путь.

— Вы... уезжаете?

И снова она спросила глупость, он ведь сам сказал в прошлый раз, что вернется к дядюшке. Это хорошо, дядя уже немолод, и знающий лекарь будет ему полезен. Это правильно! Но...

— Пусть дорога приведет вас к исполнению всех желаний, почтенный Раэн, — сказала она так же негромко, и он опять поклонился.

— Не прикажет ли моя госпожа передать что-нибудь светлейшему наibu ир-Дауду?

Теперь настала очередь Наргис качать головой. Что она может написать дядюшке? Что измучена страхом и тоской? Что темный колдун, сын Лунного визиря, помогает ее тела и души? Что она молит о позволении приехать к дяде, а по сути — сбежать из Харузы? Может быть, ей даже поверят. Но тогда дядя встанет между ней и оскорбленным Джареддином ир-Джантари, а тот ясно дал понять, что не пощадит никого.

— А вашему брату, светлейшему Надиру?

Вот братец ей точно не защита и не помощь. Его бы самого кто-нибудь укрыл от бед, чтобы Надир мог спокойно писать стихи и изучать древние свитки. Наргис едва не рассмеялась, так нелепо было представить брата, сражающегося за нее с Джареддином. Нет, пусть Надир живет спокойно.

— Передайте им обоим от меня пожелания всех благ, почтенный Раэн, — уронила она наконец. — Да хранят их светлые боги.

— Простите за невежливость, госпожа моя, но что за печаль у вас на сердце? — помолчав, спросил целитель.

Золото солнечных лучей играло на его блестящих черных волосах, слегка выющихся и перехваченных на затылке лентой, чтобы не мешали. Светлым янтарем лилось на шелк рубашки и тонкое полотно штанов, играло на шитом бисером поясе. Красивый юноша, нарядный, совсем не похожий на лекаря. И смотрит на нее так горячо, что не ошибешься, уж взгляды мужчин Наргис научилась читать. И как давно в этих взглядах не было искреннего восхищения! Все прячется за страхом.

— Вы ошибаетесь, почтенный Раэн, — ответила она, и ложь слетела с губ чем-то холодным и скользким, как лягушки в сказке про жестокую красавицу-шахиню и ее бедную падчерицу. — Я тоскую в разлуке с дорогими мне людьми, но это пройдет.

Благодарю за подарок, он согреет мне сердце.

Она уронила руку на холку Барса и погладила густую шерсть.

— Госпожа, о чем бы ни была ваша тоска, — сказал лекарь, и Наргис поняла, что он ни на миг ей не поверил, — прошу, помните, что у вас есть верный друг. Так случилось, что я весьма сведущ в магии и других науках. Не считите за похвальбу, но мне многое подвластно, и я готов обратить эти силы на вашу защиту.

Защита? Не об этом ли она просила богов? Не это ли их ответ? Темноглазый чужестранец с голосом мягким, как шелк, и лицом, которому позавидуют многие девы. С холеными руками, едва ли знающими рукоять сабли и тетиву лука. С лукавой улыбкой и взглядом сладким, как виноградное варенье на меду. Это ее защита? Но он маг! И вдруг...

«Да, ты можешь мне помочь, — хотелось ей сказать, слова сами рвались с губ, и немалых усилий стоило запереть их в клетке учтивости ключом осторожности. — Увези меня! Спрячь от столичных сплетен и надменного мага, скрой от беды. И подари мне весь мир, который лежит за высокими стенами этого сада. Ах, если б я могла стать мужчиной! Я бы обрезала косы и всю свою красоту, от которой одни беды, отдала за ветер в лицо, холодную воду из родников и пламя костра на вечернем привале. Я бы... Но что толку просить тебя об этом, целитель? Я даже не могу искать у тебя защиты, потому что не хочу твоей смерти. Ты живой, веселый и добрый. Ты привел мне собаку... И спаси тебя боги от участи стать седьмым, кого погубит Черная Невеста, если даже после этого проклятие спадет».

— Нет, почтенный Разн, — сказала она голосом тусклым, как старая монета, потерянная и залежавшаяся в земле. — Поверьте, моя тоска лишь об умерших родителях, странствующем брате и обычных женских делах. Не смею отнимать этим ваше драгоценное время.

— Как скажете, светлейшая Наргис, — склонил он голову и тут же выпрямился. — Но если вдруг передумаете... шепните мое имя ветру, он отнесет мне ваш голос.

И улыбнулся. И она улыбнулась в ответ старательной заученной улыбкой высокородной девы, любезной и благовоспитанной. Ах, как красиво! Совсем как в старых сказках, где заточенная в башне шахская дочь посылает возлюбленному весточку с ветром, облаками и перелетными птицами. Сразу видно, что почтенный Разн должен подружиться с Надиром! Оба болтуны, а она-то почти поверила!

Барс, на холке которого она слишком сильно стиснула пальцы, недоуменно дернулся, потом решил, что это игра, легко вырвался и поскакал в кусты. Широкие лапищи легко сминали траву и цветы, будто пес собирался вытоптать весь сад, как и было обещано.

— Непременно шепну, — сказала Наргис, и целитель глянул с удивлением, но потом понял что-то по ее голосу и молча поклонился.

Позади шушукались няньки, обсуждая, что юная госпожа взяла слишком большую волю. Принимает мужчину, да еще такого, который ничего не знает о приличиях. И снова читала всю ночь, что там можно в этих книгах найти хорошего! И замуж бы ей надо, ох надо, да беда такая... А вот при прежнем господине да госпоже, пусть милостивы к ним будут боги в загробном мире, такого не было...

Скулы сводило, так хотелось закричать им, чтоб замолчали. Она все слышит! И каждое слово — ножом по сердцу. И вовсе она не врала этому странному чужестранцу, глядящему на нее с сочувствием! Вот вернется сейчас к себе в комнату, велит зажечь свечи, обнимет Барса и будет долго-долго плакать. По отцу и матушке, по Аледдину, по всей своей глупой и несчастной жизни. А потом, отплакавшись, подумает, что же ей делать с Джареддином. Не зря ведь говорят, что только из могилы нет выхода, а вслед за вечерним поминальным часом всегда приходит благой рассветный.

ГЛОССАРИЙ

Семья ир-Дауд и их близкие, домочадцы, слуги.

Бехрам ир-Дауд — глава рода ир-Дауд, Солнечный визирь при дворе шаха, умер от черной горячки.

Ансар ир-Дауд, его младший брат, бывший военачальник, а теперь наиб (наместник) области Гюльнарид.

Надир ир-Дауд, старший сын Бехрама, наследник рода ир-Дауд.

Наргис ир-Дауд, его сестра-близнец, прозванная Черной Невестой.

Арчил — младший сын Бехрама, умер от черной лихорадки вместе с родителями.

Хазрет ир-Нами — джандар (телохранитель и начальник охраны) наиба Ансара ир-Дауда.

Мирна и Иргана — служанки Наргис.

Амран ир-Галейзи — домашний волшебник ир-Даудов.

Маруди ир-Бехназ — джандар дома ир-Даудов.

Тарман, Шемси, Мариф, Хатур и Хамур — солдаты в отряде наиба.

Благодатнейший Кадир ир-Шамси — верховный жрец-предстоятель шахства, живе в Аккаме.

Жители и уроженцы Харузы.

Гюльбешекер ир-Фазули — содержательница купален.

Ир-Халиас — хозяин книжной лавки.

Лейлин и Сарина — сплетницы в бане.

Минри Горная Вишня — чинская фея, гадалка в Пестром Дворе Харузы.

Марей — фокусница, притворяющаяся мальчиком.

Имран — брат Марей.

Джеди — якобы сестра Марей, на самом деле — дочь гадалки Минри.

Серый Лис — чинский девятихвостый лис-оборотень, глава семьи оборотней в Харузе.

Рифас ир-Кадьян — горшечник с улицы Черных волов, человек Ночной семьи.

Нехмет ир-Базуфи — голос ночного шаха.

Марсуф — хозяин гостиницы «Черный лев».

Халид ир-Кайсах — наемный убийца по прозвищу Зеринге, подкидыш, выросший в пустынном племени кочевников.

Шадир-Ла — первая женщина Халида.

Аледдин ир-Джантари — первый жених Наргис, сын Лунного визиря и шахской сестры, жил в Харузе, сейчас управитель города Тарисса.

Джареддин ир-Джантари — его брат-близнец, придворный маг.

Шариф ир-Гамалейди — жених Наргис, растоптан собственным конем.

Имран ир-Альмах — жених Наргис, порезался ножом и умер от заражения крови.

Динар ир-Малис — жених Наргис, умер от укуса степной гадюки.

Кейрани ир-Маджар — жених Наргис, умер во сне от разрыва сердца.

Надир ир-Лейлах — жених Наргис, умер, подавившись вишневой косточкой.

Хатам ир-Мансур — капитан городской стражи Харузы.

Малхат Рыжий — мастер-оружейник.

Рудас ир-Хаби — покойный ювелир, лежащий на старом харузском кладбище.

Марут и Джани — герои легенды о верных влюбленных, жившие в Гюльнарид и погибшие из-за своей любви, по легенде на их могиле пробился источник, глоток воды из которого приносит испившему верную любовь.

Дариша-воитель — бог войны, покровитель всех, кто владеет оружием.

Города.

Харуза — столица шахства, Мать городов, Хозяйка тысячи дворцов и одного базара.

Джайпур —.

Коруна и Офира — славятся благовониями, товарами для красоты и тканями.

Аккам — храмовый город Света.

Тарисса — портовый город на пересечении караванных путей, Голубая Жемчужина.

Ушад — родина знаменитого предсказателя, известного как Ушадский Звездочет.

Аруса — в битве при ней шах лишился ноги по колено.

Иршаад — славится дорогим кофе изумительного вкуса.

Ханулия — славится виноградом.

Шайпур — остров, пиратское логово.

Гюльнара — главный город области Гюльнарид, славится гранатами и источником Марута и Джани.

Иллай — областной город неподалеку от Нисталья.

Салмина — храмовый город, посвященный богине Младшей Сестре.

Нисталь — долина на границе со Степью.

Термины.

Джандар — личный телохранитель, главный охранник или начальник охраны.

Наиб — наместник области.

Базаргин — управляющий базаром.

Зеринге — ядовитая змея-песчанка (вообще-то, существует настоящая змея под названием зеринге, и она не ядовита, но очень уж автору понравилось слово, и он оклеветал бедную невинную змейку)

Примечания

1

Джандар — личный телохранитель, главный охранник или начальник охраны

Наиб — наместник области, назначенный шахом